

С.Ю. Солодовников

КЛАССЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА
В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Минск
БНТУ
2014

УДК 330.101

Солодовников, С.Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С.Ю. Солодовников. – Минск : БНТУ, 2014. – 378 с. – ISBN 978-985-550-654-7.

В книге рассмотрено многообразие социально-классовых отношений. Сформирован категориальный аппарат, позволяющий охарактеризовать этот процесс в исторической динамике. Проанализированы все факторы, определяющие социально-классовую дифференциацию индустриального и постиндустриального обществ. Раскрыты особенности классовой борьбы в постиндустриальном обществе.

Издание рассчитано на ученых, преподавателей вузов, аспирантов, студентов. Окажется полезным для самой широкой читательской аудитории.

Табл. 1. Ил. 5. Библиогр. 193 назв.

Рекомендовано к изданию научно-техническим советом
Белорусского национального технического университета
(протокол № 5 от 06.06.2014 г.)

Рецензенты:

Тур А.Н., д-р экон. наук, профессор;

Клименко В.А., д-р социол. наук, канд. экон. наук, профессор;

Медведев В.Ф., чл.-кор. НАН Беларуси, д-р экон. наук, профессор;

Лемещенко П.С., д-р экон. наук, профессор

ISBN 978-985-550-654-7

© Солодовников С.Ю., 2014

© Белорусский национальный
технический университет, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
ЧАСТЬ 1. Методологические основы рассмотрения социально-экономических субъектов и отношений в контексте глобальных цивилизационных тенденций	13
Глава 1. Методологические особенности рассмотрения социальных и социально-экономических феноменов	14
Глава 2. Современные социально-экономические субъекты и их социально-значимые характеристики, адекватные социально-ориентированной экономике	31
Глава 3. Взаимообусловленность цивилизации, культуры, экономической системы общества и институциональных матриц	56
ЧАСТЬ 2. Политэкономическая парадигма социально-классовой дифференциации и классовой борьбы в индустриальном и постиндустриальном обществе	79
Глава 4. Понятие социально-классовой структуры общества	81
Глава 5. Эндогенные социально-экономические факторы, обеспечивающие существование и эволюцию социально-классовой структуры	116
5.1. Социально-экономические факторы, обеспечивающие существование и эволюцию социально-классовой структуры общества	116
5.2. Трудовые отношения как фактор, обуславливающий существование и эволюцию социально-классовой структуры общества	122
5.3. Отношения собственности как фактор, обуславливающий существование и эволюцию социально-классовой структуры общества	137
5.4. Отношения социально-экономического определения как фактор, обуславливающий существование и эволюцию социально-классовой структуры общества	158
5.5. Потребностные отношения и социально-экономические способности как факторы, обуславливающие существование и эволюцию социально-классовой структуры общества	168

5.6. Различные интересы субъектов как фактор, обуславливающий существование и эволюцию социально-классовой структуры общества	178
Глава 6. Экзогенные объектные социально-экономические факторы, обуславливающие существование и эволюцию социально-классовой структуры общества	194
6.1. Хоронический фактор существования и эволюции социально-классовой структуры общества	194
6.2. Демографический фактор существования и эволюции социально-классовой структуры общества	198
6.3. Технологический фактор существования и эволюции социально-классовой структуры общества	202
Глава 7. Экзогенные субъективные социально-экономические факторы, обуславливающие существование и эволюцию социально-классовой структуры общества	209
7.1. Изменение политической системы как фактор существования и эволюции социально-классовой структуры общества	209
7.2. Изменение моральных отношений как фактор существования и эволюции социально-классовой структуры общества	220
7.3. Социально-гносеологический фактор существования и эволюции социально-классовой структуры общества	227
Глава 8. Генезис и направления развития социально-классовых структур индустриального общества (на примере белорусского и российского обществ)	233
8.1. Генезис социально-классовой структуры Российской империи и СССР в период до 1991 года	233
8.2. Эволюция социально-классовой структуры Беларуси и России в 1991-2012 годах	264
ЧАСТЬ 3. Современный рынок, трансформация занятости и нелетальное разрушение субъектов как атрибуты постиндустриального общества	276
Глава 9. Рынок как социально-экономический инструмент	276
Глава 10. Перспективы развития занятости в Республике Беларусь в условиях модернизации экономики	290
Глава 11. Нелетального разрушения субъектов в ризоморфных социальных средах	302

ЧАСТЬ 4. Социальный капитал и социально-экономическая динамика в постиндустриальном обществе	309
Глава 12. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала	311
12.1. Общее представление о теории социального капитала	311
12.2. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала в условиях глобализации	317
Глава 13. Генезис, формирование и развитие социального капитала в Республике Беларусь	330
13.1. Генезис социального капитала белорусского общества	330
13.2. Формирование и функционирование социального капитала в Республике Беларусь	346
Глава 14. Оценка социального капитала современной Беларуси	356
Заключение	360
Список использованных источников	361
Приложения	374

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в мире произошли радикальные технологические изменения, по своему влиянию на эволюцию человечества сопоставимые только с неолитической революцией и с эпохой Великих географических открытий, происходящих на фоне промышленной революции в Европе, и приведших к созданию огромных колониальных империй. Глобальная социально-технологическая революция, свидетелями и участниками которой мы все являемся, по своему значению и последствиям затмевает те лежащие на поверхности проблемы и вызовы, с которыми столкнулось сегодня человечество, страны и народы.

Действительно в современном мире нарушено геополитическое равновесие, сформировался однополярный мир и усиливается борьбы за все виды ресурсов. Экономически развитые страны перешли к новому постиндустриальному обществу, в котором, что известно любому просвещенному читателю, значительно увеличивается доля сферы услуг, формируются «демократические институты западного общества» и т.д. и т.п. Европейские гуманисты конца XX и начала XXI века сформировали концепцию устойчивого развития, выработали и аргументировали необходимость по-новому смотреть на цели и критерии общественного прогресса. За последние десятилетия существенно изменилась структура и объемы международной торговли, радикально изменилась геополитическое значение стран БРИК... Но не это характеризует современную глобальную социально-технологическую революцию, а то, что впервые в человеческой истории созданные действительно всеохватывающие сети (на базе интернета) социального контроля и моделирования поведения больших масс людей. Впервые общественно-функциональные технологии становятся главным оружием в межгосударственной борьбе и межфирменной конкуренции, а также позволяют значительно влиять на формы протекания социально-экономических конфликтов. Эти технологии или, иначе говоря, информационное оружие как общественно-функциональная инновация представляет собой такой вид информационного оружия, который подвергает воздействию определенные группы социальных субъектов с целью навязывания им нужного манипулятора социально-экономического поведения.

На этом фоне в последние тридцать лет формируются новые псевдонаучные мифы. К числу последних, по нашему мнению, относится и обывательское суждение, что современное общество менее дифференцировано, чем, например, западноевропейские социумы в XIX веке, а также представление о том, что социальные классы – это «идеологизированная» категория, введенная К. Марксом. Преодоление названного социального мифа и разработка нового методологического подхода к исследованию социально-экономических конфликтов в постиндустриальном обществе являются одной из важных целей этой книги.

Предлагаемая работа должна способствовать дальнейшему прогрессу экономической теории и методологии, обращению к исследованию такой фундаментальной социально-экономической категории как социально-экономические конфликты в обществе. При этом предполагается, что дальнейший прогресс политэкономии (и, как результат, действительное возвращение ей роли методологической базы частных экономических дисциплин) возможен только при, во-первых, возвращении ей традиционного предмета изучения – отношения между социально-экономическими субъектами и, во-вторых, широкого привлечения к политэкономическим исследованиям достижения «сопредельных» наук: социальной философии, теории познания, универсальной истории, психологии, социологии и некоторых других.

Продолжая сказанное выше, хочется подчеркнуть, что политическая экономия – это социальная наука, изучающая отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни. Политэкономия исследует законы, управляющие развитием социально-экономических системы, а также рассматривает названные системы в различные исторические периоды и эпохи через призму субъектных (межклассовых) отношений.

В советской политической экономии человек, главный элемент экономических отношений, был «изгнан» из экономической науки.

В зарубежной экономической теории в рамках так называемого «мэйнстрима» также произошел отказ от изучения реальных экономических субъектов, на смену которым пришел «экономический человек». Широко распространенный псевдо-объективистский подход ограничивал поле исследований ученых-экономистов лишь отношениями людей, причем независимых от воли и сознания. Система понятий, категориальный аппарат экономической теории не улавливали субъектную социально-экономическую сущность экономических реалий. Сегодня не только дальнейший прогресс, но и само существование политэкономии немислимо без углубления политэкономического анализа социально-экономических взаимоотношений между различными социальными субъектами. Постиндустриальное общество является качественно новым состоянием в развитии человеческого общества, поэтому при исследовании его социально-экономической составляющей возникают дополнительные сложности (по сравнению с индустриальной и доиндустриальной стадиями), обусловленные, во-первых, коротким историческим периодом его существования и, во-вторых, высокой степенью идеологической заданности (в том числе апологетики «протестантского фундаментализма») в работах зарубежных исследователей, описывающих страны золотого миллиарда.

В современной экономической теории зачастую наблюдается парадоксальная ситуация, когда исследователи обосновывают и прогнозируют прямо противоположные траектории развития и социально-экономических изменений, т.е. когда представителя различных экономических специальностей и школ, на основании проводимого ими мониторинга национальных экономик зачастую получают прямо противоположные выводы. Преодолеть это возможно только, во-первых, путем усиления методологической (политэкономической) составляющей в исследованиях всех экономических специальностей и, во-вторых, в возвращении в экономическую теорию живого человека, со сложной системой мотиваций и социально-экономических интересов. В таком случае объектные и субъектные экономические отношения и структуры будут рассматриваться как взаимодополняющие.

При рассмотрении закономерностей социально-экономической дифференциации в постиндустриальном обществе необходимо учитывать важное наблюдение родоначальника постиндустриального

подхода Д. Белла, который отметил, что переход к постиндустриальной экономики не означает исчезновения аграрного и индустриального укладов, а сохранение последних, но уже не как доминирующих, а как периферийных. При этом постиндустриальный уклад становится доминирующим. В итоге усиливается сложность социально-экономических процессов.

В научной литературе отмечается, что методологические принципы концепции постиндустриализма были заложены К. Кларком и Ж. Фурастье в конце 1930-х – середине 1940-х годов. Согласно их взглядам, «в общественном производстве выделяется триада секторов (первичный – сельское хозяйство; вторичный – промышленность и третичный – сфера услуг). Переход от одного сектора к другому, по их мнению, осуществим благодаря, во-первых, экономическому развитию, приводящему к относительным изменениям в спросе на продукцию секторов, во-вторых, росту производительности, отражающемуся на относительном изменении спроса на трудовой ресурс в разных секторах. Со временем доминантным становится третичный сектор – как с точки зрения доли занятых в совокупной занятости, так и с позиции удельного веса продукции данного сектора в ВВП.»¹

В работах более поздних авторов акцент делается на качественной характеристике постиндустриального общества, что привело к возникновению таких понятий, как «информационное общество» (Ф. Махлуп)²; «общество знаний» (Н. Штер)³; «технотронное общество» (З. Бжезинский)⁴; «сетевое общество» (М. Кастелльс)⁵; «экологический постиндустриализм» (Т. Росзак)⁶. Поскольку концепция постиндустриального общества отличается глобальностью методологических принципов и масштабом охватываемых проблем, то она

¹ Вередюк О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества // Вестник СПбГУ. Сер 5. 2010. Вып. 4- С.36.

² Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton University Press, 1962.

³ The Knowledge Society / Ed. by G. Bohme & N. Stehr. D. Reidel Publishing Company, Holland, 1984

⁴ Brzezinski Z. Between Two Ages. New York, 1970.

⁵ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. London and Oxford: Blackwell Publisher, 1996

⁶ Roszak T. Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society, 1972.

не может быть однозначно отнесена ни к экономической, ни к социологической, ни к политической науке⁷.

Возникновение и развитие постиндустриального общества сопровождается, во-первых, изменением характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации, во-вторых, переходом роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг и, в-третьих, в значительном увеличении значения знаний для развития экономики.

Большое внимание современными учеными, сторонниками постиндустриального направления, начинает уделяться механизмам достижения постиндустриального общества. Как отмечает по этому поводу О.В. Вередюк: «В исследованиях постиндустриальных тенденций в целом можно обнаружить вектор на дробление и детализацию постиндустриальной проблематики. К ведущим отечественным (российским – С.С.) научным экспертам постиндустриализма можно отнести В. Л. Иноземцева, А. В. Бузгалина, А. И. Колганова, В. А. Медведева, Р. М. Нуреева. В их работах не только рассматриваются методология исследования постиндустриального общества, проблемы адаптации экономики России к новым условиям в целом, но и уделяется внимание проблематике отношений занятости. Среди отечественных (российских – С.С.) ученых, чьи исследования непосредственно касаются вопросов занятости и рынка труда, — Р. Л. Агабекян, В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников.»⁸

Возникновение новых и сохранение старых социально-экономических укладов в постиндустриальном обществе сопровождается значительным усложнением системы социально-экономических отношений. Таким образом, при изучении социально-экономических конфликтов в постиндустриальном обществе наряду с традиционными сложностями при исследовании социально-классовых структур индустриального и доиндустриального обществ возникают дополнительные проблемы, что связано, во-первых, с

⁷ Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М.: Academia —Наука, 1998. Вередюк О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества //Вестник СПбГУ. Сер 5. 2010. Вып. 4.

⁸ Вередюк О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества //Вестник СПбГУ. Сер 5. 2010. Вып. 4- С.37.

усложнением, по сравнению с индустриальным обществом, системы экономических отношений. Увеличивается количество периферийных социально-экономических укладов; ускоряется трансформация доминирующих укладов; усиливается профессионально-квалификационное расслоение общества; затрудняется перемена труда между различными квалификационно-профессиональными группами, между индивидами занятыми в информационной и традиционной экономиками и т.д.; во-вторых, с повышенной динамикой постиндустриальной экономической системы и ростом доли сектора услуг в создании и распределении общественного богатства; в-третьих, с тем, что сегодня создана самая совершенная в истории человечества система идеологического «зомбирования» (НЛП) населения в постиндустриальных и иных странах препятствующая осознанию большинством населения своих групповых интересов.

В 1960-90-х годах прошлого века в странах золотого миллиарда сформировался новый тип обывателя, обывателя сытого и самодовольного, который в период этих благодатных пятидесяти лет (европейского «золотого века»), когда финансовые и политические элиты капиталистических стран были вынуждены, борясь с социалистической идеей, делиться частью своих сверхприбылей со своими согражданами⁹... В результате новый европейский обыватель, вооруженный идеями протестантского фундаментализма и «общечеловеческими» ценностями, не заметил, что социальные лифты в ЕС давно перестали работать, а децильные коэффициенты достигли заоблачных высот, по сравнению с которыми имущественная дифференциация в Римской империи кажется образцом социальной справедливости. Децильный коэффициент в Великобритании сегодня равняется 100! Золотой век в Западной Европе закончился, закончился в ней и период латентных экономических конфликтов. По мере снижения европейской конкурентоспособности и усиления поляризации в странах ЕС будут усиливаться в них и между ними социально-экономические конфликты. Понять природу последних без обновления методологии политической экономии будет невозможно.

⁹ В качестве примера достаточно вспомнить события 1968 года во Франции и последовавшие за этим изменения в социальной политике этой страны.

Эта книга, посвященная классовой борьбе в постиндустриальном обществе, не могла бы состояться, если бы у меня не было возможности обсуждать ее положения с моими коллегами. Именно в процессе многолетней дискуссии, споров на эту тему возникла и окрепла сама идея этой книги, сформировалась ее концепция. Хочу выказать всем им свою искреннюю признательность. Особенно хочу поблагодарить двух крупных белорусских ученых, открытое общение с которыми, чьи не всегда лицеприятные, но всегда честные и доброжелательные оценки результатов моего научного труда, чья поддержка, позволили мне завершить работу над этой монографией: доктора экономических наук, профессора А.П. Морову и члена-корреспондента НАН Беларуси, доктора социологических наук, профессора А.Н. Данилова.

ЧАСТЬ 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАССМОТРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ И ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

В этой части монографического исследования определены методологические принципы исследования и базовые понятия: информация, цивилизация, культура, экономическая система общества, институциональные матрицы, субъекты, социально-экономические и экономические субъекты, социально-ориентированная экономика и другие. При этом следует подчеркнуть, что в рамках предложенного исследования автором не ставится задача дать всеобъемлющую характеристику существующих точек зрения по заявленным вопросам, поскольку ввиду огромного количества высказываемых сегодня в литературе мнений по этой тематике это просто не под силу не только одному ученому, но и целому научному коллективу. Вместе с тем, для того, чтобы предложенное исследование отвечало формальным и сущностным критериям, предъявляемым к современным политико-экономическим исследованиям, основная цель этой части монографии – дать четкое представление политэкономам и всем просвещенным читателям об авторской позиции по основным категориям и методологическим подходам, которые используются нами при анализе современных социально-экономических субъектов. При этом автор позволяет себе анализировать те или иные литературные источники, опираясь на свое представление о целесообразности и границах такого научного приема, исходя из заявленного в этой работе предмета исследования и своих научных интересов.

Глава 1. Методологические особенности рассмотрения социальных и социально-экономических феноменов

Сегодня стало очевидным, что уровень эффективности (оптимальности) функционирования любой системы зависит «от совершенства ее структуры и добротности составляющих ее деталей»¹⁰, иначе говоря, от устойчивых отношений, присутствующих в названной системе и от ее элементов и подсистем. Система по направленности своих действий может упрочивать свою жизненность, не изменять ее или уменьшать (вплоть до гибели). Однако в любом случае ее схема связи будет неизменной - это сбор информации, переработка информации и реагирование на нее определенным действием. Чем сложнее система, тем сложнее ее схема связи. «Чем большие расстояния охватывает система связи, - отмечается в литературе, - тем более совершенной она должна быть»¹¹. Соответственно энтропия должна быть меньшей. Так, например, наибольшая социальная энтропия наблюдалась на территории Европы (если рассматривать период после 40 000 лет до н.э.) в период обитания на ее территории неандертальцев (в отношениях между отдельными группами охотников и собирателей), а так же в отношениях между первыми общинами кроманьонцев. С возникновением первых социумов, включающих в себя достаточно большое количество индивидов и с развитием архаичных форм разделения труда, межгрупповая энтропия значительно снизилась.

Важнейшим атрибутом любой социальной системы выступают отношения. В трактовках современной русскоязычной философии отношение выступает категорией идентичной понятию взаимодействие. Под последним же традиционно понимается «философская категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним объектом другого. Взаимодействие - объективная и универсальная форма движения, развития, определяет существование и структурную ор-

¹⁰ Вишнеvский И. Л., Лашер А. Н., Салли И. В. Энтропия в природе и обществе. - М.: ВИНТИ, 1994. - С. 81.

¹¹ Вишнеvский И. Л., Лашер А. Н., Салли И. В. Энтропия в природе и обществе. - М.: ВИНТИ, 1994. - С. 81.

ганизацию любой материальной системы»¹². Взаимодействие «состоит, как отмечают И.Л. Вишневский, А. Н. Лашер и И. В. Салли в книге «Энтропия в природе и обществе», - из трех функций и определяется взаимодействием. Первая функция - получение информации, вторая - ее переработка, третья - команды. Любое действие предваряется сбором информации, а после анализа вырабатываются команды на противодействие или содействие»¹³. А. М. Хазен так же подчеркивая неизбежность промежуточных звеньев при получении и передачи информации в монографии «Принцип максимума производства энтропии движущая сила прогрессивной эволюции жизни и разума» пишет: «Жизнь и разум не используют в качестве основы непосредственный обмен информацией - обязателен предварительный процесс синтеза информации»¹⁴.

Именно взаимодействие выступает обязательной предпосылкой любого изменения в системах. Иначе говоря, лишь наличие отношений между социальными субъектами и (или) объектами позволяет им трансформироваться.

Важным атрибутом систем является их развитие. Развитие в сложных системах в научной гносеологии сегодня трактуется по-разному. Не имея возможности в рамках данного исследования подробно осветить данную проблему, кратко остановимся на спорах о сущностях развития и его критериях.

Можно выделить три основных подхода к определению сущности развития. Одни, как В. В. Орлов, Ф. Ф. Бяккерев, С. П. Дудель и Г. М. Штракс, считают, что развитие – это процесс, движение от низшего к высшему, от простого – к сложному¹⁵. Вторые, как П. А. Федченко, Е. Ф. Молевич, И. Я. Лойфман и А. Е. Фурман, считают,

¹² Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. Прохоров А. М. - М.: Советская энциклопедия, 1989. - 4-е изд. - С. 217.

¹³ Вишневский И. Л., Лашер А. Н., Салли И. В. Энтропия в природе и обществе. - М.: ВИНТИ, 1994. - С. 7.

¹⁴ Хаазен А. М. Принцип максимума производства энтропии и движущая сила прогрессивной эволюции жизни и разума. - М.: Русина, 1993. - С.1.

¹⁵ Орлов В. В. Человек, мир, мировоззрение. - М.: Молодая гвардия, 1985. – 220 с. Бяккерев Ф. Ф. Проблема самодвижения в материалистической диалектике. - Л.: Молодая гвардия, 1972. Дудель С. П., Штракс Г. М. Закон единства и борьбы противоположностей. - М.: Высшая школа, 1967. – 247 с.

что основной формой развития является круговорот¹⁶. Третьи, как С. Т. Молюхин, В. С. Тюхтин и Г. М. Елфимов, придерживаются точки зрения, что развитие – это процесс необратимых изменений¹⁷. Не вступая в дискуссию по данному вопросу, отметим, что исходя из задач заявленного нами исследования, будем в дальнейшем придерживаться представлений о развитии как процессе необратимых качественных изменений, причем последние могут проявляться в трех формах: прогресс, регресс и нейтральное (одноплоскостное) изменение.

Именно в смене состояний, преемственности, в тенденции развития усматривается целостность развития. «Тенденция, - указывает В. Н. Панибратов, - «прежде всего, выступает как момент (онтологически) или как характеристика (гносеологически) целостности, единства некоторого круга явлений или отдельной вещи в определенном отношении»¹⁸. М. С. Каган также связывает с тенденцией, направленностью развития, его целостность. «Мы начинаем рассматривать процесс как целое, - пишет этот автор, - и обнаруживаем при этом внутренние закономерности его протекания – принципы самодвижения системы, алгоритм ее саморазвития, что и позволяет говорить о целенаправленности процесса, о внутренней необходимости порождения одного его состояния другим»¹⁹.

Необходимо подчеркнуть, что целостность и направленность процесса развития органически взаимосвязаны. Направленность вытекает из тенденции, которая связана с закономерностями разви-

¹⁶ Федченко П. А. Борьба материализма против идеализма в учении о Вселенной. – Свердловск: Книжное издательство, 1961. – 92 с. Молевич Е. Ф. Круговорот и необратимость в мировом движении. - Саратов, 1976. Лойфман И. Я. Круговорот как форма саморазвития материи. – Философские науки. – 1969. - № 5. Фурман А. Е. О соотношении прогресса и регресса в природе. – Проблема развития в современном естествознании. - М., 1968.

¹⁷ Молюхин С. Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. - М., 1966. Тюхтин С. Т. Материалистическая диалектика и проблема направленности развития. – Вопросы философии. – 1981. - № 1. Елфимов Г.М. Возникновение нового. - М.: Мысль, 1983. – 188 с.

¹⁸ Панибратов В. Н. Категория «закон». Проблемы истории и объективно-диалектического содержания. - Л.: Наука, 1980. - С. 92-93.

¹⁹ Каган М. С. развитие системы и системность развития. – Материалистическая диалектика и системный подход. – Проблемы диалектики. - Л., 1982. - Вып. X. - С.59.

тия. Важный признак развития – необратимость²⁰. Полностью обратимые процессы не дают развития.

Целостность процесса развития противоречива, она включает взаимодействия разнонаправленных и противоположных тенденций, одна из которых, как правило, преобладает (в целом же направленность развития правомерно рассматривать как суммарный вектор взаимодействующих тенденций). Целостность выступает существенной характеристикой развития. Она проявляется как в самоорганизации процесса, так и в его самоуправлении, базирующемся на обратной связи. Прогресс и регресс в развитии неотделимы друг от друга.

Как известно, наиболее сложно процессы развития протекают в социальных системах, что затрудняет их научный анализ. По нашему мнению под социальной системой следует понимать сложноорганизованное, упорядоченное целое, включающее в себя отдельных индивидов и социальные общности, объединенные разнообразными связями и взаимоотношениями, специфически социальными по своей природе. Как и всякая система, социальная система образует новое качество, не сводимое к сумме качеств ее элементов. В наиболее широком смысле социальная система – это общественно-экономическая формация. В другом смысле это понятие означает ту или иную социальную общность. К наиболее развитому виду социальной системы относится организация, для которой характерны такие системообразующие качества, как цель, иерархия, управление. В меньшей степени эти признаки присутствуют в таких социальных системах как малая группа, поселение. Среди социальных систем различаются гомогенные (однородные), состоящие только из социальных элементов (например, многие малые группы), и гетерогенные (разнородные), в которые наряду с человеком, включены элементы иной природы: социотехнические (предприятие, город), экосоциальные (географический район) и другие. Важная особенность социальных систем – их максимальная сложность в сравнении с системами техническими и биологическими и т.д., поскольку их основной элемент (человек) обладает субъектностью и наибольшим диапазоном выбора поведения. Отсюда вытекают два

²⁰ Свидерский В. И. О некоторых особенностях развития // Вопросы философии. – 1985. - № 7.

следствия: значительная неопределенность функционирования социальной системы и наличие границ управляемости. Сложность выступает как объективно заложенная в объекте и как мера ее познания и контроля. Объективная сложность социальной системы пропорциональна множественности ее элементов, количеству уровней и подсистем, многообразию связей между ними, степени автономии ее частей. Познавательная и управленческая сложность относительна и может, например, понижаться при неизменной объективной сложности социальной системы. Существует ряд методов преодоления гносеологической сложности социальной системы: декомпозиция (разложение системы на ряд подсистем), агрегирование (соединение некоторого класса ее элементов, подсистем в более общую подсистему), моделирование и другие. Каждая конкретная социальная система органически связана с системой более широкого масштаба и с обществом в целом, как макросистемой, обуславливается ею, хотя и сохраняет относительную самостоятельность. Последняя обеспечивает огромное разнообразие систем в обществе, в том числе значительные различия между ними в рамках одного и того же типа систем. Поэтому, каждая система в чем-то уникальна. Одной из основных форм изменения социальной системы являются нововведения. Социальная система обладает значительной инерционностью, а поскольку новшества вызывают смещение равновесия в ней и непредвиденные последствия, то возникает феномен их «сопротивления» нововведениям (диссипативности), для преодоления которого требуются специальные методы активизации инновационных процессов в социальной системе.

Как известно, целью любой социальной (живой) системы является упрочение ее жизненности. Жизненность любой живой системы «можно определить, - пишет Н. В. Герасимов, - как ее атрибутивное свойство, состоящее во внутренней направленности на самосуществование, способности к нему и осуществлению его во всех возможных отношениях»²¹. «Качественные различия объектов жизненной деятельности приводят к тому, что с точки зрения субъекта они подразделяются на относительно позитивные, негативные и нейтральные. Первые сохраняют и увеличивают жизненность субъекта,

²¹ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Навука і тэхніка, 1991. - С. 294.

вторые уменьшают или уничтожают ее, третьи не имеют ни позитивного, ни негативного значения, их плюсы равны их минусам. В силу этого в интересах сохранения и умножения жизненности субъекта его принципиальные отношения к объектам подразделяются на отношения принятия позитивного, отрицания негативного и равнодушия к нейтральному»²². Жизненная ориентация социальных компонентов, «как субъектов системы состоит не только в том, чтобы сохранять и осуществлять исключительно свою ограниченно понимаемую жизненность, но и в том, чтобы поддерживать и воспроизводить жизненность позитивных объектов системы, ослаблять и прекращать жизненность негативных объектов системы, уклоняться от воспроизводства жизненности нейтральных объектов системы»²³.

Во второй половине прошлого века в науке произошла гносеологическая революция, связанная, прежде всего с именем И. Пригожина, который сумел, помимо всего прочего, поставить вопросы бытия и становления, свободы и необратимости, детерминизма и индетерминизма, хаоса и самоорганизации. Если до этого времени наука могла лишь объяснять тенденции деградации, обусловленные законом роста энтропии (вторым началом термодинамики), то с 50-х гг. XX века, «с развитием методов неравновесной термодинамики, теории информации, синергетики, - справедливо отмечал ведущий советский системолог Е.А. Седов, - начали выявляться механизмы взаимодействий, которые обуславливают саморганизацию различных по своей природе систем»²⁴.

И. Пригожин и И. Стенгерс в своей известной работе «Время, хаос, квант. К решению парадокса времени»²⁵ сделали архиважную, исходя из логики дальнейшего развития науки, попытку решить фундаментальные физические парадоксы: парадокс времени, квантовый и космологический парадоксы. Важным результатом расширения концептуальной схемы по оценке самих авторов стало более

²² Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Навука і тэхніка, 1991. - С. 305.

²³ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Навука і тэхніка, 1991. - С. 305.

²⁴ Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Ответственные науки и современность. - 1993. - №5. - С. 93.

²⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. - М.: Прогресс, 1994. - 266 с.

цельное представление о мире. «Элементы, включающие в себя хаос, стрелу времени и решение квантового парадокса, приводят нас к более единой концепции природы, в которой становление и «события» входят на всех уровнях описания... В традиционном понимании законы природы были законами, описывающими замкнутую детерминистическую Вселенную... детерминистические симметричные во времени законы соответствуют только весьма частным случаям»²⁶.

Как отмечает российский экономист Е.А. Егоров: «Очевидно, что система доказательств, приводимая Пригожиным и Стингерс, труднодоступна для неспециалистов в области теоретической физики и современной математики. Тем не менее, результаты их исследований, их выводы при определенных условиях могут быть использованы и в других областях»²⁷. Приведенная точка зрения подтверждается известным высказыванием Л. Вальраса, одного из основателей современной экономической науки: «Немногие из нас в состоянии прочесть «Математические принципы естественной философии» Ньютона или «Небесную механику» Лапласа; и, однако, мы все, полагаясь на мнение компетентных людей, принимаем то описание мира астрономических фактов, которое дано в соответствии с принципом всемирного тяготения. Почему же нельзя принять таким же образом описание мира экономических фактов в соответствии с принципом свободной конкуренции?»²⁸. В свое время А. Эйнштейн²⁹ показал, что понятие энтропии может быть распространено на любые системы из многих элементов, поэтому ограничений в случае применения понятия энтропии для описания самоорганизации социальных систем не должно возникать. Попытку преодолеть сложную проблему приложения результатов, полученных при решении физических парадоксов, к социальным системам предпринял в 70-х – 80-х гг. прошлого века Е.А. Седов, сумевший

²⁶ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. - М.: Прогресс, 1994. - С.10-11.

²⁷ Егоров И. А. Свобода, детерминизм и индетерминизм в свете идей И. Пригожина // Мировая экономика и международные отношения. - 1999. - №2. - С.105.

²⁸ L. Walras. *Eléments d'économie politique pure*. - Paris, 1952. - L.40.

²⁹ Эйнштейн А. Теория опалесценции в однородных жидкостях и жидких смесях вблизи критических состояний. // Эйнштейн А. Собрание научных трудов. - М.: Наука, 1966. - Т.3.

выявить информационно-энтропийные свойства социальных систем³⁰. Вместе с тем, до настоящего времени проблема самоорганизации социальных систем остается одной из самых неизученных в обществоведении.

На решение этой проблемы претендует сегодня синергетика, возникшая в 80-х гг. XX века, когда стала очевидна несостоятельность попыток кибернетики (традиционного системного подхода) описать процессы возникновения, развития и умирания в живых и неживых динамических системах. Синергетика сегодня – это междисциплинарное научное направление, целью которого было изучение универсальных, свойственных системам самой разной природы (в том числе социальным), закономерностей самоорганизации и спонтанного порядкаобразования. В.В. Василькова отмечает, что «исследуя «чудо возникновения порядка из хаоса», (у данного автора понятие «хаос» несет ту же смысловую нагрузку, что и категория «энтропия» - С. С.), ученые пришли к выводу, что хаос играет различную роль (как разрушительную, так и конструктивную) в организации порядка на разных этапах порядкаформирования»³¹. «При возникновении «структур порядка», хаос не исчезает, а присутствует в них необходимым для их существования и дальнейшего развития компонентом (такие структуры представляют собой синтез упорядоченности на макроуровне и разупорядоченности на микроуровне). Универсализация этих данных позволяет внести новые нюансы в философское осмысление порядка и хаоса, их взаимообусловленности и взаимодополняемости»³². Таким образом, синергетика представляет собой научное направление, изучающее процессы самоорганизации структур различной природы, и в этом своем качестве она инициирует изучение универсальных законов порядкаобразования, стремится структурировать научную среду, группируя вокруг себя предметные поля и методологические направления, так или иначе связанные с изучением проблем порядка и хаоса. Следует

³⁰ Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем. // Общественные науки и современность. - 1993. - №5. - С.92-100; Седов Е.А. Одна формула на весь мир. - М.: Знание, 1982. – 175 с.

³¹ Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – Спб.: Лань, 1999. – С. 5.

³² Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – Спб.: Лань, 1999. – С. 5-6.

согласиться с В.В. Васильковой, что у всех предшествующих синергетике научных школ «...безусловно, наблюдалось общее - они были заняты отыскиванием универсальных закономерностей возникновения порядка из хаоса, описанием причины и механизмов относительно устойчивого существования возникающих структур и их распада»³³.

До сих пор синергетические исследования в ряде случаев уязвимы с позиций классической организации науки, поскольку не выработан адекватный математический аппарат для описания сложных нелинейных процессов, обнаруживаются явления, не вписывающиеся в предлагаемую концепцию и т.д. Вместе с тем, продолжающийся рост концептуальных компонентов этой науки, ее успешные попытки расширить сам взгляд на научную рациональность притягивает к ней все новых и новых ученых.

В синергетике рождение структур связывается с открытостью, нелинейностью и неравновесностью систем. Под открытостью системы понимается ее способность обмениваться веществом (энергией и информацией) с окружающей средой, т.е. вступать в определенные связи. Именно «...от того, как далеко простираются связи живого с окружающей средой, - справедливо замечают И.Л. Вишневский, А.Н. Лашер и И.В. Салли, - определяется уровень и совершенство его развития»³⁴. Действительно, простые биологические системы (организмы) охватывают влиянием небольшие пространства вокруг себя. Более биологически развитые существа для расширения и сохранения своего влияния на большем пространстве, борьбы с социальным паразитизмом и поощрения социального альтруизма (как средства упрочения своей жизненности) объединяются в сообщества или группы (муравейники, стада, племена, государства и т.д.).

При этом названная система обязательно имеет зоны подпитки энергией окружающей среды, которые вызывают наращивание ее структурной неоднородности. В тоже время в системе непременно существуют зоны сброса энергии, которые ведут к сглаживанию в

³³ Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – Спб.: Лань, 1999. – С. 13.

³⁴ Вишневский И. Л., Лашер А. Н., Салли И. В. Энтропия в природе и обществе. - М., 1994. - С.97.

ней структурных неоднородностей. «Открытая система, - как справедливо отмечает В.В. Василькова, - способна (следуя принципу положительной обратной связи) усиливать внешние воздействия, находиться в постоянном изменении – флуктуации. Под флуктуациями понимаются случайные отклонения мгновенных значений величин от их средних значений (от состояния равновесия)»³⁵. Присутствие флуктуаций – это свидетельство хаоса в системе на микроуровне. Если флуктуации сильны, то возникает необратимость развития, которая ведет либо к перестройке прежней системы, либо к ее гибели. Этот переломный момент развития, когда будущее не определено, описывается понятием точки бифуркации (хотя, на наш взгляд, точнее было - «полифуркации»), под которыми традиционно понимаются «...точки «разветвления» возможных путей эволюции системы»³⁶. Область бифуркации характеризуется принципиальной непредсказуемостью, когда заранее неизвестно родится ли более упорядоченная структура или развитие системы станет более хаотическим. Результат названного процесса будет определяться усилением или ослаблением неоднородности в системе, что в свою очередь обуславливается соотношением в рассматриваемый момент зон подпитки (источников) и сброса (стоков) энергии. И. Пригожин и И. Стенгерс, характеризуя закономерности системной динамики, пишут: «Траектория, по которой эволюционирует система при изменении управляющего параметра, характеризуется чередованием устойчивых областей, где доминируют детерминистические законы, и неустойчивых областей вблизи точек бифуркации, где перед системой открывается возможность выбора одного или нескольких вариантов будущего»³⁷. Потенциальная возможность спонтанного возникновения упорядоченных структур из хаотических процессов – это важнейшая предпосылка для самоорганизации систем. В свою очередь, необходимо подчеркнуть, что возникновение структур всегда начинается с появления синергетического эффекта – коллективного хаотического движения элементов системы.

³⁵ Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – Спб.: Лань, 1999. – С. 19.

³⁶ Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – Спб.: Лань, 1999. – С. 19.

³⁷ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. - М.: Прогресс, 1986. - С.227-228.

В настоящее время системологи выделяют два типа структур: диссипативные и нестационарные. Под диссипативными структурами понимаются структуры, возникающие в результате самоорганизации, обусловленной преобладанием стоков, которые определяют действие диссипативного (рассеивающего) фактора. Последние структуры стремятся к стационарному состоянию. В качестве примера таких структур могут выступать структуры производства и распределения у древних ацтеков, в Хазарском каганате, в моноструктурных промышленных регионах посткоммунистических стран Восточной Европы, в СССР.

Диссипативные структуры, согласно синергетической парадигме, характеризуются следующими признаками: 1) они возникают при неравновесном состоянии системы как результат ее самоорганизации; 2) их возникновение вызвано случайной флуктуацией того или иного параметра развития системы; 3) они являются открытыми, т.е. формируются при обязательном постоянном энергообмене самоорганизующейся системы с внешней средой; 4) в основе их бытия лежит механизм обратных связей; 5) они реализуют кооперативные взаимодействия на микроуровне, от чего зависят микроскопические свойства этих структур, не редуцируемые вместе с тем к свойствам их элементов; 6) формирование диссипативных структур необратимо по отношению к течению времени³⁸.

Нестационарные структуры – это «локализованный в определенных участках среды процесс, имеющий определенную геометрическую форму и способный развиваться, трансформироваться в среде или же переноситься в среде с сохранением формы»³⁹. Эти структуры возникают за счет активности нелинейных источников энергии. Множество примеров рождения таких социальных структур предоставляют исследователю события, непосредственно предшествующие и последующие после февраля 1917 г. в России.

Эволюция социальных структур может быть адекватно рассмотрена не как смена следующих состояний: достижение равновесия,

³⁸ Можейко М. А. Синергетика.// Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. - М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. - С.932.

³⁹ Василькова В. В Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – Спб.: Лань, 1999. – С.20.

дестабилизация, потеря равновесия и новое равновесие (В. Парето), а как самоподдерживающийся порядок внутри системы. Необходимость этого определяется ограниченностью ресурсов. Отметим, что идея развития общества как потери равновесия и возврата к нему принадлежит И. Спенсеру, который сам пришел к пониманию ее теоретической несостоятельности после ознакомления со вторым началом термодинамики, согласно которому высшее состояние равновесия системы - это ее смерть.

В настоящее время во Франции среди социологов популярна теория социальной энтропии. Согласно последней характерным состоянием социальной системы выступает неравновесность, нестабильность, вызванная непрекращающимися колебаниями между порядком и хаосом, организацией и дезорганизацией, тенденцией к жизни и тенденцией к смерти. «Генеральная динамическая линия при этом такова: состояние максимума энтропии в социальной системе определяется как максимальная неупорядоченность (случайность) или наиболее вероятное состояние системы. Напротив, минимум энтропии всегда есть минимум неупорядоченности (максимальное отклонение от случайности)»⁴⁰. Исходя из такого видения, на первое место выступают: неравновесность, дифференциация и неустойчивость⁴¹. В рамках рассматриваемой парадигмы, социальный порядок рассматривается как мир постоянного социального неравенства, что и рождает общественную динамику, возможность сохранения и усиления жизнеспособности системы. При таком подходе гипотетическая возможность уничтожения социального неравенства рассматривается как путь к усилению общественного хаоса и смерти. В соответствии с мнением М. Форсе, которое, на наш взгляд, является правильным, в настоящее время во Франции наблюдается устойчивая тенденция к увеличению форм общественной дифференциации как средство борьбы с социальной энтропией.

Не смотря на огромный гносеологический потенциал теории социальной энтропии в ней есть «одно, - как справедливо отмечает В.В. Василькова, - уязвимое с логических позиций, положение – это очевидный для всякого социолога тезис, что в условиях полной го-

⁴⁰ Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – СПб.: Лань, 1999. – С.126.

⁴¹ Force M. L'ordre improbable Entropie et processus sociaux. - Paris, 1989. - P.122.

могенности системы... возникает максимальный иерархический порядок – тиранический или деспотический режим. Если осуществить анализ социальной системы по двум осям (горизонтальной и вертикальной), то горизонтальное различие между группами представляет как гетерогенность или гомогенность, а вертикальное различие как неравенство социальных статусов, т.е. статус власти. Здравый смысл и эмпирические наблюдения свидетельствуют, что общество может быть одновременно гомогенно (признак высокой энтропии) и очень неравномерно (иерархично). Такая ситуация возникает, когда власть и богатство сосредотачиваются в руках небольшой группы, а все остальные «равномерно» бедны⁴². Отсюда вытекает, что «порядок и беспорядок не противопоставлены один другому, т.е. энтропийный хаос не обязательно является хаосом в общем смысле слова, так как имеет место стабильная иерархия»⁴³. Наиболее социально стабильными будут системы, где небольшое количество людей присваивает большее число ресурсов, среднее число людей – среднее число ресурсов и значительное число людей – малое число ресурсов.

Описанная в предыдущем абзаце ситуация обозначается в современной науке как энтропийный парадокс, разрешение которого позволяет сформулировать принципы самоорганизации социальных систем.

Любой реальный социум в своей жизнедеятельности постоянно находится под воздействием двух противоположно направленных тенденций: к разрушению (энтропийный процесс) и к эволюции (антиэнтропийный процесс) и может сохранять (или увеличивать) свою жизненность, только при их определенном сочетании. Подавление одной из названных тенденций другой неизбежно ведет либо к смерти, либо к вырождению системы, т.е. к снижению ее жизненности.

Основой реакции любой социальной системы на изменение внешних условий ее существования является возможность выяснения ей самой того простого факта, что названное изменение произошло (или происходит) и что оно уже оказывает на нее воздейст-

⁴² Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – СПб.: Лань, 1999. – С.127.

⁴³ Force M. L'ordre improbable Entropie et processus sociaux. – Paris, 1989. - P.197.

вие. Тут мы непосредственно подходим к такому сложному вопросу как взаимодействие хаоса (энтропии) и информации.

Прежде всего, необходимо выяснить: что такое информация с точки зрения современных системных методов исследования. Под информацией следует понимать негэнтропийную способность системы к организации случайных сигналов. Соответственно, процесс получения и использования информации представляет собой не что иное, как процесс приспособления любых социальных систем к изменчивости и случайностям внешней среды и их жизнедеятельности в этой среде «Антиэнтропийный процесс (эволюция), - пишет В.В. Василькова, - в информационном плане начинается с максимальной энтропии (шума), где нет информационных различий и поэтому нет полезной информации. Но он не может осуществляться до своего логического конца, так как минимальная энтропия в информационной системе (т.е. полный и абсолютный порядок) – это своего рода вырождение, где существует бесконечный повтор одного и того же сигнала, также теряющего информационный смысл. Исчезает «животворящая роль» хаоса как источника новой информации и поэтому обязательного элемента формообразования порядка»⁴⁴. Информация может быть избыточной (предсказанной до ее получения) и структурной (степень упорядоченности системы, которая определяет генезис данной системы). Избыточная и структурная информация количественно, как доказал Е.А. Седов, совпадают⁴⁵. Точка оптимального соотношения хаоса и порядка - это точка идеального эволюционного развития, после прохождения которой теряется оптимальное соотношения порядка и хаоса.

В случае значительного снижения энтропийных процессов система начинает терять свои адаптивные свойства. Достигнув высочайшей степени упорядоченности (иными словами - жесткой детерминированности), социальная система может продолжать существовать лишь в неизменно стабильных условиях, при изменении которых обречена на неминуемую гибель. При этом, в соответствии

⁴⁴ Василькова В. В Порядок и хаос в развитии социальных систем (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – Спб.: Лань, 1999. – С.131.

⁴⁵ Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. - 1993. - №5. - С. 92-100.

с теорией катастроф, переход от минимальной энтропии к максимальной происходит скачкообразно.

Классическим примером такого рода переходов может служить история Египта в XI – VII веках до н.э. В XI веке до н.э. уровень развития технологического уклада находился примерно в том же состоянии, что и во времена Нового царства, очень медленно развиваясь. Для экономики этого периода, как и ранее, было характерно очень низкое качество изделий из железа, по-прежнему широко распространены в сельском хозяйстве (как и долгое время после этого периода) серпы с кремневыми лезвиями. Во многом это было предопределено и тем, что железо, при всех его преимуществах, требует для своей переработки и плавки значительно больше топлива, чем медь и бронза, так как обладает большей тугоплавкостью, чем эти металлы. Кроме этого железо лишь после его раскаливания поддается ковке. Поскольку вечнозеленые леса вокруг Нила (на месте современной Сахары) были уничтожены людьми задолго до этого периода, то Египет в это время не располагал достаточным топливом, пригодным для плавки железной руды. Кроме этого, в предшествующий период Нового царства, фараонам удалось обеспечить стабильность внешнеполитического положения Египта, а неизменность хрономической базы его аграрного сектора определялась регулярностью разливов Нила. Как результат и домистикаты на протяжении более чем четырехсот лет (после развития в XI веке до н.э. коневодства) каких либо значительных изменений не претерпевали. После того как в период XXII династии плуг с ярмом вытеснил старый плуг, сельскохозяйственные орудия, также не менялись. Бартерные расчеты медленно, но неуклонно замещались денежными. Существовал высокий уровень развития торговли. В Египте наступил период социально-экономической стабильности, который также был воплощен в кастовой (жестко детерминированной) социально-классовой структуре. Возникло и медленно развивалось долговое рабство, что вело к постепенному ослаблению класса свободного крестьянства. Реальная экономическая независимость регионов вела к медленному усилению центробежных тенденций, что воплотилось в реальном распаде единого государства на несколько частей, что, однако, долгое время (инертность системы) формально не признавалось. Мелкая раздробленность Египта сохранилась и после установления ливийского владычества. При

этом смена собственно египетских династий на ливийские произошла без каких либо серьезных изменений сложившейся социально-экономической системы во многом благодаря тому, что к этому моменту каста воинов в Египте состояла из бывших рабов ливийцев, а сформировать армию из свободных крестьян уже было невозможно. Как результат, относительно небольшое усилие царей Куша увенчалось полным завоеванием Египта, поскольку независимые ливийские царьки номов не могли оказать какого-либо серьезного сопротивления. Однако эфиопские владыки не стали даже пробовать изменить застойную социально-институциональную систему, а ограничились лишь тем, что заняли в ней место высшей аристократической касты. В результате социальная система осталась по-прежнему жестко детерминированной и в первой половине VII века вторгшиеся ассирийские владыки, не встретив серьезного сопротивления, которого и быть не могло, поскольку Египет находился уже несколько веков в застое, учинили их резню и массовый угон населения, что явилось для египтян социальной катастрофой.

Автократические и тоталитарные системы, приближаясь к минимальной энтропии, тем самым значительно снижают жизнеспособность социума. Противоположная тенденция социальной эволюции – чрезмерное разнообразие, обусловленное высоким уровнем энтропии, также вызывает смерть системы. В дальнейшем, под социальным регрессом нами будет пониматься тип социального развития, по своей направленности противоположный прогрессу, характеризующийся переходом от высшего к низшему. Содержанием социального регресса являются процессы социальной деградации, понижения уровня общественной организации, которое сопровождается застоем и может вести к возврату к изжившим себя социальным отношениям. Социальный регресс, застой – это неизбежная плата за упорядочение общественного бытия, за уменьшение в обществе хаотических процессов.

Исследовав названные закономерности развития социальных систем, Е.А. Седов сформулировал закон иерархической компенсации, называемый сегодня Законом Седова, действие которого распространяется на все социальные системы. Названный закон формулируется следующим образом: «только при условии ограничения разнообразия нижележащего уровня можно формировать разнооб-

разные функции и структуры, находящиеся на более высоких уровнях социальных систем. Таким образом, в этом аспекте возникает проблема поисков оптимального соотношения детерминации и непредсказуемости граждан и их сообществ как составных элементов социальных систем»⁴⁶.

Следует подчеркнуть, что развитие в социальных системах не может происходить без присутствия флуктуаций – свидетельства хаоса на микроуровне. Когда флуктуации сильны, то возникает необратимость развития (в точке бифуркации), которая ведет либо к эволюции (рождению более упорядоченной структуры), либо к гибели (энтропийной смерти) системы. Конкретный результат этого процесса будет определяться усилением или ослаблением неоднородности в системе, что в свою очередь обуславливается соотношением в рассматриваемый момент истоков и сбросов энергии. При этом возникает возможность спонтанного возникновения упорядоченных структур из хаотических процессов, т.е. самоорганизации. В качестве основы реакции любой социальной системы на изменение внешних условий ее существования выступает возможность получения ей информации об названных изменениях. Все социальные системы в своей жизнедеятельности постоянно находятся под воздействием двух противоположно направленных тенденций: к разрушению (энтропийный процесс) и к эволюции (антиэнтропийный процесс) и могут сохранять (или увеличивать) свою жизненность только при их определенном сочетании. Подавление одной из названных тенденций другой неизбежно ведет либо к смерти, либо к вырождению системы, т.е. к снижению ее жизненности.

⁴⁶ Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. - 1993. - №5. - С.100.

Глава 2. Современные социально-экономические субъекты и их социально-значимые характеристики, адекватные социально-ориентированной экономике

По мере развития человеческого общества последовательно увеличивалось разнообразие имеющихся в нем субъектов. Современное человечество включает в себя такие различные субъекты как социумы, государства, суперэтноты, этноты, субэтноты, социальные классы и группировки, социально-классовые, профессиональные, имущественные, демографические, объемно-правовые и иные аналогичные группы, территориальные консорции, трудовые коллективы, партии, общественные организации, семьи, племена, роды, общества филателистов и многих других.

Что же такое субъекты? Почему и как их количество постоянно возрастает? И, наконец, какие из них имеют прямое отношение к процессам, протекающим непосредственно в социально-экономической системе?

Для того, чтобы разобраться в сути социального(ых) субъекта(ов), и на основе этого попробовать сформулировать их современную типологию, прежде всего, следует остановиться на решении проблемы уточнения понятийного аппарата нашего исследования. Следует подчеркнуть, что представленное в этой книге исследование базируется на теоретико-методологических положениях о становлении социально-экономических субъектов как процессе изменения экономических ролей социальных групп и классов в ходе социально-экономических трансформаций общества. При этом автор солидарен с З.И. Калугиной, которая отмечает, что при проведении подобного рода исследований целесообразно «наряду с категориями общей социологии (социальное действие, социальный процесс, социальные изменения, интересы, потребности и др.)» необходимо, расширяя понятийный аппарат, использовать понятия «социальной психологии (социальная роль, ролевые ожидания, ролевые возможности, ролевые исполнения, ролевой конфликт) и специальные категории, такие как «экономическая свобода», «субъект-

ность», «хозяйствование», «субъект хозяйствования»⁴⁷. Добавим, что в рамках политической экономии и социальной философии необходимо также раскрыть такие понятия как «объект», «деятельность», «социальная и экономическая системы».

Многие из названных категорий толкуются в обществоведении неоднозначно. Так, например, А.А. Матуленис, М.Х. Титма, И.Н. Мартынова трактуют субъектность как осознание отдельными индивидами или группой себя субъектом определенных процессов, в частности инноваций⁴⁸. Обязательными условиями этого процесса названные авторы считают информированность отдельных индивидов или групп о намечающихся изменениях и понимание ими сути этих изменений. «Субъектность, по их мнению, характеризует потенциальные возможности участия индивида или группы в том или ином процессе»⁴⁹. При таком подходе происходит подмена понятий, когда акт социальной рефлексии, как осознания индивидами или общественными группами своего места, роли и интересов в том или ином социально-экономическом процессе (причем, от себя отметим, что это осознание может быть более или менее реальным) как необходимого элемента становления субъектности, подменяет собой все понятие субъектности. Подмечая один из существенных недостатков названного подхода З.И. Калугина в книге «Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов» справедливо отмечает, что «понимание и осознание своего места в том или ином процессе являются необходимыми, но не достаточными условиями превращения пассивного (хотя и мыслящего) наблюдателя в реально действующего агента того или иного

⁴⁷ Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. - Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. - 2-е издание. - С.39.

⁴⁸ Мартынова И. Н. Социально-экономическая оценка инноваций в сфере организации и стимулирования сельскохозяйственного труда. Автореф. дис. канд. соц. наук. - Новосибирск, 1992; Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. - Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. - 2-е издание. - С.41.

⁴⁹ Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. - Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. - 2-е издание. - С.41.

социального процесса»⁵⁰. «Следовательно, - подмечает далее названный автор, - субъектом того или иного социального процесса или деятельности, в том числе экономической, следует считать не просто мыслящего и понимающего, а действующего агента, не столько потенциального, сколько реального»⁵¹.

В современной экономической теории не выработано единого взгляда на понятия «социально-экономический субъект» и «экономический субъект». Вместе с тем, в последнее время, после длительного перерыва, названные субъекты стали попадать в поле зрения отечественных ученых экономистов при изучении последними некоторых частных проблем. Так, гносеологически перспективной представляется предложенная Е.К. Медведевым дефиниция субъекта, определенного вида института собственности как лица, персонифицирующего вещь или экономическую функцию, и тем самым становящимся «субъектом как отношений собственности, так и специфической социальной деятельности (деятельности собственника в процессе присвоения), которая характеризуется соответствующими целями и типичными поведенческими актами»⁵². В дальнейшем, под социально-экономическим субъектом нами будет пониматься индивид (или группа индивидов) персонифицирующий определенные социальные и экономические функции, обладающий специфическими потребностями и активностью по отношению к иным субъектам. Источником названной активности индивида (или общественной группы) выступает место в социально-экономической системе, выполняемые функции и определенная организованность его (или ее) сознания. Субъектность – это и есть способность проявлять активность, совершать действие и соответственно вступать в отношения.

Сегодня в науке методологически важным является выяснение уровневого показателя субъектности «при иерархизированной ти-

⁵⁰ Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. – Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. - 2-е издание. – С.41.

⁵¹ Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. – Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. - 2-е издание. – С.41.

⁵² Медведев Е. К. Категории теории собственности (очерки методологии). - Мн.: Право и экономика, 2000. - С. 91.

пологий субъекта, а так же установление специфики субъектности отдельного человека и всего сообщества (но не просто как совокупности субъектов, - пишет Э.В. Сайко, - а как совокупного субъекта, способного интегрировать надсубъектные свойства, образуемые развертыванием связей в процессе воспроизводства субъектности человека) в качестве субъекта действия, осуществляющего воспроизводство социального движения и самого Социума»⁵³. В нашем понимании социально-экономические субъекты – это, прежде всего, определенным образом организованная совокупность социально-экономических связей и отношений. В любом реальном обществе названные субъекты дифференцируются по уровням субъектности (индивид, элементарная группа, кумулятивная группа и т.д.). Следует отметить, что ранее в своем исследовании социально-классовой структуры общества переходного периода нами делался акцент на надперсональные уровни субъектности и интегральных социально-экономических субъектов, таких как социальные группы и классы⁵⁴.

Не смотря на то, что в отечественной гносеологии исследованиям категорий субъект и объект в последние двадцать пять лет посвящено большое количество работ, вместе с тем следует констатировать тот печальный факт, что до настоящего времени названные понятия системно (содержательно) не охарактеризованы. Как справедливо отмечают К.Н. Любутин и Д.В. Пивоваров такое положение дел обусловлено тем, что «в большинстве опубликованных на эту тему работ речь идет об отдельных аспектах категорий субъекта и объекта. Социологов интересует субъект и объект в системе общественных отношений (субъект определенного социального действия, субъект и объект общественного мнения, управления и т.д.), этиков - субъект и объект нравственного сознания и действия, пси-

⁵³ Сайко Э. В. Субъект действия в реализации «сознательного существования бытия» и формировании исторического содержания социальной эволюции // Субъект действия, взаимодействия, познания (Психологические, философские, социкультурные аспекты. - М.: Московский психолого-социальный институт. - Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – С. 9-10.

⁵⁴ Солодовников С. Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика. - Мн.: Право и экономика, 2003.

хологов - структура сознания и деятельности индивида и т.п.»⁵⁵. От себя добавим, что политэкономы, главным образом, интересуются субъектами экономических отношений, зачастую сводя их лишь к отношениям собственности и трудовым отношениям. Представители либеральных экономических парадигм вообще отказались от рассмотрения социально-экономических отношений как таковых, сконцентрировав свое внимание исключительно на финансовых и материально-вещественных составляющих экономической системы и, как результат, практически полностью отказались от субъектной социально-экономической составляющей. «В собственно же философских работах, - справедливо отмечается К.Н. Любутиным, - как правило, анализируется гносеологическая сторона проблемы субъекта и объекта. Между тем философия не сводится к теории познания, и, следовательно, разработка категорий субъекта и объекта не может замкнуться в гносеологические рамки»⁵⁶.

Проанализировав отечественную философскую литературу более чем за полвека, К.Н. Любутин и Д.В. Пивоваров предлагают разграничивать шесть точек зрения на определение категорий субъекта и объекта⁵⁷.

Первая точка зрения, когда утверждается, что субъект есть сознание, а объект - природа, материя - сформировалась в 20-е гг. прошлого столетия на основании философских взглядов Г.В. Плеханова, изложенных в предисловии к книге А.М. Деборина «Введение в философию диалектического материализма». Г.В. Плеханов разделял философов на материалистов и идеалистов в зависимости от того, что - объект или субъект - они принимают в качестве исходной точки, ставил в один ряд категории «объект», «бытие», «природа» и «субъект», «сознание», «дух»⁵⁸. Аналогичный подход заявлял и А. М. Деборин: «Субъект и объект, т.е. сознание и предмет, составляют лишь относительное единство»⁵⁹. «А предметом сознания,

⁵⁵ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1993. - С.98.

⁵⁶ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1993. - С.98.

⁵⁷ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1993. - С.98-103.

⁵⁸ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. - М., 1957. - Т.3. - С. 615.

⁵⁹ Деборин А. Философия и марксизм. - М., Л., 1930. - С. 246.

- отмечал этот автор, - является вся совокупность вещей»⁶⁰. Придерживаясь этой точки зрения П. Вышинский писал: «Под субъектом обычно понимается... сознание, мышление. Объект - это внешний физический мир, материальное бытие»⁶¹. В более позднее время, подобную точку зрения разделял А.В. Востриков. Названный автор утверждал, что «Проблема отношения между объектом и субъектом есть, по сути, проблема первичности материи и вторичности сознания»⁶². Следует согласиться с мнением, что при таком подходе к определению категорий субъекта и объекта по сути дела ликвидируется сама проблема субъекта и объекта.

Вторая точка зрения исходит из того, что субъект есть общественный человек, объект - природа, материя в целом. Эту точку зрения в советской философской литературе развивали и развивают С.Я. Вольфсон, Т. Обичкин, Т. Павлов, М.А. Леонов, Е.В. Шорохова, М. Матаев, М. Розенталь и некоторые другие авторы⁶³. В частности, З.М. Оруджева писала: «в нашей философской литературе широко распространена точка зрения, согласно которой субъектом познания и деятельности является общество. Но более правильно было бы рассматривать в качестве субъекта общественного человека, индивидов, а общество - в качестве социальной среды (мир человека), в которой человек может развиваться как субъект познания и преобразования природы; общество - не субъект, использующий человека лишь в качестве средства своего развития на манер гегелевской абсолютной идеи, а, скорее, единство субъекта и объекта (которое Гегель мистифицировал)»⁶⁴. «Подобное понимание содержания категорий субъекта и объекта, - по мнению упомянутых К.Н. Любутин и Д.В. Пивоваров, - является более правильным по сравнению с изложенным выше, - однако ему присущи некоторые неясности и неточности. Неясно, какое содержание вкладывается в понятие «общественный человек», ибо в литературе под «общественным человеком» иногда понимается человеческий индивид, ино-

⁶⁰ Деборин А. Философия и марксизм. - М., Л., 1930. - С. 246.

⁶¹ Вышинский П. Философское и физическое понятие материи // Под знаменем марксизма. - 1940. - № 3-4. - С. 64.

⁶² Востриков А. В. Теория познания диалектического материализма. - М., 1965. - С. 108.

⁶³ Вольфсон С. Я. Диалектический материализм. - Мн., 1924. - С. 96.

⁶⁴ Оруджев З. М. Диалектика как система. - М., 1973. - С. 314-315.

гда - персонификация общества в целом. Неточность кроется в отождествлении объекта и материи в целом, такое отождествление лишает категорию объекта ее специфического содержания»⁶⁵.

Третья точка зрения исходит из того, что субъект – это общественный человек, а объект - часть реальной действительности, на которую направлена практическая и познавательная деятельность субъекта. Названная точка зрения сегодня разделяется многими авторами. В частности, такой подход к раскрытию содержания категорий субъекта и объекта излагался в учебном пособии «Диалектический материализм», написанном под руководством М.М. Митина⁶⁶. Не смотря на то, что названный подход положительно отличается большей конкретностью по сравнению с охарактеризованными ранее, при нем забывается тот факт, что субъект – это сложная система, а в качестве объекта для него «...могут выступать не только материальные, но и идеальные проявления»⁶⁷.

Четвертая точка зрения возникла как стремление философов устранить вышеотмеченную узость в понимании объекта. Ее разделяет достаточно большое количество исследователей. В частности, она была заявлена в «Философском словаре», вышедшем в свет в 1991 г. В этой работе отмечалось: «под субъектом ныне понимается активно действующий и познающий, обладающий сознанием и волей индивид или социальная группа; объект - то, на что направлена познавательная и иная деятельность субъекта»⁶⁸. На наш взгляд, можно согласиться с оценкой этой точки зрения предложенной К.Н. Любутиным и Д.В. Пивоваровым: «Мы согласны с такого рода общефилософским пониманием содержания категории объекта, но полагаем, что разделяемое сторонниками приведенной точки зрения понимание субъекта в общефилософском плане не может быть полным»⁶⁹.

⁶⁵ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета., 1993. - С.99.

⁶⁶ Диалектический материализм. - М., 1934. - С. 114, 129.

⁶⁷ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета., 1993. - С.99.

⁶⁸ Философский словарь. - М.: Политиздат, 1991. - С. 441.

⁶⁹ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1993. - С.100.

Пятая точка зрения, в свою очередь, связана с попыткой преодоления неполноты предыдущей точки зрения. На эту неполноту, в частности, обращал внимание П.В. Копнин, который отметил, что человек - это обобществившееся человечество, человеческое общество, и на основании этого сделал следующий вывод: «Таким образом, по существу подлинным субъектом выступает человек не как отдельно взятый индивидуум, а как общество»⁷⁰. Однако при этом П.В. Копнин уступает, по мнению К.Н. Любутина и Д.В. Пивоварова, сторонникам четвертой точки зрения относительно понимания объекта,⁷¹ полагая, что объект - это только предмет природы, включенный в сферу деятельности человека⁷². Наряду с этим П.В. Копнин абсолютизирует общее (общества), признавая свойство быть «подлинным» субъектом лишь за обществом в целом. В действительности же, общество может быть субъектом, т.е. обладать какими-либо субъектными свойствами лишь по отношению к другому обществу.

Шестая точка зрения отличается от предшествующих расширительной трактовкой субъект-объектных отношений, позволяющей применять категории «субъект» и «объект» при рассмотрении взаимодействия любых материальных систем. Это приводит к отождествлению субъект-объектного отношения с взаимодействием вообще, т.е. де-факто ведет к отказу от содержательной характеристики специфики субъект-объектных отношений, поскольку отождествляет их с любыми взаимодействиями, т.е. по сути, меняет сам предмет исследования. В результате у сторонников расширительной трактовки субъект-объектных отношений неизбежно возникают теоретические неточности. Так, например, В.Н. Типухин в книге «Логическое становление субъекта»⁷³ усматривает субъект и объект в природе как таковой, одновременно заявляя о том, что понимает под субъектом человека, а под объектом - всю природу. Основа его

⁷⁰ Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. – Киев: Наукова думка, 1966. - С. 62.

⁷¹ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1993. - С.100.

⁷² Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. – Киев: Наукова думка, 1966. - С. 68.

⁷³ Типухин В. Н. Логическое становление субъекта. – Омск: Зап.-Сибирское кн. издательство, 1971.

рассуждений такова: материя является всеобщим объектом и всеобщим субъектом. «Единство этих определенностей, - пишет В.Н. Типухин, - носит характер взаимопроникновения, так как они оказываются определенностями единого материального мира, который является и объектом и субъектом своего изменения, но данное единство содержит в себе также и отношение взаимоисключения, поскольку логически все-таки нельзя не признать, что объект изменения не тождествен субъекту изменения, воплощающему собой само - движение, его активность и действенность. Субъект и объект являются определенностями, которые, будучи взаимосвязанными, взаимопроникая друг в друга, вместе с тем противостоят, исключают друг друга»⁷⁴. Лишь с появлением человека имманентное внешнему миру отношение субъекта и объекта становится внешним. «Деятельная активная сторона сосредоточивается на одном полюсе исследуемого отношения, ее представляет человек, природа же оказывается лишь объектом проявления его активности»⁷⁵. Разумеется, при этом в другом отношении у названного автора субъектом остается сам материальный мир, поскольку он не лишается саморазвития. Критикуя эту точку зрения, К.Н. Любутин и Д.В. Пивоваров справедливо замечают, что «ход размышлений В.Н. Типухина неизбежно должен привести к выводу о том, что субъект в материи вообще - это изменение, воплощающее активность материи, а объект - материя, взятая с абстрактно-субстанциональной стороны. Логика такого рода по сути дела требует рассматривать движение в отрыве от материи»⁷⁶.

Следует согласиться с вышеназванными авторами, что существующие сегодня в философской литературе «неточности и односторонности в решении проблемы субъекта и объекта теоретически связаны, во-первых, с недостаточно четким пониманием методологического принципа определения категорий; во-вторых, там, где этот принцип используется вполне сознательно, - с недостаточно четким его проведением при анализе. Предельно широкие катего-

⁷⁴ Типухин В. Н. Логическое становление субъекта. – Омск: Зап.-Сибирское кн. издательство, 1971. - С.126.

⁷⁵ Типухин В. Н. Логическое становление субъекта. – Омск: Зап.-Сибирское кн. издательство, 1971. - С.127.

⁷⁶ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1993. - С.101.

рии можно определять по существу лишь через их противопоставление друг другу. Парные категории в определенных границах, или в определенном аспекте, - предельно широкие категории. Это выражается в их соотносительности; это и требует определять их друг через друга, выясняя их единство и противоположность. Придерживаясь указанного методологического принципа, нельзя признать теоретически совершенными определения такого рода: субъект - сознание или человек, наделенный способностью действовать и сознавать; объект - внешний физический мир или природа»⁷⁷. П.В. Копнин справедливо замечает, что «субъект и объект - соотносительные категории, подобно сущности и явлению, содержанию и форме. Говорить об одной из них, не выявляя отношения к другой, невозможно»⁷⁸.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что определение субъекта и объекта как парных категорий данное в книге «Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия»⁷⁹ отвечает современным потребностям гносеологической философии. В названном словаре указывается, что «субъект и объект (лат. *subjectus* - лежащий внизу, находящийся в основе и *objectum* - предмет) - фундаментальные категории философии. Субъект - носитель субстанциальных свойств и характеристик, определяющих качественные особенности объекта. Соответственно объект - то, что находится в зависимости от субъекта и лишено самостоятельной сущности»⁸⁰. Исходя из такого понимания названных категорий, становится понятным, что любой дееспособный человек, вступая в те или иные социальные отношения, всегда обладает определенным набором субъектных свойств.

⁷⁷ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1993. - С.102.

⁷⁸ Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. - Киев: Наукова думка, 1966. - С. 67.

⁷⁹ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия // Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. - Мн.: МФЦП, 2002.

⁸⁰ Субъект и объект // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия // Главный научный редактор и составитель С. Ю. Солодовников. - Мн.: МФЦП, 2002. - С. 807.

В свое время, занимаясь проблемами социально-классовых субъектов, нами были выработаны общие методологические подходы к трактовке категории «субъектность» в рамках политэкономии⁸¹. При этом был сделан вывод, что под социально-экономическим субъектом следует понимать индивида (или группа индивидов), персонифицирующего определенные экономические функции, обладающего специфическими потребностями и активностью по отношению к иным субъектам. Источником названной активности индивида (или общественной группы) выступает определенная организованность его (или ее) сознания, обусловленная его местом в системе социальных и экономических отношений, спецификой потребностей, мотивов, интересов и целей. Субъектность – это и есть способность проявлять активность, совершать действие и соответственно вступать в отношения. Таким образом, категория «субъектность» неразрывно связана с категорией «деятельность». В нашем понимании социально-экономические субъекты – это, прежде всего, определенным образом организованная совокупность социально-экономических связей и отношений. В любом реальном обществе названные субъекты дифференцируются по уровням субъектности (индивид, элементарная группа, куммулятивная группа и т.д.). Следует отметить, что в своем исследовании социально-классовой структуры общества переходного периода нами делался акцент на надперсональные уровни субъектности и интегральные социально-экономические субъекты, такие как социальные группы и классы.

Следует отметить, что в современной западной социологии (этого подхода сегодня придерживаются и некоторые российские исследователи, например, З.И. Калугина, Н.Н. Козлова, Н.М. Смирнова, В.А. Ядов) наряду с категорией «субъект» используется понятие «актор». Такой подход, базирующийся на непонимании того очевидного философского постулата, что любой биологически нормальный человек всегда является субъектом, приводит к тому, что эти исследователи «обоготворяют» субъектность, и наделяют ее только элитарные экономические группы общества. Для подтверждения правильности такой точки зрения ее сторонники вынуждены прибегать к чисто идеологическим аргументам. Так, Н.Н. Козло-

⁸¹ Солодовников С. Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика. - Мн., 2003.

ва и Н.М. Смирнова, объясняют правильность введения понятия «актор» сменой парадигм социального знания. «Понятие «актор» наделяет людей, составляющих «массу», активностью. Именно их деятельность, наряду с «игрой» тех, кого определяют как субъект, воздействует на результирующую социальную динамику. Термин «актор» оставляет широкий простор многообразию форм и степеней субъектности»⁸². Индивид, по мнению Н.Н. Козловой и Н.М. Смирновой может быть или не быть субъектом (как это? - С. С.), но в любом случае он - актер, деятель⁸³. По В.А. Ядову, «частицы массы - не субъекты, но акторы»⁸⁴.

Степень «субъектности» социально-экономических субъектов непосредственно зависит от уровня их агрегированности – чем больше степень агрегированности тем меньше субъектных атрибутов. Соответственно, именно индивид обладает наибольшим набором субъектных свойств.

Отметим, что в настоящее время в самом общем плане деятельность понимается как «одно из фундаментальных понятий классической философской традиции, фиксирующее в своем содержании акт столкновения целеполагающей свободной воли субъекта, с одной стороны, и объективных закономерностей бытия - с другой»⁸⁵. В структуре деятельности традиционно разграничивают субъектную (целеполагающий субъект) и объектную (предмет деятельности, орудия деятельности и ее продукт) компоненты. В соответствии с задачами конкретного подхода (например, в политэкономии) в системе деятельности выделяются и более мелкие ее элементы, «представляющие собой, как правило, результат дифференциации субъектной ее компоненты: так, в различных подходах фиксируются такие ее элементы, как знание субъектом программ деятельности,

⁸² Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. 2-е издание. – Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. – С.45.

⁸³ Козлова Н. Н., Смирнова Н.М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социс, 1995. - № 11.

⁸⁴ Ядов В. А. Настоящее и будущее теоретической социологии в России // Социс, 1995. - №11.

⁸⁵ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия./ Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. - Мн.: МФЦП, 2002. - С.243.

его потребности и интересы, мотивы деятельности и т.п.»⁸⁶. В зависимости от взаимного соотношения субъектной и объектной компоненты деятельности, последняя может быть разделена на различные типы. Так, уже в древнегреческой философской традиции проводилось разграничение между «*poiētis*» как деятельностью по реализации привнесенной извне программы (приказа) и «*chretis*» как деятельности субъекта, выступающего одновременно и субъектом целеполагания, и субъектом реализации данной цели (творческая разновидность «*chretis*» осмысливалась как «*praxis*» - свобода). Традиционно принято также разграничивать деятельность по предметному критерию: материальная деятельность как реализуемая в процедурах взаимодействия человека и природы в контексте производства (так называемая орудийная деятельность); социальная деятельность как разворачивающаяся в процессе влияния человека на социальные процессы и организацию общественной жизни; духовная деятельность как реализуемая в интеллектуальном или художественном творческом усилии⁸⁷.

В рамках экономической теории и применительно к целям нашего исследования правомерно разграничивать деятельность по критерию полезности: полезная, менее полезная и бесполезная⁸⁸. При таком разграничении гносеологически продуктивен подход, предложенный П.Г. Никитенко в 1992 г. Названный автор в работе «Эффективность накопления: системный императив и метод предпринимательства»⁸⁹ изложил методологические принципы (не потерявшие своего эвристического значения и сегодня) разграничения производительного и непроизводительного труда. В этой работе справедливо отмечается, что для корректного изучения трудовых отношений (а именно различное место в трудовых отношениях, как

⁸⁶ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия./ Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. - Мн.: МФЦП, 2002. - С.243.

⁸⁷ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия./ Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. - Мн.: МФЦП, 2002. - С.243.

⁸⁸ Никитенко П. Г. Эффективность накопления: системный императив и метод предпринимательства. - Мн: Университетское, 1992. - С.65.

⁸⁹ Никитенко П. Г. Эффективность накопления: системный императив и метод предпринимательства. - Мн: Университетское, 1992. - 180с.

будет показано нами ниже, лежит в основе социально-классовой дифференциации) требуется ясно понимать, «что труд является основным, но не единственным человеческим свойством»⁹⁰. Таким образом, рассмотрение феномена труда во взаимосвязи с другими качествами индивида позволяет, во-первых, глубже раскрыть человека трудящегося, как «первой производительной силы всего человечества», и во-вторых, «исследовать сам труд не как простой, неделимый, закрытый, и как сложное интегрированное (не суммативное) системное образование, которое экономической наукой рассматривается через систему взаимодействия, прежде всего, двух типов комплексных противоречивых условий – экономических и социальных...»⁹¹. Для решения заявленной в начале этого абзаца проблемы П.Г. Никитенко предложил не отождествлять любую полезную деятельность с трудом: «Понятие «деятельность» по отношению к понятию «труд», как известно более широкое»⁹².

Названный автор справедливо предлагает, что «труд, осуществляющий производство как предметно-вещественного (материального), так и нематериального, духовного (социального) продукта, необходимо относить к труду ...производительному»⁹³. Деятельность же «антисоциальных (антиобщественных) элементов, ... деятельность по защите Отечества и охране внутреннего порядка»⁹⁴ к труду непроизводительному. На наш взгляд, к перечню целесообразных видов деятельности, которую нельзя отнести к производительному труду, можно добавить деятельность подрастающего поколения по освоению знаний (в школах и иных учебных заведениях), а также практически всю деятельность неработающих пенсионеров. Исходя из такого методологического подхода представляется возможным

⁹⁰ Никитенко П. Г. Эффективность накопления: системный императив и метод предпринимательства. - Мн: Университетское, 1992. - С.65.

⁹¹ Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т.38. - С.359. Никитенко П. Г. Эффективность накопления: системный императив и метод предпринимательства. - Мн: Университетское, 1992. - С.65.

⁹² Никитенко П. Г. Эффективность накопления: системный императив и метод предпринимательства. - Мн: Университетское, 1992. - С.65.

⁹³ Никитенко П. Г. Эффективность накопления: системный императив и метод предпринимательства. - Мн: Университетское, 1992. - С.66.

⁹⁴ Никитенко П. Г. Эффективность накопления: системный императив и метод предпринимательства. - Мн: Университетское, 1992. - С.68.

разграничение социальных классов и групп на производительные и непроизводительные.

Для корректного рассмотрения субъектов необходимо исследовать наряду с качественными их количественные характеристики (естественно, что это разграничение условно).

Все социальные группы, в зависимости от количества объединяющих их признаков, могут быть определены как элементарные или кумулятивные (интегральные)⁹⁵. В качестве таких признаков могут выступать: профессия, раса, объем прав, язык, территориальная принадлежность, пол и другие. Соответственно, и социальная структура, образованная на базе социальных групп, дифференцированных по одному признаку (достаточно ясному и определенному, несводимому на другие признаки), может быть определена нами как элементарная социальная структура (например, профессиональная структура). Структура, объединяющая в себя несколько элементарных структур, является кумулятивной или интегральной структурой. Вышеназванный подход (который будет подробно нами раскрыт и описан в последующих главах) достаточен для политэкономического исследования социально-экономических субъектов, но при макроэкономическом исследовании их явно мало. Поэтому попробуем выделить экономических субъектов при макроэкономических уровнях исследований.

В настоящее время в экономической литературе широко используются термины «субъекты экономической деятельности», «субъекты экономического поведения», «экономические субъекты», «субъекты экономической жизни», «субъекты экономических отношений», «хозяйствующие субъекты», «субъекты хозяйствования», «субъекты экономического развития» и многие другие, которые на взгляд не специалиста могут показаться синонимами. Однако это не так. И действительно, сегодня эти категории трактуются представителями макроэкономического раздела экономической науки по-разному. Часть авторов, как, например, В.И. Верховин, этими терминами обозначают в рассматриваемом контексте предприятия и организации; другие, как, например Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, социальные слои и группы, объединенные по их роли и месту в сис-

⁹⁵ Сорокин П. А. Система социологии. - Пб., 1920. - Т. 2. - С.58, 237.

теме экономических отношений; третьи, как, например Е.Б. Мостовая, отдельных людей⁹⁶.

При рассмотрении субъектов в рамках макроэкономического подхода, на наш взгляд, весьма гносеологически перспективным представляется определение хозяйствования, предложенное З.И. Калугиной, как совокупности «действий и поступков индивида или группы, связанных с обеспечением функционирования предприятия или подразделения как самостоятельной хозяйственной единицы. Хозяйствование включает в себя как элементы профессионально-трудовой деятельности разных групп работников, так и элементы управления (участие в собрании акционеров, работе совета директоров, правлении акционерного общества и др.)»⁹⁷. В современном обществе в качестве атрибутивных признаков субъектов хозяйствования выступают: свобода выбора форм и методов реализации своей экономической деятельности, самостоятельность выбора способов достижения своих экономических целей; полная экономическая ответственность за результаты своей экономической деятельности. При таком подходе правомерно определение субъектов хозяйствования как «участников экономической деятельности, которые обладают экономической свободой, принимают самостоятельные хозяйственные решения и несут экономическую ответственность за результаты своей деятельности»⁹⁸. Исходя из этого, можно попытаться сформировать систему социально-экономических индикаторов, характеризующих степень (уровень) субъектности субъектов хозяйствования в трансформационных экономических системах начала XXI века. По критерию свободы выбора – это степень свободы при выборе: формы хозяйствования, сферы экономической деятельности, хозяйственных контрагентов. По критерию самостоятельно-

⁹⁶ Верховий В. И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа // Социс, 1994. - № 10. Заславская Т.Н., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории. - Новосибирск: Наука, 1991. Мостовая Е. Б. Экономическое поведение: анализ и прогноз. - Новосибирск, 1994.

⁹⁷ Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. – Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. - 2-е издание. – С.43.

⁹⁸ Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. – Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2001. - 2-е издание. – С.43.

сти выбора способов достижения своих экономических целей – это: доля хозяйственных благ, находящихся в частной собственности, доля средств производства, приобретаемых за собственные средства, доля обязательных поставок произведенной продукции по фиксированным ценам по государственным заказам, доля прибавочной стоимости, изымаемой через прямые и косвенные налоги, степень государственного регулирования трудовых отношений на уровне предприятий. По критерию экономической ответственности за результаты своей деятельности – это степень зависимости дохода, остающегося в распоряжении субъекта от результатов его хозяйственной деятельности, реальность и величина санкций за невыполнение договорных обязательств и степень зависимости фонда оплаты труда от результатов хозяйственной деятельности. При таком подходе категория «субъекты хозяйствования» выступает одним из видов отношений, определяемых понятием «экономические субъекты».

Прежде чем перейти к рассмотрению социально-значимых свойств субъектов, адекватных социально-ориентированной экономике, необходимо предварительно выяснить, во-первых, что такое социально-ориентированная экономика, во-вторых, какие социально-экономические субъекты в ней должны быть, и, в-третьих, каким образом можно формировать у субъектов такие свойства, которые адекватны социально-ориентированной экономике.

В самом общем плане под социально-ориентированной экономикой, на наш взгляд, понимается экономическая система, выступающая воплощением идеального сочетания трудовых (производционных) и социальных экономических интересов. Поясняя это определение можно констатировать, что идеальная социально-ориентированная экономическая система должна отвечать двум требованиям: во-первых, создавать наиболее благоприятные условия для усиления экономической жизненности социума, путем наиболее экономного функционирования экономики как единого, относительно устойчивого, организационно оформленного материально-общественного комплекса, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни и, во-вторых, обеспечить максимально возможное для данного уровня общественного

развития социальное равенство, как обязательное условие развития населения государства. Иначе говоря, в основу данной системы должны быть положены собственно-социальная (системная) и трудовая (продукционная) детерминации.

При детальном рассмотрении социально-ориентированной экономической системы необходимо принимать во внимание не тождественность, а определенную противоречивость собственно-социальных и трудовых интересов. Таким образом, в данной системе уже априори будет заложена не только гармония, но и внутреннее противоречие между сторонниками различных детерминаций. В любом реальном обществе приближение к социально-ориентированной экономической системе будет встречать сопротивление носителей уравнительных и монопольных экономических интересов, а также возможно противодействие этому процессу и со стороны субъектов, являющихся носителями продукционных интересов. Поэтому для продвижения к социально-ориентированной экономике необходимо сильное государство, активно участвующее в социально-экономическом преобразовании общества. Какие же цели должны стоять перед обществом, продвигающимся в данном направлении? При описании этих целей необходимо исходить из положений, изложенных Н.В. Герасимовым в работе «Социализм: цели, принципы, отклонения»⁹⁹ в 1989 г. и не потерявших своего методологического значения до сих пор. Эти цели состоят в следующем: во-первых, в ликвидации и предотвращении классово-организованной эксплуатации человека человеком; во-вторых, в увеличении масштабов и эффективности общественного производства и; на основе этого, в росте благосостояния, качества и уровня жизни всех социальных классов и групп в меру их трудовой и социальной активности и значимости; в-третьих, во всестороннем и полном развитии и применении способностей всех членов общества; в-четвертых, в стирании существенных кастовых и сословных различий¹⁰⁰.

⁹⁹ Герасимов Н. В. Социализм: цели, принципы, отклонения // За передовую науку. - 1989. - №6 (10 февраля). - С.2.

¹⁰⁰ Герасимов Н. В. Социализм: цели, принципы, отклонения.// За передовую науку. - 1989. - №6 (10 февраля). - С.2.

Исходя из такого понимания целей общества при продвижении к социально-ориентированной системе и адекватной ему социально-классовой (интегрированной субъектной) структуре, можно сделать вывод, что по мере их реализации будет происходить ослабление социально-классовых антагонизмов и движение общества к социальной дифференциации лишь по месту и функциональной роли социальных групп в обществе. Однако не следует эту тенденцию абсолютизировать (даже применительно к отдаленной исторической перспективе). Исходя из того, что природе человека присущи не только трудовые и собственно-социальные (системные) интересы, но и эгоцентрические, и уравнивательные, правомерно говорить о том, что в любом реальном обществе возможно возрождение классовых противоречий. Поэтому социум должен иметь механизмы, препятствующие последнему.

Предлагаемые в настоящее время на Западе различного рода модели социальных рыночных хозяйств строятся главным образом исходя из ориентации на преимущественную реализацию трудовых (продукционных) экономических интересов, дополняемых социальной (системной) детерминацией.

Сам термин «социальное рыночное хозяйство» (или «социальная рыночная экономика») возник в 40-х гг. прошлого века в Германии благодаря группе либеральных экономистов, которые подразумевали под ним конкурентную капиталистическую экономику, где государство не довольствуется ролью «ночного сторожа», а активно содействует развитию рыночных институтов (например, способствует усилению свободной конкуренции, препятствует возникновению монополий)¹⁰¹. Вместе с тем, до настоящего времени среди ведущих западных экономистов отсутствует единое мнение по поводу того, что же следует понимать под «социальным рыночным хозяйством». Это проистекает из того, что, как уже отмечалось в первой главе данного исследования, в экономической и ряде других общественных наук не выработано единого корректного определения самой категории «социальное». Как результат этого, калейдоскопичность мнений при рассмотрении такой системы как «социальная рыночная экономика». Так, в частности, по мнению Ф. Хайека слово «социальный» «стало самым бестолковым выражением во всей нашей

¹⁰¹ Эрхард Л. Благополучие для всех. - М.: Начала-Пресс, 1991.

моральной и политической лексике... и сейчас все чаще выступает в роли слова «благое» при обозначении всего высоконравственного». ¹⁰² Как отмечает Л. Бальцеревич, мало кто точно знает, что означает термин «социальная рыночная экономика», «но почти каждый блаженно верует, что за ним скрывается некая улучшенная разновидность рыночной экономики» ¹⁰³.

Однако, не смотря на методологические расхождения в трактовках категории «социальное рыночное хозяйство» при построении конкретных социально-экономических моделей подавляющее большинство исследователей закладывает в их основу именно трудовые (производственные) и социальные (системные) интересы. Так, например, Л. Хайнц, говоря об экономическом «порядке» (т.е. «наборе правил, регулирующих структуру данной сферы») ¹⁰⁴, подчеркивал, что последний «должен решать три задачи, существующие в экономике любого общества: во-первых, должна формироваться и обеспечиваться работоспособность экономики, во-вторых, должна осуществляться целенаправленная координация всех видов экономической деятельности и, в-третьих, с помощью экономического порядка должны достигаться основные общественно-политические цели» ¹⁰⁵. Показав, таким образом, в самом общем плане необходимость при построении экономической модели учитывать общесистемные интересы (социальную детерминацию - С.С.), Хайнц раскрывает в своей книге «Социальная рыночная экономика. Германский путь» основные признаки социального рыночного хозяйства. Это, во-первых, существование рыночной экономики, во-вторых, создание правовой системы, благоприятствующей реализации экономических интересов непосредственных производителей, в-третьих, «относительное экономическое воздержание государства» и, в-четвертых, обеспечение существования нетрудоспособных членов общества ¹⁰⁶.

¹⁰² Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. - М.: Новости, 1992. - С.3.

¹⁰³ Эрхард Л. Благосостояние для всех. - М.: Начала-Пресс, 1991. - С.3.

¹⁰⁴ Хайнц Л. Хайнц. Л. Социальная рыночная экономика. Германский путь. - М.: Дело, 1994. - С.6.

¹⁰⁵ Хайнц. Л. Социальная рыночная экономика. Германский путь. - М.: Дело, 1994. - С.6-8.

¹⁰⁶ Хайнц. Л. Социальная рыночная экономика. Германский путь. - М.: Дело, 1994. - С.31, 32, 145-199.

Очевидно, что речь здесь идет о доминировании в социально-экономической системе именно трудовых (продукционных) и социальных (системных) интересов. Белорусский профессор И.М. Лемешевский, признавая необходимость преобладания данных интересов при построении социального рыночного хозяйства, подчеркивает, что последнее «можно обозначить как экономическую систему социально заторможенного капитализма, которая стремится соединить инновационную силу системы частного предпринимательства с представлениями о справедливости социалистических идей»¹⁰⁷.

К.Г. Цинн в своей книге «Социальное рыночное хозяйство: идея и развитие экономического строя ФРГ» показывает, что именно последовательная реализация эгональных (монопольных) интересов в послевоенной Западной Германии привела к необходимости создания социально-экономической модели «социального рыночного хозяйства», т.е. к созданию политических, нравственных и других отношений, способствующих оптимизации трудовых и социальных (системных) интересов. Данный автор пишет, что в 50-е гг. «... усиливающаяся капиталистическая рыночная экономика продемонстрировала... свою динамическую силу развития»¹⁰⁸. Экономический рост в ФРГ тех лет способствовал ограничению безработицы. Однако «фундаментальное противоречие, - подчеркивает К. Г. Цинн, - между ожиданиями от социально-рыночной экономики равномерного распределения доходов и действительностью, когда большие доходы и капитал сосредотачивались в руках старых и новых собственников (носителей монопольных интересов - С.С.), все более и более указывало на свою безнравственность. Зарплата и доходы основной массы населения отставали от доходов владельцев собственности...»¹⁰⁹. Кризисы 60-х и 70-х годов, по мнению данного автора, сигнализировали о том, что: «... что-то должно быть измене-

¹⁰⁷ Лемешевский И. М. Вступительное слово // Цинн К. Г. Социальное рыночное хозяйство: идея и развитие экономического строя ФРГ. - Мн.: БГЭУ, 1994. - С.8.

¹⁰⁸ Цинн К. Г. Социальное рыночное хозяйство: идея и развитие экономического строя ФРГ. - Мн.: БГЭУ, 1994. - С.13.

¹⁰⁹ Цинн К. Г. Социальное рыночное хозяйство: идея и развитие экономического строя ФРГ. - Мн.: БГЭУ, 1994. - С.13.

но»¹¹⁰ и привели к усилению строительства социального рыночного хозяйства.

Говоря о «свободном рынке», развитии капиталистических отношений, необходимо понимать, что, так называемая, «свободная конкуренция» неизбежно ведет к тому, что более сильные экономические субъекты оказываются в привилегированном положении, так как могут договориться между собой и сформировать различного рода монополии, чем создадут благоприятные условия для реализации своих эгональных экономических интересов. Так, один из ведущих представителей неолиберальной школы В. Репке считал, что причинами, нарушающими равновесие рыночной экономики и приводящими к тяжелым кризисам выступают именно деформации конкурентной экономики¹¹¹. Данный автор, говоря о построении идеальной социально-экономической системы, подчеркивал, что существует необходимость проведения реформы, которая была бы одинаково удалена и от модели свободной конкуренции, и от планового хозяйства в его коллективистском смысле¹¹² (т.е. как выразителя уравнительной (коммуноцентрической) детерминацией). Для В. Репке моральные ценности (а именно - социальная справедливость, равенство, братство, свобода) - это так же социально-экономические величины, которые и должны быть положены в основу нового социально-экономического строя.

В. Ойкен также признает, что частная собственность, в зависимости от конкретных рыночных форм, может иметь различное социально-экономическое воздействие. Частный предприниматель, который доминирует в регионе как монополия на рынке покупателей или на рынке рабочей силы, в совокупности ведет к негативным последствиям и деформациям¹¹³.

Говоря о современных западных моделях «социального рыночного хозяйства» следует однозначно отметить, что если в постановочном плане данные системы и могут выступать в качестве определенных образцов будущего общества для стран Восточной Евро-

¹¹⁰ Цинн К. Г. Социальное рыночное хозяйство: идея и развитие экономического строя ФРГ. - Мн.: БГЭУ, 1994. - С.14.

¹¹¹ Röpke, W. Die Lehre von der Wirtschaft, 4A. - Zurich: Erlendach, 1946. - S.286.

¹¹² Röpke, W. Die Lehre von der Wirtschaft, 4A. - Zurich: Erlendach, 1946. - S.287.

¹¹³ Eucken. W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik, brsg. von E. Hamburg: Rowholt, 1955. - S. 272.

пы, то с точки зрения реальных путей их достижения, абсолютно несостоятельны.

Исходя из нашего представления о социально-экономических субъектах, можно со значительной степенью достоверности утверждать, что при формировании социально значимых свойств субъектов, адекватных социально-ориентированной экономике, необходимо пройти несколько взаимосвязанных (и зачастую параллельно протекающих) этапов:

во-первых, необходимо законодательно закрепить за экономическими субъектами такие функции в обществе, которые соответствуют движению к социально-ориентированной экономической системе. Изменение законодательства должно происходить в направлении усиления целенаправленного конфигурирования государством (институциональными методами и созданием соответствующей этому правовой базы) социальной структуры общества на основе создания приоритетно стимулирующих условий для развития групп, являющихся выразителями трудовых и системных интересов и определяющих успешность перехода к постиндустриальному пути технологического развития, прежде всего таких как: интеллигенции, менеджеров, государственных управленцев, а также целенаправленное качественное изменение классов: рабочих и крестьянства (в направлении роста их профессионализма и адаптации к новым постиндустриальным технологиям), класса служащих силовых структур (в направлении сокращения их численности и роста профессионализма). При этом необходимо обеспечить защиту социально-экономических интересов детей и учащейся молодежи (в том числе и за счет предоставления детям, с момента рождения, права участвовать в выборах, но до момента достижения ими совершеннолетия эти права должны быть делегированы их родителям), сокращению деклассированных групп;

во-вторых, в трансформационных экономических системах необходимо, чтобы государство играло ведущую роль в согласовании социально-экономических интересов социальных субъектов (для снижения социальной напряженности в обществе), при этом требуется дифференцированно подходить к различным субъектам. Государственные органы должны, прежде всего, экономическими методами максимально возможно подавлять антисистемные криминальные интересы, включающие: создание оптимальных условий для

реализации трудовых экономических интересов и соответствующих им отношений собственности; уничтожение психологической базы криминальной идеологии; реорганизацию правоохранительных органов и т.д.;

в-третьих, необходимо формирование новой экономической идеологии путем:

- осознания социальными группами своих социально-экономических интересов и на этой основе самоидентификация общественных групп в новом социально-экономическом пространстве (именно в регулярно повторяющихся актах борьбы за совместную реализацию своих экономических интересов происходит объединение индивидов в элементарные социальные группы и классы), что, помимо прочего, будет способствовать построению гражданского общества;

- осознания большей частью людей зависимости своего социального и экономического положения от успешности социально-экономического развития социума в целом (адаптация к новому статусу и роли);

- формирования у субъектов хозяйствования экономического поведения, адекватного социально-ориентированной экономике;

- формирования у большинства работников новой трудовой постиндустриальной культуры и адекватных ей социальных качеств.

Главными механизмами формирования новых субъектных свойств, адекватных социально-ориентированной экономики, являются: во-первых, институционализация новых форм хозяйствования и эффективной многоукладной экономики; во-вторых, изменение трудовых отношений и, в-третьих, изменение отношений собственности.

Следует отметить, что по критериям: ориентации государственной социальной и социально-экономической политики, по структуре ВВП, по дифференциации в доходах между децильными группами и т.д. белорусскую национальную модель уже сегодня следует относить к социально-ориентированной рыночной экономике. Вместе с тем, сегодня перед страной стоит задача целенаправленного перехода к иной модели социально-экономического развития, а именно к формированию такой экономической системы общества, как единого, устойчивого, организационно оформленного, относительно самостоятельного, материально-общественного комплекса, в пределах

которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни, опирающегося на новейшие постиндустриальные технологии при сохранении значительных социальных гарантий большинству населения. Исходя из такого подхода, в дальнейшем, говоря о формировании социально-значимых свойств субъектов, адекватных социально-ориентированной экономике, нами будет вестись речь не о неких абстрактных социально-экономических свойствах и отношениях, а о тех свойствах и отношениях, которые будут способствовать формированию в стране, в современных исторических условиях, нового социально-научного сообщества, соответствующего требованиям устойчивого инновационного социально-ориентированного экономического развития, опирающегося на постиндустриальный технико-технологический уклад.

Глава 3. Взаимообусловленность цивилизации, культуры, экономической системы общества и институциональных матриц

Взаимообусловленность таких феноменов как цивилизация, культура, экономическая система и институциональные матрицы даже на первый взгляд очевидна и в современной науке не подвергается сомнению. Вместе с тем, при более детальном рассмотрении этих социальных явлений, при попытках раскрыть их системную роль, механизмы взаимодействия и закономерности совместного функционирования наблюдается полное отсутствие единства не только среди представителей различных общественных наук (что можно было бы списать на различия в предметах этих дисциплин), но и среди политэкономов и экономистов различных школ и направлений, вплоть до требований вообще отказаться от исследования институциональных (социальных) факторов в рамках экономической теории (предлагается ограничиваться изучением лишь материально-вещественных и финансовых факторов). Поэтому для того, чтобы выяснить сущность социально-экономических субъектов и отношений необходимо раскрыть основные принципы категориальной субординации и реального взаимодействия цивилизации, культуры, экономической системы общества и институциональных матриц. При этом, учитывая то, что всесторонне охватить любой из названных феноменов в рамках одной книги невозможно, автор оставляет за собой право ограничивать глубину авторского исследования личным видением его теоретико-методологических целей, логикой исследования и самого изложения.

Не претендуя ни на универсальность нижеприводимых дефиниций, ни на полный охват литературных источников, имеющих касательство к заявленной теме (что вряд ли возможно физически), автор, тем не менее, надеется, что предлагаемый им подход способствует выработке единой методологической базы (опирающиеся на научные достижения XX – XXI века), позволяющей системно исследовать в политической экономии такие явления как культура и цивилизация.

Термин «цивилизация» начал использоваться в произведениях западно-европейских философов (Тюрго, 1752 г.; Мирабо, 1757 г.;

Фергюсон, 1759 г.)¹¹⁴ со второй половины XVIII века и первоначально имел значение, подразумевающее «культурное состояние общества, противопоставляемое варварству»¹¹⁵. В настоящее время можно разграничить не менее пяти основных значений категории «цивилизация»:

- первое, когда понятие цивилизации отождествляется с понятием культуры. Так, первый том французского коллективного труда «Французская предистория», который посвящен первобытному обществу, называется «Палеолитические и мезолитические цивилизации Франции». Аналогичное использование понятия «цивилизация» находим у М. Габори в работе «Цивилизации среднего палеолита между Альпами и Уралом»¹¹⁶ и т.д. При таком подходе происходит отождествление «цивилизаций» с первобытными археологическими культурами, что лишает термин «цивилизация» какой-либо самостоятельности»¹¹⁷. Одна из причин такого отождествления то, что «в отличие от немецкого и русского языков во французском - понятия «цивилизация» и «культура» жестко не разведены»¹¹⁸;

- второе, когда понятием цивилизации, вслед за Л.Г. Морганом¹¹⁹, определяют наивысшую стадию развития общества, следующую, за первобытными стадиями дикости и варварства. Гносеологическим недостатком этого подхода, исторически правомерного, является то, что он не позволяет раскрыть причины, «по которым высшая стадия общественного развития реализовалась

¹¹⁴ Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. - С. 386-398; Афанасьев Ю. Н. Понятие «цивилизация» во французской историографии // Цивилизация и исторический процесс. - М., 1983. - С. 85; Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). - М.: Институт философии РАН, 1996. - С.3.

¹¹⁵ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). - М.: Институт философии РАН, 1996. - С.3.

¹¹⁶ Gabori M. La civilisations du Paleolithique moyen entre les Alpes et l'Oural: Esquisse historique. - Budapest, 1976.

¹¹⁷ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). - М.: Институт философии РАН, 1996. - С.4.

¹¹⁸ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002. - С.919.

¹¹⁹ Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Издательство Института народов, 1935. - С. 9-29.

именно в феномене городской культуры»¹²⁰, с которой термин «цивилизация» связан этимологически: лат. *civis* - «гражданин», *civitas* (синоним *urbs*)¹²¹ - «город» и т.д.;

- третье, когда понятием цивилизация обозначают «одно из разнокачественных состояний общества в его изменении в реальном историческом времени»¹²². Названный подход представляется нам излишне широким и не позволяющим четко раскрыть специфику категории цивилизация;

- четвертое, когда термином цивилизация обозначают «совокупность организационных средств (программ деятельности), посредством которых люди стремятся достичь тех общественных целей, которые заданы существующими универсалиями культуры и фундаментальными символами последней. В риториках и полемиках публицистическо-пропагандистского уровня слово «цивилизация» обычно исполняет роль позитивного компонента конфликтной диады «Свои» - «Чужие» («Мы» - «Они»)»¹²³. При названном подходе введение категории цивилизация с научной точки зрения излишне, поскольку вполне может быть заменено иным, более корректным (применительно к названной смысловой нагрузке) термином;

- пятое, когда цивилизация определяется как предметная форма структуры общества разделенного труда, материализованная из социально-интегративных интересов в форме города¹²⁴. Автор согласен с Н.В. Клягиным, что «социально-интегративный заряд материальной цивилизации городского типа оказал радикальное воздействие и на духовную сферу, что позволяет дать целостный анализ различных сторон жизни цивилизованного общества. При указанном понимании термина «цивилизация» удастся показать историче-

¹²⁰ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). - М.: Институт философии РАН, 1996. - С.4.

¹²¹ Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. - М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1953. - С. 259.

¹²² Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономика / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. - Мн.: МФЦП, 2002. - С.919.

¹²³ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономика / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. - Мн.: МФЦП, 2002. - С.919.

¹²⁴ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). - М.: Институт философии РАН, 1996. - С.4-5.

ски закономерный ход возникновения цивилизованного общества как очередного этапа социальной интеграции»¹²⁵. При таком подходе «зарождение начал урбанистической культуры и, следовательно, генезис цивилизации, в понимании Н.В. Клягина, коррелирует с неолитической технологической революцией. Поэтому история развития технологии приобретает первостепенное значение для понимания происхождения цивилизации»¹²⁶, позволяет нам считать его сегодня наиболее приемлемым для политэкономического исследования проблем возникновения и последующего развития общественного разделения труда. Позитивным является и то, что такой подход позволяет обосновывать «предположительную причинно-следственную зависимость между демографическим состоянием общества и степенью сложности практикуемой им технологии, что позволяет объяснить корреляцию основных демографических и технологических революций в человеческой истории»¹²⁷. При этом под технологией Н. В. Клягин понимает «набор стереотипных приемов производства, воспроизведение которого гарантирует получение стандартного конечного продукта»¹²⁸.

Понятие цивилизации неразрывно связано с понятием культуры. Под культурой, вслед за В.С. Степиным, нами будет в дальнейшем пониматься, «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус культуры, представлены разнообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т.д. В своей совокупности и динамике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует (передает от поко-

¹²⁵ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). - М.: Институт философии РАН, 1996. - С.5.

¹²⁶ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). - М.: Институт философии РАН, 1996. - С.5.

¹²⁷ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). - М.: Институт философии РАН, 1996. - С.5.

¹²⁸ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). - М.: Институт философии РАН, 1996. - С.5-6.

ления к поколению) и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей. В жизни общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в клетке или сложном организме; они обеспечивают воспроизводство многообразия форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, присущей ему природной среды..., его социальных связей и типов личности- всего, что составляет реальную ткань социальной жизни на определенном этапе ее исторического развития»¹²⁹. Оставаясь в рамках приведенного определения и практически конкретизируя его Н.В. Клягин предлагает понимать под «культурой общественный способ удовлетворения естественных потребностей, обычно многократно опосредованных»¹³⁰.

Такое понимание культуры позволяет связать ее напрямую с экономической системой. Исходя из задач нашего исследования, правомерно рассматривать цивилизацию, как предметную форму структуры общества разделенного труда, материализованную в форме города, как очередного этапа социальной интеграции, возникновение которой коррелируется с началом урбанистической культуры и с неолитической технологической революцией, поэтому история развития технологии и разделения труда приобретает первостепенное значение для понимания происхождения цивилизации. Поскольку, как отмечалось выше, культура представляет собой систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях и представляющих собой общественный способ удовлетворения естественных потребностей, то правомерно рассматривать экономическую систему общества как культурный феномен, представляющий из себя единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный, материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанные

¹²⁹ Степин В. С. Культура // Всемирная энциклопедия: философия / Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С.524.

¹³⁰ Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). - М.: Институт философии РАН, 1996. - С.6.

производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни. Основу функционирования экономической системы составляют трудовые отношения, основанные на общественном разделении труда. Одновременно с возникновением цивилизации, культуры, экономической системы общества и политики, возникают и развиваются в тесной взаимосвязи с ними и институциональные матрицы.

В настоящее время при исследовании институциональных матриц гносеологически перспективным представляется методологический подход, опирающийся на три исходных теоретических постулата. «Во-первых, она (гипотеза об институциональных матрицах - С.С.) разрабатывается в рамках объективистской парадигмы, рассматривающей общество как объективную реальность, существующую вне и независимо от воли и желания конкретных субъектов и развивающуюся по собственным законам. Во-вторых, используется понятие базового института, представляющего собой глубинные, исторически устойчивые формы социальных связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого целого. В-третьих, признается тезис триединства общества, при котором оно является одновременно и целостным, содержащим в себе основные подсистемы – экономику, политику, идеологию»¹³¹. Такой подход, допустимый при социологическом исследовании, не достаточен в рамках современной политэкономии.

Следует так же подчеркнуть, что разграничение и обособление объективистской и субъективистской социальных парадигм обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. «С одной стороны, такое разделение позиций отражает реальное устройство общества, в котором представлены как системные, образующие его устойчивые структуры, так и деятельность социальных субъектов, взаимодействующих между собой в рамках таких структур. С другой стороны, проявление двух названных позиций базируется на особенностях познающих общество субъектов, т.е. ученых, склонных больше либо к восприятию неизменной, структурной, ли-

¹³¹ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. – 308 с.

бо постоянно меняющейся, деятельностной стороны человеческой истории»¹³². Эти особенности научного мышления были раскрыты в трудах А. Маслоу, который отмечал преобладание у ученых склонности либо к аналитическому, либо к синтетическому способу построения концепций¹³³. «В соответствии с этим Маслоу выделял и два направления в научном труде, на одном полюсе которого преобладает изучение реального, живого, человеческого, а на другом идеального, «бесчеловечного» (общечеловеческого - С. С.), скрытого»¹³⁴. Следует отметить, что если с точки зрения анализа социальных явлений, протекающих в относительно обособленных социальных системах (исследуемых, прежде всего, в рамках микро-социологии), такое противопоставление правомерно, то при полит-экономическом анализе оно неизбежно будет приводить в научных трудах либо к фактическому игнорированию наличия в обществе людей (субъектов) – при последовательно объективистском подходе, либо к отказу от рассмотрения объективных связей и отношений, идеализации и индивидуализации общественных структур.

По нашему мнению, для создания целостной социальной парадигмы, описывающей закономерности развития экономической системы общества (исходя из методологических требований, предъявляемых современной политической экономией) необходимо по новому сформулировать гипотезу об институциональных матрицах. Во-первых, эта гипотеза разрабатывается в рамках объективистской парадигмы, и в этом мы согласны с С.Г. Кирдиной, рассматривающей общество как объективную реальность, существующую вне и независимо от воли и желания конкретных субъектов и развивающуюся по собственным законам. Во-вторых, при этом используется субъектный (но не субъективный) подход, рассматривающий все социально-экономические отношения в обществе через их персонафикацию, т.е. в неразрывной связи с социально-экономическими субъектами разной степени интегрированности. В-третьих, как отмечалось ранее, используется понятие базового института, пред-

¹³² Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 35.

¹³³ Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. - М.: Смысл, 1999. - С. 67-72.

¹³⁴ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. – С. 35.

ставляющего собой глубинные, исторически устойчивые формы социальных и социально-экономических связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого целого. В-четвертых, признается тезис триединства общества, при котором оно является одновременно и целостным, содержащим в себе основные подсистемы – экономику, политику, идеологию. В-пятых, признается тезис единства общественно-экономической формации, которая «представляет собой пространственно и социально отграниченную целостную материально-общественную систему, функциональное назначение которой состоит в обеспечении совместной жизни людей в единстве всех ее сторон»¹³⁵ и включает в себя сферы: материальное производство, производство человека, социальное производство и духовное производство.

Следует отметить, что в настоящее время в обществоведении и, в частности, в социологии, «несмотря на попытки построения социологами интегративного подхода, объединяющего объективистскую и субъективистскую парадигмы, каждая из них существует и развивается относительно самостоятельно, опираясь на свойственную ей методологическую позицию принципиальной устойчивости или изменчивости общества, а также соответствующую систему понятий, - справедливо отмечает С.Г. Кирдина. Постепенно преодолеваемое противостояние между социологами, работающими в рамках объективистской и субъективистской парадигм, не снимает, тем не менее, противоречивости их выводов, получаемых при изучении одних и тех же социальных ситуаций... Поэтому зачастую исследователи обосновывают и прогнозируют прямо противоположные траектории развития и социальных изменений»¹³⁶. Похожая ситуация наблюдается и в современной экономической теории, когда представители различных экономических специальностей и школ, на основании проводимого ими мониторинга национальных экономик, зачастую получают прямо противоположные выводы. Преодолеть это возможно только, во-первых, путем усиления методологической (политэкономической) составляющей в исследованиях всех эконо-

¹³⁵ Герасимов Н. В. Экономическая система общества: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С.6.

¹³⁶ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. – С. 37-38.

мических специальностей и, во-вторых, в возвращении в экономическую теорию живого человека со сложной системой мотиваций и социально-экономических интересов. В таком случае, объектные и субъектные экономические отношения и структуры будут рассматриваться как взаимодополняющие.

Начиная со второй половины 90-х гг. XX века в российском обществоведении началось осознание необходимости методологического прорыва в исследовании социальных явлений, связанного, прежде всего, с преодолением относительной ограниченности объективистской и субъективистской социальных парадигм. Так С.Г. Кирдина следующим образом ставит этот вопрос: «Возможно ли методологически корректное разрешение этой дилеммы (ограниченности объективистской и субъективистской социальных парадигм - С.С.)? Существуют ли связи причинного характера между институциональной и социально-групповой структурами общества? Каковы пределы их влияния друг на друга? В каком соотношении находятся институциональная система и социально- групповая структура общества? И если допускается наличие связей причинного характера между ними, почему до сих пор не удается эти связи четко, на строгом понятийном уровне обозначить и проанализировать?»¹³⁷. В рамках белорусской экономической теории автор, в свое время уже касаясь проблем, непосредственно соприкасающихся с заявленной С.Г. Кирдиной проблематикой, в частности, при формулировании авторской концепции трансформации социально-классовой структуры общества Республики Беларусь и теоретико-методологического обоснования государственной экономической политики по реализации этой концепции. Автором были разработаны: во-первых, модель экономической обусловленности социально-классовой дифференциации современного общества, отличающаяся авторским блоком, определяющим социальный статус человека через его место в системе трудовых отношений и во взаимосвязи с системами отношений собственности, потребностей и социально-экономического определения поведения субъектов и, во-вторых, комплекс предложений по целенаправленному формированию государством социально-классовой структуры общества на основе соз-

¹³⁷ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. – С. 37-38.

дания приоритетно стимулирующих условий для развития классов: интеллектуалов, менеджеров, управленцев и качественного изменения классов: рабочих и крестьянства (в направлении роста их профессионализма и адаптации к новым постиндустриальным технологиям), класса служащих силовых структур (в направлении сокращения их численности и роста профессионализма), а также создания соответствующей этой структуре правовой базы, в том числе защиту социально-экономических интересов детей и учащейся молодежи, сокращению деклассированных групп, что будет способствовать экономическому росту и устойчивому развитию страны¹³⁸. На сегодняшний день многие из уже имеющихся у нас методологических наработок, в частности, разработанный понятийный аппарат, уже эффективно применяются при раскрытии методологических проблем персонификации институциональных матриц¹³⁹.

При дальнейшем рассмотрении институциональных матриц, исходя из специфики предмета политической экономии («политическая экономия - наука, изучающая отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни. Политическая экономия исследует законы, управляющие развитием экономической системы, а так же рассматривает названные системы в различные исторические периоды и эпохи»¹⁴⁰), основное внимание будет уделяться изучению устойчивых, существующих как рамки для социально-экономического поведения, глубинных институциональных структур, становление ко-

¹³⁸ Солодовников С. Ю. Экономическая обусловленность эволюции социально-классовой структуры общества переходного периода. - Мн.: БГЭУ, 1999; Солодовников С. Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика. - Мн.: ИООО «Право и экономика», 2003.

¹³⁹ Солодовников С. Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки). - Мн.: Право и экономика, 2006.

¹⁴⁰ Солодовников С. Ю. Политическая экономия // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономика. / Главн. науч. ред. и сост. С.Ю.Солодовников. - Мн.: МФЦП, 2002. - С.634.

торых обусловлено материальными условиями возникновения и развития общества. При этом большое внимание будет также уделяться персонификации институциональной матрицы, т.е. социально-экономическим и социальным субъектам. Это означает, что выработанная методология позволят ученым экономистам ответить на вопросы о том, могут ли социально-экономические субъекты воздействовать и как воздействуют на институциональную структуру, как, в свою очередь, институциональная структура формирует экономическую систему и социально-классовую структуру общества.

В представленной работе автор считает целесообразным использовать подход, сформулированный С.Г. Кирдиной для тех случаев, когда в научном исследовании институциональные структуры «обладают приоритетом - онтологическим и методологическим - перед авторами. Исследование в этом случае направлено на изучение институциональной структуры, сложившейся исторически и определяющей социальные отношения и взаимодействия социальных групп как внешний по отношению к ним фактор. В отличие от теорий старого и нового позитивизма, теория институциональных матриц продолжает, тем самым, традиции материалистической диалектики в познании общества, точнее, исторического материализма, одной из центральных идей которого являлось изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей».¹⁴¹ При этом институты понимаются «...в их глубинном смысле, как системы определенных и неизбежных связей между членами общества, обусловленные внешними условиями выживания социума. Тем самым институты образуют своеобразный скелет общества, обеспечивающий его историческую устойчивость и воспроизводство как социальной целостности»¹⁴². Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в данном контексте изучение институциональных матриц при помощи исследования «необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей» не означает, что в своей дальнейшей работе нами не будут приниматься во внимание человеческие

¹⁴¹ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 39-40.

¹⁴² Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 40.

мотивы, потребности и интересы. Однако, названный тезис подчеркивает объективный (а не субъективный) характер субъектного социально-экономического поведения, что, как мы уже подчеркивали ранее, позволяет говорить об обусловленности субъектного поведения объективными и субъективными факторами. В вышеприведенной цитате С.Г. Кирдиной, таким образом, была допущена небольшая методологическая неточность, обусловленная тем, что у нее в работе отсутствует четкое разграничение понятий субъективное и субъектное. В рамках политико-экономического исследования персонификации институциональных матриц на первое место выступают сущностные, неслучайные, регулярно повторяющиеся (т.е. носящие, прежде всего, объективный характер) межсубъектные отношения, адекватно описываемые категорией социально-классовой структуры общества. Не сущностные, случайные, эпизодические межсубъекты (т.е. синергетические) отношения в экономической теории учитываются лишь в той степени, в какой они могут повлиять на динамику социально-классовой структуры. Для описания этого процесса правомерно использовать категорию социально-классовой организации общества.

В настоящее время многими русскоязычными авторами справедливо выделяются две крупные тенденции в рассмотрении институтов. Первая тенденция заключается в том, что институты становятся объектом все большего числа общественных наук. Вместе с тем, «до середины XIX века институты изучались в основном правоведами и понимались как сугубо юридические установления. На рубеже XIX—XX веков институты были включены в предмет возникшей в западноевропейских странах социологии».¹⁴³ Э. Дюркгейм, например, рассматривал институты как определенные способы действий и суждений, существующие в обществе вне и независимо от отдельно взятого индивидуума¹⁴⁴. В 20-х гг. прошлого века социальные институты попадают в поле зрения ученых экономистов, что нашло свое выражение в формировании институционального направления в политэкономии (Т. Веблена, Дж. Коммонса,

¹⁴³ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. – С. 41.

¹⁴⁴ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. - М.: Канон, 1995. - С. 20.

Дж. М. Кларка, У. Митчела, У. Гамильтона и др.), когда институты стали рассматриваться как образцы и нормы поведения¹⁴⁵, привычки мышления¹⁴⁶, оказывающие влияние на выбор стратегий экономического поведения, наряду с мотивацией рационального экономического выбора. Неоинституциональное направление, активно заявившее о себе в период с 1975 по 2000 гг. XX века придало категории экономической (социально-экономической) институт более широкий смысл, предложив рассматривать институты, как важнейшие факторы субъектных экономических взаимодействий. Так, согласно хрестоматийному определению Д. Норта, институты - это «правила игры» в обществе, которые организуют взаимоотношения между людьми и структурируют стимулы обмена во всех его сферах - политике, социальной сфере или экономике¹⁴⁷. Современная западная социология придерживается аналогичных подходов, рассматривая институт как «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности»¹⁴⁸. При этом их отличие от институциональной экономики заключается в акцентировании внимания на значении института для организации системы ролей и статусов, образующих социальную систему¹⁴⁹. В настоящее время институциональные исследования развиваются также в экономической истории, культурологии, антропологии и т.д.

Вторая тенденция в изучении институтов, тесно связанная с первой, - это дальнейшая разработка и углубление понятия «институт», что обусловлено расширением междисциплинарных подходов в институциональных исследованиях. «В изучении институтов все более очевидным становится, - отмечает С.Г. Кирдина, - движение вглубь, от тех феноменов, которые лежат на поверхности, к поиску лежащих за ними сущностей, к рассмотрению институтов как характеристик внутреннего устройства, предопределяющих закономерности

¹⁴⁵ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. - М.: Прогресс, 1968. - С. 89-104.

¹⁴⁶ Веблен Т. Теория праздного класса. - М.: Прогресс, 1984. - С.104.

¹⁴⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. - С. 16.

¹⁴⁸ Современная западная социология. - М.: Политиздат, 1990. - С. 117.

¹⁴⁹ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 42.

развития общества и обеспечивающих его целостность»¹⁵⁰. Эта тенденция отражает общие закономерности современных обществоведческих исследований, которая заключается в усилении (и признании этого наиболее крупными учеными) эвристического значения междисциплинарных подходов и исследований. По сути дела, сегодня ни одно экономическое исследование, претендующее на постижение закономерностей развития экономической системы общества, международных социально-экономических отношений, национальных экономических моделей и т.д., не может претендовать на истинность, если наряду с макроэкономическими исследованиями (и иными чисто «экономическими» подходами) не использует последние достижения социальной истории, философии, социологии, политологии и т.д.

В последние пятнадцать лет социально-экономические и экономические институты начинают активно исследоваться российскими и белорусскими экономистами. Первоначально категория института заимствуется ими напрямую из новой институциональной экономической теории и выступает одним из методологических средств изучения рыночных преобразований. Однако, достаточно быстро возникает необходимость осмысления и уточнения институционального подхода применительно к анализу отечественных проблем. Успешным примером этому могут служить, в частности, работы В.Л. Тамбовцева¹⁵¹. В данной работе, на наш взгляд, нет необходимости подробно останавливаться на истории этого уточнения, хотя она, безусловно, являет собой иллюстрацию гносеологически интересных попыток (в ряде случаев достаточно успешных) последовательного теоретического осмысления целым рядом наук одного социального феномена, что потребовало от добросовестных исследователей применения междисциплинарных подходов и способствовало существенному прогрессу обществоведческой методологии.

В качестве общего определения социального института нами будет использоваться удачная дефиниция, изложенная в книге «Больш-

¹⁵⁰ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 42.

¹⁵¹ Тамбовцев В. Л. Экономическая политика для российской экономики // Общество и экономика. - 1996. - № 5.; Тамбовцев В. Л. Институциональные изменения в российской экономике // Общественные науки и современность. - 1999. - № 4.

шой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия», где под названным институтом понимается «относительно устойчивая форма организации социальной жизни, обеспечивающая устойчивость связей и отношений в рамках общества. Социальный институт следует отличать от конкретных организаций и социальных групп... Основные функции, которые выполняет социальный институт: 1) создает возможность членам этого института удовлетворять свои потребности и интересы; 2) регулирует действия членов общества в рамках социальных отношений; 3) обеспечивает устойчивость общественной жизни; 4) обеспечивает интеграцию стремлений, действий и интересов индивидов; 5) осуществляет социальный контроль. Деятельность социального института определяется: 1) набором специфических социальных норм, регулирующих соответствующие типы поведения; 2) интеграцией его в социально-политическую, идеологическую, ценностную структуры общества, что позволяет узаконить формально-правовую основу деятельности; 3) наличием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение нормативных предложений и осуществление социального контроля. Социальные институты могут быть охарактеризованы не только с точки зрения их формальной структуры, но и содержательно, с позиции анализа их деятельности. Социальный институт - это не только совокупность лиц, учреждений, снабженных определенными материальными средствами, системой санкций и осуществляющих конкретную общественную функцию»¹⁵².

В настоящее время установлено, что успешное функционирование социальных институтов связано с наличием в их рамках целостной системы стандартов поведения конкретных индивидов в типичных ситуациях. Эти стандарты поведения закрепляются в обычаях, традициях, правовых нормах и т.д. «В ходе практики возникают определенные виды социальной активности, причем правовые и социальные нормы, регулирующие эту деятельность, концентрируются в определенную легитимированную и санкционированную систему, обеспечивающую в дальнейшем этот вид соци-

¹⁵² Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. - Мн.: МФЦП, 2002. - С.786.

альной деятельности. Такой системой и служит социальный институт. В зависимости от сферы действия и их функций институты подразделяются на: а) реляционные - определяющие ролевую структуру общества в системе отношений; б) регулятивные, определяющие допустимые рамки независимых по отношению к нормам общества действий во имя личных целей и санкции, карающие за выход за эти рамки (сюда относятся все механизмы социального контроля); в) культурные, связанные с идеологией, религией, искусством и т.д.; г) интегративные, связанные с социальными ролями, ответственными за обеспечение интересов социальной общности как целого»¹⁵³. При таком подходе развитие социальной системы может быть сведено к эволюции социальных институтов и субъектов их персонифицирующих. Исходя из такого подхода, на наш взгляд, следует согласиться с замечанием С.Г. Кирдиной, что «С точки зрения объективистской парадигмы и системного подхода, при котором исследования направлены на выявление институциональной структуры, определяющей характер и направленность взаимодействия социальных групп,... основная задача состоит в выявлении стабильной составляющей институтов. Поэтому теория институциональных матриц трактует институты - они названы базовыми - как глубинные, исторически устойчивые в постоянно воспроизводящиеся социальные отношения (выделено мной - С.С.), обеспечивающие интегрированность разных типов обществ. Базовые институты представляют собой исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать и развиваться, сохраняя свою само достаточность и целостность в ходе исторической эволюции, независимо от воли и желания конкретных социальных субъектов»¹⁵⁴.

Названная трактовка социальных институтов соответствует подходу, разработанному еще Т. Вебленом, который отмечал, что «сами институты - не только результат процесса отбора и приспособления, который формирует преобладающие ... духовные качества и

¹⁵³ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю.Солодовников. - Мн.: МФЦП, 2002. - С.786.

¹⁵⁴ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. – С. 47.

способности; они в то же время представляют собой особые формы жизни и человеческих отношений, а потому являются, в свою очередь, важнейшими факторами отбора»¹⁵⁵. Основу любого социума составляют базовые институты, которые «образуют остов, скелет общества»¹⁵⁶ и «задают наиболее общие характеристики социальных ситуаций, определяют направленность коллективных и индивидуальных человеческих действий»¹⁵⁷, т.е. регулируют основные сферы общества и представляют собой «устойчивую структуру, «стягивающую» основные подсистемы общества в целостное образование, не позволяющую обществу распастись»¹⁵⁸. Эти институты возникают естественно-историческим образом и обладают значительной устойчивостью, в том числе, и к изменениям внешней среды. В свою очередь, «институциональная матрица - это форма общественной интеграции в основных сферах жизнедеятельности социума - экономике, политике и идеологии»¹⁵⁹. Для современных институциональных подходов в экономической теории характерно признание важности эндогенных факторов (в том числе и технико-технологического) для формирования институциональных структур и, соответственно, экономических систем общества.

Вместе с тем, не смотря на то, что научная традиция рассмотрения материально-технической среды, как важнейшего фактора, обуславливающего границы возможных трансформаций общества, восходит еще к К. Марксу и Ф. Энгельсу, в современной экономике нет четкого представления о механизмах этого ограничения. Здесь, на наш взгляд, следует отметить, что помимо собственно гносеологических сложностей, естественно возникающих при исследовании этого вопроса, так же возникают проблемы присутствия в научном сообществе откровенно ангажированных «научных» работ, посвященных безоговорочной апологетике западной экономической мо-

¹⁵⁵ Veblen T. Theory of the Leisure class. - N.-Y., 1899. - P. 188.

¹⁵⁶ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 48.

¹⁵⁷ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 48.

¹⁵⁸ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 60.

¹⁵⁹ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 60.

дели развития и быстрых («шоковых») путей «успешного» перехода к ней. Поскольку последние направлены на обслуживание (создание благоприятных условий) определенных монопольных социально-экономических интересов, а не на раскрытие сущности социально-экономических явлений, то в данном очерке они рассматриваться не будут.

На сегодняшний день следует признать перспективным подход к рассмотрению влияния технико-технологической структуры общества на институциональную матрицу через использование понятий коммунальной и некоммунальной материально-технологической среды. Впервые гипотеза об определяющем, решающем влиянии коммунальной и некоммунальной материально-технологической среды на тип институциональной структуры общества была высказана в 1996 году¹⁶⁰ и с тех пор был успешно развита в трудах С.Г. Кирдиной. В качестве одного из основных постулатов этой гипотезы выступает предположение, «что коммунальная среда формирует соответствующие экономические институты и определяет не рыночный, а раздаточный характер хозяйственной системы, в то время как некоммунальная среда обуславливает становление институтов рынка, или обмена»¹⁶¹. При этом С. Г. Кирдиной подчеркивается, что «...коммунальность (или некоммунальность) материальной среды является не столько внутренне ей присущим, сколько общественным свойством, т.е. проявляющимся в ходе взаимодействия общества с этой средой. Сами по себе природные условия или технологические комплексы не реализуют названных общественных свойств, они проявляют, выражают или приобретают их в процессе вовлечения в хозяйственный оборот и социальную жизнь... Коммунальность материально-технологической среды подразумевает ее целостность, неразрывность связей между элементами, ее представление как единого целого, состоящего под общим управлением. Изначально коммунальность производственной среды определяется хозяйственным ландшафтом - исторически первичным условием производства. Население начинает вовлекать его в хозяйственный

¹⁶⁰ Бессонова О. Э., Кирдина С. Г., О'Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996. - С. 22-24.

¹⁶¹ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 80.

оборот. Но среда сопротивляется усилиям одиночек, заставляя людей объединяться уже на стадии организации производственного процесса. Необходимость объединения задается, как правило, применяемой технологией, которая оказывается конкурентоспособной по сравнению с технологиями индивидуального производства. Так действует закон экономии транзакционных издержек (выделено мной - С.С.), который, в конечном счете, определяет формирование соответствующих экономических, политических и идеологических институтов»¹⁶². При этом, как справедливо отмечает названный автор, коммунальная среда может функционировать только в форме чисто общественного блага, которое не может быть разделено на единицы потребления и продано (потреблено) по частям»¹⁶³.

Некоммунальность материально-технологической среды «...означает технологическую разобщенность, возможность обособленности важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования»¹⁶⁴, т.е. коммунальная среда «разложима на отдельные, не связанные между собой элементы, она обладает свойством дисперсности и может существовать как совокупность разрозненных, отдельных технологических объектов. В этом случае индивидуум или семья способны самостоятельно, без кооперации с другими членами общества, вовлекать части коммунальной среды в хозяйственное использование, поддерживать их эффективность и независимо распоряжаться полученными результатами. В этом случае главной функцией складывающихся институтов государства является обеспечение взаимодействия между обособленными хозяйствующими и социальными субъектами (выделено мной - С.С.)»¹⁶⁵.

«Материально-технологическая и институциональная среда об-
разуют, в конечном счете, - подчеркивает С.Г. Кирдина, - единую

¹⁶² Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 80.

¹⁶³ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 80.

¹⁶⁴ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 80.

¹⁶⁵ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 80.

систему и положительно воздействуют друг на друга. Коммунальная среда, не поддающаяся расчленению, со временем приводит к относительному расширению роли государства, выражающего общий, коллективный интерес. Государство создает соответствующую систему управления во главе с Центром и определяет общие правила пользования коммунальной инфраструктурой для всех хозяйствующих субъектов. На каждом историческом этапе формируется соответствующая времени идеология, выражающая справедливость такого общественного порядка. В свою очередь, вновь создаваемые производственные объекты эволюционно воспроизводят коммунальные свойства и закрепляют на следующем историческом шаге вызванные ими институциональные особенности общественного устройства»¹⁶⁶. Данная модель развития способствует преимущественной реализации уравнительных (коммуноцентрических), трудовых (продукционных) и собственно социальных (системных) социально-экономических интересов и затрудняет максимизацию монопольного (частно-группового) потребления. «В странах с некоммунальной материально-технологической средой, - как отмечается в литературе, - напротив, постоянно возрастает роль частных собственников в общественной жизни, что выражается в развитии системы соответствующих экономических и политических институтов и создании адекватных идеологических систем»¹⁶⁷. Соответственно, в последних странах экономическая система общества будет, прежде всего, детерминирована эгональными социально-экономическими интересами. Для социально-классовой структуры этих обществ (в их чистом виде) будет характерна сильная имущественная, объемно-правовая и статусная дифференциация между социальными классами. Изменение этого (т.е. построение социально-ориентированной рыночной экономики), как рефлексии на нарастание социальных антагонизмов в обществе в индустриально развитых странах Запада стало возможно, прежде всего, за счет эксплуатации других стран и народов.

¹⁶⁶ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 81.

¹⁶⁷ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. - С. 81.

Следует учитывать, что при рассмотрении процесса генезиса материально-технологической среды, пишет С.Г. Кирдина: «...научно-технический прогресс и масштабная человеческая деятельность не в силах изменить анализируемое свойство материально-технологической среды, превратив ее из коммунальной в некоммунальную, или наоборот. Более того, можно видеть, что по мере развития государств присущая им изначально среда все больше проявляет себя и приобретает более масштабный характер. Так, например, если на заре российской истории коммунальность была характерна лишь для системы речных путей и сельского хозяйства, то сегодня коммунальными являются энергообеспечение предприятий, жилищное хозяйство городов, железнодорожные сети, трубопроводный транспорт и т.д. Опыт показывает, что со временем материально-технологическая среда все более воздействует на характер принимаемых организационных и управленческих решений, определяет институциональные технологии, которые, затем, в свою очередь закрепляют и усиливают свойственные материальной инфраструктуре коммунальные или некоммунальные черты»¹⁶⁸. Скорее всего, для длительных исторических периодов заявленный принцип инертности «коммунальности (или некоммунальности) материально-технологической среды» не будет абсолютным, особенно если речь идет о смене экономико-технологических эпох, радикального изменения ландшафтов и связанной с ним эволюцией доминикатов и трудовых отношений. Вместе с тем, на наш взгляд, следует согласиться с тем, что С.Г. Кирдиной подмечено такое интересное свойство коммунальности (или некоммунальности) материально-технологической среды как высокая инертность, выражающаяся в относительной независимости от технико-технологических нововведений. Такой подход позволяет по новому взглянуть как на роль самих институциональных матриц в эффективном (в том числе с низкими транзакционными издержками) экономических отношений, так и на значение социально-классовой структуры (персонифицирующей институциональные отношения, объединяющей индивидов по их экономическим интересам и способам их оптимизации, а так же дифференцирующей формы и спо-

¹⁶⁸ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. – С. 81.

собы потребления) в экономической системе общества. При последовательном применении этого принципа становится более очевидным ранее заявленным нами подход к моделированию в политэкономии социально-классовой структуры реальных социумов исходя из определяющей роли в возникновении и трансформации этой структуры места субъектов в трудовых отношениях.

Сегодня становится очевидным, что критерием успешности институциональных заимствований, «ревизию и обновление исходной институциональной среды, когда активизируется деятельность по приведению ее в соответствие с новыми условиями»¹⁶⁹, является такое встраивание альтернативных форм в социально-экономическую систему общества, которое «не противоречит природе институциональной матрицы государства. Это означает, что при внедрении новых форм необходимо «сохранение опор», приоритета матричных институциональных структур, задающих направления эволюции страны»¹⁷⁰. На успешность (либо не успешность) этого встраивания будет оказывать влияние: степень постижения объективных законов социального развития, понимание обществом негативных сторон существующей институциональной матрицы и стремление ослабить порождаемые этим объективные социально-классовые антагонизмы, соотношение сил социальных классов, степень внешнего воздействия на социум и способность последнего его регулировать и т.д. В связи с этим можно предположить, что соединение в политэкономии социально-классового подхода и институционального моделирования будет способствовать дальнейшему возрождению этой науки, как теоретико-методологической базы, способствующей адаптации всех экономических и социальных наук к объективным запросам структурных деформаций, характерным сегодня для большей части человечества.

В своей работе мы исходим из того, что функционирование любой общественной системы невозможно без наличия в ней людей, которые объективным образом объединяются в различные группы. Таким образом, понять общие закономерности функционирования и

¹⁶⁹ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. – С. 214.

¹⁷⁰ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001. – С. 215.

генезиса институциональных матриц невозможно без выяснения природы их персонификации. Персонификация же институциональных матриц происходит в социальной структуре общества – образовании диссипативном и поэтому, предопределяющем, наряду со степенью коммунальности материально-технологической среды инертности этих матриц.

ЧАСТЬ 2

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНО- КЛАССОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ И ПОСТИНДУСТРИАЛЬ- НОМ ОБЩЕСТВЕ

Главы 4-8 посвящены раскрытию сущности и экономической обусловленности трансформации социально-классовой структуры индустриального общества, то есть раскрытию влияния экономических отношений на социально-классовую структуру в период господства индустриального уклада. Показывается специфика эволюции социальной структуры в постиндустриальном обществе. Раскрываются реально-онтологические формы этих изменений. Под экономическими отношениями нами понимаются отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни. Поскольку субъекты экономических отношений в индустриальном обществе являются одновременно субъектами социально-классовой структуры, то любые изменения в экономических отношениях вызывают изменения в социально-классовой организации общества, а если они носят устойчивый характер, то и в структуре. Названный подход позволяет отойти от интерпретации эволюции экономической обусловленности трансформации социально-классовой структуры индустриального (а для большинства социумов и аграрно-индустриального) общества как некоего «линейного» развития от якобы простых социально-экономических форм до сложных. Оговоримся, что в постиндустриальном обществе границы между социальными классами и социально-классовыми группами размываются, становятся менее заметными и в ряде случаев значительно трансформируясь приводят к уникальной социальной структуре, основанной не толь-

ко на экономической и правовой дифференциации, но и на развитой социальной мимикрии, обусловленной принципиально новыми общественно-функциональными инновациями, позволяющим правящим элитам моделировать (производить) желательное поведение иных социально-экономическим субъектам, навязывать последним ложную мотивацию, противоречащую их интересам. Сегодня существуют и широко используются технологические возможности нелетальной сборки и разборки социальных субъектов, позволяющие скрывать реальные полит-экономические противоречия, подменяя их мнимыми.

Глава 4. Понятие социально-классовой структуры общества

Дальнейшее развитие политической экономии возможно лишь используя современную теорию развития систем и методологический инструментарий системной динамики. «В основу методологии новой парадигмы обществоведения, - пишет С.Ю. Глазьев, - должны лечь современные общесистемные представления о процессах развития. Согласно этим представлениям развитие любой системы представляет собой неравномерный процесс, определяемый ее структурой»¹⁷¹. Развитие социально-экономической системы в направлении повышения внутренней упорядоченности обязательно сопровождается усложнением социально-классовой структуры. Последняя включает в себя все более разнообразные компоненты, становясь, вместе с тем, все более гибкой. Возможности и пределы дальнейшего развития социально-экономической системы, достигшей состояния зрелости, связаны с развитием ее социально-классовой структуры. Именно при изменении последней происходит трансформация системы и ее вступление в новый жизненный цикл, определяемый вновь образовавшимися взаимосвязями между элементами системы¹⁷².

Сегодня в науке является общепризнанным утверждение, что лишь системный подход позволяет дать строгое определение таких понятий, как «социально-классовая структура общества», «социальный класс», «социальная группа».

Для определения понятия «социально-классовая структура», прежде всего, необходимо выяснить значение самого термина «структура». Давая самое общее определение структуры, А.Н. Аверьянов, например, указывает, что «структура в прямом смысле этого слова есть строение системы. Вне системы структур не существует»¹⁷³. «Структурой, - отмечает Л.А. Петрушенко, - можно на-

¹⁷¹ Глазьев С. Ю. Закономерности социальной эволюции: вопросы методологии // Социологические исследования. - 1996. - №6. - С.50-62.

¹⁷² Глазьев С. Ю. Закономерности социальной эволюции: вопросы методологии // Социологические исследования. - 1996. - №6. - С.50-62.

¹⁷³ Аверьянов А. Н. Системное познание мира. - М.: Политиздат, 1985. - 263с.

звать общий, относительно устойчивый, изменяющийся в пространстве и времени способ связи внутренних связей и отношений системы. Он определяет функциональную деятельность системы, линию ее поведения, характер взаимодействия и многие другие ее особенности»¹⁷⁴. Расшифровывая эти положения, следует отметить, что понятие «структура» отражает форму расположения элементов и характер взаимодействия их сторон и свойств. Структура есть не что иное, как «итог движения элементов системы, итог их организации, упорядочение, и в этом смысле она выступает, как закон связи элементов»¹⁷⁵. Ведущий отечественный системолог Э.Г. Юдин писал, что «связь, целостность и обусловленная ими устойчивая структура - таковы отличительные признаки любой системы»¹⁷⁶. Данный автор также указывал, что «... пример структурализма показывает, что когда центральным оказывается понятие структуры, то оно фактически выступает примерно с тем же содержанием, с каким... выступает понятие системы»¹⁷⁷.

Следует сразу же оговориться, что, несмотря на справедливость последнего из приведенных высказываний, при рассмотрении систем в самом общем виде, существуют, однако некоторые отличия (даже в рамках структурно-функционального аспекта) между социально-классовой системой и социально-классовой структурой. Наиболее существенным из данных различий является то, что применительно к теме данного исследования понятие системы шире понятия структуры¹⁷⁸.

Итак, исходя из существующих в философской литературе определений структуры, можно предварительно отметить, что социально-классовая структура общества должна представлять собой специфическую форму расположения элементов ее составляющих и характер взаимодействия их сторон и свойств. Элементами тради-

¹⁷⁴ Петрушенко Л. А. Самодвижение материи в свете кибернетики. Философский очерк взаимосвязи организации и дезорганизации в природе. - М.: Наука, 1971. - С.45.

¹⁷⁵ Аверьянов А. Н. Системное познание мира. - М.: Политиздат, 1985. - С. 71.

¹⁷⁶ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. - М.: Наука, 1987. - С. 180.

¹⁷⁷ Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. - М.: Наука, 1987. - С. 182.

¹⁷⁸ Подробнее этот аспект проблемы будет рассмотрен нами ниже.

ционно называются те части предметов, процессов, которые являются относительно неразложимыми на данном уровне рассмотрения системы. Не изучив элементов взаимодействия - индивидов, нельзя понять не только природу социальных структур, но даже природу любой социальной группы. Характер сочетания элементов создает системную целостность, столь же реальную, как и сами элементы - индивиды, постоянно взаимодействующие друг с другом. Именно он (характер сочетания социальных элементов) будет определять содержание социально-классовой структуры.

Общесистемный подход дает основание предварительно заключить, что социально-классовая структура общества представляет собой совокупность: 1) наиболее устойчивых, сущностных, регулярно повторяющихся социально-классовых отношений между ее элементами; 2) самих этих элементов. Данная структура является разновидностью социальных структур. Поэтому прежде чем характеризовать социально-классовую структуру, необходимо выяснить специфику социальных отношений. В отечественной литературе, как правило, не приводилось и традиционно не приводится достаточно четкого критерия разграничения социальных и социально-классовых структур.

Долгое время на сложность изучения социальных отношений в советском обществе, помимо гносеологических причин, накладывал отпечаток партийный подход к изучению всех явлений общественной жизни, который господствовал до потери коммунистической партией лидирующего положения в обществе. Так, в начале 20-х гг. прошлого века, как отмечает В.Н. Бусько в монографии «Экономическая мысль Беларуси в период НЭПа (20-е годы)»: «Исследования белорусских ученых различных теорий государства и классов, осуществление ими классификаций этих теорий, свидетельствовали... об определенном подитоживании результатов предшествующего познания в мировой общественной мысли и по существу это означало начало нового этапа в его развитии, названного в дальнейшем - развитие марксистско-ленинского учения о социализме»¹⁷⁹. В этот период белорусский ученый С.В. Кацентов осуществил анализ существующих подходов зарубежных обществоведов о причинах

¹⁷⁹ Бусько В. Н. Экономическая мысль Беларуси в период НЭПа (20-е годы). - Мн.: Издательство «Право и экономика», 2000. - С. 33.

возникновения классов. При этом он традиционно выделил теории насилия (Е. Дюринг), внешнеэкономическую (Ф.П. Опенгеймер), расовую (Л. Гумплович), имущественную (У. Годвин), дифференциации доходов (А. Смит и Ф. Кенэ). Справедливо считая все эти теории немарксистскими, названный автор подверг их традиционной для того времени критике, подчеркнув, что только производственный фактор является единственно правильным основанием разделения общества на социальные классы, при этом определяющим, по его мнению, выступает отношение к средствам производства: «Марксистская социология кладет в основу классов не признак интеллектуальный, а признак экономический, признак, который кладется в основу марксистского понятия об обществе»¹⁸⁰. С.В. Каценбоген, на основании марксистско-ленинского подхода, сделал вывод о двух ведущих социальных классах современного ему капиталистического общества – пролетариате (который не обладает частной собственностью и поэтому является самым революционным классом) и буржуазии. Данный автор выделил также промежуточные социальные классы: мелкую буржуазию, крестьянство, люмпенов (в современной терминологии – это андэкласс), интеллигенцию и класс, являющийся наследием феодальных пережитков – землевладельцев. Этим научным представлением придерживался также другой белорусский экономист С.Я. Вольфсон. «Критериумом, которым марксизм пользуется для обоснования своего представления о классе, - считал этот автор, - является место занимаемое данной общественной группировкой в процессе производства, роль падающая на ее долю в системе народного хозяйства»¹⁸¹. При этом, как отмечается в литературе: «С.Я. Вольфсон наиболее удачным определением класса в марксистской литературе считал у В.И. Ленина, подвергая сомнению правильность обоснования Н.И. Бухариным деления общества на командующих и исполнителей»¹⁸². В это же время в БССР проблемами социально-классовой структуры общества, находясь на ортодоксально марксистских позициях, близких к выше-

¹⁸⁰ Каценбоген С. З. Марксистская социология. - Мн.: Белгосиздат, 1925. - С.52.

¹⁸¹ Вольфсон С. Я. Диалектический материализм. Курс лекций. - Мн.: Госиздат, 1926. - Ч.1-3. - Изд. 6. - С. 222.

¹⁸² Бусько В. Н. Экономическая мысль Беларуси в период НЭПа (20-е годы). - Мн.: Издательство «Право и экономика», 2000. -С. 31.

упомянутым точкам зрения, занимались Ю. Майзель¹⁸³, Г. Дунаев¹⁸⁴, М. Шульман¹⁸⁵ и Г.А. Гуреев¹⁸⁶.

К чести отечественных обществоведов в 60 - 80-е гг., несмотря на идеологические обстоятельства, затрудняющие беспристрастный анализ социально-классовой структуры, ими был сделан существенный вклад в развитие представлений о природе социальных отношений и структур. Вместе с тем, многие научные проблемы, связанные с социально-классовой структуризацией в отечественной (как, впрочем, и зарубежной) литературе не раскрыты вовсе.

Особо следует отметить, что нельзя говорить о каком-либо существенном отрыве западной социологии от отечественной. В современной зарубежной общественной науке наблюдается огромное разнообразие взаимоисключающих представлений о социальной и социально-классовой структурах. Западные авторы традиционно вкладывают в это понятие весьма различный смысл. Одни исследователи рассматривают социальную структуру как систему социального неравенства, другие определяют ее как совокупность групп ассоциаций и институтов, третьи считают ее системой статусов и ролей, сводя анализ к функциональной взаимозависимости между ними и т.д.¹⁸⁷

Как пишет ведущий французский социолог П. Ансар в своей книге «Современная социология»: «В целом с 1945 г. до 70-х г. во Франции, Италии, как и в ФРГ и США, многие исследователи в об-

¹⁸³ Майзель Ю. Сучасныя сацыялагі аб класах // Чырвоны сцяг. - 1925. - №3-4. - С.42-50.

¹⁸⁴ Дунаев Г. Да пытання аб значэнні грамадскіх класаў // Чырвоны сцяг. - 1927. - №7. - С.19-24.

¹⁸⁵ Шульман М. Демократия и диктатура // Вперед. - 1924. - №3. - С.73-82.

¹⁸⁶ Гуреев Г. А. Дарвинизм и Марксизм. - Гомель: Гомельский рабочий, 1925. - 420 с.

¹⁸⁷ Balcerowicz L. Common fallacies in the debate on the economic transition in central and eastern Europe. European Bank for Reconstruction and Development// Working paper № 11.- October 1993. - P.2-12; Dahrendorf R. Class and class conflict in industrial society.- New York: Acad. Press, 1959.- P.74.; Granovetter M. The Social Construction of Economic Institutions / Etzioni A., Lawrence P. R. (eds.). Socio Economics: Toward a New Synthesis. - Armonk, New York: M. E. Sharpe, 1992. - 232p.; Social problems in american society. Boston: U.S. Department of Commerce, 1983.- 624p.; The Delhi method: Techniques and applications / Ed. by H. Linstone. - L.: Cambridge Univ. Press, 1975. - 378 p.

ласти общественных наук, не связывая себя догматически с отдельными деталями марксовых положений, извлекли из них самое существенное с намерением преодолеть границы узкого экономизма (Ж.-П. Сартр, 1960) либо в целях подорвать авторитет функционалистских консервативных моделей (Ч. Миллс, 1959; Ю. Хабермас, 1968)»¹⁸⁸. Далее названный автор отмечает, что «1970 - 1980-е гг. отмечены отходом от этой содержательной стороны марксизма в общественных науках, что было связано с различными причинами, в которых исторические события сыграли не последнюю роль»¹⁸⁹.

На сегодняшний день белорусские и российские обществоведы по ряду субстационарно-гносеологических вопросов, связанных с изучением социальных отношений, опережают западных. Поэтому, выделяя специфику социальных отношений, логично обратиться именно к отечественным разработкам.

Патриарх отечественной социологии, М.Н. Руткевич, в обосновании целесообразности выделения социально-классовой структуры в современных для него условиях (работа была опубликована в 1979 г.) выдвинул следующие основные доводы¹⁹⁰: во-первых, социальная структура общества, оставаясь классовой и при социализме, включает в себя также иные виды социальных структур данного типа. Вместе с тем, социально-классовую структуру ни в коем случае не следует смешивать с национально-этической, социально-демографической, социально-территориальной, профессиональной и другими видами социальной структуры данного типа. Однако, поскольку первая является, по мнению данного автора, наиболее важной из всех перечисленных видов социальной структуры и накладывает свой отпечаток на любую из них, в литературе ее нередко именуют просто социальной структурой; во-вторых, преодоление существенных различий между двумя формами социалистической собственности - общенародной и колхозно-кооперативной – и, вместе с тем, между рабочим классом и колхозным крестьянством

¹⁸⁸ Ансар П. Современная социология // Социологические исследования. - 1996. - №1. - С. 136.

¹⁸⁹ Ансар П. Современная социология // Социологические исследования. - 1996. - №1. - С. 136.

¹⁹⁰ Руткевич М. Н. Социально-классовая структура социалистического общества и ее отражение в системе понятий // Социологические исследования. - 1979. - №1. - С. 23-25.

не исчерпывает собой задач построения бесклассового общества. Термин «социально-классовая структура» обладает тем преимуществом, - по мнению М.Н. Руткевича, - что ориентирует на преодоление не только различий между двумя «дружественными классами» советского общества, но и еще целого ряда социальных различий как необходимых для «достижения бесклассового общества».

Близко к данной точке зрения и понимание социально-классовых различий, излагаемое в монографии «Проблемы изменения социальной структуры советского общества», где под ними понимается – «категория, характеризующая те явления в системе общественных связей, которые ликвидируются при переходе к коммунизму, которые являются рудиментом классового антагонистического общества»¹⁹¹. В работе «Социальная структура развитого социалистического общества в СССР» также говорится, что «поскольку нередко встречаются попытки представить классовую структуру социалистического общества в СССР только как деление общества на два дружественных класса, не принимая во внимание иные, оставшиеся в наследство от классового антагонизма общества различия, постольку представляется оправданным употребление термина «социально-классовая структура», который ориентирует на вычленение рассматриваемой структуры из социальной структуры общества в общем смысле»¹⁹².

Для приведенного подхода, который являлся в то время достаточно типичным, характерны следующие ошибки: 1) авторами не дается четкого критерия социальных и социально-классовых структур, не показывается соотношение этих категорий. Отсюда социально-классовая, профессиональная, демографическая, имущественная и другие виды социальных структур рассматриваются как однопорядковые, что методологически неверно, поскольку социально-классовая структура включает в себя ряд структур (профессиональную, имущественную и т.д.), которые данные исследователи ставят с ней в один ряд как однопорядковые категории. Исходя из принципов системного подхода, следует признать ошибочным

¹⁹¹ Проблемы изменения социальной структуры советского общества. - М.: Наука, 1988. - С. 107.

¹⁹² Руткевич М. Н., Колбановский Н. В., Гелюта А. М. и др. Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. - М.: Наука, 1976. - С. 8.

рассмотрение как одно-порядковых социальных явлений, одни из которых полностью входят в состав других; 2) необходимость выделения социально-классовой структуры связывается с конечной целью развития социализма - построением бесклассового общества. В связи с этим, авторы пытались рассматривать социально-классовую структуру как пережиток капитализма (т.е. в любом случае пытаются апеллировать к периоду либо до, либо после социализма).

Сегодня в общественных науках, в том числе и в экономической теории, стало аксиоматичным как невозможность построения марксистской модели коммунизма, так и признание того факта, что построенное в СССР общество не являлось социалистическим. Естественно, что в свете этих новых теоретических установок апелляции к постулатам теории «научного коммунизма» очевидно нелепы. К чести отечественных обществоведов, уже в то время были предприняты попытки (иногда в методологическом плане достаточно успешные) рассмотреть реальные социальные структуры советского общества. Отмечалось, что наше общество развивалось на своей собственной основе и его социальная структура формировалась по законам присущим ему самому¹⁹³. Соответственно делался вывод, что социально-классовая структура образуется также по законам, внутренне присущим советскому обществу. «Однако преобладающая часть современных исследований социальной структуры советского общества, - как отмечал М.Х. Титма, - особенно его социально-классовой структуры, посвящена изучению путей достижения социальной односторонности. При этом за аксиому берется факт преодоления социально-экономического разделения труда, как основы движения в данном направлении. Но в ближайшей исторической перспективе трудно ожидать полного исчезновения даже простого физического труда. Тем более неправомерно рассматривать умственный труд как социально-однородный»¹⁹⁴. Таким образом, уже в рамках марксистской теории советские обществоведы осознали необходимость искать отличия понятий «социальная структу-

¹⁹³ Герасимов Н. В. Социализм: цели, принципы, отклонения // За передовую науку. - 1989. - №6 (10 февраля). - С. 3.

¹⁹⁴ Титма М. Х. К вопросу о социальной дифференциации в развитом социалистическом обществе // Социологические исследования. - 1980. - №3. - С. 35.

ра» и «социально-классовая структура» в явлениях, присущих реальному обществу.

Исходя из целей и задач данного исследования, необходимо определить, что же следует понимать под социальными отношениями. В отечественной литературе, если оставить в стороне фактическое отождествление некоторыми авторами социальных отношений с общественными отношениями в целом¹⁹⁵, можно выделить три основных точки зрения на специфику социальных отношений.

Ряд исследователей разделяют выдвинутое М.Н. Руткевичем понимание социальных отношений как «равенство и неравенство различных групп людей, и, прежде всего, общественных классов, по их положению в обществе»¹⁹⁶. Автор согласен с А.К. Белых и В.М. Алексеевым, которые считают, что специфика социальных отношений не раскрывается в вышеупомянутой точке зрения. «Эти виды отношений охватывают собой все общественные отношения. Действительно, экономические, политические и духовно-идеологические отношения - это все отношения между людьми, их общностями в лице наций, классов, социальных групп, трудовых коллективов. И отношения равенства и неравенства функционируют также во всех общественных сферах - равенство и неравенство экономическое, социальное, политическое и духовно-идеологическое»¹⁹⁷. Данные авторы считают, что «методическим критерием вычленения того или иного вида общественных отношений является объект, по поводу которого складываются отношения между людьми»¹⁹⁸. Последнее замечание само по себе также не вызывает возражений.

По мнению А.К. Белых и В.М. Алексеева социальные отношения «представляют собой отношения между людьми, их коллективами

¹⁹⁵ Селунская В. М. Социальная структура советского общества: История и современность. - М.: Политиздат, 1987. - С. 188 – 189.

¹⁹⁶ Руткевич М. Н. Становление социальной однородности. - М.: Политиздат, 1982. - С. 13.

¹⁹⁷ Белых А. К., Алексеев В. М. Социальная система социализма как объект политики // Пути формирования бесклассовой структуры социалистического общества. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. - С.79.

¹⁹⁸ Белых А. К., Алексеев В. М. Социальная система социализма как объект политики // Пути формирования бесклассовой структуры социалистического общества. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. - С.79.

как носителями качественно различных видов труда, различных трудовых функций».¹⁹⁹ А социальная структура, - как отмечает А.К. Белых, - это многообразие социально-трудовых субъектов²⁰⁰. Аналогичного подхода к проблеме придерживался и Р.И. Косолапов, который пишет, что социальная структура основывается на общественном разделении труда. «Социальная структура - это закономерное отражение разделения труда в облике групп людей, принадлежащих к различным специализированным сферам производства и общественной жизни, в отношениях этих групп друг к другу»²⁰¹. Г.В. Мокроносов также сделал вывод, что «общественное разделение труда и социальная структура общества по существу совпадают, поскольку речь идет об одном и том же - о месте групп, классов в системе производственных отношений»²⁰².

При таком подходе допускается фактическое отождествление социальных и трудовых отношений, сведение первых к общественному разделению труда, теряется смысл в выделении самой категории «социальные отношения», т.к. она может быть полностью заменена категорией «общественное разделение труда». Это ведет к тому, что из социальных отношений выпадают семейные, возрастные, религиозные, политические и многие другие отношения и остаются лишь трудовые отношения. Если встать на эту точку зрения, то по-прежнему остается не решенным вопрос о том, через какую же категорию определять совокупность общественных отношений и в чем субстанционально-гносеологическая сущность этой категории, т.е. подход А.К. Белых и В.М. Алексеевой не помогает раскрыть суть социальных отношений, а уводит исследователей в сторону от этого.

¹⁹⁹ Белых А. К., Алексеев В. М. Социальная система социализма как объект политики // Пути формирования бесклассовой структуры социалистического общества. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. - С.79.

²⁰⁰ Белых А. К. Социальная организация социалистического общества как объект управления // Вестник ЛГУ. Серия: Экономика. Философия. Право. - 1967. - №11. - Вып.2. - С. 82.

²⁰¹ Косолапов Р. И. Проблемы анализа социальной структуры советского общества // Проблемы мира и социализма. - 1973. - №5. - С.22.

²⁰² Мокроносов Г. В. Общественное разделение труда и социальная структура общества // Изменение социальной структуры социалистического общества. Материалы к всесоюзной теоретической конференции в Минске. - Свердловск: Уральский государственный университет имени А. М.Горького, 1965. - С. 53.

Другие авторы придерживаются взглядов В.П. Тугаринова, согласно которым область социальных отношений включает классы, сословия, нации, народности, профессии и категории, отражающие различные ее взаимоотношения между этими людскими коллективами²⁰³. Приведенная точка зрения дает достаточно точное представление о специфике социальных отношений. Вместе с тем, при таком подходе из социальных отношений исключаются отношения между индивидами, что ведет к искусственному сужению их сферы деятельности. Дополнив вышеприведенный перечень отношениями между отдельными людьми, мы будем в качестве социальных отношений рассматривать все субъект-субъектные отношения. Следует отметить, что в своем исследовании социально-классовой структуры транзитивного общества нами делается акцент на надперсональные уровни субъектности и интегральных социально-экономических субъектов, таких как социальные группы и классы.

Вышеприведенная точка зрения соответствует взглядам на специфику социальных отношений М. Вебера, который, рассматривая все разнообразие этих отношений, всегда имел в виду «только определеннный тип поведения отдельных людей»²⁰⁴. Он также отмечал, что «социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей или ориентируется на него»²⁰⁵.

²⁰³ Бектурганов К. Социальные аспекты управления агропромышленным комплексом в свете решений XXVI съезда партии и майского Пленума ЦК КПСС // Научный коммунизм. - 1982. - №6. - С. 120. Волков Ю. Е. Методологическое значение материалов XXVI съезда КПСС для понимания природы социальных процессов // Научный коммунизм. -1981. -№4. - С. 38. Ильин В. В. Социология как фундаментальная наука // Социологические исследования. -1994. - №3. - С.29-35. Лопата П. П. Сущность и основные особенности социальной политики КПСС в условиях социализма // Проблемы научного коммунизма. - М.: Политиздат, 1979. - Вып. 13. - С. 12. Осипов Г. В. Ведение. Развитие социологической науки в СССР // Советская социология: в 2-х т. - М.: Политиздат, 1982. - Т.1. - С. 9. Тугаринов Л. П. Соотношение категорий исторического материализма. - Л.: ЛГУ, 1958. - С. 52, 98-100.

²⁰⁴ Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - С. 614.

²⁰⁵ Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - С. 614.

Т.И. Заславская, характеризуя социальную структуру общества, приводит в статье «О движущих силах трансформации российского общества» очень интересную и, на наш взгляд, справедливую аналогию: «Важнейшим результатом посткоммунистических реформ явилось изменение трех взаимосвязанных характеристик соответствующих обществ: институциональной структуры, социальной структуры и человеческого потенциала. Первую из этих характеристик часто отождествляют с системой установленных в данном обществе правил игры. Развивая эту метафору, социальную структуру общества можно уподобить способу организации команды и принципам расстановки игроков, а человеческий потенциал - качеству игроков, их дееспособности, сыгранности, интересам и поведению»²⁰⁶. Далее названный автор отмечает, что «несмотря на явную упрощенность, это сравнение наглядно показывает, что названные характеристики общества системно дополняют друг друга, а их совместное рассмотрение позволяет достаточно полно анализировать как особенности, так и динамику каждого общества»²⁰⁷. «Социальная структура общества, - по мнению академика Т.И. Заславской, - представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих социальных групп, различающихся местом в общественном разделении труда, располагаемыми ресурсами, социальным статусом, а также ценностями, потребностями, интересами, стратегиями поведения, образом и стилем жизни».²⁰⁸ Далее Т.И. Заславская подчеркивает, что «эта структура отличается такой многомерностью, которая делает ее комплексное изучение невозможным».²⁰⁹ В свою очередь отметим, что именно последнее требует концентрации усилий обществоведов в первую очередь на социально-классовой структуре (как на наиболее значимой из всего многообразия социальных структур), которая, как будет показано ниже, выступает ре-

²⁰⁶ Заславская Т. И. О движущих силах трансформации российского общества // Общество и экономика. - 2003. - №6. - С.65.

²⁰⁷ Заславская Т. И. О движущих силах трансформации российского общества // Общество и экономика. - 2003. - №6. - С.65.

²⁰⁸ Заславская Т. И. О движущих силах трансформации российского общества // Общество и экономика. - 2003. - №6. - С.65.

²⁰⁹ Заславская Т. И. О движущих силах трансформации российского общества // Общество и экономика. - 2003. - №6. - С.65.

шающим фактором, определяющим динамику и направления эволюции социальной структуры общества.

Следует отметить, что в обществоведении длительное время существуют два направления в изучении социальных структур: при одном из них в качестве основных компонентов этой структуры рассматриваются исключительно социальные страты, что не позволяет исследователю раскрыть реальные социально-экономические, политические, этнические и иные общественные противоречия, а также определить реальные, а не мнимые (абстрактные) тенденции развития социума и факторы, их определяющие. При втором основными компонентами социальной структуры принимаются классы, причем внутри самого этого направления существуют принципиально разные подходы:

во-первых, когда приверженцы классовой теории делают акцент на том, что социальная структура связана, прежде всего, с дифференциацией между индивидами. В таком случае, прежде всего, рассматривается не род занятий людей, а их профессиональная позиция, не доходы людей, а распределение доходов между субъектами, что позволяет раскрыть социальное неравенство. В качестве теоретической цели при этом провозглашается необходимость раскрытия и объяснения исторических форм и степеней дифференциации, а также влияние последней на социальную эволюцию²¹⁰. Очевидным недостатком этого узкого подхода является сужение (сводящее на нет его методологическое значение) содержания, вкладываемого в понятие «социальная структура общества», лишь к дифференциации между индивидами. На самом деле названная структура так же включает в себя демографические, нравственные и многие иные отношения;

во-вторых, когда исследователи необоснованно расширительно трактуют понятие «классовой структуры» реально ведя речь «о тех же иерархиях социальных групп, что и у представителей собственно стратификационного подхода»²¹¹. При этом, в виду полной тождественности понятий, категориальное дублирование вносит только

²¹⁰ Blau P. M. Parameters of Social Structure// American Sociological Review. Vol. 39. 1974. - №5. - P.58.

²¹¹ Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. - М.: АспектПресс, 1996. - С. 41.

гносеологическую сумятицу, поскольку мешает четко определить исходные понятия данных социальных парадигм и гипотез;

в-третьих, когда исследователи признают, что категория «социально-классовая структура» уже понятия «социальная структура» и что первая структура полностью входит во вторую (интеграционный подход). При этом существует реальная возможность, как разграничить названные структуры, так и дать им четкие, внутренне непротиворечивые определения.

Всякое общество является сложным социальным агрегатом, состоящим из совокупности взаимодействующих субъектов, распадающихся не прямо на индивидов, а на два или большее число социальных общностей, которые уже, в свою очередь, разлагаются на индивидов. В основе выделения той или иной социальной структуры лежит функциональная или причинная связь взаимодействующих индивидов. В зависимости от степени интенсивности этой связи возникает возможность существования ряда структур в одной и той же совокупности людей. Характер такой связи будет показывать рядоположность и пересекающееся сосуществование социальных групп. «Степень интенсивности функциональной связи и ее характер - пишет П.А. Сорокин, - такова основа возможности сосуществования ряда коллективных единств в одном и том же населении»²¹². Далее он указывает, что социальная разновидность процессов взаимодействия или характер связей «влечет за собой многообразие коллективных единств, образуемых различно комбинирующимися индивидами - с одной стороны, с другой - принадлежность каждого индивида не к одному, а к ряду реальных совокупностей»²¹³.

Все социальные группы, в зависимости от количества объединяющихся их признаков, могут быть определены как элементарные или кумулятивные (интегральные). «Под элементарным или простым коллективным единством (социальной группой - С. С.), - пишет П.А. Сорокин, - я понимаю реальную, а не мнимую совокупность лиц, объединенных в одно взаимодействующее целое каким-либо одним признаком, достаточно ясным и определенным, не сво-

²¹² Сорокин П. А. Система социологии. - Пб.: Госиздат, 1920. - Т. 2. - С. 18.

²¹³ Сорокин П. А. Система социологии. - Пб.: Госиздат, 1920. - Т. 2. - С. 18.

димым на другие признаки»²¹⁴. В качестве таких признаков могут выступать: профессия, раса, объем прав, язык, территориальная принадлежность, пол и другие. «Под кумулятивной группой... понимается совокупность взаимодействующих индивидов, связанных в одно организованное целое связями не одной, а рядом элементарных группировок»²¹⁵. Соответственно и социальная структура, образованная на базе социальных групп, дифференцированных по одному признаку (достаточно ясному и определенному, не сводимому на другие признаки), может быть определена нами как элементарная социальная структура (например, профессиональная структура). Структура, объединяющая в себя несколько элементарных структур, является кумулятивной или интегральной. В качестве элементов такой структуры будут выступать кумулятивные группы, которые в свою очередь распадаются на элементарные группы. Кумулятивной группой, в частности, является социальный класс.

Выясним теперь: что такое социальный класс и в чем специфика социально-классовых отношений.

Под классом в современной науке подразумевается «понятие, выражающее совокупность (множество) предметов, удовлетворяющих каким-либо условиям или признакам»²¹⁶. В этой категории нет ничего сверхъестественного и поскольку в социальных структурах существуют значительные (по численности и социальному статусу) субъектные группировки, объединяющие индивидов на основе каких-либо схожих признаков, правомерно наиболее значительные из них описывать, используя понятие «социальный класс».

Уже в Средневековой Западной Европе Отцами Церкви были предприняты попытки разделения человечества на определенные разряды (или классы). Первоначально под разрядами они понимали «группы людей, обладающие однородными политическими, социальными и профессиональными признаками, харизматической и корпоративной общностью»²¹⁷. Данный «антропологический спиритализм» согласно которому деление на разряды происходило сверху

²¹⁴ Сорокин П. А. Система социологии. - Пб.: Госиздат, 1920. - Т. 2. - С. 58.

²¹⁵ Сорокин П. А. Система социологии. - Пб.: Госиздат, 1920. - Т. 2. - С. 237.

²¹⁶ Кузичев А. С. Класс // БСЭ. - М.: Советская энциклопедия, 1988. - 3-е изд. - Т. 12. - С. 267.

²¹⁷ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. - М.: Прогресс, 1987. - С. 341.

вниз в зависимости от набора совершенств, predeterminedенных Августиновой экзегезой трех персонажей Библии - Моисея, Даниила и Иова, воплощающих три типа человеческих характера: созерцательный, религиозный и светский, заботящийся только о земном. При таком подходе даже феодальным сюзеренам не приходилось рассчитывать на какое-либо заметное место в иерархии. Поэтому, наряду с названным традиционным подходом, в VIII веке возникает «социологическая антропология», которая предлагала трехчленное деление общества на: свободных, воинов и рабов. Названная схема, однако, не пользовалась успехом, поскольку, во-первых, в ней игнорировалась деятельность духовенства в обществе и, во-вторых, поскольку промежуточное положение воинов между свободными и рабами было характерно лишь для Священной Римской Империи. Французские авторы (А. Лаонский и др.) предложили разделять общество на «молящихся» (клирики), «воинов» и «безоружный народ» (трудящиеся). Последняя социологическая схема стала затем общепризнанной²¹⁸.

В XVII веке наука констатировала наличие социальных классов (Фурье, А. Смит, физиократы, Тьерри, Тизо). В последующий период роль и значение данных общественных образований была описана в трудах А. Смита, Д. Рикардо, социалистов-утопистов, К. Маркса, М. Вебера, П.А. Сорокина. Интересные соображения по противоречивости социально-классовых интересов были высказаны В.И. Лениным. При всех различиях во взглядах этих мыслителей на социальные классы, их точки зрения были схожи в том, что касается методологии классовой дифференциации общества. Они были едины в том, что в основе социально-классового расслоения лежит общественное разделение труда и социально-экономическое неравенство индивидов. Сам по себе данный научный подход не утратил своего гносеологического значения и сегодня.

В современной западной науке наблюдаются существенные различия в трактовках социальных классов и социально-классовой структуры. «Концепция классов, - указывал крупный английский обществовед Р. Дарендорф, - одна из наиболее наглядных иллюстраций неспособности западных исследователей достичь хотя бы

²¹⁸ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. - М.: Прогресс, 1987. - С. 341-343.

минимума согласия по этому кругу проблем»²¹⁹. Однако при всем многообразии воззрений на социально-классовую структуру, существует ряд доминирующих направлений. Это объясняется тем, что все авторы западных концепций в той или иной степени прибегали к одному из двух источников - к трудам М. Вебера или П.А. Сорокина.

Не до конца осознавая это, ряд отечественных социологов и политэкономов допускают существенные неточности при анализе основных направлений западной социологии. Так, например, в книге Е.Л. Белых и Г.П. Веркеенко «Социальная структура и социальные процессы в современном обществе»²²⁰ под видом трактовок американской социологической школы дословно дается социальная стратификация по профессиональному, объемно-правовому и имущественному признаку П.А. Сорокина, изложенная последним в «Системе социологии»²²¹. По этому поводу следует отметить, что хотя взгляды данного автора и были положены в основу теоретических построений американской социологической школы, но они отнюдь не тождественны последней. Более того, в период до 1920 г. включительно, т.е. в период подготовки и опубликования вышеупомянутой работы П.А. Сорокиным, данный автор являлся представителем не американской, а русской социологической школы.

По М. Веберу социальные классы - категории, различающиеся по экономическим признакам, иначе говоря, - это группы людей, находящихся в аналогичном экономическом положении, или обладающие одинаковыми «жизненными шансами»²²². Автор предлагает трехчленную модель социальной структуры, в которую включаются классы, статусные группы и партии²²³. Не вдаваясь в детальную критику изложенной классификации, отметим лишь, что в этом

²¹⁹ Dahrendorf R. Class and class conflict in industrial society. - New York: Acad. Press, 1959. - P. 86.

²²⁰ Белых Е. Л., Веркеенко Г.П. Социальная структура и социальные процессы в современном обществе. - М.: Московский государственный открытый педагогический институт, 1993. - С. 15 – 18.

²²¹ Сорокин П. А. Система социологии. - Пб.: Госиздат, 1920. - Т. 2. - 540 с.

²²² Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. - 1994. - №5. - С. 148.

²²³ Weber M. The theory of social and economic organisation. New York: Academic press, 1947. - P. 424-499.

случае М. Вебер неправомерно включил в модель социальной структуры такие разно-порядковые и несопоставимые напрямую друг с другом такие категории как, с одной стороны, классы и статусные группы, с другой стороны, партии.

Наибольшее число западных социологических разработок посвящено веберовским статусным группам, хотя различные авторы интерпретируют их по-разному. Остановимся здесь только на тех из них, которые представляют интерес, исходя из целей и задач нашего исследования. Так, Р. Дарендорф выделяет классы, исходя из близости или удаленности определенных групп к системе власти²²⁴. Аберкромби, Ури, Кромптон также дифференцируют социальных субъектов по объемно-правовому критерию²²⁵. При этом подходе справедливо подчеркивается значение социальной дифференциации в зависимости от объема властных прерогатив, но неверно игнорируются такие фундаментальные критерии социально-классового расслоения, как собственность на хозяйственные блага и другие элементы экономических отношений.

В период до потери КПСС лидирующего положения в обществе практически все советские ученые подчеркивали использование ленинского определения классов в качестве общей методологической посылки для определения категории «социальный класс» и «социально-классовые отношения»²²⁶. Как известно, под социальными классами В.И. Ленин понимал: «...большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы - это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, бла-

²²⁴ Dahrendorf R. Konflikt und Freiheit: Auf dem Weg zur Dienstklassengesellschaft. - München: Fink, 1972. - P. 122, 136.

²²⁵ Gender and Stratification. - Cambridge: Harvard Univ. Press, 1986. - P. 123.

²²⁶ Поляков Ю. С. Собственность и классы в развитом социалистическом обществе: вопросы теории. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. - 141с. Радаев В. В. Соотношение социальных сил на начальных этапах перестройки. - М.: Институт экономики АН СССР, 1988. - С. 5-18. Рывкина Р. В. Персонажи и призраки социального мира // Знание-сила. - 1988. - №9. - С.3-6.

годаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»²²⁷. Однако при интерпретации ленинского определения классов, при толковании отдельных его пунктов, при оценке места и роли классовобразующих признаков, их соподчинении в вопросе о степени применимости ленинского критериального аппарата к современному для того времени обществу, ряд исследователей сумел преодолеть узкие рамки догматов ленинской теории классов. Зачастую последняя подменялась трактовками социальных классов исходя из традиций русской и американской социологических школ. В своих работах нами приводились примеры этому²²⁸.

Исходя из общесистемного подхода можно предварительно отметить, что для определения сущности социально-классовых отношений необходимо рассматривать социальные классы с двух сторон: во-первых, с точки зрения их места и функциональной роли в обществе и, во-вторых, через противоречие социально-классовых интересов. Суть последней из перечисленных сторон социально-классовых отношений заключается в противоречии интересов, прежде всего, экономических, тех или иных социальных групп, протекающем главным образом из возможности одними социальными группами присваивать себе труд других.

Наличие противоречия интересов (прежде всего, экономических) в качестве критерия выделения социальных классов само по себе не вызывает споров в отечественном обществоведении. Другое дело, наличие разночтений в применении его к реальным общественным системами. При рассмотрении социальных классов по их месту и функциональной роли в обществе до настоящего времени нет единого мнения. Во многом это предопределилось существовавшей долгое время основополагающей установкой на непосредственное применение ленинских критериев при рассмотрении социальных классов и групп в обществе. Это было обусловлено: во-первых, отсутствием однозначного устоявшегося взгляда в современной экономической науке (и в целом в обществоведении) на то, что же сле-

²²⁷ Ленин В. И. Великий почин // Полное собрание сочинений. - М.: Политиздат, 1981. - 5-е изд. - Т.39. - С. 15.

²²⁸ Солодовников С. Ю. Становление и развитие социально-классовой структуры советского общества // Вестник НАН Беларуси. Серия гуманитарных наук. - 1999. - №4. - С. 21.

дует понимать под «отношением к средствам производства», под «ролью в общественной организации труда» и «под способом получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают». Иначе говоря, на деле в политической экономии происходило определение одного неизвестного (социального класса) через другие неизвестные (т.е. через категории, о которых отсутствует однозначное и точное представление); во-вторых, взаимным несоответствием критериев выделения социальных классов у В.И. Ленина.

В качестве работающего определения социальных классов по их месту и функциональной роли в обществе может быть использовано определение, данное П.А. Сорокиным. По его мнению, социальным классом «...является кумулятивная, нормальная, солидарная, полукрытая, но с приближением к открытой, типичная для нашего времени группа, составленная из кумуляции трех основных группировок: 1) профессиональной; 2) имущественной; 3) объемно-правовой»²²⁹. Иначе говоря, социальный класс можно определить как солидарную совокупность индивидов, сходных по профессии, по имущественному положению, по объему прав, а, следовательно, имеющих тождественные профессионально-имущественно-социально-правовые интересы.

Профессиональная структура обуславливает существование профессиональных групп, объединенных родом трудовой деятельности, владеющих комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков, приобретенных в результате специальной подготовки, опыта работы. Расчленение по профессиям имеет дело с образованием в обществе различных групп, которые разделяются, прежде всего, не различием взаимных отношений друг к другу, а различием отношений их к объекту деятельности. Такого рода техническое расслоение может доходить до огромного количества видов, подвидов, различных мелких подразделений, и среди бесконечного числа этих подразделений уже образуется социальное неравенство.

Профессия представляет собой обычное длительное занятие индивида, дающее ему средства к существованию. Данное профессиональное занятие, как правило, является и главной деятельностью.

²²⁹ Сорокин П. А. Система социологии. - Пб.: Госиздат, 1920. - Т. 2. - С. 298.

Иначе говоря, «... источник дохода и социальная функция индивида связаны друг с другом и образуют в своей совокупности профессию»²³⁰.

Данная квалификационно-профессиональная дифференциация будет порождать социальное неравенство. Именно различные специальности, различная квалификация в трудовом процессе ведут к социальным различиям между индивидами. В основе образования социальных классов лежат укрупненные профессиональные группы (генетический аспект). Вместе с тем, в социально-классово-дифференцированном обществе представители одной и той же профессии могут входить в различные социально-классовые образования (функциональный аспект).

Имущественная структура (или группировка по степени богатства и бедности), независимо от того, приближается она в данной стране к типу более закрытых групп или менее закрытых, вызывает расслоение всего общества на группы богатых и бедных. Причем, богатство и бедность индивида зависят не вполне от его воли. «Члены одной и той же имущественной группы... фатально становятся солидарными во многом, члены различных имущественных групп - фатально антагонистами»²³¹. Сходство имущественного положения ведет к стихийной организации сходно-имущественных индивидов. Лица, относящиеся к одной профессии, в зависимости от величины их доходов, могут принадлежать к различным группам с противоположными интересами.

Объемно-правовая структура (или группировка по объему прав и обязанностей), не совпадая с предыдущими двумя структурами, распадается на две основные группы: привилегированных, составляющих высший социальный ранг, и обделенных, дающих низший социальный ранг. Привилегированные составляют солидарное коллективное единство, такое же единство образуют и «обделенные»²³². Вместе с тем, в любом обществе с развитыми социальными структурами реальная дифференциация индивидов и групп в зависимости от объема их прав и обязанностей намного сложнее вышеприведенной.

²³⁰ Сорокин П. А. Система социологии. - Пб.: Госиздат, 1920. - Т. 2. - С. 149.

²³¹ Сорокин П. А. Система социологии. - Пб.: Госиздат, 1920. - Т. 2. - С. 161.

²³² Сорокин П. А. Система социологии. - Пб.: Госиздат, 1920. - Т. 2. - С. 173-188.

Таким образом, в качестве признаков социальных классов выделяются: 1) профессиональный; 2) имущественный; 3) объемно-правовой. Как только в обществе формируются устойчивые профессиональные, имущественные и объемно-правовые группы, как только они приобретают некоторую прочность (как общественная комбинация), сейчас же начинается взаимодействие между обществом, взятым как целое, и между отдельными социальными группами, причем каждая из сторон влияет на природу другой.

Ранее отмечалось, что огромное влияние на индивидов оказывает профессия, имущественное положение и объем прав. Если принадлежность к каждой из данных групп весьма сильно обуславливает поведение людей, то эта обусловленность будет значительно сильнее, когда сливается влияние всех этих трех структур. Индивиды, объединенные всеми тремя связями, будут иметь схожие экономические интересы, что выступает в качестве материального условия для их объединения в социальные классы, в целях более успешной реализации и защиты своих интересов. Общественные группы, резко отличающиеся друг от друга сразу по трем приведенным признакам, будут отталкиваться и противопоставляться гораздо сильнее, чем группы, отличные только по одному какому-либо признаку.

Вместе с тем, говоря об объединении общественных групп в социальные классы, необходимо учитывать всю систему социально-экономических отношений, как исчерпывающую характеристику социального класса. Так, Ю.С. Поляков, подчеркивая это, указывает, что «очевидно, лишь вся совокупность производственных отношений, складывающихся в процессе производства, обмена, распределения и потребления материальных благ дает исчерпывающую политико-экономическую характеристику класса»²³³.

Поскольку все социальные группы в обществе взаимодействуют друг с другом и при этом стремятся к наиболее оптимальной реализации своих интересов (прежде всего экономических), то все общество объективно должно распадаться на некие большие группы людей, противостоящие друг другу в зависимости от степени совпадения (противопоставления) их интересов (прежде всего

²³³ Поляков Ю. С. Собственность и классы в развитом социалистическом обществе: вопросы теории. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. - С. 13.

экономических). Что же будет предопределять это совпадение (противопоставление)? На наш взгляд, это все та же возможность одними социальными группами присваивать себе труд других (что зависит от их места и функциональной роли). Для защиты своих экономических интересов происходит стихийное объединение тех и других в социальные классы. Такое объединение выступает в качестве экономической базы образования социальных классов. Р. Дарендорф в работе «Class and class conflict in industrial society» (London, 1957 г.) писал по этому поводу, что «класс - это категория, которая используется при анализе динамики социального конфликта и его структурных корней»²³⁴. Вместе с тем, социальный класс не только экономическое, но и социальное, политическое и духовно-идеологическое образование.

К. Маркс в «Ницете философии» пишет: «Экономические условия превратили сначала массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, эта масса является уже классами по отношению к капиталу, но еще не для себя самой. В борьбе... эта масса сплывается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами»²³⁵. Из данной цитаты ясно видно, что в процессе возникновения и развития социальных классов, по мнению К. Маркса, существует такая форма социальной организации, когда люди, находящиеся в положении, определенном приведенными выше критериями (место и роль в системе функционально-трудовых отношений, отношений собственности, управленческих отношений и особые экономические интересы), еще не соединены внутренней связью сознательных (идеологических) отношений, а лишь связью субъективных отношений и объективных зависимостей, существующих в рамках производственных отношений. Тогда мы говорим, что они образуют «класс в себе», который, правда, не является простой совокупностью, поскольку связан системой объективных отношений, но и не представляет еще класса «для себя», т.е. не обладает еще вполне

²³⁴ Dahrendorf R. Class and class conflict in industrial society. - New York: Acad. Press, 1959. - P. 65.

²³⁵ Маркс К. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - М.: Политиздат, 1955. - 2-е изд. - Т.4. - С. 183.

развитым сознанием своих классовых экономических и политических интересов. Причем, объективные классовые интересы отражаются в субъективном классовом сознании отнюдь не зеркально. Осознание своих существенных, истинных интересов, без чего невозможно превращение «класса в себя» в «класс для себя», неизбежно происходит через систему психологических установок, данных предыдущим историческим опытом. Социальный класс может стать «классом для себя», лишь выработав собственную идеологию. На основе всего этого и происходит его организационное оформление.

Особо отметим, что под влиянием данного положения К. Маркса о «классе для себя» М. Вебер предлагал разграничивать в социально-классовой структуре «класс» и «социальный класс». Под классом данный автор понимал социальную общность связанную лишь сходством экономических интересов, «экономического положения» данной категории субъектов. Категорией «социальный класс» М. Вебер показывал, что высшим проявлением классовой общности служит мобилизующая и побуждающая к коллективным действиям осознанность своих классовых экономических и политических интересов и целей²³⁶.

Классик французской социологии П. Бурдьё также предлагает разграничивать возможные (логические) и реальные социальные классы. Данный автор пишет, что на основании знания экономических и других отношений можно «...вычленив классы в логическом смысле этого слова, т.е. класса как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые, будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обусловленностям, имеют все шансы для обладания сходными диспозициями и интересами, и, следовательно, для выработки сходной практики и занятия сходных позиций»²³⁷. П. Бурдьё справедливо считает, что данный класс «на бумаге» имеет теоретическое существование, «...он позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых и, ...поведение ведущее к объединению их в группу (в реальный соци-

²³⁶ Weber M. The theory of social and economic organisation. New York: Academic press, 1947. - P. 424-499.

²³⁷ Бурдьё П. Социология политики. - М.: Socio - Logos, 1993. - С. 59.

альный класс – С.С.)»²³⁸. «...Это лишь возможный класс, поскольку он есть совокупность агентов, которые объективно будут оказывать меньше сопротивления в случае необходимости их «мобилизации», чем какая-либо другая совокупность агентов»²³⁹. Превращение логического класса в реальный социальный класс, пишет он далее, возможно лишь через выработку у его членов чувства позиции, «занимаемой в социальном пространстве (социально-классовых отношениях - С.С.)»²⁴⁰.

И. Краус так же пишет: «Классы... являются конфликтными группами, которые, объединяясь, оспаривают существующее распределение власти, преимуществ и других возможностей... классы формируются, когда совокупность индивидов определяет свои интересы как сходные с интересами других из той же совокупности и как отличающиеся и противостоящие интересам другой совокупности лиц»²⁴¹. Данный исследователь подчеркивает важную роль в процессе формирования социального класса наличие у последнего собственной идеологии²⁴².

В связи с несводимостью всех компонентов социально-классовой структуры общества только к социальным классам и элементарным профессиональным, имущественным и объемно-правовым группам необходимо, исходя из цели более или менее адекватного отражения в теории многообразия корпоративных социальных субъектов, ввести для содержательного описания названной структуры ряд категорий.

Прежде следует дополнить приведенное выше определение социального класса П.А. Сорокина. Под социальным классом нами будет пониматься кумулятивная, нормальная, солидарная, полузакрытая, но с приближением к открытой, связанная положительной социально-классовой комплиментарностью группа, составленная из кумуляции трех основных группировок: 1) профессиональной; 2) имущественной; 3) объемно-правовой.

²³⁸ Бурдые П. Социология политики. - М.: Socio - Logos, 1993. - С. 59.

²³⁹ Бурдые П. Социология политики. - М.: Socio - Logos, 1993. - С. 59.

²⁴⁰ Бурдые П. Социология политики. - М.: Socio - Logos, 1993. - С. 65.

²⁴¹ Kraus I. Stratification, Class, and Conflict. - N. Y.: Acad. Press, 1993. - P. 12.

²⁴² Kraus I. Stratification, Class, and Conflict. - N. Y.: Acad. Press, 1993. - P. 15-16.

Понятие комплиментарности положительной (отрицательной) было введено Л.Н. Гумилевым для характеристики этносферы. Под ним понималось ощущение подсознательной взаимной симпатии членов этнических коллективов, определяющее деление на «своих» и «чужих»²⁴³. «В самом общем виде «принцип комплиментарности» (комплиментарности - С.С.) (соответственной дополнителности, завершенности, когда пространственные структуры взаимодополняют друг друга как перчатка руку, или силы взаимодействия связывают компоненты в новый объект), - пишет А.К. Адамов, - при движении материального объекта обуславливает под влиянием энергии приобретение новых свойств или структур и достижение нового уровня развития»²⁴⁴. Под социально-классовой комплиментарностью понимается ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) членов социальных классов, ведущее к формированию у них единой идеологии и определяющее деление на «своих» и «чужих». Положительная социально-классовая комплиментарность - это то, что (по терминологии П. Бурдье) отличает «реальный социальный класс» от «возможного (логического) класса».

Представляется гносеологически перспективным введение в политическую экономию ряда понятий, которые фиксируют определенную стадию развития социально-классовой общности - это «класс-слой», «класс-сословие», «дистрахо-класс», «синкретичный класс». Также целесообразно выделить социально-экономические категории, показывающие внутрикласовую дифференциацию субъектов: «социально-классовая группа», «маргинальная социально-классовая группа» и «кастовая социально-классовая группа».

Почему перспективно введение понятия «класс-слой»? Дело в том, что в современной социологии не только отсутствуют четкие критерии разграничения категорий «класс» и «слой», но и, как справедливо подчеркивает О.И. Шкаратан, «для многих авторов они вообще являются синонимами»²⁴⁵. Сегодня в обществоведении типичным является представление о том, что любое современное

²⁴³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. - М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. - С. 283.

²⁴⁴ Адамов А. К. Ноосферная философия. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. - С. 18.

²⁴⁵ Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. - М.: АспектПресс, 1996. - С. 42.

общество состоит из групп или множества индивидов, имеющих или носящих определенные характеристики. При этом эти характеристики рассматриваются в качестве критериев классификации, который может быть одно- или, чаще, многомерным (в нашей терминологии - это элементарные или кумулятивные структуры). При таком подходе традиционно внимание исследователя смещено с производства на распределение без осмысления объективных отношений между ними²⁴⁶. Эта ситуация привела сегодня к тому, что «в значительной части исследований одни и те же признаки применяются для выделения и классов и слоев»²⁴⁷. А отсюда следует широко распространенное среди обществоведов мнение, что «концепция «класса» является открытой для нескольких интерпретаций – как статусная группа, как профессиональная группа, как группа по доходу и группа власти»²⁴⁸, т.е. категорией класса охватываются неоднородные социальные субъекты в зависимости от того гносеологического контекста, который вкладывают в этот термин различные ученые. «Различен и смысл, - как отмечает О.И. Шкаратан, - вкладываемый разными авторами в термин «социальный слой». Большинство социологов обозначает этим термином общественную дифференциацию в рамках иерархически организованного общества. Зачастую содержание термина ничем не отличается от содержания, вкладываемого в термин «класс». В тех же случаях, когда данные понятия различают, термином «страта» обозначают группы внутри «классов», выделенные по тем же основаниям, что и сами «классы»²⁴⁹.

Поэтому нами предлагается введение в оборот вместо категории «слой» понятие «класс-слой», что позволит подчеркнуть, что названное состояние социально-классовой общности является одной из стадий жизнедеятельности социального класса и в то же время позволит четко выделить специфику этой стадии.

²⁴⁶ Hercommer. S. The Concept of Stratum in the Class Analysis of Advanced Capitalist Societies// *Marxism Today*.- 1976. - February. - P. 57.

²⁴⁷ Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. - М.: АспектПресс, 1996. - С. 42.

²⁴⁸ Reisman L. *Inequality in American Society. Social Stratification*. Glenview: Univ. Press, 1973. - P. 35.

²⁴⁹ Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. - М.: АспектПресс, 1996. - С. 42.

Класс-слой представляет собой общность, отличающуюся от социального класса отсутствием положительной комплиментарности, т.е. близкую по своей сути к «возможному классу» П. Бурдьё. Степень общности индивидов, составляющих класс-слой, уровень осознания ими своих общих потребностей и интересов (прежде всего экономических), степень их сплоченности и организованности меньше чем у представителей социального класса.

Для характеристики внутриклассовых групп введем категорию социально-классовая группа. Под названными группами понимаются такие внутриклассовые группы, которые частично отличаются между собой по одной (или двум) основным куммуляциям: или профессиональной, или имущественной, или объемно-правовой; по остальным же двум (или одному) полностью совпадающие с другими субъектами данного социального класса.

Для анализа процесса эволюции социально-классовой структуры общества переходного периода введем категорию социальный дистрахо-класс (от латинского слова - *distractor* - разрывающийся на части). Под данным классом нами понимается куммулятивная, полужакрытая, но с приближением к открытой, группа, составленная из куммуляции трех основных группировок: 1) профессиональной; 2) имущественной; 3) объемно-правовой, и характеризующаяся повышенной степенью расчлененности и рыхлостью внутренних структур. Дистрахо-класс - это социальный класс в процессе усиления автономизации его внутриклассовых (социально-классовых групп) ведущих в перспективе к его распаду на несколько новых социальных классов. Как правило, вышеупомянутая социально-классовая общность характеризуется еще меньшей возможностью для совместных действий, чем класс-слой - единая идеологическая позиция у субъектов его составляющих отсутствует.

Признание целесообразности использования в обществоведении категории «социальный дистрахо-класс», на наш взгляд, требует введения в научный оборот понятия эмбриональный (синкретичный) социальный класс (или, для краткости - синкретичный класс). Названная социальная общность представляет собой социально-классовую группу, входящую в дистрахо-класс, в процессе ее превращения в собственно социальный класс. Синкретичный класс отличается слитностью, нерасчлененностью в связи с первоначальной неразвитостью состояния.

В последние годы в философской и социологической литературе уделяется большое внимание такому явлению как маргинальность, которая выступает в качестве одной из характеристик состояния социальных, в том числе и социально-классовых, структур. Названное понятие, как правило, используется «для обозначения относительно устойчивых социальных явлений, возникающих на границе (выделено мной - С.С.) взаимодействия различных культур, социальных общностей, структур, в результате чего определенная часть социальных субъектов оказывается за их пределами»²⁵⁰. Несмотря на кажущуюся простоту определения названного феномена и его более чем семидесятилетнюю научную историю²⁵¹, до настоящего времени в применении категории маргинальность имеется большое количество гносеологических трудностей. Следует согласиться с И.П. Поповой, что причина названного положения вещей тройка: «Во-первых, в практике использования самого термина сложилось несколько подходов (в социологии, социальной психологии, культурологии, политологии, экономике и т.д.), что придает понятию достаточно общий, междисциплинарный характер. Во-вторых, в процессе уточнения и эволюции понятия в социологии утвердилось несколько значений, связанных с различными типами маргинальности. В-третьих, его нечеткость, неопределенность делает сложным измерение самого явления, его анализ в контексте социальных процессов»²⁵². Таким образом, в современном обществоведении, на наш взгляд, целесообразно говорить не о какой-либо абстрактной маргинальности некоего не обозначенного социального явления, а лишь о маргинальности тех или иных типов (или классов) явлений и отношений. Применение понятия маргинальности при характеристике компонентов социально-классовой структуры выдвигает на первое место такие ее атрибутивные признаки как «пограничность», «промежуточность», «неоднозначность» и «неопределенность», что подчеркивает повышенную степень энтропийности маргинальных социально-классовых субъектов. На наш взгляд, описать современным

²⁵⁰ Попова И. П. Новые маргинальные группы в Российском обществе (теоретические аспекты исследования)// Социологические исследования. -1999. - №7. - С.62.

²⁵¹ Park R. E. Human migration and marginal man// American Journal of Sociology. - Chicago, 1928. - Vol. 33.- №6. - P. 881-893.

²⁵² Попова И. П. Новые маргинальные группы в Российском обществе (теоретические аспекты исследования)// Социологические исследования. -1999. - №7. - С. 63.

системным языком социально-классовую организацию и структуру общества нельзя без введения категории маргинальная социально-классовая группа (или, для краткости - маргинальная группа), которая представляет собой социально-классовую группу, входящую в один социальный класс, но по ряду признаков так же близкую к другому социальному классу. Данная группа занимает специфическое «пограничное» положение в социально-классовой структуре общества. Названная группа с большой степенью вероятности может быть охарактеризована как энтропийный элемент на групповом уровне.

Социальный класс-сословие (или, для краткости - класс-сословие) представляет собой полузакрытую группу, с приближением к закрытой; доступ в которую ограничен, в том числе обычаями и традициями, и представители которой обладают передаваемыми по наследству правами и обязанностями. Примером таких социально-классовых общностей может служить Япония второй половины XX столетия. В этой стране широко развита система наследования политической власти, «...когда сыновья, дочери и внуки политиков старших поколений почти автоматически занимают места в парламенте от тех же самых выборных округов (нисэй или сансэй гиин). В середине 90-х гг. эти парламентарии во втором или третьем поколении занимали до четверти мест в нижней и до одной пятой - в верхней палате японского парламента. Если к ним добавить супругов, деверей, племянников и других родственников, а также бывших секретарей ушедших на покой парламентариев, то масштабы феномена наследования власти окажутся еще более впечатляющими»²⁵³. К этому следует также добавить, что японский кабинет министров (высшая исполнительная власть) формируется из действующих политиков-парламентариев из правящей или правящих партий. Вместе с тем, реальное управление страной находится не в руках министров и их заместителей (политиков выбранных народом), которые традиционно сменяются ежегодно, а в руках карьерной бюрократии. Последняя также является сегодня классом-сословием. Система же консультационных совещаний при органах власти, «...объединяющая в себе коллективный опыт чиновничества, дело-

²⁵³ Кравцевич А. И. Отделяя зерна от плевел // Япония: мифы и реальность. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. - С. 13.

вых и академических кругов, профсоюзов и потребителей и призванная содействовать достижению общественного консенсуса в отношении принимаемой политики»²⁵⁴, в большем количестве случаев является ширмой для придания соответствующего антуража подготовленных бюрократией решений.

Кастовые социально-классовые группы (или, для краткости - касты) - социально-классовые группы, занимающие определенное (строго ранжированное) место в социальной иерархии, связанные с жесткофиксированными видами деятельности и ограниченные в общении друг с другом.

Таким образом, социальный класс - это реальная экономическая категория, которая позволяет выделить по ряду (экономических) признаков группу индивидов, выступающих в социальных и социально-экономических отношениях как большая замкнутая система с определенным динамическим алгоритмом поведения и специфической внутренней структурой, меняющейся в зависимости от стадии развития класса - от степени его «зрелости» (класс-слой, социальный дистрахо-класс и т.д.).

Наряду с социальными классами и социально-классовыми группами, выполняющими определенную функциональную экономическую роль, в обществе существуют классоподобные группы, которые ее не выполняют. При этом названные группы также обладают специфическими интересами, однако их участие в общественном производстве было либо в прошлом (неработающие пенсионеры), либо в будущем (дети и учащаяся молодежь), либо в принципе деструктивно (криминалы). Эти группы, не выполняя конкретной (персонифицированной за ними) функциональной роли в экономической системе, в то же время оказывают активное влияние на цели, направления, сроки экономических реформ и т.д.

В процессе своей жизнедеятельности социальные классы, социально-классовые и классоподобные группы могут объединяться в социально-классовые группировки (социальные надклассы) с целью совместной борьбы за оптимизацию условий реализации своих социально-экономических интересов. При этом главным условием названной интеграции выступает временное совпадение интересов

²⁵⁴ Кравцевич А. И. Отделяя зерна от плевел // Япония: мифы и реальность. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. - С. 14.

объединяющихся субъектов и явное противоречие их социально-экономическим интересам других социальных классов. Такое объединение тех или иных социально-классовых субъектов может происходить на определенный, как правило, достаточно короткий исторический промежуток. Следует также отметить, что потенциальная возможность названного объединения во многом определяется нравственными отношениями того или иного социума (обычаями, традициями, моральными нормами трагедиями, нормами идеалами и т.д.).

Следует разграничивать социально-классовые отношения: в узком смысле как отношения между индивидами, включенными в специфические кумулятивные (интегральные) группы - социальные классы, и в широком смысле как отношения между людьми, объединенными в элементарные профессиональные, имущественные и объемно-правовые группы и кумулятивные (интегральные) группы - социально-классовые и классоподобные группы, социальные классы.

Таким образом, социально-классовая структура общества представляет собой совокупность: 1) наиболее устойчивых, существенных, регулярно повторяющихся социально-классовых отношений, которые возникают между индивидами, объединенными в социальные классы, социально-классовые и классоподобные группы, а также в элементарные профессиональные, имущественные и объемно-правовые группы; 2) самих этих индивидов, объединенных в названные социально-классовые общности. В социально-классовой структуре определяющим будет характер сочетания элементов, ибо именно сочетание (наиболее устойчивые, сущностные, регулярно повторяющиеся социально-классовые отношения) создает системную целостность, столь же реальную, как и сами элементы - социальные классы и элементарные имущественные, объемно-правовые и профессиональные группы, постоянно взаимодействующие друг с другом.

В любом реальном обществе существует, постоянно воспроизводясь или исчезая, большое разнообразие социально-классовых отношений. Если предположить, что в каком либо социуме все названные отношения будут устойчивыми, сущностными, регулярно повторяющимися, то есть что будут отсутствовать какие-либо хаотические социально-классовые процессы или явления, то в назван-

ном обществе будет отсутствовать какой-либо динамизм и оно будет обречено на застой. Более того, в соответствии с законом Е.А. Седова, для нормального функционирования и более или менее адекватного реагирования на изменение окружающих социально-экономических реалий (то есть для восприятия информации) хаотические процессы должны не только присутствовать, но и занимать достаточно значительную долю во всей совокупности социально-экономических отношений. Вместе с тем, если данные хаотические процессы переходят определенный предел, то есть если наличие не хаотических процессов становится недостаточным для поддержания определенных структур в социуме, то это общество умирает. При этом происходит деградация социально-классовой структуры. Поэтому для характеристики реальных социально-классовых отношений необходимо использовать понятие «социально-классовая организация общества», которая охватывает более широкий аспект общественных отношений, чем социально-классовая структура. Первая включает в себя не только устойчивые, сущностные, неслучайные, регулярно повторяющиеся, но и неустойчивые, случайные, нерегулярные отношения. Некоторые изменения в социально-классовой организации общества будут выступать в качестве специфического социального «эмбриона» эволюции социально-классовой структуры.

Категория «социально-классовая структура общества», как отмечалось выше, не описывает всего разнообразия социально-классовых отношений и не несет в себе эволюционного потенциала. Иначе говоря, если представить, что все разнообразие социально-классовых отношений в некой социально-экономической системе свелось лишь к наиболее устойчивым, существенным, регулярно повторяющимся, то есть к неслучайным детерминированным отношениям, то такая система могла бы существовать лишь при неизменных внешних условиях (стабильные природно-климатические условия, неизменные источники сырья, отсутствие научно-технического прогресса или регресса, застывшая демографическая структура при неизменной численности населения и т.д.), то есть она в принципе нежизненна. Для того, чтобы реагировать на изменение внешних условий в социально-экономической системе обязательно должны существовать энтропийные (энтропия – это мера

неопределенности стохастических процессов) социально-классовые отношения.

Все реальные, а не мнимые, социально-классовые отношения делятся на два типа: 1) устойчивые, существенные, регулярно повторяющиеся – формирующие социально-классовую структуру и являющиеся в данном случае выражением структурной информации²⁵⁵; 2) неустойчивые, случайные, стохастические – являющиеся воплощением энтропийных процессов ведущих к трансформации социально-классовой структуры и позволяющие последней адекватно реагировать на изменение социально-экономической системы. Именно совокупность всех этих отношений (устойчивых и неустойчивых, статистических и стохастических и т.д.) предлагается нами описывать в дальнейшем термином «социально-классовая организация».

Соответственно, в социально-классовой организации любого реального общества будут присутствовать не входящие в социально-классовую структуру элементы – индивиды, которые могут объединяться в определенные, достаточно устойчивые группы (например – андеркласс). В свою очередь, в любом социальном классе также будут присутствовать энтропийные элементы, обеспечивающие возможность его изменения, и структурно-информационные элементы, обеспечивающие возможность его самосохранения (См. Рис 4.1. «Стадии развития социальных классов»). Дистрахо-класс – это класс с максимальной энтропией, а социальный класс-сословие и кастовая социально-классовая группа – это общности с минимальной энтропией. Действительный уровень разнообразия на высших уровнях социально-классовой структуры может быть обеспечен за счет ее эффективного ограничения на низших уровнях²⁵⁶. В случае значительного снижения энтропийных процессов система (социально-классовая структура, социальный класс и т.д.) начинает терять свои адаптивные свойства. Достигнув высочайшей степени упорядоченности (иными словами - жесткой детерминированности), социальная система может продолжать существовать лишь в неиз-

²⁵⁵ Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. - 1993. - №5. - С.93.

²⁵⁶ Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. - 1993. - №5. - С. 92.

менно стабильных условиях, при изменении которых обречена на неминуемую гибель. При этом, в соответствии с теорией катастроф, переход от минимальной энтропии к максимальной происходит скачкообразно.

Исходя из целей данного исследования целесообразно провести разграничение социальных классов на производительные и непроизводительные. Несмотря на то, что такой методологический принцип не является новым для политэкономии, в последние десятилетия при изучении социально-классовых структур общества существуют три основных подхода в его реальном применении. В одном случае названное разграничение игнорируется как несущественное (в этом случае политэкономия попросту опускает из сферы своего внимания основу трудовых отношений), при втором подходе предлагается практически отождествлять физический труд с производительным, а весь остальной труд с непроизводительным (при этом, в частности, игнорируются субъекты, обеспечивающие технический и социальный прогресс в обществе, а сама политэкономия практически сводится к апологетике «особой исторической роли» пролетариата). Третий подход основывается на признании решающей роли труда в системе генетических основ любой экономической системы и признании производительным труд не только труд в сфере материального производства, но и в иных сферах. Данный подход сегодня является наиболее гносеологически перспективным. Поскольку в первой главе нами, на основании отдельных положений монографии П. Г. Никитенко «Эффективность накопления: системный императив и метод предпринимательства»²⁵⁷ уже было показано, по каким критериям следует разграничивать труд (производительный и непроизводительный) и деятельность (полезную, менее полезную и бесполезную), то не будем это повторять. Напомним только, что исходя из такого методологического подхода представляется возможным разграничение современных социальных классов и групп на производительные и непроизводительные.

²⁵⁷ Никитенко П. Г. Эффективность накопления: системный императив и метод предпринимательства. - Мн: Университетское, 1992. – 180 с.

Глава 5. Эндогенные социально-экономические факторы, обеспечивающие существование и эволюцию социально-классовой структуры

5.1. Социально-экономические факторы, обеспечивающие существование и эволюцию социально-классовой структуры общества

Столетиями, начиная с О. Конта, разбившего свою теорию на две части: «социальная статика» и «социальная динамика», в социологии укреплялся взгляд (нашедший наиболее завершенное выражение у Г. Спенсера) о необходимости изучения общества сначала как социальной анатомии, то есть его составных частей и их расположения, а уже затем концентрировать внимание на социальной физиологии - процессах протекающих внутри общества. Причиной такого подхода явилось некорректное, излишнее отождествление биологических и социальных объектов. В соответствии с этими взглядами, конечный итог развития общества у О. Конта «опять таки уподоблялся результату эволюции организма (от эмбриона к зрелости). Предполагалось, что существует некое устойчивое состояние общества, которое можно наблюдать и анализировать независимо от состояния последнего»²⁵⁸.

Г. Спенсер развил социальную парадигму О. Конта, изменив терминологию и противопоставив «структуру» и «функцию», при котором «понятие «структура» подразумевало исследование внутреннего строения, или формы, социального целого, понятие «функции» - способы его деятельности, или трансформации»²⁵⁹. Из такого подхода вытекало, что возможно отделить структуру общества от его функций и что социум можно рассматривать «как некую жест-

²⁵⁸ Штомпка П. Социология социальных изменений. - М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 19.

²⁵⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений. - М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 19.

кую сущность, осязаемый объект, отдельно от происходящих в нем процессов»²⁶⁰.

В течение всего XIX и до конца XX века названный подход был единственным в обществоведении. Методологическим наследием идей О. Конта и Г. Спенсера, как отмечал ведущий польский социолог П. Штомпка, «явилось противопоставление двух типов исследовательских процедур, которые описаны Контом: поиска законов существования (т.е. выяснение почему определенные социальные феномены неизменно появляются вместе) и выяснение, в противовес им, законов следования (т.е. установления, почему определенные социальные феномены неизменно либо предшествуют, либо возникают вслед за другими)»²⁶¹. На этой же методологической базе, к слову, выросла и известная марксистская идея о возможности «наполнить старую форму новым содержанием».

С появлением синергетики и первыми (пока не всегда удачными) попытками применения ее в социальных науках стало очевидным, что любое реальное общественное явление не может быть первоначально рассмотрено в статике, а затем уже в динамике, поскольку и происхождение, и функционирование, и изменение любых социальных объектов это непрерывный, не прекращающийся ни на мгновение процесс (именуемый жизнью), который можно лишь с рядом оговорок и для определенных научных целей разделять на некие идеальные периоды или состояния. Поэтому в предлагаемой работе автор не будет искусственно разграничивать социально-экономические факторы на обуславливающие: 1) существование социально-классовой дифференциации общества и 2) эволюцию социально-классовой структуры. Нами будут ниже рассмотрены социально-экономические факторы, одновременно обуславливающие (в социально-дифференцированных социумах) существование и эволюцию социально-классовой структуры общества.

Предварительно отметим, что существование и эволюция социально-классовой структуры общества предопределяется всей системой экономических отношений. В настоящее время в научной лите-

²⁶⁰ Штомпка П. Социология социальных изменений. - М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 19.

²⁶¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. - М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 19.

ратуре существует огромное количество трактовок и определений экономической системы и экономических отношений. В виду ограниченного объема данной работы, не представляется возможным не только рассмотреть все эти концепции и дефиниции, но и даже перечислить их. Исходя из целей и задач нашего исследования, наиболее приемлемым представляется взгляд на экономическую систему, предложенный Н.В. Герасимовым, как на «единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный, материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни»²⁶². Соответственно, функциональное назначение экономических отношений в самом общем плане заключается в обеспечении общества необходимыми для его существования материальными условиями, средствами, благами, иначе говоря, - в обеспечении обмена общества веществом и энергией с окружающей средой.

В экономической системе, в соответствии с целями и задачами нашего исследования, можно выделить следующие роды отношений: трудовые отношения, отношение собственности, отношения социально-экономического определения и потребностные отношения²⁶³.

Очевидно, что после своего возникновения социально-классовая структура любого общества не является неизменной и неподвижной, а это значит, что в ней постоянно, с той или иной быстротой, происходят определенные изменения. Для описания этих изменений в литературе используется понятие «эволюция».

Под эволюцией социально-классовой структуры общества нами понимаются процессы изменения (преимущественно необратимого характера), протекающие в ней. В результате эволюции возможно ее усложнение, дифференциация, повышение уровня организации

²⁶² Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 25-26.

²⁶³ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 45-47.

или же наоборот, понижение этого уровня. Эти процессы находят свое отражение в изменении отношений между социальными группами и классами, а также в таком количественном и качественном преобразовании самих этих компонентов, которое предопределяет трансформацию отношений между ними.

Эволюция включает в себя как постепенные количественные изменения, так и качественные сдвиги. Эволюция социально-классовой структуры общества, как отмечалось ранее, происходит через изменение его социально-классовой организации. Это предопределяется охватом социально-классовой организацией более широкого аспекта общественных отношений, чем социально-классовой структурой.

Основой эволюции социально-классовой структуры общества являются изменения, происходящие в элементарных социальных структурах: профессиональной, имущественной и объемно-правовой. Изменения в элементарных и социально-классовой структурах сводятся: 1) к перемещению индивидов из одной существующей элементарной или кумулятивной структуры (группы) в другую, которое сопровождается изменением объема этих групп; 2) к исчезновению одних или появлению других элементарных или кумулятивных групп однородного характера в данной социальной общности.

Среди социально-экономических факторов, предопределяющих эволюцию социально-классовой структуры общества, следует различать экзогенные и эндогенные факторы. Под экзогенными социально-экономическими факторами, обуславливающими эволюцию социально-классовой структуры общества будем в дальнейшем понимать такие социальные и природные процессы (или отношения), которые, во-первых, являясь внешними по отношению к экономической системе общества, в тоже время непосредственно связаны с последней, и, во-вторых, реально предопределяют изменение социально-классовой структуры. В свою очередь, под эндогенными социально-экономическими факторами, предопределяющими эволюцию социально-классовой структуры общества, понимаются социально-экономические факторы внутреннего по отношению к экономической системе общества происхождения.

Экзогенные и эндогенные социально-экономические факторы тесно связаны друг с другом и взаимообусловлены. В ряде случаев

между ними невозможно провести четкую грань. Вместе с тем, можно (условно) охарактеризовать экзогенные факторы как экономические предпосылки и условия (социальную среду экономических отношений), а эндогенные - как экономические причины эволюции социально-классовой структуры общества.

В качестве эндогенных социально-экономических факторов, предопределяющих существование и эволюцию социально-классовой структуры общества необходимо выделять: различное место субъектов в трудовых отношениях; различное место субъектов в отношениях собственности; различное место субъектов в отношениях социально-экономического определения; различное место субъектов в потребностных отношениях и вытекающая из этого различная степень удовлетворения потребностей индивидов; различные социально-экономические способности субъектов и их постоянное изменение; различные интересы субъектов и их постоянное изменение.

Вышеназванные факторы проявляются на фоне действия экзогенных факторов, которые, в свою очередь, можно разделить на объектные и субъектные. Модель воздействия всех вышеназванных факторов на социально-классовую структуру общества схематически отражена на рисунках: 5.1 «Принципы действия социально-экономических факторов, обуславливающих существование и эволюцию социально-классовой структуры», 5.2 «Механизм экономической обусловленности трансформации социально-классовой структуры общества» и 5.3 «Механизм действия социально-экономических факторов, обуславливающих существование и эволюцию социально-классовой структуры». При этом, исходя из существующей обществоведческой традиции, нами под моделью, в данном случае, понимается виртуальное воспроизведение принципов функционирования и развития системы. Это воспроизведение в социальных и гуманитарных науках осуществляется в знаковой форме: теория, программа, схема, график и т.д.

В качестве основных объектных экзогенных факторов, обуславливающих существование и эволюцию социально-классовой организации общества, нами выделяются: хрономический (изменение природно-географических условий); технологический (изменение технологического уклада); демографический (изменение половоз-

ростной структуры общества и социально-классовых агрегированных субъектов).

В качестве основных субъектных экзогенных факторов, обуславливающих существование и эволюцию социально-классовой организации общества, на наш взгляд, правомерно рассматривать: моральный (изменение нравственных отношений в обществе); политический (изменение политической системы); социально-гносеологический (степень развития науки об обществе и ее применение при попытках сознательного общественного, в том числе, государственного регулирования социальных процессов); социально-капитальный (неравномерность накопления экономическими субъектами социального капитала).

5.2. Трудовые отношения как фактор, обуславливающий существование и эволюцию социально-классовой структуры общества

В качестве первого фактора, обуславливающего существование и эволюцию социально-классовой структуры общества, выступает различное место субъектов в трудовых отношениях.

Существование и развитие человеческого общества, обеспечение его материальной базы возможно лишь на основе труда. Труд представляет собой особый вид субъектно-предметных отношений, а также содержит в себе специфическую совокупность внутрисубъектных отношений. В настоящее время в экономической литературе отношения, в которые вступают субъекты в процессе труда, названы трудовыми и определяются как отношения людей по поводу их участия в труде или иными словами «трудовые отношения можно определить как отношения, возникающие между субъектами в сфере трудовой деятельности»²⁶⁴. А.П. Морова справедливо определяет трудовую деятельность «как целесообразную общественно необходимую и практически полезную производственную деятельность человека, направленную на обеспечение экономической жизнестойкости общества и его членов»²⁶⁵. При этом под жизнестойкостью (жизнеспособностью) понимается способность сохранять себя, развертывать и воспроизводить в реальных условиях²⁶⁶. С учетом такого понимания трудовой деятельности в дальнейшем нами будет использоваться наиболее совершенное на сегодняшний день и развернутое определение трудовых отношений, когда последние характеризуются «как отношения, которые возникают и устанавливаются между субъектами в процессе трудовой деятельности при создании материальных средств и благ, а также услуг, необходимых

²⁶⁴ Морова А. П. Социальная политика в сфере трудовых отношений. - Мн.: ИСПИ, 2000. - С. 6.

²⁶⁵ Морова А. П. Социальная политика в сфере трудовых отношений. - Мн.: ИСПИ, 2000. - С. 7.

²⁶⁶ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 290-315. Морова А. П. Социальная политика в сфере трудовых отношений. - Мн.: ИСПИ, 2000. - С. 7.

для удовлетворения экономических потребностей и нужд общества и его членов с целью обеспечения их жизненности»²⁶⁷.

Важнейшими составляющими трудовых отношений (видовыми группами) являются: функционально-технологический способ соединения рабочей силы со средствами производства; разделение и кооперация труда; перемена труда²⁶⁸. Основными видами трудовых отношений являются общественное разделение и кооперация, а применительно к нашему исследованию это, прежде всего, качественные различия в общественном разделении и кооперации труда.

Под разделением труда в экономической литературе традиционно понимается исторически определенная качественная дифференциация трудовой деятельности, приводящая к обособлению и существованию различных ее видов. Иначе говоря, разделение труда предполагает, во-первых, наличие различных видов деятельности и персонификацию труда, во-вторых, производство законченных продуктов относительно обособленными субъектами и, в-третьих, потребность у одних субъектов в продуктах деятельности других субъектов. Под кооперацией труда понимается форма организации труда, обеспечивающая согласованность совместных действий работников в процессе производства. Необходимость такого согласования вытекает из качественной дифференциации трудовой деятельности. Рассмотрение разделения труда предполагает одновременное рассмотрение кооперации труда, так как первое никогда не существует без второго.

Под качественными различиями в общественном разделении труда нами понимаются такие различия в общественном разделении труда, которые, проистекая из занятия индивидами отличного места в системе общественного производства, с вытекающими из этого их различными функциональными возможностями и с более или менее жестким неперсонифицированным закреплением за субъектами данного места, обуславливают их неодинаковую степень участия (и различные возможности для этого) в организации и управлении общественным производством. Это предопределяет несхожесть ус-

²⁶⁷ Морова А. П. Социальная политика в сфере трудовых отношений. - Мн.: ИСПИ, 2000. - С. 8.

²⁶⁸ Васючонок Л. П. Интересы рабочего класса: тупики и перспективы развития. - Мн.: Наука и техника, 1993. - С. 26.

ловий у индивидов для развития своих интеллектуальных и физических способностей, неодинаковые размеры получаемых благ и различные источники их получения. Это ведет к существованию у различных общественных групп специфических мотивов и целей, а также накладывает значительный отпечаток на степень развития их сознания и на формирование их психологии.

Качественные различия в общественном разделении труда проявляются в профессиональном и квалифицированном разделении труда. В первом случае - это качественная дифференциация различных видов человеческой деятельности (т.е. деление на отдельные профессии), а, во-вторых - это качественная дифференциация внутри одного вида деятельности в соответствии со степенью развития у индивида производственных навыков и сложностью выполняемых им работ.

Для выяснения роли качественных различий в общественном разделении труда в социально-классовой дифференциации общества необходимо в разделении труда условно выделять его две стороны: материально-вещественную и собственно-общественную (социальную). Материально-вещественная сторона разделения труда представляет собой специализированные средства производства, которыми человек осуществляет свое активное воздействие на природу. Социальная сторона общественного разделения труда представляет собой персонификацию его материально-вещественной стороны (т.е. социально-субъектное отражение процесса соединения со специализированными средствами производства индивида, обладающего соответствующими способностями, для их производственного потребления). Взаимосвязь и неразрывность этих сторон очевидна, так как общественное разделение труда всегда имеет какое-то материально-вещественное выражение и оно, как и любое социальное явление, всегда персонифицировано.

Для разрешения задачи, поставленной в данном исследовании, наряду с выделением двух сторон общественного разделения труда необходимо выделение следующих его видов: технологического и социального.

Изначально, под технологическим разделением труда будем понимать такую систему общественного разделения труда, которая складывается в результате дифференциации трудовой деятельности, исходя из чисто (только) технологической структуры производст-

венного процесса. Сразу оговоримся, что чисто технологического разделения труда не бывает (как, впрочем, и любых других чистых экономических отношений - это научная абстракция), на него всегда оказывают влияние социальные условия.

Труд с технологической стороны - это целесообразная деятельность человека, в процессе которой он при помощи определенных орудий труда воздействует на природу и использует ее для создания потребительных стоимостей. Труд, как естественное вечное условие человеческой жизни, не зависит от какой бы то ни было ее формы, а, напротив, одинаково общ всем ее социальным формам, то есть эта сторона труда сама по себе еще не выражает социально-экономических отношений людей. Тогда данный вид разделения труда должен изменяться сразу же с изменением технологии производства и быть всегда адекватным последней. Технологическое разделение труда неминуемо влечет за собой технологическое взаимодополнение (кооперацию) индивидов, которая связывает различных субъектов разделения труда на основе технологических потребностей производственного процесса, исходя из выполняемых ими специфических производственных функций. Данные дифференциально-интегральные и координационно-субординационные процессы будут выступать в качестве атрибутивного фактора в образовании технологической системы производства.

Коллективные действия людей всегда требуют определенного управления ими (то есть распределение трудовых условий в пространстве и времени, их координацию или сосредоточение в необходимых случаях, распределение наличных орудий труда и т.д.). Управление непосредственно связано с разделением и кооперацией труда, так как выделение самой функции управления есть выделение труда особого рода (управленческого, организаторского), которому противостоит исполнительный труд. В то же время управления требуют любые кооперативные действия индивидов. Общеизвестно, что всякий совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в управлении в большей или меньшей степени, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения ее самостоятельных органов. Поэтому, в технологическом разделении труда целесообразно выделение в качестве одной из его форм организационно-управленческой, которая

будет определяться как технологической основой на производство (или иначе технологическим разделением труда), так и исторически специфической, обусловленной традициями и обычаями, системой его организации и управления. Иными словами, генетически организационно-управленческое разделение труда произрастает на чисто технологической основе, но при различных конкретно-исторических, национальных и других условиях. И хотя организационно-управленческое разделение труда определяется технологической основой производства, оно, в то же время, обладает относительной самостоятельностью, то есть зависит также от конкретного национально-исторического генезиса того или иного социума.

Рассмотрим это несколько подробнее. Бесспорно, что производственная технология (т.е. функционально-технологический способ соединения рабочей силы со средствами производства) будет в известном смысле предопределять организационные формы управления технологическим процессом. Вопрос лишь в том, до какой степени велика эта зависимость. Если даже предположить, что первоначально применяемая технология (прямо, непосредственно) предопределила организационно-управленческое разделение труда, и последнее принимало адекватный ей характер, то с течением времени (то есть с развитием технической базы производства) такое соответствие может и будет нарушиться. Почему? Дело в том, что в деятельности людей вообще, и в производственной в частности, при всем ее многообразии и сложности процессов, достаточно часто повторяются сходные ситуации, которые требуют от индивидов однотипных поступков. В результате многократного повторения одинаковых действий облегчается решение практических задач, вырабатываются стереотипы поведения и навыки, склонности, установки, которые «автоматически» включаются в действие при попадании индивида в привычные условия и постепенно могут принять форму обычаев, которые, как отмечается в литературе, функционируют «в тех общественных отношениях, где имеются стереотипно повторяющиеся ситуации; реализация этих отношений может кристаллизоваться в жестких стандартных действиях»²⁶⁹. Наряду с обычаями формируются традиции, которые представляют собой общие нор-

²⁶⁹ Суханов И. В. Обычай, традиции и преемственность поколений. - М.: Наука, 1976. - С. 11.

мы, сходные с идеей, принципом и позволяющие в границах утверждаемой ею направленности поведения более широко варьировать конкретные поступки людей.

Обычаи и традиции, в свою очередь, облекаясь в форму массовых привычек, поддерживаемых силой общественного мнения, обретают огромную устойчивость, становясь своего рода хранителями достижений прошлого, хотя на известной ступени своего развития те или иные конкретные обычаи и традиции могут превращаться в препятствие для адекватного реагирования организационных форм управления технологическим процессом на изменение последнего. На производственную деятельность индивидов неизбежно влияют те общественно-исторические условия, которые имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Таким образом, применяемая технология будет определять организационно-управленческую форму разделения труда не прямо (непосредственно), а подвергаясь корректировке в зависимости от существующих обычаев и традиций конкретного социума. Итак, уже здесь может наблюдаться отставание организационных форм управления производством от потребностей, предопределяемых развитием его технологической базы.

Кроме этого необходимо учитывать, что помимо материально-вещественной стороны в разделении труда существует социальная сторона, которая представлена различными субъектами со специфическими потребностями и интересами. Причем специфика их интересов определяется не только внутренними (по отношению к общественному производству) причинами, но и рядом внешних условий.

Целью общественного производства является не просто производство материальных благ на основании какого-то достигнутого уровня развития технологии, а производство их наиболее экономичным способом. Для этого необходимо в полной мере активизировать использование производственных способностей субъектов, а это требует учета интересов индивидов и различных социальных общностей в целях организации и наиболее эффективного вовлечения их в общественное производство. Для этого необходимо даже на основе идентичной технологической базы производства существование различных форм организационно-управленческого разделения труда в соответствии с конкретно-историческими социальными условиями. Таким образом, видна относительная самостоя-

тельность организации и управления производством по отношению к его технологической основе, так как последняя определяет организационно-управленческое разделение труда опосредованно.

Однако, выделение технологического разделения труда еще не достаточно для описания различия в трудовых отношениях как фактора социально-классовой дифференциации общества переходного периода. Необходимо также выделить социальное разделение труда, которое возникает в результате качественной дифференциации субъектов в зависимости от социальной организации общества. Генетически социальное разделение труда будет проистекать из технологического разделения труда. Однако, обладая определенной самостоятельностью, оно функционально существует и развивается по своим специфическим законам, оказывая активное обратное влияние на технологическое разделение труда. И если последнее приводит к дифференциации общества на квалификационно-профессиональные группы, то социальное разделение труда общества переходного периода представляют собой деление на социальные классы, внутриклассовые группы, коллективы и т.д. Если в первом случае за основу дифференциации берутся различия между индивидами в технологической структуре производства (то есть трудовые отношения), то во втором решающее значение приобретают отношения собственности.

Подобно тому, как отношения собственности осуществляют социальную фиксацию трудовых отношений, так и социальное разделение труда закрепляет существующее технологическое разделение труда (оговоримся, что в дальнейшем, для краткости, говоря о разделении труда, мы всегда будем подразумевать и адекватные ему формы кооперации труда).

Социальное разделение труда может вести как к более или менее жесткому не персонифицированному или персонифицированному закреплению за людьми их места в системе общественного производства, так и к усилению социальной мобильности в обществе. Здесь методологически очень важно различать действительно жесткое (для каждого данного промежутка времени) безличностное закреплению с точки зрения потребностей функционирования производительных сил, которое определяется технологической и организационно-управленческой структурой производства - с одной стороны. А с другой - персонифицированное закреплению за людьми

ми их места с точки зрения интересов конкретной общественной группы или социального класса. Названное закрепление осуществляется не только через трудовые отношения, но и через отношения собственности и социально-экономического определения поведения субъектов.

Ослабление или усиление социальной мобильности в обществе (обусловленное конкретно-историческими условиями) зависит от результата взаимодействия социальных сил в обществе, одни из которых заинтересованы в данном закреплении исходя из частно-групповых или частно-классовых экономических интересов, а другие - не заинтересованы. Именно в этих своих качествах социальное разделение труда способствует усилению его развития или тормозит его.

Различия в трудовых отношениях между индивидами реализуют себя в качестве фактора, обуславливающего существование и эволюцию социально-классовой структуры общества через указанные выше виды общественного разделения труда.

Как уже указывалось, технологическое разделение труда складывается в результате качественной дифференциации трудовой деятельности, исходя из технологических особенностей производственного процесса. Данное явление возникло еще в недрах первобытнообщинного строя по мере возникновения первоначальных форм общественного разделения труда по демографическим признакам, а также исходя из первых (относительно простых) организационных структур, обеспечивающих нормальное функционирование сфер материального производства (организация охотничьих ватаг с постоянными руководителями; при переходе к земледелию и скотоводству – неолитической революции - создание и поддержание соответствующих устойчивых технико-организационных персонифицированных структур; формирование групп профессионально занимающихся производством орудий труда и добычей необходимых для этого природных ресурсов и т.д.), духовного производства (при этом, если первоначально реализация интеллектуальных и психических способностей индивидов через производство информации, нравственных и эстетических ценностей не была связана с созданием устойчивой социальной группы, специализирующейся на этой трудовой деятельности, то с созданием института жречества эта группа возникла), социального производства (органи-

зация первоначально общенародного ополчения во главе с постоянным вождем для защиты территориального базиса племени и общины, на основе которых затем возникают профессиональные дружины; возникновение группы лиц профессионально занятых деятельностью по поддержанию целостности данной социальной общности и т.д.), сферы производства человека. С техническим прогрессом постоянно усложнялось как технологическое разделение труда, так и возникающая на его основе квалификационно-профессиональная структура.

При этом совершенно неважно, кто именно будет выполнять ту или иную производственную функцию, необходимо лишь, чтобы он был способен ее выполнять исходя из требований, предопределяемых функционально-технологическим распределением средств и условий труда (последнее и порождает существование в обществе качественно разнородных видов труда). Чем это определяется? По-видимому, индивид (работник) должен обладать соответствующими психофизиологическими особенностями, способностями, (индивидуальные способности - это «... свойства личности либо структура этих свойств, определяющие возможности личности более или менее качественно выполнять определенную деятельность»²⁷⁰ навыками, предъявляемыми спецификой данного вида трудовой деятельности). Таким образом, технологическое разделение труда ведет к более или менее жесткому неперсонифицированному закреплению за людьми их места в системе общественного производства, что реализуется в профессиональном и квалификационном разделении труда и находит свое выражение в распределении индивидов по профессиям, специальностям, производственным функциям, трудовым операциям и т.д. (иначе говоря, вызывает существование в обществе профессиональной структуры). Причем, исходя из особенностей технологической организации производства в обществе переходного периода, в различных отраслях народного хозяйства мы можем выделить группы профессий, для которых характерно преимущественное занятие трудом: 1) неземледельческим, промышленным и земледельческим; 2) умственным и физическим; 3) управленческим и исполнительским. Таким образом, качественные

²⁷⁰ Подгайский А. Л. Взаимодействие политической организации обществ и экономической системы: Дис. канд. эконом. наук: 08.00.01. - Мн., 1993. - С. 99.

различия в общественном разделении и кооперации порождают специфические трудовые отношения, функционально-трудовую субординацию, которые предопределяют различное место групп работников в отношениях распоряжения, владения и использования хозяйственных благ, то есть в отношениях собственности на хозяйственные блага.

Отметим, что наряду с тем, что для занятия определенного места в более или менее жесткой не персонифицированной структуре производства индивид должен отвечать определенным требованиям (обладать определенными способностями), уже сами качественно различные виды деятельности будут создавать различные условия для развития социально-экономических способностей индивидов. Причем предпосылками деятельности и способности, и потребности становятся лишь в качестве ее же результата. Люди начинают осваивать новый для них способ деятельности, как правило, без соответствующих способностей (прежде всего производственных), не испытывая потребности непосредственно в нем и относясь к нему не как к своей потребности, а лишь как к средству удовлетворения других потребностей. Общепризнанно, что первичным мотивом, общим стимулом и предпосылкой трудовой деятельности людей является их потребность в средствах существования. Для успешного развития общественного производства необходимо (в условиях невозможности полного удовлетворения потребностей всех индивидов в средствах существования) обеспечение различного вознаграждения за качественно и количественно различный труд (т.е. распределение по труду), что будет стимулировать индивидов для выполнения системно важных социальных функций. Таким образом, наиболее экономически приоритетными для индивида будут выступать те виды деятельности, которые в данный момент обеспечивают ему более высокий уровень удовлетворения личных материальных потребностей. (Разумеется, эту тенденцию не следует абсолютизировать и доводить до абсурда). Это будет порождать социальное неравенство, что при определенных условиях может способствовать существованию социально-классовой дифференциации.

Новые производственные способности у людей вырабатываются в процессе деятельности, причем благодаря развитию старых способностей, и, в той или иной степени, вопреки им, преодолевая их

инерцию и сопротивление. Например, для того, чтобы заниматься управленческим трудом, требуется специфический уровень профессиональной подготовки, то есть этим видом деятельности может заниматься далеко не каждый член общества. А с другой стороны, умственный или преимущественно умственный вид трудовой деятельности уже сам по себе будет способствовать развитию интеллекта у субъекта, будет делать данного человека все более ценным специалистом в данной области (здесь мы в значительной мере абстрагируемся от ряда сопряженных к данному вопросу факторов, таких, например, как природные способности индивида). Тяжелый неквалифицированный или низкоквалифицированный труд будет, в большинстве случаев, отуплять людей, занимающихся им, подавлять их универсальные производственные способности. Управленческий труд будет способствовать развитию у индивида способности к оправданному риску, умению быстро реагировать на сложившуюся ситуацию и т.д.

Как известно, потребность конкретного социального субъекта, детерминированная конкретным видом производственной деятельности, форсирует социальную направленность в овладении определенной суммой знаний и формирование соответствующих идей, взглядов, которые и образуют впоследствии вид общественного сознания, то есть положение, объективно занимаемое субъектом в системе общественного производства, вынуждает его к определенным действиям с целью закрепления или создания оптимальных условий своей жизнедеятельности, которые рефлексированы в соответствующей форме сознания. Все это способствует формированию при определенных исторических условиях конкретного социального типа личности.

Таким образом, на основе технологического и организационно-управленческого видов разделения труда в различных профессионально-квалифицированных группах трудящихся начинает формироваться специфический тип личности. Если же в социальном разделении труда в это время преобладает или хотя бы действует тенденция к персонифицированному закреплению за субъектами их места в системе общественного производства, что в частности предопределяется желанием индивидов, занимающих привилегированное место в системе общественного производства, максимизировать удовлетворение личных материальных потребностей, а значит и

закрепить это место за собой и своими детьми, то отношения к выполняемым общественным функциям в различных социальных группах будет существенно различаться. Материальной предпосылкой для такого закрепления служит определенный тип функционально-трудовой субординации индивидов, основанный на качественных различиях в общественном разделении и кооперации труда. Индивиды, которых, благодаря выполнению ими специфических (в самом широком смысле этого слова) функций, наиболее трудно заменить другими индивидами (то есть при условии, что в результате развития качественных различий в общественном разделении труда взаимозаменяемость между индивидами достаточно затруднена или же вообще невозможна) по причине сложности их труда, получают монополию на свой труд и имеют возможность, разумеется исторически ограниченную, диктовать условия остальным членам общества. На этой основе они будут получать большее материальное и социальное вознаграждение за свой труд, чем остальные индивиды (что является экономически целесообразным).

Если учесть также и то, что организационно-управленческое разделение труда подразумевает функционально-трудовую субординацию индивидов (то есть отношения взаимоподчинения между индивидами, которые проистекают в зависимости от их функциональных ролей в сложившейся технико-организационной структуре разделения и кооперации труда и, соответственно, наделение их различными функциональными возможностями), наличие которой само по себе обозначает, что люди занимают различное место в структуре общественного производства и взаимодействуют со средствами производства различными способами, или, иначе говоря, существует дифференцированное отношение к средствам производства, то, на наш взгляд, правомерно говорить о наличии в различных группах различных интересов и о существовании специфических форм их реализации. Необходимо также отметить, что в зависимости от места в технологическом и организационно-управленческом разделении труда (иначе говоря, в зависимости от выполняемых социальных функций) индивиды обладают различными функциональными возможностями как во влиянии на общественное производство, так и (как следствие первого) в получении тех или иных благ. Различные функциональные возможности инди-

видов выступают существеннейшей чертой качественных различий в общественном разделении и кооперации труда.

Из функционального подчинения индивидов неизбежно рождается социальное подчинение. Первое проистекает из существования разделения и кооперации труда и будет всегда сопутствовать им, то есть такое положение субъектов объективно предопределено самой структурой общественного производства. Второе же, предопределяясь разделением труда, существует на базе специфических функционально-трудовых отношений и отношений собственности, различных управленческих (властных) отношений. Социальное подчинение всегда сопутствует функциональному подчинению. Так, например, лицам, занимающимся управленческой деятельностью для того, чтобы обеспечить устойчивое функционирование социальной системы, необходимы определенные властные полномочия. То есть для выполнения определенных системно важных политических и экономических функций необходимо обладать соответствующей политической и экономической властью для того, чтобы иметь возможность принудить прочих субъектов к ведению ими действий в интересах всей системы в том случае, когда их личные социально-групповые или частно-классовые интересы не совпадают с интересами системы в целом. Это объясняется, в частности, невозможностью удовлетворения материальных потребностей всех членов общества в равной мере. Само по себе такое несовпадение (полное или частичное) на современном этапе и в прошлом можно считать наиболее типичным случаем.

Следует подчеркнуть, что сами по себе качественные различия в общественном разделении и кооперации труда и вытекающая из них функционально-трудовая субординация индивидов (т.е. более или менее жесткое неперсонифицированное закрепление за людьми их места в системе общественного производства) не являются еще достаточным условием для социально-классовой дифференциации общества, хотя и необходимы. Это обуславливается тем, что различное место индивидов в трудовых отношениях (или, что близко по своему значению, качественные различия в общественном разделении и кооперации труда) непосредственно предопределяет только профессиональную структуру, которая является лишь одной из элементарных социальных структур, лежащих в основе интегральной социально-классовой структуры общества. В то же время

эволюция социально-классовой структуры общества в известной степени предопределяется существенными изменениями, происходящими в трудовых отношениях и, соответственно, в профессиональной структуре. При этом необходимо отметить, что эволюция социально-классовой структуры общества может происходить и без изменения профессиональной структуры (однако это надо рассматривать как социальный феномен).

Отметим также, что неправомерно в любом обществе с относительно высоким уровнем развития хозяйства представлять связь «разделение труда» - «собственность» - «социальные классы», как предельно простую и безвариационную. Мы согласны с исследователями, которые, как, например, Ю.И. Чуньков, не признают «жесткую детерминированную связь между развитием производительных сил и социально-экономическими процессами»²⁷¹.

В завершение данного раздела следует отметить, что выделение трудовых отношений в качестве первого фактора, обуславливающего существование и эволюцию социально-классовой структуры общества, оправдано по следующим причинам: во-первых, генетически (исторически) именно трудовые отношения лежат в основе дифференциации индивидов как носителей определенных трудовых функций, а уже на основе этого возникла их дифференциация как собственников. Тем не менее, не упуская из виду эти важные соображения, не следует забывать, что в социумах с развитой социально-классовой дифференциацией, занятие индивидами теми или иными видами трудовой деятельности можно достаточно просто объяснить через принадлежность их к тем или иным имущественным группам, то есть местом в отношениях собственности. Хотя, при корректном генетическом подходе, проблема остается прежней, так как место субъектов в имущественной структуре само является дериватом трудовых отношений. Более того, при детерминировании экономической системы трудовыми (продукционными) интересами (эта детерминация будет подробно описана ниже), индивиды наделяются прерогативами собственников (или являются собственниками) именно в той мере, в какой это необходимо для выполнения

²⁷¹ Чуньков Ю. И. Взаимодействие объективного и субъективного в социалистической экономике (Политэкономический аспект исследования). - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. - С. 11.

ими определенных трудовых функций; во-вторых, исторический опыт показывает, что если класс собственников не может полностью (иногда частично) выполнять какие-то социально-значимые трудовые функции, то он вынужден либо погибнуть (вместе с аннигиляцией национального государства), либо привлечь к выполнению этих социально-значимых функций представителей иных социально-классовых образований, отдав затем де-факто (а часто и де-юре) частично или полностью им свои прерогативы собственников. История являет огромное количество примеров этому.

5.3. Отношения собственности как фактор, обуславливающий существование и эволюцию социально-классовой структуры общества

В качестве второго социально-экономического фактора, обуславливающего существование и эволюцию социально-классовой структуры общества, выступает различное место индивидов в отношениях собственности.

Категория «собственность» вошла в научный оборот задолго до возникновения экономической теории в качестве отдельной науки. Первоначально собственность была объектом изучения философии по причине синкретичности тогдашнего обществоведения.

Первое определение категории «собственность» встречается уже у античных мыслителей. Так, Аристотель в работе «Политика» пишет, что «собственность» включает в себя много разновидностей... «Собственность» нужно понимать в том же смысле..., что будучи составлено из нескольких частей, непрерывно связанных одна с другой или разъединенных, составляет единое целое, сказывается властвующее начало и начало подчиненное»²⁷². В этой же работе Аристотель разделил собственность на «часть семейной организации (семья - часть государства)»²⁷³ и на «предметы первой необходимости, без которых нельзя... вообще жить»²⁷⁴.

В период новой истории философы развили представление об этой категории. Так, Г. В. Ф. Гегель указывал по поводу данного понятия: «Владение становится собственностью, законным, если все другие признают, что вещь которую я сделал своей, моя, ровно как и я признаю владение других их владением. Мое владение признается потому что оно - акт свободной воли, которая внутри самой себя есть нечто абсолютное и в которой всеобщим является то, что воление

²⁷² Аристотель. Политика // Антология мировой философии. В 4-х томах. - М.: Мысль, 1969. - Т.1. - Ч.1. - С. 467.

²⁷³ Аристотель. Политика // Антология мировой философии. В 4-х томах. - М.: Мысль, 1969. - Т.1. - Ч.1. - С. 468.

²⁷⁴ Аристотель. Политика // Антология мировой философии. В 4-х томах. - М.: Мысль, 1969. - Т.1. - Ч.1. - С. 468.

других я тоже рассматриваю как нечто абсолютное»²⁷⁵. Далее философ добавляет: «Я могу отчуждать от себя... свою собственность, и она благодаря моей свободной воле может перейти к другому»²⁷⁶. Т. Гобс рассматривал собственность как «...владение, точное разграничение между моим и твоим. Каждый человек считает своим лишь то, - подчеркивал этот ученый, - что он может добыть, и лишь до тех пор, пока он в состоянии удержать это»²⁷⁷. Б. Спиноза считал, что понятие «собственность» существует только в сознании человека, поскольку «в природе нет ничего, про что можно было бы сказать, что оно есть собственность такого человека, а не другого»²⁷⁸ и, следовательно, собственность - это «господство над какой-либо вещью по общему признанию»²⁷⁹. Л. Фейербах, не давая дефиниций собственности, призывал к тому, чтобы «собственность была у всех»²⁸⁰. В этот период собственность трактовалась философами как субъективное волеизъявление человека, опирающееся на социальную фиксацию законодательными актами, при этом собственность трактовалась как одно из «естественных прав», что приводило к идеалистическому упрощению ее сущности.

Сегодня является чуть ли не аксиоматичным взгляд на собственность как на ключевую категорию политической экономии. Вместе с тем, такие ученые как А. Смит и Д. Рикардо уделяли названной категории в своих работах мало внимания. Д. Рикардо непосредственно коснулся проблемы собственности по поводу начисления на-

²⁷⁵ Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет. В 2-х томах. - М.: Мысль, 1971. - Т. 2. - С. 40.

²⁷⁶ Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет. В 2-х томах. - М.: Мысль, 1971. - Т. 2. - С. 41.

²⁷⁷ Гобс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного или гражданского. // Антология мировой философии. В 4-х томах. - М.: Мысль, 1969. - Т.2. - С.336.

²⁷⁸ Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке // Антология мировой философии. В 4-х томах. - М.: Мысль, 1970. - Т.2. - С. 391.

²⁷⁹ Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке // Антология мировой философии. В 4-х томах. - М.: Мысль, 1970. - Т.2. - С. 392.

²⁸⁰ Фейербах Л. Этика // Антология мировой философии. В 4-х томах. М.: Мысль, 1971. - Т.3. - С. 450.

логов при переходе собственности к наследнику²⁸¹. А. Смит (который, к слову, скорее всего очень удивился бы, узнав, что сегодня его относят не к философам и социологам, а к экономистам) просто зафиксировал возникновение частной собственности как факт при построении им трудовой теории стоимости²⁸². Скорее всего, А. Смит и Д. Рикардо не ставили гносеологической задачи глубоко исследовать отношения собственности в рамках политэкономии, поскольку рассматривали собственность как составную часть «естественного права».

Лавры первенства в рассмотрении категории «собственность» как понятия, требующего глубокого и всестороннего исследования политической экономией, принадлежат П.Ж. Прудону. Этот ученый рассматривал собственность как «творение разума невежественного»²⁸³, то есть как результат субъективного волеизъявления собственника. Названный подход П.Ж. Прудона подвергся справедливой критике со стороны других, современных ему исследователей собственности. Однако инициированный им научный спор создал условия для содержательного исследования категории «собственность» и отношений собственности в рамках политэкономии.

Значительный вклад в исследование социально-экономической природы отношений собственности был сделан К. Марксом. Первоначально он определял собственность как «отношение трудящегося (производящего или себя воспроизводящего) субъекта к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собственным. Поэтому в зависимости от условий этого производства она будет принимать различные формы. Целью самого производства является воспроизводство производителя в этих объективных условиях его существования и вместе с ними»²⁸⁴. Позднее К. Маркс конкретизи-

²⁸¹ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики. В 2-х томах. - М.: МП «ЭКОНОВ», 1993. - Т.1. - С.397-473.

²⁸² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики. В 2-х томах. - М.: МП «ЭКОНОВ», 1993. - Т.1. - С.79-396.

²⁸³ Прудон П. Ж. Что такое собственность? Или исследование о принципе права и власти. - М.: Республика, 1996. - С. 87.

²⁸⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - М.: Политиздат, 1968. - Т.46. - Ч.1. - С. 485.

рует собственность как «присвоение индивидом предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее»²⁸⁵, исходя из выделения определенных общественно-экономических формаций, которые характеризовались различными стадиями развития производительных сил и производственных отношений. Таким образом, К. Марксом был сделан гносеологический прорыв в политэкономическом изучении сущности отношений собственности. Вместе с тем, как и любое научное открытие с течением времени, сегодня эти взгляды несколько устарели, так как трактовка собственности как присвоения через отчуждения соответствовали системе современного для этого мыслителя индустриального общества.

В отечественной политэкономии собственность традиционно трактовалась двояко: во-первых, часть исследователей считали, что собственность есть отдельное, относительно самостоятельное, особое производственное отношение; во-вторых, другие придерживались точки зрения, что собственность представляет собой всю систему производственных отношений.

Представителями первой точки зрения являются, например, В.Н. Афанасьев, который в монографии «Диалектика собственности: логика экономической формы» рассматривает собственность как определенную экономическую форму человеческой деятельности²⁸⁶, Ю.М. Осипов, который пишет, что «собственность - результат присвоения. Присвоить можно любой фактор производства, любой процесс производства, любой результат. Присвоить может и любой социальный агент - индивид, коллектив, сообщество, государство, общество в целом»²⁸⁷. Й.Й. Чичинкас в книге «Собственность в системе экономических отношений социализма» так же характеризует «собственность в экономическом смысле как общественную форму пользования средствами производства»²⁸⁸.

Представителями второй из вышеназванных точек зрения является, например, С.В. Мокичев, который пишет, что «собственность -

²⁸⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. В 2-х ч. - М.: Политиздат, 1980. - Ч.1. - С. 24.

²⁸⁶ Афанасьев В. Н. Диалектика собственности: логика экономической формы. - Л.: ЛГУ, 1991. - 226 с.

²⁸⁷ Осипов Ю. М. Опыт философии хозяйства. - М.: Изд-во МГУ, 1990. - С. 102.

²⁸⁸ Чичинкас Й. Й.. Собственность в системе экономических отношений социализма. - М.: Экономика, 1986. - С. 6.

это отношения между людьми по поводу средств производства, выражающие исторически определенный характер и способ связи между производителями и этими средствами, субъективными и объективными факторами производства»²⁸⁹. Придерживающийся названной точки зрения М.В. Колганов пишет, что «полной собственностью, или просто собственностью, мы будем называть все формы присвоения, основанные так или иначе на производстве и обращении товаров»²⁹⁰. А.П. Дубанов в книге «Собственность и экономические цели» включает в отношения собственности сознательное и деятельное отношение человеческого общества и его составных к своей жизни и объективным условиям ее воспроизводства как к материальной основе своего собственного существования²⁹¹.

Общим в приведенных точках зрения является то, что их представители сходятся во взглядах на собственность как экономическую категорию, выражающую систему объективных отношений между людьми по поводу присвоения средств и результатов производства в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ²⁹².

В последние годы к двум вышеназванным «классическим советским» трактовкам собственности добавились еще две - это «экономическая теория прав собственности» (А. Алчиян, Р. Коуз, Д. Норт, А. Оноре) и «теория рекомбинированной собственности».

Основу экономической теории прав собственности составляет методологическое положение, которое состоит в относительно новой характеристике объекта собственности, в качестве которого выступает не физический объект, не средство производства сами по себе, а пучок или доля прав по использованию ресурса. Данная трактовка близка к подходам, предлагаемым юридической наукой. Надо отметить, что в известный исторический период собствен-

²⁸⁹ Мокичев С. В. Общественная собственность на средства производства: преимущества и закономерности развития. - Казань: Изд-во КГУ, 1988. - С. 112.

²⁹⁰ Колганов М. В. Собственность. Докапиталистические формации. - М.: Соцэкгиз, 1962. - С. 6.

²⁹¹ Дубанов А. П. Собственность и экономические цели. - Новосибирск: Наука, 1990. - 339 с.

²⁹² Лубнев Ю. П., Кравцова Н. И., Лозовой А. М. Краткий энциклопедический словарь по экономической теории и практике. - Ростов н/Д.: РГЭА, 1997. - С. 248.

ность как особый социальный институт была, прежде всего, предметом изучения юриспруденции. Уже в римском праве было определено как понятие собственности, так и основные отношения, связанные с ней²⁹³. В дальнейшем гражданское право трактовало собственность как возможность пользоваться, распоряжаться и владеть вещами по своему усмотрению. Так, например, в «Гражданском кодексе Франции» Наполеона I Бонапарта написано, что «собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом с тем, чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами или регламентами»²⁹⁴. В рамках юридической науки категория «собственность» всегда включала в себя права кого-либо на какие-либо имущественные отношения, выраженные такими правомочиями как владение, пользование и распоряжение. Названные правомочия присутствовали в законах многих стран в различные исторические периоды и сохранены сегодня в законодательных актах «континентального права». В законодательных же актах «англо-американского права» выделяется одиннадцать самостоятельных правомочий собственника: владение; непосредственное использование; управление; получение дохода; право на капитальную стоимость объекта; право на защиту собственности; бессрочность; право передачи по наследству; возмещение ущерба; использование с ущербом для других субъектов права; «остаточные права»²⁹⁵.

Позиция юристов по проблемам собственности характеризуется тем, что разделение права собственности на отдельные правомочия позволяет комбинировать их любыми способами (при этом получается большое количество вариантов). Однако за названными количественными правомочиями затруднительно увидеть качественные параметры собственности, хотя в качестве одного из методологических инструментов при изучении отношений собственности в рамках экономической теории он и полезен. Прежде всего, тем, что в праве собственности фиксируются социально-экономические и

²⁹³ Шупыро В. М. Преобразование государственной собственности в период экономических реформ. - М.: Изд. Дом «Инфро-М», 1997. - С. 9.

²⁹⁴ История Франции. - М.: Наука, 1973. - Т.2. - С. 124.

²⁹⁵ Якобсон Л. И. Экономика общественного сектора. - М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 31-32.

иные отношения между субъектами по поводу присвоения хозяйственных благ и иных потребительных стоимостей.

Возвращаясь к экономической теории прав собственности можно отметить, что в ее рамках выделены одиннадцать «элементарных» прав собственности, которыми, по мнению ее представителей, исчерпывается полный «пучок прав по использованию ресурса». К последним отнесены: право присвоения, то есть исключительно физического контроля над благами; право использования, т.е. применения полезных свойств благ для себя; право управления, то есть право решать, кто и как будет обеспечивать использование благ; право на доход, то есть право получать результат от использования благ; право суверена, то есть право на отчуждение, потребление, изменение или даже уничтожение благ; право на безопасность, то есть на защиту от экспроприации благ и от нанесения им вреда со стороны внешней среды; право на передачу благ в наследство; право на бессрочность обладания благом; запрет на такое использование благ, которое наносит вред окружающей среде; право на ответственность в виде взыскания, то есть на возможность взыскания блага в уплату долга; право на остаточный характер, то есть на существование таких институтов и процедур, которые обеспечивают восстановление нарушенных прав.

Обращает на себя внимание тот факт, что при такой трактовке под правами собственности понимаются общественно санкционированные поведенческие отношения между людьми, возникающие в связи с существованием материальных и нематериальных благ и касающиеся их использования. При сравнении названного подхода с традиционным определением собственности как общественной формы присвоения в отечественной экономической науке в них нет принципиальных расхождений.

Теория рекомбинированной собственности делает упор на расширении менеджерского варианта управления²⁹⁶. Названная теория собственности подчеркивает, что в современной экономической системе нет реальных «чистых» форм собственности, и последняя представляет смешенную собственность в ее «общественных и чистых» формах.

²⁹⁶ Старк Д. Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма // Вопросы экономики. -1996. - №6. - С. 17.

Несмотря на разнообразие понимания сути отношений собственности в современной экономической теории, все исследователи рассматривают их через субъекты и объекты. Однако и здесь существует расхождение в подходах.

Во-первых, представители ортодоксального марксистского направления рассматривают отношения собственности как субъект-субъектные. При этом фиксируется внимание на том, что принадлежность тех или иных благ субъекту должно быть признано иными субъектами.

Во-вторых, ряд научных школ рассматривает собственность как субъект-объектные отношения. При этом подходе отношения собственности определяются как отображение реального (а не мнимого) взаимодействия собственника с его имуществом (распоряжения и пользования последним). Так, представители неоклассического направления, признавая основополагающее значение категории собственности для экономической теории, не рассматривают названные отношения как абстракцию, выражающую определенные экономические отношения. Например, Й. Шумпетер в «Теории экономического развития» последовательно развил мысль о собственности как физическом обладании определенными вещественными объектами²⁹⁷. К. Менгер и Ф. Визер связали собственность с центральной проблемой неоклассической теории - с проблемой ограниченности благ, поскольку у них «собственность является... единственным практически возможным решением проблемы... несоразмерности между надобностью и доступным распоряжением количеством благ»²⁹⁸.

В-третьих, отношения собственности рассматриваются и как субъект-субъектные (поведенческие или эгональные) и как субъект-объектные (продукционные). В своем дальнейшем исследовании нами будет применяться именно этот подход, опирающийся на теорию экономической системы, как уже указывалось выше, разрабо-

²⁹⁷ Шумпетер Й. Теории экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. - М.: Прогресс, 1982. - 455 с.

²⁹⁸ Визер Ф. Теория общественного хозяйства // Австрийская школа в политэкономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. - М.: Экономика, 1992. - С. 117.

танную Н.В. Герасимовым²⁹⁹ и используемую сегодня рядом белорусских политэкономов (А.П. Морова³⁰⁰, Е.В. Ванкевич³⁰¹ и некоторые др.).

Н. В. Герасимов писал: «к производственным относятся всякие отношения, ориентированные на любой продукт деятельности, взятые в плане создания определенной продукции (результатов) посредством той или иной технологии, отвлеченно от жизненных интересов взаимодействующих субъектов. Поведенческие (эгональные) – это всякие, в том числе и производственные, отношения, ориентированные на интересы взаимосвязанных субъектов, рассматриваемые в плане реализации их жизненных интересов. С точки зрения производственных отношений главное состоит в том, что и как производится, с точки зрения эгональных отношений главное заключается в том, в чьих интересах создаются те или иные результаты отношения»³⁰².

Здесь следует предварительно оговорить, что в данном исследовании нами не предпринимается попытка детального рассмотрения всех существующих сегодня в экономической теории взглядов на собственность (да это и вряд ли возможно) и всеобъемлющего анализа всей совокупности отношений собственности как таковых. Здесь и далее эти отношения будут рассматриваться главным образом лишь в той мере, в какой это необходимо для выделения и исследования их в качестве фактора, обуславливающего существование и эволюцию социально-классовой структуры общества. При этом нами оставляется за собой право (уже реализованное выше) остановиться на некоторых гносеологических аспектах названной проблемы несколько шире, чем это вытекает из заявленной тематики, при условии, что объем настоящей работы это позволяет и что, на наш взгляд, это может показаться не безынтересным для читателя.

²⁹⁹ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - 349 с.

³⁰⁰ Морова А. П. Социальная политика в сфере трудовых отношений. - Мн.: ИСПИ, 2000. - 174 с.

³⁰¹ Ванкевич, Е. В. Экономические отношения занятости: закономерности развития и регулирования/ Е. В. Ванкевич. - Мн.: БГЭУ, 2000. - 238 с.

³⁰² Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 57.

Говоря об отношениях собственности, следует, прежде всего, отметить, что «абстрактный признак (критерий) всяких отношений собственности состоит в социальной межсубъектной персонификации потребительных стоимостей в целом, всех или отдельных функций, связанных с их социальным движением, фиксацией и использованием»³⁰³. Соответственно, отношения собственности, в плане их социальной персонификации, устанавливают и фиксируют круг хозяйственных субъектов, которые имеют (или не имеют) возможность обладать теми или иными потребительными стоимостями, то есть осуществлять в отношении их определенные функции. Суть отношений собственности составляют отношения присвоения - отчуждения. Присвоение представляет собой совокупность отношений между субъектами по поводу отторжения благ от одних лиц к другим различными способами на эквивалентных или неэквивалентных началах и обращения этих благ или полезного эффекта. Отчуждение - это отношения, противоположные присвоению. Е.Г. Ясин, придерживаясь взглядов, близких к вышеприведенным, характеризует присвоение как «экономическое отношение, предполагающее возможность для данного субъекта пользоваться или распоряжаться определенным предметом, в том числе потреблять его, и при ограниченности ресурсов исключающее такую возможность для других»³⁰⁴.

В качестве видовых форм (видов) присвоения выступают распоряжение, пользование и владение. «Распоряжение объектами собственности, - как отмечает Н.В. Герасимов, - представляет собой принятие собственником социально обязательных решений по поводу характера, меры и порядка использования, а также отчуждения принадлежащих ему благ»³⁰⁵. Эти отношения выступают важнейшей прерогативой собственников и опосредуют всякие отношения собственности. «Пользование - это общественно регламентированные отношения по поводу извлечения и потребления полезного эф-

³⁰³ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 83.

³⁰⁴ Ясин Е. Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа. - М.: Экономика, 1989. - С. 30.

³⁰⁵ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 32.

фекта, заключенного в объектах собственности»³⁰⁶. Именно в пользовании и состоит конечный, функциональный смысл отношений собственности. Данный автор указывает, что «владение есть совокупность отношений между субъектами по поводу фактического обладания объектами собственности (в натуре) без распоряжения ими и без извлечения из них полезного эффекта»³⁰⁷.

Социально-экономические отношения между людьми складываются не только и не столько по поводу результатов производства, сколько по поводу условий и форм производства. Иначе говоря, как отмечает Г.А. Джавадов: «собственность есть общественная экономическая форма производства (присвоения). Здесь содержание собственности (присвоения) и общественное производство (присвоение) есть одно и то же»³⁰⁸. Он также далее пишет, что «нельзя отрывать производство от формы собственности, так как оно существует всегда в определенной форме..., но нельзя также отрывать собственность от производства, так как она всегда имеет определенное содержание – производства»³⁰⁹. Таким образом, что также отмечается в литературе, «политико-экономическое содержание собственности составляет исторически определенная система общественных отношений, производства, распределения, обмена и потребления материальных благ»³¹⁰, и «собственность представляет собой внутреннюю форму совокупности экономических отношений»³¹¹.

В качестве объектов отношений собственности выступает вся совокупность хозяйственных благ: материальные средства производства; природная среда; потребительные стоимости (результаты производства); информационные и социальные условия производства; производственные и социальные способности индивидов и сами производственные и социально-экономические функции. От-

³⁰⁶ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 84.

³⁰⁷ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 24.

³⁰⁸ Джавадов Г. А. Структура социалистических производственных отношений. - М.: Изд-во МГУ, 1969. - С. 32.

³⁰⁹ Джавадов Г. А. Структура социалистических производственных отношений. - М.: Изд-во МГУ, 1969. - С. 32.

³¹⁰ Черняк В. К. Структура экономического развития. - Киев: Наука, 1981. - С. 75.

³¹¹ Черняк В. К. Структура экономического развития. - Киев: Наука, 1981. - С. 75.

ношения собственности закрепляют эти объекты за определенными субъектами и, тем самым, субординируют людей по отношению друг к другу. Иначе говоря, выступают в качестве социально-экономического фактора, непосредственно определяющего существование и эволюцию имущественной социальной дифференциации, и, соответственно, социально-классовой дифференциации общества. Рассмотрим это подробнее.

Трудовые отношения и отношения собственности тесно связаны между собой ибо, как отмечается в литературе, «без трудовых отношений и труда в качестве источника благ не может быть отношений собственности и наоборот»³¹². Вместе с тем, эти отношения имеют существенные взаимные различия. Трудовые отношения, как отмечалось ранее, формируются по поводу осуществления непосредственного процесса труда. Отношения собственности складываются по поводу присвоения, отчуждения и использования производимых или произведенных благ.

В ряду отношений собственности важнейшее место принадлежит отношениям собственности на производительные силы. Данные отношения обуславливаются трудовыми отношениями, которые предопределяют положение субъектов в системе общественного производства, то есть 1) тип общественной организации и управления трудом; 2) способ привлечения людей к труду; 3) отношения по поводу принятия и неприятия труда; 4) социальные аспекты подготовки рабочей силы, отношения персонификации труда, закрепление за субъектами их места в общественном разделении труда.

В процессе общественного производства между индивидами складываются отношения по поводу факторов производства, которые разделяются на: отношения по поводу средств производства и отношения по поводу рабочей силы. Именно характер и способ соединения данных факторов будет отражать специфику собственности на определенном этапе ее развития. В любом обществе «собственность на производительные силы и результаты производства социально-экономического поведения играет главную роль в формировании системы экономических отношений. Исходя из этого... методологически правомерен вопрос о дифференциации обще-

³¹² Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 84.

ства на классы и группы в зависимости от их роли и положения в системе отношений собственности на производительные силы и результаты социального производства...»³¹³.

Технологическое разделение и кооперация труда подразумевает определенный (конкретный) тип общественной организации и управления трудом. Как отмечалось, помимо собственно технологической основы производства на выбор конкретного типа общественной организации и управления трудом будут оказывать влияние и социально-исторические особенности. (Причем здесь не обязательно приводить крайние градации. Даже в рамках конкретной национальной модели рыночной экономики можно выделять различные типы общественной организации и управления трудом, прежде всего, в зависимости от степени соотношения в них авторитарных и демократических начал).

Данный тип общественной организации и управления трудом будет представлять различное место социальных субъектов в отношениях по поводу владения, распоряжения и пользования средствами производства и рабочей силы. Иначе говоря, генетически предопределять имущественную дифференциацию общества. Действительно, исходя из принципа адекватности компонентов экономической системы переход трудовых отношений в некое новое состояние, если оно носит сущностный, устойчивый, регулярно повторяющийся характер, приведет к соответственному изменению в отношениях собственности. Вместе с тем, последние отношения при их изменении будут неизбежно проходить через точку бифуркации, в которой (по причине относительной самостоятельности трудовых отношений и отношений собственности) существует несколько вариантов возможного пути достижения вышеупомянутой адекватности и, соответственно, никто никогда не сможет со стопроцентной вероятностью предугадать каков будет конечный результат и насколько он будет оптимален для данного уровня развития производительных сил (и в целом социально-экономической системы). Другими словами, подобного рода прогноз всегда будет носить вероятностный характер.

³¹³ Герасимов Н. В. Отчет отдела закономерностей развития производственных отношений социализма Института экономики АН БССР за 1988 год (рукопись). - Мн.: Институт экономики АН БССР, 1988. - С. 18.

В функциональном же аспекте (в условиях социально-классового общества) тип общественной организации и управления трудом будет предопределяться существующей социально-классовой структурой, представлять собой отражение существующих отношений собственности. Типу общественной организации и управления трудом будет соответствовать определенный способ привлечения людей к труду, который может так же колебаться от «трудовых армий» до добровольного занятия каждым места в системе общественного производства с учетом его индивидуальных способностей, склонностей и т.д. Соответственно, у работников будет вырабатываться принятие или неприятие труда. Они будут воспринимать труд как возможность реализации своих творческих потенций или как тяжкую обузу. Все это, наряду с технологическим разделением труда, будет во многом определяться и социальным разделением труда.

В любом социуме невозможно одинаковое положение работников в общественном производстве. Неодинаковое экономическое положение работников проявлялось и проявляется в том, что всегда существовала и существует социально-экономическая неоднородность труда. Действительно, если любые индивиды регулярно осуществляют совместно некие действия, а тем более если это экономическая деятельность, то между ними неизбежно устанавливаются определенные ординационные и субординационные отношения. Названное явление находило свое выражение в демографическом (половозрастном) разделении труда на первых этапах становления человека и человеческого общества.

В процессе общественного производства индивиды принимают различное участие в распоряжении средствами производства, рабочей силой и предметами потребления. Это свидетельствует о существовании неравенства в фактическом пользовании экономических условий производства, когда «одни используют средства производства, требующей большей, другие - меньшей квалификации, одни занимаются тяжелым, другие - легким трудом, одни работают на участках с вредными условиями труда, другие трудятся в безвредных условиях и т.д.»³¹⁴. В то время как равенство в пользовании средствами производства предполагает то, что «со стороны матери-

³¹⁴ Герасимов Н. В. Общественные фонды потребления: необходимость, сущность, направления развития. - Мн.: Наука и техника, 1978. - С. 24.

альных условий производства не должно быть никаких ограничений для всестороннего и полного развития и применения способностей всех членов общества без исключения, что каждому должны быть созданы безопасные приятные условия труда»³¹⁵. Очевидно, что в обозримой исторической перспективе (не только в странах СНГ, но и в наиболее индустриально развитых странах Запада) достигнуть такого равенства не представляется возможным. Более того, на наш взгляд, вообще говорить о возможности отсутствия названных различий в реальном социуме - это исторический утопизм. Названные различия всегда были и всегда будут. Вместе с тем, в обществоведении правомерно выделять такого рода идеальные тенденции для того, чтобы раскрыть определенные социально-экономические системные детерминации (или направления активности корпоративных социально-экономических субъектов с целью приведения существующей социально-экономической системы в состояние, наиболее адекватно соответствующее их интересам). Иначе говоря, в будущем в любом социуме, независимо от уровня его развития, сохранятся различия между индивидами по их месту в отношениях распоряжения, владения и пользования производительными силами, так как при их исчезновении энтропийные явления в социально-экономической системе достигнут своего максимума и приведут к хаосу.

Возникнув сразу же после выхода человечества из «младенчества» институт собственности претерпел и продолжает претерпевать существенные изменения (от неписаных правил и традиций в древности до сверх формализованных установок в современных индустриально-развитых странах «англо-американского права»). Вместе с тем, именно то, в руках каких социальных субъектов находятся те или иные прерогативы собственников, предопределяет: в функциональном плане их продукционные возможности для оптимизации условий своей жизнедеятельности, а в генетическом - возможность включения их (и их детей) в трудовые отношения в определенном профессиональном качестве, что в свою очередь влияет на существующую собственность на рабочую силу и на функции (на профессию).

³¹⁵ Герасимов Н. В. Общественные фонды потребления: необходимость, сущность, направления развития. - Мн.: Наука и техника, 1978. - С. 24.

С точки зрения социально-классового расслоения общества собственность на функции и рабочую силу имеет существенное значение, поскольку реальное содержание и объем данной собственности характеризуется соотношением социально-экономических сил, мерой взаимной зависимости, а профессиональная структура влияет на соотношение этих сил, меру зависимости сторон друг от друга. «Собственность на профессии - это важный классовый вопрос, решение которого оказывает существенное влияние на формирование доминирующих и подчиненных классов и общественных групп, характер их воспроизводства и социально-экономических отношений между ними»³¹⁶.

Прежде чем перейти к дальнейшему освещению заявленного в названии вопроса, следует сделать еще ряд методологических оговорок. Так, в отношениях собственности, помимо видовой дифференциации, существует ее дифференциация по формам. В основу последней положены характеристики субъектов собственности по степени и механизмам их ассоциированности. В формах собственности выражаются различные способы организации общественного присвоения.

Следует однозначно разграничить методологические «уровни» в подходах к проблеме форм собственности. Один из них, «субстанционально-гносеологический», предполагает использование категорий общественной и частной собственности для выражения двух взаимосвязанных абстрактных сторон развития форм экономической связи субъектов, механизма интеграции процесса производства и присвоения в обществе. В этом смысле они не являются онтологически реальными формами собственности, не несут в себе конкретных характеристик каких-либо форм. Представленная таким образом частная собственность отражает тенденцию автономизации процессов производства и присвоения в обществе, фиксации объектов собственности за определенными субъектами и наделения последних прерогативами по их использованию. Категория общественной собственности, в свою очередь, служит для выражения интеграционного начала в общественном присвоении-отчуждении,

³¹⁶ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 24.

отражает необходимость общественного регулирования процессов присвоения.

При рассмотрении форм собственности на реально-онтологическом уровне последние будут отражать конкретные способы организации общественного производства и присвоения. В зависимости от реальных социальных субъектов и конкретных общественных механизмов их объединения выделяют следующие формы отношений собственности: государственную, коллективную, частную.

В исторически определенных условиях, когда государство обладает значительной автономностью по отношению к субъектам экономического процесса, а последние не имеют существенных возможностей воздействия на него, то речь идет о государственной форме собственности, которая заключается в институциональной персонификации, в фиксации объектов собственности за государством как институтом и наделением последнего всеми исключительными правами по их использованию. В Советском Союзе безраздельное господство государственной формы собственности (по сути анонимно-институциональной), как отмечает Е.К. Медведев, «приобрело самодовлеющий характер и породило специфический общественный слой (класс), включающий «носителей» государственных интересов»³¹⁷. Очевидно, что здесь речь идет о социальном классе управленцев. Индивиды, входящие в который, осуществляли монопольное присвоение функций управления социальной и экономической жизнью общества. Именно особое место управленцев в отношениях государственной собственности является определяющим при описании их места в имущественной структуре общества.

Коллективная форма собственности характеризуется групповой персонификацией, закреплением объектов собственности за группой, коллективом, ассоциацией. Данная форма собственности представлена множеством разнообразных модификаций, отличающихся различными социальными механизмами организации процессов присвоения и увязки экономических интересов субъектов внутри самой группы, коллектива. В одних случаях внутри группы присут-

³¹⁷ Васюченко Л. П., Гаврилюк В. В., Забелова И. В. и др. Характер, структура и факторы формирования экономических отношений. - Мн.: Наука и техника, 1992. - С. 70.

стствует четкая и полная персонификация (собственность на долю в доходах получаемых от эксплуатации серебряных рудников в Афинах V века до н. э.); в других случаях - персонификация носит частный характер, охватывает лишь часть объектов собственности (собственность на землю в русских общинах до реформ Столыпина); в третьих - персонификация отсутствует полностью (собственность на землю у кераитов в XI - XII веках).

Частная форма собственности отличается законченной персонификацией объектов собственности, четкой фиксацией их принадлежности определенному лицу. При данной форме собственности социальный субъект располагает всеми прерогативами и функциями, необходимыми для использования объекта собственности. Характерной особенностью частной формы собственности является однозначная (предельная) социальная определенность и адресность, она во многом определяет упорядоченность экономических процессов в обществе. Однако, несмотря на данную определенность частная собственность не является чем-то однообразным, существуют различные конкретные формы и вариации ее проявления.

В любом социуме после выхода человечества из младенческого состояния существовали и существуют различия между людьми по их месту в отношениях владения, распоряжения и пользования хозяйственными и иными потребительными благами. Индивиды, занимающие схожее место в данных устойчивых, сущностных, регулярно повторяющихся отношениях собственности агрегируются в определенные устойчивые группы собственников, несобственников, частичных собственников и т.д. Естественно, что такого рода объединения вызывают не только занятие данными корпоративными субъектами определенного, как правило, достаточно темпорально продолжительного и устойчивого положения в имущественной структуре, но и обусловленное этим сходство экономических интересов. Именно исходя из этого можно констатировать, что отношения собственности не только порождают одну из элементарных структур (имущественную), лежащую в основе социально-классовой структуры, но и вызывают общность экономических, а затем и социально-экономических интересов, способствующих сплочению индивидов в определенные социально-классовые общности и выступающие материальной основой, создающей предпосылки для превращения некоторых из них в социальные классы.

В нашем современном обществе существуют различия между индивидами по их месту в отношениях владения, распоряжения и пользования хозяйственными и иными потребительскими благами. Отношения собственности этого социума характеризуются более значительным (по сравнению с советским обществом периода с тридцатых по начало девяностых годов) разнообразием, наличием множества смешанных форм, различными способами их реализации. Это объясняется сосуществованием конкретных форм собственности, оставшихся от тоталитарного общества, которые постепенно подвергаются воздействию изменяющейся социальной среды, и новых, нарождающихся форм собственности.

Существование государственной, коллективной, частной, смешанных форм коллективной и частной собственности на хозяйственные блага, а также различное место субъектов в рамках данных форм собственности вызывает существенную дифференциацию индивидов как собственников.

В современном обществе государство по-прежнему обладает значительной автономностью по отношению к субъектам экономического процесса, а последние не имеют существенных возможностей воздействия на него. За исключением управленцев, остальные являются сособственниками (пользователями) хозяйственных и иных потребительных благ (в рамках государственной формы собственности), прежде всего, в той мере, в какой они осуществляют пользование ими в процессе выполнения своих профессиональных функций. Кроме того, в процессе пользования хозяйственными благами между непосредственными производителями также отсутствует равенство, что неизбежно вытекает из социально-экономической неоднородности труда.

Для смешанной государственно-коллективной формы собственности в настоящее время характерна высокая степень огосударствления, что ведет к существованию в ее рамках разграничения на управленцев (присваивающих себе право распоряжения и владения хозяйственными благами) и на остальных работников, которые обладают очень ограниченными правами собственников (главным образом через пользование производительными силами в процессе профессиональной деятельности). Иначе говоря, здесь существуют отношения собственности, близкие к отношениям в государственной форме собственности.

Субъекты коллективной формы собственности в случае четкой и полной персонификации (общество с ограниченной ответственностью, общество с полной ответственностью, акционерное общество) дифференцируются как на хозяев или не хозяев, так и среди хозяев, в зависимости от меры присвоения средств производства и рабочей силы и использованием их в своих интересах. Н. В. Герасимов писал, что, «хозяйственное положение субъектов характеризуется мерой присвоения средств производства и рабочей силы, а также мерой распоряжения ими в своих интересах»³¹⁸.

Субъекты коллективной формы собственности в случае, когда персонификация носит частичный характер и охватывает лишь часть объектов собственности (характерным примером этой формы может служить кооператив восточноевропейского типа семидесятых годов), дифференцируются как собственники, во-первых, в зависимости от хозяйственного положения по отношению к той части объектов собственности, которые персонифицируются, и, во-вторых, в результате неравенства в пользовании производительными силами, вытекающего из социально-экономической неоднородности труда. По мере разгосударствления колхозно-кооперативной формы собственности дифференциация субъектов в отношениях распоряжения и пользования хозяйственными благами начинает происходить именно из социально-экономической неоднородности труда.

Частная форма собственности, отличаясь законченной персонификацией хозяйственных благ, однозначно вызывает имущественную дифференциацию субъектов в зависимости от того лишены они функций хозяина по отношению к тем либо иным хозяйственным объектам или обладают этими функциями в полном объеме. В том случае, если в руках частного собственника (или группы частных собственников) находятся определенные материальные условия труда, которые отделены от непосредственных производителей (наемных работников), возникают собственно социально-классовые имущественные отношения, базирующиеся, как мы отмечаем, на возможности одними субъектами присваивать себе труд других.

³¹⁸ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 99.

Исходя из сказанного, на наш взгляд, можно сделать вывод, что на современном этапе сохраняются существенные различия между индивидами во владении, распоряжении и пользовании хозяйственными и иными потребительными благами, что является основой дифференциации субъектов как собственников. Другими словами, различное место субъектов в отношениях собственности (владения, распоряжения и пользования) вызывает также их дифференциацию как производителей, то есть ведет к имущественному расслоению, а имущественная структура выступает в качестве одной из элементарных структур, обуславливающих социально-классовую структуру общества. Вместе с тем, для социумов перешедших на постиндустриальную стадию развития характерно такое многообразие форм собственности, в том числе смешанных, акционерных и т.д., что говорить о возможности формирования на этой основе классов не представляется возможным. В постиндустриальном обществе на основе дифференциации субъектов как собственников не мог уже не могут сформироваться социальные классы, но происходит социальное расслоение на имущественные группы со специфическими политико-экономическими интересами.

5.4. Отношения социально-экономического определения как фактор, обуславливающий существование и эволюцию социально-классовой структуры общества

В качестве третьего фактора, обуславливающего существование и эволюцию социально-классовой структуры общества выступает различное место индивидов в отношениях социально-экономического определения. С точки зрения создания парадигмальных основ концепции социально-классовой дифференциации, занимающей нас в этой работе, рассмотрение в названных отношениях, прежде всего, отношений социально-экономического управления поведением субъектов, является главным. Субстационарно-гносеологические основы рассмотрения последних были заложены Н.В. Герасимовым. При этом в качестве более общей категории брались отношения социально-экономического определения поведения субъектов. «Отношения социально-экономического определения субъектов, - отмечает Н.В. Герасимов, - представляют собой специальную совокупность отношений по поводу осуществления каких-либо отношений, то есть производства социально-необходимого поведения субъектов»³¹⁹. Данные отношения, в отличие от трудовых отношений и отношений собственности, складывающихся по поводу создания и использования материальных благ, возникают по поводу самих экономических отношений, их организационных форм и способов организации. Отношения социально-экономического определения поведения субъектов формируют принципиальную социально-экономическую диспозицию сторон и их общий статус в экономической системе³²⁰. Основу этих отношений составляют отношения социально-экономического управления. Их функциональная цель состоит в том, чтобы посредством формирования и осуществления определенного поведения субъектов обеспечить производство, присвоение и использование материаль-

³¹⁹ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 61.

³²⁰ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 61.

ных благ в интересах господствующих социальных классов и групп, общества в целом, других субъектов.

Управление выступает в качестве функции любой системы, обеспечивающей сохранение ее структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, цели деятельности. Социальное управление как воздействие на общество с целью его упорядочения, сохранения системной целостности, совершенствование и развитие есть непременно, внутренне присущее свойство любого социума, вытекающее из его специфики, необходимости общения людей в процессе труда и жизни, обмена услугами и продуктами их материальной и духовной деятельности.

Любая совместная деятельность людей, как отмечалось, требует определенного управления ими. Нормальное функционирование производительных сил (которые представляют собой целостную систему) невозможно представить себе без механизма постоянного поддержания нормального режима их деятельности, реализации программы и цели этой деятельности. Естественно, что это требует выделения: во-первых, самой функции управления производительными силами, и, во-вторых, персонификации этой функции.

Отношения социально-экономического управления функционируют одновременно как обслуживающие трудовые отношения, отношения собственности и потребностные отношения, так и как определяющие их. «Правила хозяйственной деятельности, - поведенческие, формальные и неформальные - наряду с основной структурой экономической системы образуют комплекс механизмов, детерминирующих динамику этой системы в качестве некоторой замкнутой целостности³²¹. Без отношений социально-экономического определения поведения субъектов, обеспечивающих соблюдение данных правил, социально-экономическая система утрачивает свою целостность. Иначе говоря, без отношений социально-экономического управления невозможно ни одно экономическое действие.

Выделяются три основных типа социального управления в широком смысле слова: властное, информационное (информационно-идеологическое), стимуляционное. Оговоримся, что данные типы

³²¹ Поманский А. Б., Трофимов Г. Ю., Сюй Чженцин. Структурное разнообразие моделей и проблем управления. - М.: ЦЭМИ АН СССР, 1990. - С. 15.

управления будут рассматриваться лишь в том качестве, в котором они оказывают влияние на существование и эволюцию социально-классовой организации общества.

Основу властного управления составляет власть. В самом общем смысле «власть, - как отмечает Е. Вятр, - это возможность приказывать в условиях, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться»³²², (в соответствии с нормами, существующими в данном обществе). М. Вебер также понимал под «... властью» возможность одного человека или группы людей реализовать свою собственную волю в совместном действии даже вопреки сопротивлению других людей участвующих в указанном действии»³²³. Власть может быть экономической, политической, идеологической и т.д. Властные отношения, как и все другие социальные отношения, включают в себя, по крайней мере, двух действительных (деятельных) субъектов, обладающих специфическими интересами и мотивами. Данные отношения не могут быть рассмотрены лишь со стороны давления одного из них на другого. Во властных отношениях следует говорить о взаимодействии активности субъектов, при этом подчеркивая нечто доминирование (господство). Из сказанного ясно, что приводимые выше определения власти не могут нас удовлетворить в полной мере, то есть нуждаются в дальнейшей конкретизации.

Властные отношения, на наш взгляд, следует рассматривать как такие социальные отношения, где проявляется сила взаимодействия различных социальных субъектов с целью реализации их интересов. Соответственно, власть - это возможность со стороны одних социальных субъектов в большей или меньшей степени навязывать свою волю другим субъектам, то есть заставлять последних в той или иной степени действовать сообразно интересам первых. Иначе говоря, во властных отношениях существует, по крайней мере, два субъекта, каждый из которых обладает определенной властью. Фактически, в подавляющем большинстве случаев властные отношения представляют собой борьбу (взаимный компромисс) между субъектами, обладающими определенной властью по отношению друг к

³²² Вятр Е. Социология политических отношений. - М.: Прогресс, 1979. - С. 147.

³²³ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. - 1994. - №5. - С. 147.

другу. В результате чего они и могут существовать, частично реализуя свои интересы.

Власть, как отмечается в литературе - это «волевое авторитарное выражение интересов субъекта собственности, проявляющееся в организации социального управления»³²⁴. При этом под авторитарностью власти понимается обязательная подчиненность со стороны объекта власти воли ее субъекта.

«Власть представляет собой, - как справедливо отмечал Н.В. Герасимов, - совокупность специфических базопределяющих директивных функций управления поведением субъектов, состоящих в предании нормативным модулям социально-экономических отношений обязательного характера, в обеспечении их гарантированного осуществления и защиты посредством потенциального или реального принуждения»³²⁵. Соответственно, наличие властных отношений, неизбежно порождает объемно-правовое расслоение, в рамках которого всегда будет дифференциация субъектов по объему властных прерогатив, которыми они обладают.

Необходимо сразу же отметить, что в системе властного управления огромную роль играет такой политический институт как государство. В свете задач нашего исследования наиболее приемлемым является определение государства, данное Ф.М. Бурлацким. «Государство, - пишет он, - это исторически переходящая, выделившаяся из общества, обусловленная его экономическим строем классовая организация, которая осуществляет суверенную власть при помощи специального аппарата, защищает данный способ производства, тип собственности и социальные отношения, выступая вместе с тем как официальный представитель всего общества»³²⁶. Данная дефиниция отражает как экономический аспект характеристики государства как социально-политического института, так и отмечает экономическую обусловленность государства и его социально-функциональную направленность.

³²⁴ Аникевич А. Г. Политическая власть: вопросы методологии исследования. - Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. - С. 59.

³²⁵ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 64.

³²⁶ Политическая система современности / Отв. ред. Ф. М. Бурлацкий, Г. Н. Манов. - М.: Наука. 1978. - С. 28.

Технологическое разделение труда, как было показано ранее, выступает в качестве материальной основы для персонификации функций управления, т.к. данный вид разделения труда подразумевает деление всех субъектов производственного процесса на основании того, каким трудом они занимаются: управленческим, организаторским или исполнительским. Напомним, что технологическое разделение труда требует существования функционально-трудовой субординации индивидов, которая приводит от технологического подчинения одних субъектов другим к собственно-социальному (особенно с учетом того, что организаторы производства должны обладать определенными властными прерогативами). Как отмечается в литературе, «собственность на условия производства - высшая суверенная экономическая власть. Это значит, что собственник управляет хозяйством по своему усмотрению, независимо ни от кого. Его власть безусловна»³²⁷. Как уже отмечалось ранее, место индивидов в отношениях собственности в современном обществе существенно дифференцируется. Собственность представляет собой систему отношений владения, распоряжения и пользования, где существует различия в прерогативах собственников даже среди групп управленцев.

Из сказанного следует, что современная существенная дифференциация в управлении собственностью порождает и значительное объемно-правовое расслоение индивидов в современном обществе. А объемно-правовая структура, как уже указывалось, выступает в качестве одной из трех элементарных структур, лежащих в основе интегральной (кумулятивной) социально-классовой структуры общества. Отметим, что в качестве условий превращения функциональной власти в собственно-социальную выступают: 1) необходимость управляющим единолично (или како-то ограниченной группой) принимать решения (текущие, глобальные); 2) невозможность контролировать управляющих.

Итак, если генетические различия в степени обладания экономической властью и в роли при ее осуществлении у социальных групп приводят к социально-классовой дифференциации, то функционально они выступают как фактор, способствующий сохранению

³²⁷ Дементьев В. Е., Сухотин Ю. В. Собственность в системе производственных отношений социализма // Коммунист. - 1987. - №18. - С.69.

данной социально-классовой структуры. Различное место в трудовых отношениях, отношениях собственности на хозяйственные блага определяют различную роль социальных классов и групп в управлении производительными силами и собственностью на хозяйственные блага, а значит и различную степень наделения их властными полномочиями. Однако степень обладания властью тем или иным социальным классом в свою очередь создает возможность для сохранения (создания) - в известных пределах таких отношений собственности и форм социально-организационного разделения труда, которые наибольшим образом способствуют реализации их экономических интересов. Г.В. Плеханов писал по этому поводу: «Представим себе общество, в котором данный класс пользуется полным господством. Он добился этого господства благодаря преимуществам своего экономического положения, которые открывают, согласно нашим посылкам, путь ко всем другим успехам общественной жизни. В качестве господствующего класса он, разумеется, приспособляет общественную организацию к наиболее выгодным условиям своего существования и тщательно устраняет из нее все, что может, так или иначе, ослабить его влияние»³²⁸.

Помимо собственно властных отношений и государства в действии отношений социально-экономического управления поведением субъектов как фактора, определяющего социально-классовую дифференциацию общества, большое значение имеет такой социальный институт, как право. В настоящее время в отечественной науке под правом понимается совокупность установленных или санкционированных государством обязательных для всех норм поведения, соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия. Под механизмом социальной реализации (действия) права нами будет пониматься система социальных факторов и методов социально-правового воздействия, обуславливающих перевод правовых предписаний в правомерное и социально-активное поведение. В качестве элементов этого механизма можно выделить: а) элементы, управляющие социальными системами - государственное и социальное управление, формирующие политические цели правового регулирования; право как нормативная систе-

³²⁸ Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба // Избранные философские произведения. - М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. - Т.1. - С. 80-81.

ма; б) социальные факторы (экономические, идеологические, организационные, демографические), опосредующие действие права и одновременно с правом влияющие на общественные отношения; в) информационное, информативно-оценочное и социально-психологическое воздействие, формирующее поведение; г) регулируемые социальные системы (общество, коллектив, личность), являющиеся субъектами общественных и правовых отношений; д) поведение правомерное и социально-активное - субъектов права как финальный момент действия права.

Из сказанного выше очевидно, что именно с помощью права социальный класс(-ы) и общественные группы, держащие в руках государственную власть, получают возможность регулировать поведение субъектов определенным образом и в целях закрепления тех социально-экономических отношений, которые отвечают (или, по крайней мере, не противоречат) их интересам. Правовое определение социально-экономических отношений, в отличие от прямого властного (административного) принуждения, фиксирует за каждым субъектом определенный, соответствующий присвоенным функциям, объем власти и властных прерогатив. Государство принуждает его не выходить за эти рамки. Таким образом, система права способствует объемно-правовому расслоению субъектов и одновременно фиксирует эту дифференциацию.

Информационно-идеологический тип управления основан на знаниях, сознании и убеждении индивидов. В отличие от властного управления данный тип направлен не на внешнее принуждение субъектов, а на формирование у них некой целостной совокупности внутренних идеологических установок, позволяющих субъекту управлять своими действиями. Основу данного субъектного ориентационно-регулятивного комплекса, как показывает А.Л. Подгайский, «составляет система ценностей субъекта, которая предопределяет характер всех других его компонентов - целей, установок, стереотипов, убеждений, моделей поведения и т.п.»³²⁹. В современной зарубежной литературе данная совокупность приобретенных индивидом установок, схем восприятия, оценок и действий, навязываемых социальным контекстом в определенном месте и в опреде-

³²⁹ Подгайский А. Л. Взаимодействие политической организации обществ и экономической системы: Дис. канд. эконом. наук: 08.00.01. - Мн., 1993. - С. 89.

ленное время определяется как габитус³³⁰. Иначе говоря, «между системой объективных закономерностей и системой непосредственно наблюдаемых действий всегда находится посредник, который и есть габитус, геометрическое место детерминирующих факторов и детерминации ожидаемых переживаний объективного будущего и субъективного проекта»³³¹.

Очевидно, что, без признания хотя бы частью членов общества существующего социально-экономического строя, как социально необходимого, невозможно его существование. Иначе говоря, информационно-идеологическое управление способствует внедрению в сознание индивидов такой системы ценностей, которая позволяет существовать сложившейся системе трудовых отношений, отношений собственности и властных отношений, то есть выступает в качестве специфического социально-экономического субъектного фиксатора профессиональной, имущественной и объемно-правовой элементарных социальных структур.

Стимуляционный тип управления характеризуется предоставлением выгод за позитивное и не предоставлением выгод за негативное поведение. Как отмечается в литературе, данный тип управления находит выражение в функционировании различных политико-институциональных форм. Прежде всего, по мнению А. Л. Подгайского, - это «касается государственных органов социально-экономического управления, которые располагают значительным «арсеналом» рычагов воздействия на субъектов и экономические институты»³³². По мнению этого автора в данном случае идет речь «о предоставлении последним исключительных прав на что-либо (занятие определенным видом деятельности, производство какой-либо продукции, использование природных ресурсов); об определенной налоговой и кредитной политике государства; об осуществлении трансфертных платежей и государственных закупок; о прямом финансировании государством каких-либо проектов и т.д.»³³³.

³³⁰ Ансар П. Современная социология // Социологические исследования. - 1996. - №1. - С. 141.

³³¹ Bourdieu P. Le Sens pratique. - Paris: Ed de Minut, 1980. - P. 88-89.

³³² Подгайский А. Л. Взаимодействие политической организации обществ и экономической системы: Дис. канд. эконом. наук: 08.00.01. - Мн., 1993. - С. 87.

³³³ Подгайский А. Л. Взаимодействие политической организации обществ и экономической системы: Дис. канд. эконом. наук: 08.00.01. - Мн., 1993. - С. 87.

Стимулирующее управление представляет собой наиболее тонкую и действенную форму реализации целей укрупненных социальных субъектов в экономической сфере. Применение стимуляционного типа управления, ввиду использования экономических методов воздействия на субъектов хозяйствования, непосредственно зависит от эффективности общественного производства.

Непосредственные реакции субъектов стимуляционного управления находят выражение в действительности либо не действительности стимулов. Отрицательная реакция субъектов на стимулы проявляется как в их равнодушии к последним, так и в «искажении» их восприятия, когда результаты стимулирования значительно расходятся с его целями. В качестве типичного для советского общества искаженного реагирования являлся постоянный рост «паразитических» ожиданий в обществе, когда у хозяйственных субъектов активизировалась деятельность, главным образом на получение различных экономических льгот (дотаций, пособий, субсидий). Последнее непосредственно трансформирует существующие отношения собственности и, соответственно, оказывает влияние на имущественную структуру общества. Действие «паразитических» ожиданий в социальной системе очень живучи и способны свести на нет многие новые способы хозяйственного стимулирования.

В заключение отметим, что стимуляционное и информационно-идеологическое управление так же, как и рассмотренное нами выше властное управление, осуществляются при помощи соответствующих организационно-функциональных форм, которые также вызывают объемно-правовое расслоение индивидов. Кроме того, стимуляционное управление ведет к имущественной дифференциации индивидов, так как сама суть его заключается в предоставлении или не предоставлении определенных выгод управляемым со стороны управляющих. Степень обладания информацией сама по себе уже может быть отнесена к одному из признаков, характеризующих объемно-правовое расслоение субъектов (один имеет право на большее количество информации, другой - на меньшее). Кроме того, в ряде случаев полная или частичная монополизация на ту или иную информацию может выступать в качестве реальной силы в руках индивида, общественной группы или социального класса.

Все это дает основание характеризовать различное место индивидов в отношениях социально-экономического управления пове-

дением субъектов как фактор, обуславливающий существование и эволюцию социально-классовой (а в постиндустриальную эпоху – социальной) дифференциации общества, проявляющийся через все три типа социального управления (властное, стимуляционное и информационное).

5.5. Потребностные отношения и социально-экономические способности как факторы, обуславливающие существование и эволюцию социально-классовой структуры общества

В качестве следующих социально-экономического факторов, обуславливающих существование и эволюцию социально-классовой структуры общества, выступают: различное место индивидов в потребностных отношениях и различные социально-экономические способности субъектов. Потребности и способности социальных субъектов, с точки зрения гносеологических целей данной работы, на наш взгляд, настолько взаимосвязаны, и рассмотрение их в разных параграфах могло бы усложнить изложение результатов исследования, а также привести к ненужным повторам. Именно поэтому раскрытие действия этих факторов нами объединено в одном параграфе.

Признание потребностей исходной причиной того или иного действия социальных субъектов делает возможным научное объяснение их целенаправленного поведения. По словам А.Б. Алехина «потребность индивида - это объективно присущее ему желание, необходимость пребывания в определенном состоянии и осуществления определенных действий в определенной среде (условиях)»³³⁴. В настоящее время в обществоведении общепризнанно, что любой социальный (и, соответственно, социально-классовый) субъект осуществляет все свои действия ради какой-либо из своих потребностей. Вместе с тем, на сегодняшний день в экономической (и в целом обществоведческой) литературе отсутствует общепризнанное определение потребностей.

Так уж сложилось, что большинство существующих дефиниций потребностей связывают ее с негативным состоянием субъекта (состоянием отсутствия или нехватки чего-либо), которое последний стремится преодолеть. Так Е.Г. Ясин пишет, что процесс обмена веществ между индивидом и средой «характеризуется набором параметров, имеющих допустимые и оптимальные значения. Отклонение от этих значений, включая ожидаемые, порождают состояние

³³⁴ Алехин А. Б. Экономическая теория жизнедеятельности человека: основные понятия и гипотезы. - Одесса: ИПРЭИ АН Украины, 1993. - С. 19.

напряженности, побуждая к действиям с целью его устранения. Это состояние, - отмечает данный автор, - условимся называть потребностью»³³⁵. А.Н. Леонтьев также считает, что «потребность есть состояние организма, выражающее его объективную нужду в дополнении, которое лежит вне его»³³⁶. Ф.Н. Щербак определяет потребности как «необходимые требования индивида или общества к условиям своего существования и развития... Потребность... есть отношение между объектом и субъектом, между предметом потребности и состоянием субъекта потребности. Это отношение противоречия применительно к самому субъекту можно охарактеризовать как «рассогласование» между наличным и должным состоянием его»³³⁷. Аналогично трактует экономические потребности и Н.Н. Михайлов³³⁸.

Вместе с тем, для рассмотрения потребности в экономическом плане наиболее приемлемым является «позитивное» понимание этой категории, предложенное Л. Николовым. Данный автор указывает, что «потребность есть положительное отношение между нормальным функционированием организма, или субъекта, и условиями этого нормального функционирования»³³⁹. При этом подходе состояние неудовлетворенной потребности представляется отклонением от нормы, а удовлетворение ее - возвращение в состояние нормы. Исходя из этого общего определения правомерно, как отмечает А.Л. Подгайский, «рассматривать потребности субъектов в экономической системе как определенные нормы их существования, выражающие необходимость поддержания внутренней динамической сбалансированности, обеспечивающей тождественность субъектов самим себе»³⁴⁰. «Такое понимание, - справедливо отмечает данный автор, - показывает внутренний источник активности

³³⁵ Ясин Е. Г. О проблемах согласования компонентов хозяйственного механизма // Экономика и мат. методы. - 1982. - Т. XVIII. - Вып. 3. - С. 397.

³³⁶ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. - М.: МГУ, 1971. - С. 1.

³³⁷ Щербак Ф. Н. Стимулы трудовой деятельности: методологические аспекты. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. - С. 88-89.

³³⁸ Михайлов Н. Н. Социализм и разумные потребности личности. - М.: Политиздат, 1982. - С. 27.

³³⁹ Николов Л. Структуры человеческой деятельности. - М.: Прогресс, 1984. - С. 72.

³⁴⁰ Подгайский А. Л. Взаимодействие политической организации обществ и экономической системы: Дис. канд. эконом. наук: 08.00.01. - Мн., 1993. - С. 53.

субъектов экономического процесса, где обеспечение одного из условий жизни субъекта (или изменение его меры) вызывает «цепь» изменений других условий и самой нормы его существования»³⁴¹. Такая трактовка даст возможность представить потребности социально-классовых субъектов как целостное системное образование, в котором всякое частное удовлетворение или неудовлетворение потребности вызывает активность всей совокупности социально-классовых побуждений.

Как отмечается в литературе, «потребность есть специфическая (сущностная) сила живых систем в окружающем мире»³⁴². Повторим, что воспроизводство индивидов, социальных организаций и общества - есть процесс обмена веществ со средой, который должен поддерживаться в динамическом равновесии. Соответственно, под потребностями социальных классов и групп понимаются сущностные силы, обеспечивающие их связь с внешней средой для самосохранения и саморазвития, источник активности социально-классовых образований в окружающем мире. Потребности социально активны, их структура и мера удовлетворения оказывают большое влияние на поведение субъектов в трудовом процессе, в системе отношений собственности, на воспроизводство рабочей силы, на отношение к общественным институтам и т.д.

Любая социально-классовая общность ориентируется в отношениях с другими социальными (социально-классовыми) субъектами на увеличение своей жизненности. Это вытекает из общих законов функционирования систем, так как любой социальный субъект является системой, а основная ориентация функционирования всех систем - это увеличение своей жизненности. Изменения, происходящие в экономической системе, трансформируют экономические условия функционирования социально-классовых общностей, формируют у них новые потребности, которые соответствуют их ориентации на упрочение собственной жизненности в изменившихся условиях.

³⁴¹ Подгайский А. Л. Взаимодействие политической организации обществ и экономической системы: Дис. канд. эконом. наук: 08.00.01. - Мн., 1993. - С. 53.

³⁴² Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность. - М.: Наука, 1984. - С. 13.

Изменение потребностей социальных классов, классовподобных, внутриклассовых и иных групп, то есть изменение их сущностных сил, поддерживающих процесс обмена вещества со средой в динамическом (по возможности оптимальном) равновесии, неизбежно вызывает изменение соотношения сил между социально-классовыми субъектами в обществе. Поясним это подробнее. Реализация новых или увеличение степени удовлетворения уже существующих потребностей социально-классовой общности может быть осуществлено двояко: во-первых, за счет увеличения производства прибавочного продукта, и, во-вторых, за счет изменений в распределении произведенного продукта. По степени влияния на изменение соотношения сил социально-классовых субъектов постсоветского общества оба эти процесса одинаково существенны. Трансформация потребностей социальных субъектов вызывает изменение направленности и степени социальной активности, ориентированной не только на увеличение производства прибавочного продукта, но и на изменение, естественно, в сторону оптимизации условий жизнедеятельности индивидов, входящих в данную социально-классовую общность, и самой этой общности, в распределении произведенного прибавочного продукта. Причем последнее (то есть то в чью «пользу» происходит распределение) зачастую оказывается наиболее важным в оптимизации условий жизнедеятельности социально-классовых субъектов.

Изменение возможности удовлетворения материальных потребностей индивидов происходит с развитием (или деградацией) общественного производства и ведет к увеличению (или уменьшению) степени абсолютного удовлетворения материальных потребностей. Вместе с тем, в связи с научно-техническим прогрессом изменяются потребности (зачастую существенно трансформируясь), их структура. Таким образом, развитие производства может способствовать появлению новых потребностей независимо от степени удовлетворения старых. Изменение потребностей у социально-классовых субъектов вызывает адекватное изменение их целей, что требует изменения способов достижения этих целей.

С ростом удовлетворения потребностей индивидов в реальной общественной жизни может увеличиваться объем благ, распределяемых уравнилельно, особенно, если это рассматривается как реализация социальной справедливости. В таком случае происходит не

только забвение стимулирующей (развитие производства) функции социально-классовой структуры, но и подмена социальной справедливости примитивно-уравнительными отношениями. Стремление к уравниловке ведет не только к снижению экономической эффективности производства, но и к эволюции социально-классовой структуры в сторону увеличения в ней доли социальных групп, присваивающих произведенный продукт непропорционально их трудовому вкладу.

Таким образом, различная степень удовлетворения потребностей социальных субъектов выступает не только фактором, обуславливающим возникновение и существование социально-классовой дифференциации общества, но и фактором, обуславливающим непрерывную эволюцию социально-классовой организации общества. В свою очередь, следующим эндогенным социально-экономическим фактором, обуславливающего существование и эволюцию социально-классовой организации общества, выступают социально-экономические способности субъектов. Если точнее, то дифференциация и изменение названных способностей.

Различные профессиональные и иные способности индивидов в значительной степени генетически предопределяют возможность занятия (наряду с принадлежностью субъекта к определенной социальной группе) и длительного сохранения (если это место привилегированно, социально престижно и (или) обеспечивает устойчивое получение достаточно значительного количества общественных благ и т.д.) определенного места в социально-экономической системе. В частности, нами разделяется взгляд на отношения собственности как представляющие собой «в сущности взаимодействие и противодействие социально-экономических сил, соединяющихся друг с другом и сталкивающихся между собой в борьбе за обладание благами. Социально-экономическая сила – необходимый атрибут отношений собственности. Именно поэтому соотношение социально-экономических сил определяет характер и формы отношений собственности»³⁴³. Более того, именно социально-экономические способности или, иначе говоря, социально-экономическая сила индивидов позволяет им трансформировать и определяет возможную

³⁴³ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 88-89.

степень этих существующих в социуме отношении собственности в своих интересах. Н.В. Герасимов писал по этому поводу: «Каковы характер и соотношение взаимодействующих сил, таково и распределение собственности. Соотношение объемов присвоения устанавливается не только субъективным стремлением к максимизации присвоения, сколько расстановкой социально-экономических сил. Желания определяют идеальный максимум присвоения, а возможности – его величину»³⁴⁴. Именно в этом проявляется действие социально-экономических способностей субъектов как фактора, обуславливающего социально-классовую дифференциацию общества.

Как было показано ранее, изменение потребностей социальных субъектов ведет к преобразованию существующих социально-экономических условий в обществе; изменению роли и места социальных групп и классов в общественном производстве. А это неизбежно вызывает изменение в соотношении сил социально-классовых субъектов.

Данное изменение соотношения сил вызывает трансформацию социально-классовых отношений. Кроме того, изменение сущностных сил того или иного субъекта уже само по себе показывает происшедшие преобразования в нем самом. Таким образом, можно констатировать, что изменение потребностей социально-классовых субъектов вызывает преобразование: 1) устойчивых, сущностных, регулярно повторяющихся социально-классовых отношений, которые возникают между индивидами, объединенными в социальные классы и в элементарные профессиональные, имущественные и объемно-правовые группы; 2) самих этих групп, то есть социально-классовой структуры общества, естественно, через изменение ее социально-классовой организации. Иначе говоря, изменение потребностей социальных субъектов можно рассматривать как фактор, предопределяющий эволюцию социально-классовой структуры любого общества. Следует отметить, что данный фактор обуславливает действие других субъектных социально-экономических факторов, предопределяющих эволюцию социально-классовой структуры общества (в том числе изменение способностей и интересов социальных субъектов). Вместе с тем, происходит и обратное влияние,

³⁴⁴ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 108-109.

когда изменившиеся способности и интересы социальных классов, элементарных социальных групп и индивидов, входящих в них, в свою очередь вызывают изменение их потребностей. Необходимо еще раз подчеркнуть, что изменение потребностей социальных субъектов проявляется как фактор эволюции социально-классовой структуры не непосредственно, а через изменение их способностей и интересов.

Как известно, наличие потребностей социально-классовых субъектов составляет необходимую предпосылку любой деятельности. Вместе с тем, сама по себе потребность еще не способна придать деятельности определенную направленность. А.Н. Леонтьев пишет по этому поводу: «то, что является единственным побудителем направленной деятельности, есть не сама по себе потребность, а предмет, отвечающий данной потребности»³⁴⁵. Для индивидов «предмет потребности - материальный или идеальный, - указывает данный автор, - чувственно воспринимаемый или данный только в представлении, в мысленном плане - мы называем мотивом деятельности»³⁴⁶.

Преобразование потребностей социально-классовых субъектов во внешне реализуемое поведение происходит через мотивацию, то есть выработку определенных целей. Причем, «на основе... индивидуального опыта происходит прогнозирование не только предмета удовлетворения потребности (что необходимо получить?), но и вероятности (возможности) получения или избегания жизненно важного фактора, если последний вреден, нежелателен для организма»³⁴⁷. При данной оценке социальный (социально-классовый) субъект исходит из информации о средствах, «предположительно необходимых для удовлетворения данной потребности в данных обстоятельствах, с наличной... информацией о средствах, которыми он реально располагает»³⁴⁸. Увеличение или уменьшение этих средств непосредственно связано с изменением способностей социальных субъектов.

³⁴⁵ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. - М.: МГУ, 1971. - С. 13.

³⁴⁶ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. - М.: МГУ, 1971. - С. 13.

³⁴⁷ Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность. - М.: Наука, 1984. - С. 15.

³⁴⁸ Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность. - М.: Наука, 1984. - С. 15.

Под способностями социальных субъектов (индивидов, общественных групп, социальных классов) нами будут пониматься такие их индивидуальные свойства, которые являются субъективными условиями успешного осуществления определенного рода деятельности, направленной на удовлетворение некоторых потребностей. Способности обнаруживаются у индивидов в знаниях, умениях, навыках и в быстроте, глубине и прочности овладения способами и приемами некоторой деятельности. В основе комплекса способностей, которыми обладают социальные субъекты, лежат их производственные способности. Как уже отмечалось ранее, новые производственные способности у людей вырабатываются в процессе деятельности, причем благодаря развитию старых способностей и в той или иной степени вопреки им, преодолевая их инерцию и сопротивление. Потребность конкретного социального субъекта, детерминированная конкретным видом производственной деятельности, форсирует социальную направленность в овладении определенной суммой знаний и формированием соответствующих идей, взглядов.

Степень развития и качественные особенности производственных способностей социальных субъектов, то есть таких индивидуальных свойств, которые являются субъективными условиями успешного осуществления производственной деятельности, непосредственно направленной на удовлетворение материальных потребностей, зависит от места, занимаемого субъектом в системе общественного производства. Изменение производственных способностей индивидов, прежде всего, предопределяется развитием технологических укладов, а точнее: изменением места субъектов в технологическом и организационно-управленческом разделении и кооперации труда. Развитие (или деградация) производственных способностей предопределяет изменение социальных прерогатив социально-классовых субъектов (социальных групп, классов). Возрастание значения той или иной производственной способности для оптимизации жизнедеятельности любого общества создает благоприятные условия для возрастания роли носителей этих способностей в социальной сфере. В то же время снижение значения того или иного технологического уклада и основанных на нем производственных способностей неизбежно понизит социальный статус их носителей, что проявляется не непосредственно, как при рассмотрении данного явления с точки зрения технологического детерми-

низма, а опосредуется целым комплексом социально-исторических и социально-экономических условий. Так, например, с понижением значения индустриального уклада и заменой его научно-индустриальным и научно-информационным укладами, падает социальная роль индустриальной части рабочего класса и возрастает научно-технической интеллигенции и высококвалифицированной части рабочих.

Сила (то есть способность влиять на общественную жизнь) той или иной элементарной социальной группы, того или иного социального класса будет предопределяться несколькими факторами. Во-первых, характером общественных функций, которые выполняют их представители. Чем более важные управленческие функции выполняют представители данной социально-классовой общности, чем большей властью и информацией (в данном случае имеются в виду те социальные прерогативы, которые им необходимы для выполнения их общественных функций) они располагают, и чем важнее виды труда, которыми они занимаются, тем при прочих равных условиях больше сила данного класса или элементарной группы. Во-вторых, внутренней организацией того или иного социально-классового образования, то есть аморфностью, иерархичностью данного образования и т.д. Эта организация будет предопределять возможность (или невозможность) его слаженных действий для отстаивания своих социально-классовых интересов. Слаженность, четкость и своевременность того или иного действия зачастую выступает в качестве главной компоненты силы социально-классовой общности. На силу каждой конкретной общности также оказывает влияние степень организованности общностей, чьи интересы противоположны интересам первой. Чем ниже при прочих равных условиях степень организации противников, тем больше сила данного социального класса или элементарной группы. В-третьих, помимо собственно структуры элементарной группы, социального класса на слаженность их действий в борьбе за реализацию их социально-классовых интересов огромное значение оказывает осознание членами данной общности своих классовых или групповых интересов (здесь даже неважно верно или ложно их видение) и постановка реальных задач. Важно также выработать единую цель (можно ложную, но обязательно единую). В-четвертых, большое значение для жизнеспособности социально-классовой общности и для его силы (преж-

де всего, это касается господствующей общности) имеет степень его открытости, возможность втягивать в себя наиболее способных выходцев из других социально-классовых образований.

Изменений способностей социально-классовых субъектов, то есть изменение их социальной силы, будет неизбежно сопровождаться изменением социально-классовых отношений, и, в первую очередь, пересмотром их объемно-правового и имущественного статуса и степени удовлетворения их потребностей. Последнее, в свою очередь, будет сопровождаться переходом индивидов из одних классов или профессиональных, имущественных и объемно-правовых групп в другие, то есть вызывать эволюцию социально-классовой структуры общества.

Невозможность удовлетворения материальных потребностей всех индивидов и различные социально-экономические способности субъектов для максимизации удовлетворения их потребностей предопределяет существенную дифференциацию между людьми в отношениях потребления, что обуславливается различием их места в трудовых отношениях, отношениях собственности и социально-экономического определения и детерминирует существование и эволюцию социально-классовой и/или социальной структур общества.

5.6. Различные интересы субъектов как фактор, обуславливающий существование и эволюцию социально-классовой структуры общества

Следующим социально-экономическим фактором, обуславливающим существование и эволюцию социально-классовой структуры общества, выступают различные интересы субъектов. Преломление потребностей субъекта через структуру экономических отношений, в которых он участвует в определенных ролях, выступает в форме интересов.

Прежде, чем перейти к рассмотрению сути нашего вопроса необходимо сделать ряд предварительных замечаний о самой категории «интерес».

В отечественной литературе, в настоящее время существует огромное количество работ по проблеме интересов, где последние рассматриваются как в конкретном, содержательном плане - в связи с исследованием интересов конкретных социальных общностей, так и посвященные специальной разработке понятия «интерес» как философской категории³⁴⁹. Не вдаваясь в критику предлагаемых трак-

³⁴⁹ Зеркин Д. П. Объективные законы общественного развития и политика. - М.: Заочная высшая партийная школа при ЦК КПСС, 1982. - 68 с.; Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история: проблемы исторического процесса. - М.: Политиздат, 1981. - 288 с.; Мокроносов Г. В., Москаленко А. Т. Методологические проблемы исследования общественных отношений и личности. - Новосибирск: Наука, 1981. - 295 с.; Солодкова С. В. Система производственных отношений социализма (Вопросы теории). - М.: Мысль, 1977. - 295 с.; Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. - Новосибирск: Наука, 1981. - 304 с.; Бернацкий В. О. Интерес: познавательная и практическая функции. - Томск: Издательство Томского университета, 1984. - 168 с.; Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - 349 с.; Здравомыслов А. Г. Категория интересов в работах Маркса 1842-1846 годов. - М.: Политиздат, 1979. - 220 с.; Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. - Л.: ЛГУ, 1964. - 74 с.; Кронрод Я. Социально-экономическая структура социалистического общества и экономические интересы // Экономические науки. - 1971. - №11. - С. 11-22.; Тарасенко А. А. Общественные интересы и личность. - Мн.: Наука и техника, 1980. - 151 с.; Тараткевич М. В. Человек. Среда. Потребности: диалектика формирования разумных потребностей. - Мн.: Беларусь, 1980. - 271 с.; Тумасов А. К., Щербина В. Д. О характере противоречий общенародных и коллективных экономических интересов при социализме // Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права. - 1974. -

товок и классификаций интересов, не ставя сейчас своей задачей их детальный анализ (и не имея такой возможности, ввиду ограниченного объема исследования), мы будем придерживаться в дальнейшем трактовки интереса предложенной А.Т. Ханиповым. Данный автор указывает, что под интересом понимается «позиция социального субъекта, выражающая его избирательное отношение к объективным тенденциям общественного развития»³⁵⁰.

В свое время Г.В. Плеханов писал, что «... интересы различных общественных классов не всегда противоположны. Но для возникновения классового антагонизма достаточно простого различия интересов... А иногда для возникновения классовой борьбы не нужно имущественного неравенства, а достаточно различия местных интересов»³⁵¹.

Как известно, именно социальное положение людей делает качественно различными их интересы. Как отмечает К.Р. Мегрелидзе: «Способ производства и форма собственности неизбежно связаны с известными группировками общественных интересов... Противоречие классовых интересов и борьба классов есть лишь внешнее выражение тех противоречий, которые развиваются внутри процесса общественного производства»³⁵². Вместе с тем, необходимо проводить грань между интересами и материальными условиями, их порождающими.

Нельзя не согласиться с тем, что «зависимость интересов от общественного бытия проявляется двояко. Во-первых, уровнем развития материальных условий жизни общества определяется объективная основа (содержание) интересов, т.е. сфера возможностей, масштабы возможного. Всякий интерес есть порождение определенных общественных возможностей сформировавшихся на почве данного

Вып. 4. - №23. - С. 16-25.; Ханипов А. Т. Интересы как форма общественных отношений. - Новосибирск: Наука, 1987. - 183 с.; Шульга З., Палкин Ю. Общий экономический интерес при социализме // Экономические науки. - 1971. - №1. - С.29-36.

³⁵⁰ Ханипов А. Т. Интересы как форма общественных отношений. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 63.

³⁵¹ Плеханов Г.В. Первые фазы учения о классовой борьбе // Избранные философские произведения. - М.: Госиздат, 1956. - Т.2. - С. 480-481.

³⁵² Мегрелидзе К. В. Основные проблемы социологии мышления. - Тбилиси: Мецниереба, 1973. - С. 390.

уровня развития общественного бытия»³⁵³. И, во-вторых, «...положением социального субъекта в системе данных производственных отношений обуславливается его положительное отношение к одним объективным возможностям и отрицательно - к другим, его заинтересованность в реализации одних возможностей и предотвращения других»³⁵⁴.

Главный экономический интерес любой социальной общности и отдельного индивида заключается в оптимизации своей жизнедеятельности. Н. В. Герасимов писал, что экономические интересы представляют собой «социальную направленность жизненной активности субъектов на создание наиболее благоприятных общественных условий, необходимых для удовлетворения их материальных потребностей и нужд, обеспечения максимально возможной физической и социальной жизненности»³⁵⁵. С психологической точки зрения интерес представляет собой сосредоточение внимания на удовлетворении определенной потребности. Экономический интерес, в таком случае, направлен на удовлетворение экономической материальной потребности. «Устойчивая направленность внимания на тот или иной объект является относительно постоянной чертой человека или социальной группы, - отмечает В.К. Черняк, - интерес существует как сознательное стремление»³⁵⁶.

В реальной жизни экономические интересы различных социальных групп могут совпадать, совпадать лишь частично или быть противоположными. Подчеркивая роль степени этого совпадения и борьбы за их реализацию в образовании общественных классов, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку это «обуславливалось их общими

³⁵³ Солодовников С. Ю. Влияние экономических интересов социально-классовых субъектов на динамику развития предпринимательства в постсоветском обществе // Предпринимательство: проблемы и перспективы: Тезисы докл. науч.-практ. конф. Минск, 16 апр. 1999 г. - Минск: БГЭУ, 1999. - С. 163.

³⁵⁴ Солодовников С. Ю. Влияние экономических интересов социально-классовых субъектов на динамику развития предпринимательства в постсоветском обществе // Предпринимательство: проблемы и перспективы: Тезисы докл. науч.-практ. конф. Минск, 16 апр. 1999 г. - Минск: БГЭУ, 1999. - С. 163.

³⁵⁵ Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С. 23.

³⁵⁶ Черняк В. К. Структура экономического развития. - Киев: Наука, 1981. - С. 93.

интересами против какого-либо другого класса»³⁵⁷. Как пишет по этому поводу В.С. Барулин, «производственные отношения реализуются в определенных экономических интересах людей. Эти интересы на различных этапах развития производства дифференцируются, существенно различаются между собой, а то и противоречат друг другу. Вот эти объективные производственно-экономические интересы и являются тем жизненным механизмом, который объединяет, сплачивает определенные группы людей - классы. Сами классы и выступают как своеобразное закрепление воплощения тех или иных интересов в жизнедеятельности общественных групп»³⁵⁸. Причем подобно тому, как «личные интересы..., - отмечает К.Р. Мегрелидзе, - складываются помимо воли и желания индивидов, так же независимо от них развиваются и складываются в общие или противоположные групповые и классовые интересы»³⁵⁹. Они (интересы) являются единственными импульсами, побуждающими людей к действию, то есть «...составляют единственную живую силу, приводящую в движение механизм всякой истории»³⁶⁰.

Из сказанного видно, что изменение потребностей и способностей социально-классовых субъектов неизбежно ведет к изменению их интересов, иначе говоря, к преобразованию направленности и силы их социальной активности. Последнее уже само по себе меняет отношения в обществе между социальными группами и классами, то есть ведет к изменению социально-классовой организации общества. Если же данные изменения приобретают устойчивый, неслучайный характер, то это будет вызывать эволюцию социально-классовой структуры. Изменения, происходящие в интересах и, соответственно, в цели, стоящей в данный момент перед социально-классовым субъектом, неизбежно приведут к формированию новых (адекватных данной цели) способов и возможностей ее реализации.

Ранее уже отмечалось, что социальный класс (или социально-классовая группировка), добившийся господствующего политиче-

³⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. - Т.3.

³⁵⁸ Барулин В. С. Социальная жизнь общества. - М.: Изд-во МГУ, 1987. - С. 21.

³⁵⁹ Мегрелидзе К. В. Основные проблемы социологии мышления. - Тбилиси: Мецниереба, 1973. - С. 386.

³⁶⁰ Мегрелидзе К. В. Основные проблемы социологии мышления. - Тбилиси: Мецниереба, 1973. - С. 385.

ского положения в обществе, будет стремиться к преобразованию существующей и формированию такой новой системы общественных институтов, которая обеспечит наиболее благоприятные условия удовлетворения потребностей индивидов, в него входящих. В качестве основного экономического института, определяющего возможность (или не возможность) максимизации удовлетворения материальных потребностей членов того или иного класса, выступают отношения собственности (которые, как отмечалось нами ранее, предопределяют имущественную дифференциацию общества). Соответственно, изменение интересов социально-классовых субъектов будет, прежде всего, проявляться в их борьбе за преобразование (или сохранение) существующих отношений и форм собственности.

В зависимости от того, интересам каких социальных субъектов подчинена функциональная целенаправленность экономической системы, мы можем на основании типологии данных систем, предложенной Н.В. Герасимовым, рассмотреть ряд системных детерминаций. Отметим, что в данном исследовании мы будем понимать под детерминацией «процесс, при помощи которого предмет стал тем, чем он является»³⁶¹, способ, при помощи которого предмет приобретает свои свойства³⁶².

Выделяются следующие важнейшие детерминации: трудовая (продукционная), монополярная (эгоцентричная), уравнивательная (коммуноцентричная), социальная (системная)³⁶³. Соответственно, интересы социально-классовых субъектов, определяемые их местом в системе экономических отношений, могут носить трудовой (продукционный), монополярный, уравнивательный и собственно-социальный характер.

Все эти интересы (и детерминации) присущи любому обществу, вопрос заключается в преобладании одних над другими и, соответственно, в трансформации, в зависимости от доминирующей в дан-

³⁶¹ Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. - М.: Издательство иностранная литература, 1962. - С. 19.

³⁶² Герасимов Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991.

³⁶³ Герасимов Н. В. Отчет отдела закономерностей развития производственных отношений социализма Института экономики АН БССР за 1988 год (рукопись). - Мн.: Институт экономики АН БССР, 1988. - С. 30.

ный момент детерминации, всей системы экономических и социально-классовых отношений.

Прежде, чем описывать влияние изменения интересов на эволюцию социально-классовой структуры общества на основании общих дефиниций Н.В. Герасимова, попытаемся охарактеризовать схемы детерминаций и специфику присущих им экономических интересов³⁶⁴.

Трудовая (производственная) детерминация показывает настроенность экономических отношений собственно на труд и на интересы субъектов как носителей трудовых функций. Соответственно, данная детерминация означает функциональную ориентацию социально-экономических и политических отношений на наиболее эффективное производство материальных благ и их непосредственное потребление, ориентированное на эффективное воспроизводство. В зависимости от выполняемых индивидами трудовых функций и результатов их труда распределяются все без исключения жизненные блага, определяется социально-экономический статус и место в социальной структуре субъекта. Отношения собственности в таком обществе будут отличаться четкой персонификацией объектов присвоения, непосредственной определенностью со стороны трудовых отношений и относительно «чистым», не искажающим опосредованием взаимосвязи процессов труда и потребления. Соответственно, в обществе с трудовой (производственной) детерминацией вся социально-экономическая иерархия строится на ранжировании трудовых функций и результатов труда по его эффективности и социальной значимости. Место в имущественной и объемно-правовой элементарных социальных структурах в этих условиях напрямую (непосредственно) зависит от сохранения и изменения места субъекта в профессиональной структуре. Иначе говоря, при данной детерминации, эволюция социально-классовой структуры общества находится в прямой зависимости от изменения его профессиональной структуры.

Следует согласиться с тем, что экономическую систему, как результат трудовой детерминации, неправомерно рассматривать как

³⁶⁴ Герасимов Н. В. Отчет отдела закономерностей развития производственных отношений социализма Института экономики АН БССР за 1988 год (рукопись). - Мн.: Институт экономики АН БССР, 1988. - С. 28-33.

имеющую однозначно позитивную характеристику, забывая о ее негативных чертах. Для данной системы характерно полное игнорирование социальных субъектов не способных к эффективному труду, индивидов еще и уже нетрудоспособных. Она игнорирует экономические затраты, направленные на гуманизацию социально-экономических отношений и т.д.

Социальная (системная) детерминация выражает функциональную направленность экономической системы на воспроизводство общества в целом, на удовлетворение потребностей субъектов как членов единого социума. Она вызывается необходимостью частичного устранения объективной несправедливости любой системы, состоящей в социально-классовой дифференциации и ограничений возможностей ее членов. Несправедливость такого равенства компенсируется выгодами системного бытия, укреплением системного единства и т.п. Социальная детерминация социально-экономических отношений собственности ограничивает свободу действий собственника в пределах своей части персонифицированной долевой собственности - это определяется тем, что все члены социума как неотъемлемые составляющие социального целого, необходимые для его нормального воспроизводства, являются частичными собственниками хозяйственных благ. Соответственно, все индивиды должны располагать адекватными властными прерогативами.

Собственно социальные (системные) интересы направлены: во-первых, на эффективное производство продукции и ее потребление в соответствии с нуждами эффективного общественного воспроизводства, требуют адекватных этому трудовых отношений, отношений собственности и отношений социально-экономического определения³⁶⁵; во-вторых, на создание равных условий всем членам общества развития и реализации своих способностей; в-третьих, в распределении созданного продукта в соответствии с количеством и качеством труда, затраченного на его производство (что, разумеется

³⁶⁵ Отметим, что в эффективном общественном производстве, в конечном счете, заинтересованы индивиды, входящие во все социальные классы и элементарные группы, но лишь у носителей собственно-социальных интересов эта заинтересованность находит свое законченное и последовательное выражение.

же, не исключает выделение средств для содержания нетрудоспособных членов общества).

Система экономических отношений в условиях превалирования социальной детерминации отличается относительной эффективностью и относительной адекватностью ее компонентов. Данная детерминация нацеливает отношения на сочетание эффективного производства и сглаживание социальных противоречий. Однако, любые социальные структуры «...внутренне противоречивы, в них всегда есть несоответствия между объемом присвоения благ, между желаемым и действительным, между нужным и возможным, между частным и общественным и т.д.»³⁶⁶. В этих структурах не может быть выражена вся суть человека. «Поэтому в любом обществе неизбежно существует эгональная детерминация (монополярная и (или) уравнивательная детерминация - С.С.) отношений как способ ориентации их на свои собственные интересы»³⁶⁷.

Монополярная (эгоцентричная) детерминация предопределяет направленность экономической системы на реализацию частного индивидуального или группового интереса. Эгоцентрический частно-групповой (частно-классовый) интерес заключается в подчинении себе остальных интересов посредством концентрации собственности на хозяйственные блага, важнейших управленческих функций, власти, информации, наиболее важных видов труда и т.п. Данная детерминация предполагает наличие четкой персонифицированной собственности. Значение субъекта в такой системе определяется только его характеристиками как собственника: его профессия, квалификация, образование, способность к труду и прочие качества в социальном ранжировании существенной роли не играют. «Исторический генезис эгоцентричных социальных структур... приводит к классовой поляризации общества, усилению неравенства и узких частных аспектов собственности, эксплуатации большинства мень-

³⁶⁶ Герасимов Н. В. Отчет отдела закономерностей развития производственных отношений социализма Института экономики АН БССР за 1988 год (рукопись). - Мн.: Институт экономики АН БССР, 1988. - С. 31.

³⁶⁷ Герасимов Н. В. Отчет отдела закономерностей развития производственных отношений социализма Института экономики АН БССР за 1988 год (рукопись). - Мн.: Институт экономики АН БССР, 1988. - С. 31.

шинством, усилению борьбы всех против всех, распаду системы»³⁶⁸. Когда эволюция монопольных структур достигает критической точки, эти структуры естественным путем отсекаются или ограничиваются и усиливаются трудовые и социальные (системные) структуры, укрепляется баланс интересов, развиваются общественные аспекты труда, собственности и определения поведения социально-классовых субъектов.

Естественным и закономерным антиподом и социальных (системным), и монопольных (эгоцентричных) структур выступают уравнительные (коммуноцентричные) структуры. Последние являются закономерной реакцией социальных субъектов, находящихся на нижних ступенях социальной иерархии, на всякое неравенство. «Важным источником коммуноцентричных структур, - пишет Н.В. Герасимов, - являются соответствующие нравственные ценности человека. Уравнительность - способ борьбы за возвышение своего положения, переходная ступень к последующему возвышению, способ утверждения своеобразного братства»³⁶⁹. Уравнительные структуры основываются на принудительной коллективности, приоритете общественных начал собственности, относительном равенстве в потреблении и неравенстве в труде, эксплуатации меньшинства большинством и т.д. Отношения собственности при коммуноцентрической детерминации предполагают концентрацию прерогатив собственника на хозяйственные блага и функции на уровне социума в целом в руках государственного аппарата. Это создает предпосылки для трансформации уравнительных структур в монопольные посредством группового присвоения рычагов регламентации общественной жизни. Характеристика социального субъекта в коммуноцентрической системе как участника трудовых отношений, как собственника и потребителя определена местом в государственной иерархии.

Следует также отметить, что направленность и характер интересов одного и того же индивида на протяжении его жизни может не-

³⁶⁸ Герасимов Н. В. Отчет отдела закономерностей развития производственных отношений социализма Института экономики АН БССР за 1988 год (рукопись). - Мн.: Институт экономики АН БССР, 1988. - С. 32.

³⁶⁹ Герасимов Н. В. Отчет отдела закономерностей развития производственных отношений социализма Института экономики АН БССР за 1988 год (рукопись). - Мн.: Институт экономики АН БССР, 1988. - С. 33.

однократно претерпевать существенные изменения (от уравнительных к собственно-социальным или монопольным и обратно). Это будет обуславливаться изменением его места в системе экономических отношений.

В зависимости от изменения соотношения носителей уравнительных, монопольных, трудовых и собственно-социальных интересов в обществе, и от того, какие из интересов в данный момент являются доминирующими, будут преобразовываться существующие в обществе профессиональные, имущественные, объемно-правовые группы и социальные классы, так как именно в регулярно повторяющихся актах борьбы за совместную реализацию своих экономических интересов происходит объединение индивидов в элементарные социальные группы и классы. Соответственно, с изменением структуры интересов социальных субъектов в обществе неизбежно будет происходить изменение социально-классовой организаций, а затем, когда эти изменения примут необратимый, неслучайный характер - произойдет эволюция социально-классовой структуры общества.

Как уже отмечалось, если социальный класс добивается господствующего политического положения в обществе (то есть если изменяется объективная основа его интересов, иначе говоря - сфера возможностей, масштабы возможного, а, соответственно, и сами его интересы, так как последние есть порождение определенных общественных возможностей), то его действия будут, прежде всего, направлены на приведение отношений собственности в соответствие с их экономическими интересами. Господствующий социальный класс стремится привести (сохранить) трудовые отношения и отношения собственности в такое состояние, которое создает оптимальные условия, позволяющие обеспечить им наиболее оптимальное удовлетворение своих материальных потребностей, ибо действия всех социальных классов, направленные на оптимизацию своей жизнедеятельности, в конечном счете, неизбежно реализуются в стремлении оптимизации (максимизации) своего потребления. Без этого последнего этапа теряет смысл процесс присвоения. Иначе говоря, целью социальных классов является не просто присвоение хозяйственных благ, а такое их присвоение (и, соответственно, создание таких трудовых отношений), которое позволит осуществлять тому или иному социальному классу оптимальное (максимальное)

потребление, что будет создавать оптимальные условия для воспроизводства господствующего (доминирующего) социального класса (или социально-классовой группировки).

С точки зрения возможности изменения (сохранения) существующих отношений собственности, определяющее значение имеет степень обладания социальным классом властью, прежде всего политической. Так, после захвата большевиками (выразителями коммуноцентрических интересов) в октябре-ноябре 1917 г. политической власти, они в то же время еще не обладали экономической властью, то есть не стали собственниками производительных сил общества, хотя с изменением политической организации общества неизбежно произошла трансформация отношений социально-экономического управления, которые и явились основой для дальнейшего преобразования экономической системы. В то время в городе подавляющая часть объектов собственности (и, соответственно, экономическая власть) по-прежнему находилась в руках крупной и средней буржуазии, государственных банковских и других (связанных с обслуживанием и контролем за производством и распределением) служащих, то есть в руках выразителей монопольных интересов. Поэтому одной из первых акций советского правительства была национализация банков, железных дорог и т.д. Вместе с тем, осознавая, что класс капиталистов, оставаясь собственником средств производства, реально держал в своих руках экономическую власть, что позволяло ему по-прежнему претендовать на политическую власть. Было осуществлено сначала ограничение его прав собственника на хозяйственные блага (введение рабочего контроля, государственное регулирование условий труда и т.д.), затем начала активно осуществляться политика национализации. Здесь следует подчеркнуть также, что попытки экономического сопротивления буржуазии активно подавлялись в то время политическими методами («красногвардейская атака на капитал»).

Данные преобразования в отношениях собственности на хозяйственные блага позволили одновременно осуществить и преобразования в трудовых отношениях. Это директивное установление более короткого рабочего дня, введение льгот для работающих женщин и детей и т.д. Эти меры выражали не только уравнивательные интересы мало- и среднеквалифицированной части рабочего класса, но и экономические интересы, обусловленные трудовой детермина-

цией высококвалифицированной части заводских и фабричных рабочих. Отметим, что через некоторое время, большевистская партия пошла на ущемление интересов последних путем фактической нивелировки оплаты их труда и труда низкоквалифицированной части рабочих, затем, в условиях гражданской войны РКП(б) пошла на строгую регламентацию трудовых отношений (удлинение рабочего дня, трудовая повинность и т.д.). Являясь следствием преобразования отношений собственности, изменение трудовых отношений, в свою очередь, способствовало их закреплению.

Наряду с этим, исходя из того, что основным средством производства является земля, а значит тот, кто ею владеет, наделен существенной экономической властью, государство диктатуры пролетариата осуществило национализацию земли. Данная акция, ущемляя монопольные интересы крупных собственников земли, была поддержана в деревне как выразителями уравнительных, так и трудовых интересов. Затем РКП(б) была осуществлена политическая попытка отторжения бывшей помещичьей земли у крестьян и создания на ее базе совхозов, что должно было обеспечить дальнейшее усиление экономических позиций рабочего класса в деревне и явилось проявлением стремления к реализации уравнительных интересов, которые преобладали в то время среди индивидов, входящих в рабочий класс (и у беднейшего крестьянства). Однако, эта попытка встретила решительное сопротивление крестьянства. Лишь в 1928-1933 гг. ВКП(б), опираясь на носителей коммуноцентрических интересов в селе (в 1928-1929 гг. удельный вес «бедноты» в деревне составлял 35%³⁷⁰), осуществила отторжение земли у крестьян и создала на ее базе совхозы и колхозы. Последнее обеспечило дальнейшее усиление экономических позиций носителей уравнительных интересов в деревне.

Примерно в то же время была осуществлена централизация (с жестким государственным контролем) мелких производителей в городе. В результате была создана экономическая система, обусловленная коммуноцентрической детерминацией. В СССР она характеризовалась созданием двух социальных классов, являющихся (преимущественно) носителями уравнительных интересов: рабочего

³⁷⁰ Лапин Н. И. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // Большая Советская Энциклопедия. - 3-е изд. - М.: Советская энциклопедия, 1973. - Т.12. - С. 426.

класса и класса колхозного крестьянства. Созданная система требовала сильного государственного аппарата, что привело к созданию класса государственных управленцев. Формируясь в самостоятельную силу, имея, соответственно, специфические экономические интересы (тяготеющие к монопольным), государственные управленцы (бюрократия) начинают активно их отстаивать. Зачастую это шло в ущерб уравнильным интересам рабочего класса и крестьянства. Уже в 1920-1922 гг. лидер РКП(б) В.И. Ленин был вынужден это признать. Он, в частности, отмечал: «Самый худший у нас внутренний враг - бюрократ»³⁷¹. «Государство у нас рабочее с бюрократическим извращением... Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства»³⁷².

Возможность такого рода действия со стороны государственных управленцев была предопределена фактически присвоением ими функций управления обществом. Иначе говоря, со временем произошло перераспределение прерогатив собственников между ними и рабочим классом в пользу первых. Соответственно, наряду с уравнильной детерминацией на формирование экономической системы начала существенно влиять монопольная детерминация.

На эволюцию социально-классовой структуры общества также оказывает непосредственное влияние фактическое изменение отношений собственности (то есть такое изменение, которое может сопровождаться сохранением прежнего юридического статуса собственников). Это происходило (и происходит), в частности, когда используется государственная собственность какой-то социальной группой в целях оптимизации своей жизнедеятельности путем ущемления материальных интересов других социальных групп. Когда происходит длительное преимущественное удовлетворение материальных потребностей той или иной социально-классовой груп-

³⁷¹ Ленин В. И. О международном и внутреннем положении Советской республики // Полное собрание сочинений. - 5-е изд. - М.: Политиздат, 1982. - Т.45. - С.15.

³⁷² Ленин В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого // Полное собрание сочинений. - 5-е изд. - М.: Политиздат, 1981. - Т.42. - С.208.

пы за счет других, можно вести речь уже об отношениях эксплуатации. Иначе говоря, субъекты отношений собственности и характер взаимоотношений между ними качественно преобразуется. Хотя те и другие будут по-прежнему юридически считаться сособственниками хозяйственных благ в равной мере.

В качестве одного из способов борьбы субъектов за реализацию своих экономических интересов выступает неорганизованное спонтанное перемещение индивидов в отношениях собственности, что сопровождается изменением их места в имущественной структуре общества. Примером таких перемещений в недалеком прошлом может служить стихийная миграция колхозников в города, что естественно сопровождалось превращением их из субъектов колхозно-кооперативной собственности в субъекты государственной собственности.

Изменение в положении субъектов в системе общественного производства, как уже отмечалось, естественно сопровождается трансформацией их экономических интересов. Последнее находит свое выражение в формировании адекватных произошедшим изменениям социальных позиций, изменением отношения людей по поводу реализации новых возможностей. В результате может сложиться (а на практике это происходит постоянно) ситуация, характеризующая неадекватность реализации интересов того или иного социально-классового образования его месту в системе общественного производства, что может привести к столкновению классовых интересов. Причем, не к любому их столкновению (так как в любом социально-классовом обществе интересы будут приходить в противоречие, а значит и в столкновение - дело лишь в том, чтобы вовремя находить компромиссы между социальными группами), а такому, когда существует устойчивое и продолжительное преобладание в удовлетворении экономических интересов какой-либо социально-классовой общности. Если при этом переход в данную социально-классовую группу или социальный класс не ограничен достаточно жесткими условиями, то индивиды их социально-классовой общности, находящейся в непривилегированном положении, будут переходить в относительно привилегированную общность.

В современном обществе среди профессиональных групп группы, занимающиеся не престижным, малоквалифицированным, тяжелым физическим и т.п. трудом (а в результате этого производя-

щие меньше продукта на одного работника, чем в среднем один трудящийся в обществе) будут заинтересованы в уравнительных отношениях, так как это означает увеличение их доли собственности и уровня потребления. Группы, выполняющие наиболее важные виды трудовой деятельности, занимающиеся важнейшей управленческой деятельностью и т.п. (то есть находящиеся на самых верхних уровнях профессиональной структуры) будут заинтересованы преимущественно в монопольных отношениях. «Средние» элементарные группы, входящие в профессиональную структуру, будут выступать преимущественно носителями собственно социальных (системных) отношений, но у них существует стремление к монопольным интересам.

Среди имущественных групп стремление к уравнительным отношениям собственности будет, прежде всего, у наименее имущих слоев населения. Наиболее имущие группы будут заинтересованы в монопольной собственности (хотя до некоторой степени их интересам не противоречит и естественный трудовой тип собственности). Имущественные группы, занимающие «среднее» положение в отношениях собственности, будут заинтересованы преимущественно в естественной трудовой форме собственности, хотя в тенденции могут тяготеть и к монопольному типу собственности.

Среди объемно-правовых групп стремление к уравнительным отношениям также будет характерно для наиболее обделенных (правами) групп. «Средние», с точки зрения объемно-правовых прерогатив, группы будут преимущественно заинтересованы в наделении всех субъектов примерно равными правами. Группы, обладающие наибольшим объемом прав, будут тяготеть к монополизации последних.

Социальный класс, как кумулятивная (интегральная) группа, как отмечалось, объединяет в себе индивидов исходя из трех признаков: профессионального, имущественного и объемно-правового. Соответственно, стремление индивидов, входящих в тот или иной класс, к той или иной детерминации будет определяться их местом в трех структурах (профессиональной, имущественной и объемно-правовой). Иначе говоря, основная направленность целей социального класса будет получаться путем системного наложения целей элементарных групп его составляющих. Это предопределяет в реальном обществе неоднозначность (неоднаправленность и проти-

воречивость) поведения социально-классового субъекта в борьбе за увеличение своей жизненности.

В каждый момент в обществе должен существовать определенный баланс интересов, который обуславливается балансом сил социальных субъектов, являющихся носителями уравнительных, монопольных и собственно-социальных интересов. Изменение интересов тех или иных социальных субъектов неизбежно вызывает разбалансировку сил социально-классовых общностей в социуме и, как результат этого, ведет к изменению социально-классовых отношений и компонентов социально-классовой структуры. Иначе говоря, вызывает эволюцию социально-классовой организации общества, которая является основой для необратимого изменения ее социально-классовой и социальной структур.

Все социально-экономические факторы, предопределяющие существование и эволюцию социально-классовой структуры общества, тесно связаны и взаимообусловлены и проявляются, прежде всего, через изменение социально-классовой организации. В итоге они приводят к сущностным, регулярно повторяющимся, не случайным изменениям профессиональной, имущественной и объемно-правовой структур общества; а уже на основе эволюции данных элементарных структур происходит изменение кумулятивной (интегральной) социально-классовой структуры. Данное воздействие будет непосредственно осуществляться через изменения в трудовых отношениях, отношениях собственности, отношениях социально-экономического управления, поведение субъектов и потребностных отношениях.

Глава 6. Экзогенные объектные социально-экономические факторы, обуславливающие существование и эволюцию социально-классовой структуры общества

6.1. Хоронимический фактор существования и эволюции социально-классовой структуры общества

Рассматривая изменение хоронимических (природно-географических) условий в качестве фактора, предопределяющего существование и эволюцию социально-классовой структуры общества, необходимо учитывать, что его действие, как правило, опосредуется действием других выделяемых нами факторов. Природно-географические условия представляют собой комплекс естественных (природных) условий существования человеческого общества. В настоящее время общепризнанным является тезис о взаимодействии человека и природы, согласно которому человеку отводится двойственная роль в этом процессе: человек не может существовать без использования богатств природы и в этом смысле полностью зависим от нее. И одновременно индивид способен активно изменять природу.

Одинаково неверным является как игнорирование влияния природно-географических условий на социальные процессы – «географический нигилизм»³⁷³, так и преувеличение роли географической среды – «географический детерминизм». Несостоятельность последнего подхода была показана еще Г.В. Плехановым, который заметил, что «современных итальянцев (конца XIX века - С.С.) окружает та же естественная среда, в которой жили древние римляне, а между тем как мало похож темперамент современных нам данников Менелика на темперамент суровых покорителей Карфагена»³⁷⁴.

Однако, эти объектные экзогенные социально-экономические факторы определяют лишь «общее направление» социально-

³⁷³ Колесник С. В. Общие географические закономерности Земли. - М.: Наука, 1970. - 176 с.

³⁷⁴ Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Сочинения. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1923. - Т.8. - С. 254-255.

экономических процессов, но не «индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия»³⁷⁵. Ведущий российский этнограф Л.Н. Гумилев писал, что «историческая судьба народности (этноса), являющаяся результатом ее (народности) хозяйственной деятельности, не определяется, но связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта (природно-географических условий - С.С.)»³⁷⁶.

Вышеупомянутые факторы, оказывая влияние на взаимодействие социальных классов и групп, иногда могут оказывать воздействие на эволюцию социально-классовой структуры общества. Огромное количество таких исторических примеров есть у Л.Н. Гумилева³⁷⁷.

Природно-географические условия можно оценивать по трем основным параметрам: 1) почвенно-климатические условия; 2) наличие и качественные характеристики сырья и энергоносителей; 3) экономическое местоположение данной территории, то есть легкость или трудность экономических связей внутри нее самой или с соседними территориями (наличие или отсутствие крупных рек, морей и удобных гаваней; труднопроходимых гор и болот или легкопроходимых степей; качество дорог и т.д.). Исходя из того, что в основе отношения индивидов к природно-географическим условиям лежит их производственная деятельность, которая, в конечном счете, всегда использует природные материалы, можно констатировать, что с развитием технологической основы производства меня-

³⁷⁵ Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Сочинения. - М.; Л.: Гос. изд-во, 1923. - Т.8. - С. 294.

³⁷⁶ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве» пресвитера Иоанна. - М.: Танаис ДИ-ДИК, 1995. - С. 103.

³⁷⁷ Гумилев Л. Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII-XIII вв. - М.: Мысль, 1993. - 516 с.; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. Кн. 2. - М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. - 512 с.; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. Кн.1. -М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. - 512 с.; Гумилев Л. Н. Изменение климата и миграции кочевников // Природа. - 1972. - №4. - С56-63.; Гумилев Л. Н. История народа хунну. Кн. 1. - М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. - 448 с.; Гумилев Л. Н. История народа хунну. Кн. 2. - М.: Институт ДИ-ДИК, 1998. - 496 с.; Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. - М. Танаис ДИ-ДИК 1994. - 544 с.; Гумилев Л. Н. Мировая война VII века // Арабские истории Кн. 1. Русский взгляд. - М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. - С.148-168.; Гумилев Л. Н. От Руси к России. - М.: Танаис ДИ-ДИК, 1995. - 554 с.; Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве» пресвитера Иоанна. - М.: Танаис ДИ-ДИК, 1995. - 522 с.; Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. - М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. - 544 с.

ется оценка данных условий людьми. В необитаемых прежде местах под воздействием новых технических достижений (или по другим причинам) открываются благоприятные природно-климатические условия. Так, например, появление новых domestikатов (выведение новых видов растений и домашних животных) позволяет включать в сферу сельскохозяйственной деятельности человека территории, ранее для этого не пригодных; открытие атомной энергии и использование ее для получения электроэнергии заставило коренным образом пересмотреть ценность урановых руд и т.д. С другой стороны, неблагоприятное воздействие на почвенно-климатические условия антропогенного фактора может вести к опустыниванию территорий, к формированию техногенных тундр и т.д. Все это может, при преобладании последней тенденции, коренным образом изменить экономический уклад жизни общества, а значит и его элементарные профессиональные и имущественные социальные структуры. В качестве примера такого неблагоприятного антропогенного влияния на природно-географические условия можно рассмотреть Исландию. До появления здесь человека около 40% площади острова были заняты березовыми лесами с примесью ивы, рябины, можжевельника. Со времени освоения Исландии викингами леса стали быстро сокращаться, и сейчас их площадь не превышает 0,5%³⁷⁸. На смену вырубленным лесам пришли каменистые россыпи с мхами и лишайниками. Как результат этого, в настоящее время сельское хозяйство Исландии вынуждено переориентироваться от обработки земли к выпасному животноводству. Последнее, в свою очередь, ввиду негативных последствий для почвы, выпаса овец (которые существенно преобладают в Исландии над другими домашними животными), ведет к деградации лугов в безжизненные пустоши. Экономика острова неизбежно переориентировалась на рыболовство и рыбопереработку. Очевидно, что влияние изменения почвенно-климатических условий на эволюцию профессиональной структуры общества, а так же на характер использования и распоряжения хозяйственными благами в данном случае весьма существенен. С другой стороны, антропогенное воздействие может вести к улучшению

³⁷⁸ Баландин Р. К., Бондарев Л. Г. Природа и цивилизация. - М.: Мысль, 1988. - 391 с.

природно-географических условий (оазисы в пустынях, польдеры на месте периодически затопляемых маршей, агротехнические мероприятия по увеличению процентного содержания гумуса в почве) на отдельных территориях.

Можно констатировать, что использование тех или иных природных материалов, лежащих в основе производства материальных продуктов, до известной степени будет предопределять профессиональную структуру общества. Соответственно, изменения природно-географических условий (истощение запасов полезных ископаемых и почвы, уничтожение лесов, радикальное изменение климата (например, опустынивание) и т.д. или же наоборот, существенное улучшение данных условий) будут вести к изменению профессиональной структуры через изменение технологии производства. Если данные изменения будут достаточно радикальными и устойчивыми, то это неизбежно (вопрос только во времени) приведет к эволюции других элементарных социальных структур, а, значит, и к изменению социально-классовой структуры общества.

6.2. Демографический фактор существования и эволюции социально-классовой структуры общества

Сегодня в обществоведении является общепризнанным тезис о том, что демографическое развитие населения (динамика численности и половозрастная структура) является особой социальной структурой, которая детерминируется действием социальных, экономических, политических, нравственных, экологических и многих других факторов. В свою очередь, исходя из сказанного, следует, на наш взгляд, признать очевидным утверждение о возможности (и необходимости) рассмотрения изменения демографической структуры в качестве объектного экзогенного фактора, обуславливающего существование и эволюцию социально-классовой структуры общества. В последние годы среди экономистов и социологов укрепились мнение о возрастании в современных условиях демографического фактора в жизнедеятельности социальных структур³⁷⁹.

Перед тем, как перейти к характеристике названного фактора, следует сделать ряд предварительных замечаний и пояснений. В мире существует четыре типа естественного движения населения: высокая рождаемость - высокая смертность (классический пример - Россия XVIII века); высокая рождаемость - пониженная смертность (например, Китай в третьей четверти XX века); низкая рождаемость - низкая смертность (например, современная Германия); низкая рождаемость - высокая смертность (например, Испания и Италия в составе Римской империи в I - II веках).

Как известно, демографическое развитие социумов носит циклический характер. Большие циклы, растягивающиеся на многие десятилетия, а иногда и века, называются «демографическим переходом». Сегодня, в частности, во всех индустриально-развитых евро-

³⁷⁹ Раков А. А. Демографические перспективы Беларуси: детерминанты и критерии демографических сдвигов и их социально-экономические последствия // Формирование экономических и социальных основ белорусской государственности. Материалы научно-практической конференции. Минск, 1 июля 1998 года. - Мн.: Министерство экономики Республики Беларусь, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, ГНТП «Экономика и социальная политика», 1998. - С. 170.

пейских странах произошел переход от многодетной и многопоколенной патриархальной семьи, когда дети воспринимаются как кормильцы в старости, к средне- и малодетной семье - с одним-двумя поколениями. Переход от первого типа движения населения к третьему - это большой цикл демографического развития.

Действие демографического фактора, предопределяющего существование и эволюцию социально-классовой организации общества будет обусловлено двумя факторами: во-первых, типом естественного движения населения, характерным для данного социума и, во-вторых, миграционными процессами.

В первом случае, если существует первый тип естественного движения населения, наблюдается значительная доля в общей демографической структуре индивидов трудоспособного возраста при относительно невысокой доли стариков. Соответственно, экономические затраты на содержание людей преклонного возраста не очень велики и, как правило, в социумах с названным типом половозрастной структуры компенсировались не за счет государства или общества в целом, а за счет семьи или (и) общины. История предоставляет немало примеров, как при доиндустриальных технологических укладах, то есть при низкой производительности труда, когда это совпадало с негативным действием хоронических условий, стариков просто убивали (например, в Японии в эпоху раннего средневековья).

При втором типе естественного движения населения наблюдается значительная доля в общей демографической структуре индивидов нетрудоспособного возраста: невысокая доля стариков и высокая доля детей. В случае, когда производительность труда низкая – это обуславливает снижения уровня жизни населения и оказывает негативное влияние на функционирование всей социально-экономической системы. В результате чего, социум сталкивается с жесткой альтернативой: либо увеличивать количество материальных благ, распределяемых уравнительно (то есть трансформировать социально-экономическую систему и социально-классовую структуру исходя из коммуноцентрической детерминации), обрекая общество на социально-экономическую стагнацию, либо идти по пути роста имущественной дифференциации, при этом обрекая его значительную часть на угрозу голодной смерти. Естественно, что при таких условиях неизбежны серьезные социальные катаклизмы и

катастрофы (революции), ведущие в тенденции к радикальному изменению существующих отношений собственности и социально-классовой организации, либо к смене типа естественного движения населения. Вероятность того, что названные социальные подвиги, в свою очередь, приведут к детерминированию в обществе уравнительных отношений, очень велика.

При третьем типе естественного движения населения, который характерен сегодня, в частности, для всех индустриально развитых стран Европы, наблюдается высокий удельный вес индивидов нетрудоспособного возраста: детей и стариков. Достаточно высокие затраты на содержание людей детского и преклонного возраста, как правило, компенсируются высокой производительностью труда. В современных экономически развитых странах существуют различные формы пенсионного обеспечения (от чилийского и североамериканского до шведского), различающиеся помимо всего прочего, ролью государства в пенсионной системе и учетом (большей или меньшей) экономической эффективности прошлого труда пенсионера. Если при этом типе естественного движения населения существует низкая эффективность общественного производства, то в данном социуме будет существовать устойчивая тенденция к уравнительной детерминации.

Четвертый тип естественного движения населения характерен для социумов, находящихся в стадии этнического гомеостаза или социального кризиса, обусловленного какими-либо иными, как правило внешними, по отношению к обществу причинами. Примером последних могут служить экологические катастрофы. В этих условиях для усиления (сохранения) жизненности социума возникает необходимость преобладания собственно социальной (системной) детерминации. Если последний тип естественного движения населения существует достаточно длительное время (имеется ввиду социальное время социума), то названное сообщество погибает. Влияние данного фактора на существование и эволюцию социально-классовой структуры общества может быть двояким – с одной стороны, за счет изменения соотношения между трудоспособными и нетрудоспособными (детьми и пенсионерами) членами общества, с другой стороны - абсолютное увеличение в современных условиях доли пенсионеров.

Соотношение численности между трудоспособными и нетрудоспособными членами общества во многом предопределяется господствующим типом естественного движения населения. В социумах с большой долей детей и низкой производительностью труда практически всегда существовала и существует тенденция к эксплуатации детей, которая может несколько смягчаться (или наоборот усиливаться) нравственными традициями общества.

При условии, что в ближайшие 20-30 лет (с завершением демографического перехода) сохранится господствующая сегодня в экономически развитых странах тенденция к увеличению продолжительности жизни, доля пенсионеров в общей численности населения может составить более 30%. Если при этом в условиях всеобщего избирательного права, при учете того, что дети вообще лишены возможности принимать участие в выборах (то есть политически дискредитированы), а пенсионеры наиболее «дисциплинированно» посещают избирательные участки, органы политического управления обществом могут во многом формироваться исходя из интересов уже нетрудоспособной части населения. В условиях относительной (или абсолютной) ограниченности материальных ресурсов это может вести к ограничению потребления детей в интересах увеличения потребления стариков, росту уравнилельных настроений в обществе, увеличению социальной напряженности, как реакции на экономические противоречия между «поколениями». Психологические предпосылки для последнего в России наблюдаются уже сегодня. Результатом этого может явиться пересмотр существующего объема прав, которым наделяются пенсионеры, то есть существенное изменение правовой структуры общества как средства для ограничения (ущемления) потребления стариков. Помимо того, что это такие социальные изменения сами по себе вызовут радикальную трансформацию социально-классовой структуры, это неизбежно приведет к ослаблению реализации социальных (системных) интересов. Последнее, в свою очередь, будет способствовать ослаблению социально-экономической жизненности социума.

Вместе с тем, независимо от того, по какому сценарию идет или может пойти демографическое развитие общества, очевидно, что изменение поло-возрастной структуры вызывает трансформацию социально-классовой организации общества, а если эти изменения носят устойчивый характер, то и структуры.

6.3. Технологический фактор существования и эволюции социально-классовой структуры общества

В качестве следующего социально-экономического экзогенного объектного фактора, предопределяющего существование и эволюцию социально-классовой структуры общества, выступает изменение технологического уклада (и, соответственно, изменение способов труда). Влияние изменения технологического уклада на социально-классовую структуру общества имеет достаточно сложную, противоречивую природу и несводимо к упрощенно-прямолинейным схемам технологического детерминизма. Любые технико-технологические нововведения вызывают изменение социальных классов, внутриклассовых групп и отношений между ними не непосредственно, а преломившись через определенные экономические отношения. Вместе с тем, изменения в профессионально-квалификационном облике тех или иных социальных групп и классов, происходящие в рамках определенной общественной системы, в значительной степени обуславливаются сдвигами в технико-технологическом укладе.

Техническая вооруженность труда, уровень квалификации и профессиональная подготовка индивидов, входящих в элементарные социальные группы и классы, непосредственно зависят от воздействия научно-технического прогресса. Однако не всякое изменение из непрерывного потока конкретных технических изменений, составляющих движение научно-технического прогресса, существенно изменяет производственные способности социальных субъектов. Как отмечают Л.А. Гордон и А.К. Назимов, «...существенное влияние на социальные процессы оказывают комплексы технико-технологических перемен, меняющие сам технологический тип производства и означающие переход от одной стадии технического прогресса к другой»³⁸⁰. Далее они указывают, что «технологическими способами производства... обозначаются качественно отличные уровни развития производительных сил, для каждого из которых характерна специфическая, определяемая состоянием средств производства технико-технологическая организация производст-

³⁸⁰ Гордон Л. А., Назимов А. К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. - М.: Наука, 1985. - С. 91.

венного процесса, специфическое разделение труда и вытекающая отсюда специфическая система производственно-технических отношений».³⁸¹ В ходе определенного типа общественно-экономического способа производства и присвоения иногда сменяют друг друга несколько технологических укладов (однако, в обществе переходного периода радикальное изменение общественно-экономического способа производства и присвоения может осуществляться без трансформации технологических укладов). Изменения в последнем будут обуславливать определенные преобразования технологического разделения и кооперации труда. Стимулирующим фактором для ускоренного развития данного вида разделения труда (и соответствующих ему форм кооперации труда) будет выступать современный этап научно-технической революции, который требует революционных преобразований в технологии производства и в способе труда.

Доиндустриальный и индустриальный способы труда в индустриально развитых системах вытесняются научно-индустриальным и научно-информационным. Это предопределяет, в частности, быстрый рост профессиональной подготовки и культурного уровня работников, который сопровождается существенным повышением доли высококвалифицированного и квалифицированного труда.

Изменение технологических укладов сопровождается значительными перемещениями индивидов из одних профессиональных групп в другие и существенным изменением объема этих групп (данные перемещения происходят, главным образом, из профессиональных групп, характеризующихся занятием доиндустриальным и индустриальным способом труда, в профессиональные группы, занятые научно-индустриальным и научно-информационным трудом), а так же ведет к исчезновению ряда профессиональных групп (главным образом основывающихся на доиндустриальном и индустриальном способе труда) и появлению новых (прежде всего, на научно-индустриальном и научно-информационном способе труда).

В реальных социумах переходного периода (Россия, Беларусь, Украина и некоторых других странах) наблюдается изменение технологического уклада в сторону возрастания доли в сельском хо-

³⁸¹ Гордон Л. А., Назимов А. К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. - М.: Наука, 1985. - С. 92.

зайстве, в торговле, в сфере бытовых услуг и некоторых других подразделениях общественного хозяйства доиндустриального способа труда. Последнее также изменяет технологическое разделение и кооперацию труда и трансформирует качественные различия в общественном разделении и кооперации, а это ведет к изменению места индивидов в профессиональной структуре.

Таким образом, представляется правомерным вывод, что «социальный облик классов и основных общественных групп как бы модифицируется, видоизменяется в зависимости от технологического типа или уклада техники, в рамках которого функционирует данная группа»³⁸². Как следствие научно-технической революции, реально существует тенденция к повышению доли умственного труда в ряде профессиональных групп рабочего класса, что способствует сокращению различий между данными социальными группами и интеллигентами. Происходит сближение характера труда отдельных аграрных специальностей с индустриальными. Здесь вроде бы ясно прослеживается тенденция к размыванию границ между социальными классами. Ряд советских исследователей, абсолютизируя эту тенденцию, сделали в свое время вывод о том, что более существенны внутриклассовые различия, чем классовые. Ошибочность данной точки зрения вытекла из абсолютизации отдельных сторон в социально-классовых различиях, тогда как любое социальное явление, а тем более такую сложную систему как социальный класс, надо рассматривать лишь всесторонне, анализируя действие всех обуславливающих его существование факторов. Разделение труда не совпадает с разделением общества на элементарные имущественные, объемно-правовые группы и социальные классы, а поэтому одинаковые тенденции технологического разделения и кооперации труда приводят в различных социальных системах к неодинаковым результатам. Разделение труда (а, точнее, качественные различия в общественном разделении и кооперации труда), в свою очередь, влияет (подробнее это будет показано ниже) на социально-классовую дифференциацию, а значит и на изменение социально-классовой структуры не непосредственно, а через изменения отношений собственности, потребительских и отношений социально-

³⁸² Гордон Л. А., Назимов А. К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. - М.: Наука, 1985. - С. 93.

экономического управления поведением субъектов. Так, например, М.Н. Руткевич и Ф.Р. Филиппов отмечают, что социальное перемещение может и не быть связано ни с «совершенствованием рабочего в пределах своей специальности, ни с овладение другими специальностями и профессиями»³⁸³. Главное состоит в том, что возможное сближение аграрного и индустриального, умственного и физического труда (которое, кстати, нельзя представлять как однозначный и однонаправленный процесс) еще не равнозначно изменениям в функционально-трудовой субординации индивидов, хотя и выступают в качестве их непеременимого условия.

Изменения в функционально-трудовой субординации являются изменениями в отношениях типа «управляющий-управляемый». На данные отношения большое влияние оказывают отношения собственности, которые определяют суверенное право собственника распоряжаться средствами производства и рабочей силой. В то же время, данная субординация в ряде случаев неизбежно должна изменяться и вслед за изменениями в технологическом и организационно-управленческом разделении и кооперации труда.

Изменения, происходящие в трудовых отношениях в связи с совершенствованием технологической базы производства, хотя и ведут генетически к реальному изменению соотношения сил между социально-классовыми образованиями, а через это влияют (обуславливают) на эволюцию социально-классовой структуры (так как изменяют потребности, цели, способы и возможности достижения этих целей у элементарных социальных групп и классов), но функционально изменения социально-классовых отношений, прежде всего, зависимы от изменений, происходящих в трудовых отношениях в связи с пересмотром (трансформацией) общественной регламентации отношений вовлечения индивидов в процесс общественного производства и осуществления его отношений по поводу подготовки людей к участию в этом производстве. Именно по поводу сохранения или изменения последних будут, прежде всего, вступать в отношения между собой социальные группы и классы.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что коренные изменения в технологическом укладе неизбежно сопровожда-

³⁸³ Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. Социальные перемещения. - М.: Мысль, 1970. - С. 45.

ются существенной трансформацией трудовых отношений и профессиональной структуры, которая, как мы уже отмечали ранее, является одной из элементарных структур, лежащих в основе социально-классовой структуры общества переходного периода. Обязательное при изменении технологического разделения труда (которое также обусловлено сменой технологических укладов) изменение организационно-управленческого труда создает реальные предпосылки для пересмотра объемов власти или властных прерогатив между социальными группами, то есть изменение объемно-правового расслоения общества. Последнее вызывает изменение в отношениях собственности и имущественном расслоении. Иначе говоря, коренные изменения в технологическом укладе создают социально-экономические условия для существования и эволюции, наряду с профессиональной структурой других элементарных социальных структур, лежащих в основе социально-классовой структуры общества, таких, как объемно-правовая и имущественная структуры (напомним, что данное влияние опосредуется рядом социальных и экономических условий); то есть данные изменения выступают в качестве экзогенного социально-экономического фактора, предопределяющего существование и эволюцию социально-классовой организации общества.

В качестве итогов исследования, изложенного в этой главе, можно сделать некоторые краткие выводы. Экзогенные объективные факторы экономический (изменение природно-географических условий), демографический (изменение половозрастной структуры), технологический (изменение технологического уклада) исторически и логические являются исходной основой для действия всех остальных вышеназванных факторов и могут быть условно охарактеризованы как предпосылки существования и эволюции социально-классовой структуры. Природно-географические условия можно оценивать по трем основным параметрам: 1) почвенно-климатические условия; 2) наличие и качественные характеристики сырья и энергоносителей; 3) экономическое местоположение данной территории, то есть легкость или трудность экономических связей внутри нее самой или с соседними территориями. Исходя из того, что в основе отношения индивидов к природно-географическим условиям лежит их производственная деятельность, которая всегда использует, в конечном счете, природные материалы, можно кон-

статировать, что с развитием технологической основы производства меняется оценка данных условий людьми. Изменение природно-географических условий будет вести к трансформации профессиональной структуры через изменение технологии производства. Если данные изменения будут достаточно радикальными и устойчивыми, то это неизбежно (вопрос только во времени) приведет к эволюции других элементарных социальных структур, а, значит, и к изменению социально-классовой структуры общества.

Действие демографического фактора обусловлено двумя условиями: во-первых, типом естественного движения населения, характерным для данного социума и, во-вторых, миграционными процессами. Влияние этого фактора на существование и эволюцию социально-классовой структуры общества может быть двояким – с одной стороны, за счет изменения соотношения между трудоспособными и нетрудоспособными (детьми и пенсионерами) членами общества, с другой стороны - абсолютное увеличение в современных условиях доли пенсионеров. Изменение половозрастной структуры вызывает трансформацию социально-классовой организации общества, а если эти изменения носят устойчивый характер, то и структуры.

Воздействие технологического фактора на изменение социальных классов, внутриклассовых групп и отношений между ними не непосредственно, а преломившись через определенные экономические отношения. Вместе с тем, изменения в профессионально-квалификационном облике тех или иных социальных групп и классов, происходящие в рамках определенной общественной системы, в значительной степени обуславливаются сдвигами в технико-технологическом укладе. В ходе определенного типа общественно-экономического способа производства и присвоения иногда сменяют друг друга несколько технологических укладов (однако, в обществе переходного периода радикальное изменение общественно-экономического способа производства и присвоения может осуществляться без трансформации технологических укладов). Изменение в последнем будут обуславливать определенные преобразования технологического разделения и кооперации труда. Изменение технологических укладов сопровождается значительными перемещениями индивидов из одних профессиональных групп в другие и существенным изменением объема этих групп, а так же ведет к исчезновению ряда профессиональных групп.

Изменения, происходящие в трудовых отношениях в связи с изменением технологической базы производства, хотя и ведут генетически к реальному изменению соотношения сил между социально-классовыми образованиями, а через это влияют (обуславливают) на эволюцию социально-классовой структуры (так как изменяют потребности, цели, способы и возможности достижения этих целей у элементарных социальных групп и классов), но функционально изменения социально-классовых отношений, прежде всего, зависимы от изменений, происходящих в трудовых отношениях в связи с пересмотром (трансформацией) общественной регламентации отношений вовлечения индивидов в процесс общественного производства и его отношений по поводу осуществления подготовки людей для участия в этом производстве.

Глава 7. Экзогенные субъективные социально-экономические факторы, обуславливающие существование и эволюцию социально-классовой структуры общества

7.1. Изменение политической системы как фактор существования и эволюции социально-классовой структуры общества

В качестве первого субъектного экзогенного социально-экономического фактора, обуславливающего существование и эволюцию социально-классовой структуры правомерно выделять изменение политической системы общества.

В настоящее время в экономической литературе не у кого не вызывает сомнения тезис о том, что характер политической организации общества во многом определяет экономические отношения в социуме. Вместе с тем, до настоящего времени не изучены изменения в политической системе общества как субъектного экзогенного социально-экономического фактора, обуславливающего существование и эволюцию социально-классовой структуры.

До недавнего времени в отечественной литературе господствовал ортодоксально марксистский подход к политической системе общества как к исторически преходящему общественному явлению, которое (как считалось) возникает с расколом общества на антагонистические социальные классы. Однако в последние десятилетия появился ряд работ, констатирующих наличие в доклассовых обществах сложных социальных структур, зрелых институтов общественного управления и нормативных систем³⁸⁴. Данные положения значительно расширяют исторические рамки существования политической системы общества. Сегодня, анализируя факторы, обуславливающие эволюцию социально-классовой организации обще-

³⁸⁴ Алексеев В. П., Артемова О. Ю., Кубель Л. Е. и др. История первобытного общества: Эпоха классовобразования. - М.: Наука, 1988. - С.236.; Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства (Формирование основ социологической структуры и политической администрации). - М.: Наука, 1983. - С. 22, 287; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. - Л.: Наука, 1976. - С. 162.

ства, невозможно обойтись без категорий «политическая организация общества», «правовая система» и т.п.

Поскольку в обществе существуют социальные субъекты с несовпадающими и прямо противоположными интересами, постольку существует необходимость в механизме их согласования и, соответственно, сохранения стабильности социума. К.Р. Мегрелидзе указывал по этому поводу: «Индивидов объединяют в обществе не общие им всем интересы, но они связаны противоположными и противоречащими друг другу интересами»³⁸⁵. Политическая система общества несет в себе две взаимодополняющие функции: во-первых, она направлена на сохранение целостности социума и упрочение его жизнеспособности и, во-вторых, данная система ориентирована на создание господствующим социально-классовым образованиям социально-экономических условий для максимизации удовлетворения их социальных и экономических потребностей.

Политическая система общества, как субординированная совокупность государственных и негосударственных социальных институтов, осуществляющих определенные политические функции, представляет собой сложное системное образование. Анализ этой системы предполагает выявление ее элементов, таких как государство, партии, профсоюзы и другие организации.

Ф. М. Бурлацкий определяет политическую систему как «относительно замкнутую систему, которая обеспечивает интеграцию всех элементов общества и само существование его как единого, централизованного, управляемого политической властью организма, сердцевину которого составляет государство, выражающее интересы экономически господствующих классов»³⁸⁶. Данный автор, дополняя свое определение, в качестве важнейших функций политической системы называет функции общественного целеполагания в интересах господствующего класса, мобилизации ресурсов для достижения поставленных целей, интеграции всех элементов общества вокруг поставленных целей и задач, распределение ценностей в

³⁸⁵ Мегрелидзе К. В. Основные проблемы социологии мышления. - Тбилиси: Мецниереба, 1973. - С. 364.

³⁸⁶ Политическая система современности / Отв. ред. Ф. М. Бурлацкий, Г. Н. Манов. - М.: Наука, 1978. - С. 8.

соответствии с интересами господствующего класса³⁸⁷. В данном определении Ф. М. Бурлацкий игнорирует такую функцию системы, как сохранение целостности общества и упрочение его жизнеспособности (что делает предложенную дефиницию односторонней), в то же время справедливо акцентирует внимание на функции создания благоприятных социальных условий для оптимизации удовлетворения интересов господствующих социально-классовых образований. Причем, как свидетельствует история, последнее может объективно привести к уничтожению того или иного социума.

Центральное место в политической системе принадлежит государству, которое, являясь формой организации социально-классового общества, обеспечивает его целостность и устойчивость. «Государство, - указывает Ф. М. Бурлацкий, - это исторически переходящая, выделившаяся из общества, обусловленная его экономическим строем классовая организация, которая осуществляет суверенную власть при помощи специального аппарата, защищает данный способ производства, тип собственности и социальные отношения, выступая вместе с тем как официальный представитель всего общества»³⁸⁸. Государство обладает рядом специфических признаков, сводимых к монополизации функций и прерогатив. «Государственная власть, - пишет Ф. М. Бурлацкий, - это такая форма политической власти, которая имеет классовый характер, располагает монопольным правом издавать законы и другие распоряжения, обязательные для всего населения, и опирается на специальный аппарат принуждения, как одно из средств для соблюдения этих законов и распоряжений»³⁸⁹. При осуществлении своей власти государство, прежде всего, использует специализированный управленческий аппарат; прерогативы на осуществление внешней и внутренней политики от лица всего общества; монополию на принудительную власть в отношении населения и на издание законов; монопольное право на взимание налогов и др.

³⁸⁷ Политическая система современности / Отв. ред. Ф. М. Бурлацкий, Г. Н. Манов. - М.: Наука, 1978. - С. 10.

³⁸⁸ Политическая система современности / Отв. ред. Ф. М. Бурлацкий, Г. Н. Манов. - М.: Наука, 1978. - С. 28.

³⁸⁹ Политическая система современности / Отв. ред. Ф. М. Бурлацкий, Г. Н. Манов. - М.: Наука, 1978. - С. 27.

Государство и его аппарат имеют сложное внутреннее строение, состоят из ряда подсистем. Речь идет о таких составляющих государства, как представительные (законодательные), исполнительные (административные) и судебные органы.

Высшими представительными органами выступают парламенты, которые принимают законы; утверждают государственный бюджет; определяют направления внутренней и внешней государственной политики и ратифицируют международные соглашения. Высшей исполнительной властью наделен глава государства, который формирует правительство и непосредственно реализует политику государства, координирует и следит за деятельностью министерств и других органов государства. Судебные органы осуществляют контроль за исполнением принятых законов.

Большинство данных составляющих в разной степени развития присущи любому государству. Вместе с тем, характеристики подсистем государства, особенности их формирования и функционирования различны. Последние предопределяются социально-классовым характером государства, то есть, во-первых, степенью участия тех или иных социальных классов и групп в образовании органов государства и контроле за их деятельностью, порядком образования государственных органов; во-вторых, установлением различных связей между компонентами государственных образований; в-третьих, особенностью субординации государственных органов.

Основополагающей категорией при структурной типологии государства выступает понятие «форма государства». «Это понятие, - пишет Г. Н. Манов, - охватывает: а) организацию верховной государственной власти, источники ее образования и принципы взаимоотношения власти между собой; б) территориальную организацию государственной власти, соотношение государства как целого с его составными частями; в) принципы взаимоотношения государственной власти с населением, взаимосвязь методов осуществления государственной власти с правовым положением личности и состоянием политической свободы в обществе (политический режим)»³⁹⁰.

³⁹⁰ Манов Г. Н. Государство и политические организации общества / Ан СССР, Ин-т государства и права. - М.: Наука, 1974. - С. 129.

Традиционно в литературе преобладала классификация форм государства (форм правления) на монархии и республики. Эта классификация, возникшая в эпоху буржуазных революций (когда различия между монархиями и республиками были очень существенными), базировались на таком критерии, как источник и реализация суверенитета государственной власти.

В настоящее время различия между монархией и республикой теряют свое доминирующее значение. «Поэтому, - указывает Л. П. Рожкова, - было бы целесообразно использовать в качестве основания классификации форм государства более существенный признак, точнее, вернуться к тому признаку, который первоначально действительно отличал монархии и республики друг от друга: к источнику суверенитета государственной власти»³⁹¹. По такому критерию «...все формы государства могут быть разделены на два основных класса или типа автократии и поликратии»³⁹².

Автократия представляет собой такую форму государства, где высшая государственная власть принадлежит одному субъекту. Данный субъект - глава государства - является источником и носителем суверенитета государственной власти. Суверенный субъект обладает высшей законодательной, исполнительной и судебной властью. Население, в том числе экономически господствующий класс, прямого правового участия в образовании государственных органов не принимает либо это участие носит формальный характер и не оказывает существенного влияния на функционирование государственных институтов. Автократические формы государства характеризуются также жесткой централизованной властью, при которых местные органы являются лишь исполнителями воли высших органов.

Автократии по способу замещения главы государства можно классифицировать на следующие формы: 1) наследственную автократию (абсолютную монархию); 2) легальную автократию, возникающую в результате выборов лиц (институций), которым придается неограниченные полномочия; 3) «нелегальную» автократию,

³⁹¹ Рожкова Л. П. Принципы и методы типологии государства и права. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. - С. 54-55.

³⁹² Рожкова Л. П. Принципы и методы типологии государства и права. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. - С. 55.

возникающую вследствие насильственного захвата власти. В зависимости от объема функций управления общественной жизнью (в том числе ее экономической областью), принимаемых на себя государственными органами, автократии делятся на тоталитарные и авторитарные формы государства. Если первая из них основана на моральной поддержке большинства населения, предполагает его формально-демонстрационное участие в формировании органов государственной власти и активное вмешательство государства во все сферы общественной жизни, то вторая - проявление относительной самостоятельности государства и его аппарата, независимости последних от определенных социальных сил. Круг вмешательства авторитарного государства в общественную жизнь ограничен, как правило, лишь политической сферой.

Поликратия отличается от автократии иным источником суверенитета государственной власти - населением (всем или частью). Государство является выразителем суверенитета от имени населения, такая прерогатива достигается им посредством процедуры выборов. Сформированные населением представительные органы осуществляют законодательную деятельность и в значительной степени контролируют работу других подсистем государственного механизма³⁹³.

Поликратия существует в определенных формах; она может выступать в виде олигархии, аристократии и демократии. В основе такого деления лежит критерий объема участия населения в формировании государственных органов. Круг участников образования государственных структур обусловлен особенностями избирательного права, наличием либо отсутствием имущественных и образовательных цензов, цензов оседлости и т.п. Олигархию отличает предельно узкий круг лиц, допущенных к определению направлений политической жизни. Как правило, это - экономически самая могущественная часть господствующего социального класса (социально-классового образования). Данные социальные субъекты, располагающие не только огромным экономическим потенциалом, но и часто наделенные юридически оформленными исключительными

³⁹³ Рожкова Л. П. Принципы и методы типологии государства и права. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. - С. 55.

правами, формирует все звенья государственного аппарата,ставляет кадры для ключевых должностей.

Аристократия как форма государственной организации предполагает более широкое участие населения в политической жизни общества. В формировании государственной власти участвует вся имущая часть юридически полноправного населения. Аристократии характерно наличие имущественного ценза (его скрытых и открытых форм) и ограничение прав некоторых слоев населения - люмпенизированных масс, недееспособных лиц и т.п. Границы между аристократией и олигархией в ряде случаев расплывчаты.

Демократия представляет собой такую форму государства, при которой право участия в формировании органов государственной власти имеет все юридически полноправное население страны. Она характеризуется отсутствием имущественных цензов. Однако наличие такого однозначного критерия, отличающего ее от олигархии и аристократии, не означает, что при демократии отсутствуют всякие ограничения участников определения политики государства вообще. В любом демократическом государстве реализация этих ограничений проходит по линиям определения условий приобретения гражданства и введения скрытых форм ценза (например, образовательного ценза)³⁹⁴.

Все перечисленные формы поликратии обладают высокой степенью оформленности и в силу этого являются устойчивыми образованиями. Существует и отличная от них форма поликратии, основанная на простейших институциях. Такую форму поликратии можно назвать охлократией (властью толпы). Охлократическая форма государства отражает такие фрагменты его политической жизни, когда решения, реализующие прерогативы разных властей, принимаются массами людей без помощи устойчивых и развитых государственных институтов (решения митингов, собраний и т.п.)³⁹⁵.

Приведенная выше классификация форм государства не исчерпывает всего разнообразия государственного оформления. При ха-

³⁹⁴ Рожкова Л. П. Принципы и методы типологии государства и права. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. - С. 56-57.

³⁹⁵ Подгайский А. Л. Взаимодействие политической организации обществ и экономической системы: Дис. канд. эконом. наук: 08.00.01. - Мн., 1993. - С. 32.

рактике того или иного реального государства речь может идти исключительно о доминировании тех или иных форм. Наряду с государством в обществе существуют иные политические институты - партии, профсоюзы, общественные организации и т.п. Среди таких образований наиболее «специализированным» на выполнение политических функций институтом является партия. Последняя представляет собой политическую организацию социального класса (или социально-классового образования), объединяющую их наиболее активных представителей и осуществляющую выражение интересов данной социальной общности. Партия располагает всеми атрибутами политического института.

В зависимости от социально-классовой природы, характера социальной базы политические партии подразделяются на социально-классовые; межклассовые; партии классовоподобных групп. По типу организационной структуры партии делятся на кадровые и массовые. Последние, в свою очередь, можно разделить на партию с «рыхлой» организационной структурой и прочно организованные политические формирования. По месту, которое партия занимает в системе власти, политические партии могут быть классифицированы как легальные и нелегальные. Те и другие подразделяются на партии, играющие существенную роль в рамках политической системы и оказывающие незначительное влияние на политическую жизнь общества³⁹⁶.

В зависимости от количества партий, их качественных черт, характера взаимодействия между собой и места в политической организации общества, партийные системы можно разделить на два типа: альтернативные и не альтернативные системы.

В первой из них любая альтернативная партия может заменить правящую в данный момент в результате победы на выборах. В рамках альтернативной системы могут иметь место: 1) система многопартийной раздробленности, где власть осуществляется коалициями, меняющимися по составу; 2) двухблоковая система, при которой партии делятся на два постоянно соперничающих политических блока; 3) двухпартийная система (подлинное соперничество за власть между двумя партиями).

³⁹⁶ Вятр Е. Социология политических отношений. - М.: Прогресс, 1979. - С. 329.

Не альтернативная партийная система исключает действительное соревнование между партиями за обладание властью. Она может быть представлена в виде следующих образований: 1) система кооперации партий, для которой характерно блокирование главных партий и отсутствие действенной оппозиции; 2) система партии национального согласия или партии - гегемона, в рамках которой одна партия превалирует над всей политической системой и безраздельно властвует; 3) ограниченная партийная система, при которой власть находится в руках политической силы (государственного аппарата, армии и т.п.), относительно независимой от партий и стоящей над ними; 4) однопартийная система, исключающая существование других, кроме правящей партии³⁹⁷.

Выше уже отмечалось, что в обществе, помимо государства и политических партий, существуют другие политические институты гражданского общества (общественные организации, профсоюзы и т.д.). Последние могут быть включены в политическую систему в связи с выполнением каких-либо функций государства или политической партии.

Изложенная выше структурная типология государства и классификация партийных систем позволяет рассмотреть изменение политической системы общества как субъектный экзогенный фактор, обуславливающий эволюцию социально-классовой структуры общества. При этом следует подчеркнуть, что не только политическая система влияет на социально-классовую структуру общества, но и существует значительное ответное влияние, предопределяющее воздействие социальных классов и социально-классовых отношений на политическую жизнь социума.

Изменение политической системы общества происходит в результате изменения соотношения сил между социально-классовыми образованиями. Последние стремятся, в целях оптимизации социальных условий своей жизненности, добиться доминирующего политического положения в обществе. Следует разграничивать в качестве факторов, обуславливающих социально-классовую дифференциацию общества, политические отношения и отношения социально-экономического определения. Политические отношения

³⁹⁷ Вятр Е. Социология политических отношений. - М.: Прогресс, 1979. - С. 334-335.

охватывают не только регулирование политическими методами экономических отношений (при таком узкоэкономическом подходе эти две категории могут быть практически отождествлены), но и множество внеэкономических отношений. Именно в последнем своем качестве правомерно рассматривать изменение политической системы как субъектный экзогенный социально-экономический фактор. В случае же более или менее полного совпадения, при «узкоэкономическом подходе», отношений социально-экономического определения и политических отношений; последние выступают одним из субъектных экзогенных факторов, предопределяющих социально-классовую дифференциацию общества. Данное разграничение достаточно условно, поскольку трудно выделить чисто-экономические или чисто-неэкономические политические системы.

Изменение политической организации общества будет, прежде всего, проявляться через изменение форм государства и его партийной структуры. Изменение формы государственной власти от авторитарной формы правления к поликратической; трансформация форм последней от олигархии к аристократии, а от аристократии к демократии - неизбежно ведут к изменению объемно-правовой элементарной социальной структуры. В данном случае будет происходить эволюция социально-классовой структуры через увеличение прав ряда социальных классов и иных социально-классовых образований, ранее данными правами не обладавшими или обладавшими в меньшей степени. Вышеприведенная тенденция будет вести к ослаблению объемно-правового расслоения социальных субъектов. Одновременно, при таком изменении государственных форм, будет происходить изменение партийных систем от не альтернативных к альтернативным, что также создает возможность у большего числа социально-классовых субъектов заявлять и отстаивать свои интересы. А это будет также оказывать влияние на объемно-правовое расслоение общества.

В случае противоположной тенденции эволюции государственных форм и партийных систем - от поликратических (демократия -> аристократия -> олигархия) к авторитарным будет также происходить эволюция объемно-правовой структуры, но в этом случае уже в сторону усиления дифференциации социальных субъектов по степени обладания ими правами.

Следует отметить, что, независимо от того, какая из вышеуказанных тенденций в тот или иной момент господствует в обществе, те социально-классовые образования, в чью пользу изменился баланс сил в социуме, будут стремиться к приведению экономических отношений в соответствие со своими экономическими интересами (ниже рассмотрим это подробнее). В случае если эти усилия увенчаются полным или частичным успехом, то произойдет изменение трудовых отношений, отношений собственности, потребностных отношений и отношений социально-экономического определения. Соответственно изменится профессиональная, имущественная и объемно-правовая структуры. Иначе говоря, произойдет эволюция социально-классовой организации общества. В случае если данные изменения будут носить устойчивый, необратимый характер, то правомерно говорить об эволюции социально-классовой структуры.

7.2. Изменение моральных отношений как фактор существования и эволюции социально-классовой структуры общества

В качестве второго экзогенного субъектного социально-экономического фактора, обуславливающего существование и эволюцию социально-классовой структуры общества, выступает изменение моральных (нравственных) отношений в обществе.

В самом общем виде в отечественной литературе под моралью (нравственностью) традиционно понимается особая форма общественного сознания и вид моральных (нравственных) отношений, выступающие одним из основных способов регуляции действий субъекта в социуме. Является общепризнанным, что в отличие от простого обычая или традиции, нравственные нормы получают идейное обоснование в виде идеалов справедливости, добра, зла и т.д. Влияние моральных отношений на социально-классовое расслоение общества в настоящее время признается многими отечественными и зарубежными исследователями. У.Л. Уорнер в 30 - 40-ых гг. прошлого века пытался даже построить теорию классовой стратификации исходя исключительно из репутации, то есть оценки статуса субъектов другими членами общества³⁹⁸. Американские исследователи Инжелис, Росси, Ходжс, Зигель и некоторые другие провели в разное время изучение оценки престижа как фактора социально-классовой стратификации, на основе отношения людей к определенным профессиям³⁹⁹. Вместе с тем, эти и многие другие исследователи не проводили в целом изучения влияния моральных отношений общества на его социально-классовое расслоение, а так же не рассматривали изменение нравственных отношений в обществе как фактор, обуславливающий существование и эволюцию социально-классовой организации (и структуры) общества. И тем более не было попыток рассмотреть в экономической теории данные изменения как экзогенный субъектный социально-экономический фактор, предопределяющий эволюцию данных организации и структуры.

³⁹⁸ Осипова О. С. Социальная стратификация и политика. - Гомель: Белорусский институт инженеров железнодорожного транспорта, 1993. - С.22-23.

³⁹⁹ Осипова О. С. Социальная стратификация и политика. - Гомель: Белорусский институт инженеров железнодорожного транспорта, 1993. - С. 23.

Моральные отношения основываются на моральном сознании тех или иных социальных субъектов. Данное сознание формируется внутренними потребностями различных социальных общностей и в социуме с социально-классовой дифференциацией утрачивает свою однородность. Индивид оказывается одновременно элементом различных элементарных и кумулятивных социальных структур, что придает моральному сознанию многоплановый характер. «Переплетение различных моральных требований, обусловленных различием социальных общностей, вносит в моральное сознание различного уровня противоречия (влиять до противоположностей), - отмечает Я.З. Хайкин, - хотя и всегда сохраняет место для их единства в определенных рамках»⁴⁰⁰.

Моральные отношения и моральное сознание выполняют целый ряд функций, тем не менее, допустимо в качестве наиболее существенной рассматривать функцию регуляции поведения. «Разумеется, нормативно-регулирующий момент не исчерпывает все содержание нравственности, все ее функции в обществе, - пишет А.А. Гусейнов, - но он является основным и существенным; он пронизывает собой все ее многообразные проявления, сводит их к одному общему знаменателю»⁴⁰¹.

Как отмечает О.П. Зубец: «Нравственная регуляция поведения имеет ценностный характер; в качестве устойчивого образования, «порождающего» и включающего в себя практически все нравственные явления, выступает система нравственных ценностей»⁴⁰². Такой подход делает возможным рассмотрение нравственных отношений как процесса функционирования нравственных ценностей (моральных норм).

Элементами моральных норм является гипотеза, диспозиция и санкция. «Гипотеза всегда содержит указание на условия, при которых та или иная норма адекватна возникшей ситуации»⁴⁰³. Диспозиция предписывает меру поведения и устанавливает необходимый порядок связи субъекта и объекта. В этом своем качестве «диспози-

⁴⁰⁰ Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. - М.: Высшая школа, 1972. - С. 32.

⁴⁰¹ Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. - М.: Мысль, 1974. - С. 23.

⁴⁰² Зубец О. П. Динамика нравственной жизни. - М.: МГУ, 1988. - С. 33.

⁴⁰³ Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. - М.: Высшая школа, 1972. - С. 45.

ция - ядро нормы»⁴⁰⁴. И, наконец, санкция указывает «...на последствия, которые могут наступить в случае нарушения требования диспозиции»⁴⁰⁵. Данные моральные нормы образуют правила поведения. «Норма морали, - отмечает Я.З. Хайкин, - правило поведения, сложившееся в определенной социальной общности или обществе, устанавливающее рамки сочетания личных и общественных интересов в определенных жизненных ситуациях»⁴⁰⁶.

Нравственная ценность, содержащаяся в сознании индивида, приобретает содержательную определенность в моральной деятельности, то есть в ходе воспроизводства. Как справедливо отмечает О.П. Зубец: «Теоретическое осмысление функционирования ценностей не может опираться на познавательный опыт рефлексирующего субъекта морали. То, что предстает его сознанию как ценность, не всегда является ценностью, функционирующей в качестве регулятора поведения»⁴⁰⁷. Данная неадекватность в осознании собственных ценностей индивидами определяется как определенными общественными причинами, так и особенностями человеческой психики. Сложность анализа ценностей в процессе их функционирования определяется также тем, что «в отличие от целей, мотивы актуально не осознаются субъектом: когда мы совершаем те или иные действия, то в этот момент мы обычно не отдаем себе отчета в мотивах, которые их побуждают»⁴⁰⁸.

Особенностью нравственных отношений является, прежде всего, нормативный характер осознания противоречий интересов (прежде всего, экономических) индивида, социальной группы и общества. Причем в моральном сознании в системе нравственных норм фиксируется желательный способ разрешения данных противоречий. «Мораль, - отмечает Н.В. Рыбакова, - выполняет двоякую роль в общественной жизни. С одной стороны, - это система требований

⁴⁰⁴ Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. - М: Высшая школа, 1972. - С. 45.

⁴⁰⁵ Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. - М: Высшая школа, 1972. - С. 45.

⁴⁰⁶ Хайкин Я. З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. - М: Высшая школа, 1972. - С. 47.

⁴⁰⁷ Зубец О. П. Динамика нравственной жизни. - М.: МГУ, 1988. - С. 33.

⁴⁰⁸ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1977. - С. 20.

данного общества или класса, система нормативных предписаний. С другой - это индивидуальная, личная форма восприятия этих предписаний, форма их практической реализации»⁴⁰⁹. Моральные нормы ориентированы не только в прошлое (нормы-трагедии) и в настоящее, но и в будущее (нормы-идеалы). Гармония между ними в обществе практически недостижима.

В социальной реальности общественное (и социально-классовое) моральное сознание обращено к индивиду, к сознанию личности как система обязательных предписаний (выраженных в виде нравственных норм), формирующих у субъекта определенные, одобряемые в данном обществе, в данной социальной среде ценностные ориентации.

Изменение в нравственных отношениях обуславливаются изменениями в других сферах и формируются главным образом под воздействием трансформации экономической и политической систем. Однако, относительная независимость моральных норм как от внешних (по отношению к нравственным отношениям) воздействий, так и от ценностной ориентации индивида (ввиду неадекватности отражения в сознании субъектов собственных ценностей), позволяет говорить о том, что данные нормы, в известной мере, развиваются на своей собственной основе. Соответственно, представляется обоснованным выделение изменения моральных отношений в качестве экзогенного социально-экономического фактора, предопределяющего существование и эволюцию социально-классовой организации общества.

Действие данного фактора на существование и эволюцию социально-классовой структуры может быть двояким - это, с одной стороны, оказание влияния на действие других факторов: либо усиливая, либо ослабляя их действие; с другой стороны, это его действие как вполне самостоятельного фактора. Такое положение, в известной степени, усложняет изучение этого явления.

Влияние изменения нравственных отношений в качестве ускорителя (тормоза) социально-экономических процессов в обществе будет определяться тем, в какую сторону будет меняться общественные моральные идеалы, нормы и ценности. Все будет зависеть от того, будет ли эволюция последних вести к увеличению числа сто-

⁴⁰⁹ Рыбакова Н. В. Моральные отношения и их структура. - Л.: ЛГУ, 1974. - С. 65.

ронников происходящих перемен в трудовых отношениях, потребностных отношениях, отношениях собственности или социально-экономического управления (то есть того или иного направления эволюции профессиональной, имущественной или объемно-правовой элементарных социальных структурах) или уменьшать их количество. Будут ли противники данных изменений активно им препятствовать (и в какой степени и форме) или же займут нейтральную, выжидательную позицию.

Здесь также будет сказываться консерватизм нравственных идеалов, норм (в том числе норм-трагедий и норм-идеалов) и ценностей, что само по себе необходимо для любого общества, так как выступает стабилизатором социальной жизни (в форме «вневременных», «общечеловеческих» и ряда схожих с ними моральных норм). Как результат этого, в ряде случаев они выступают тормозом социально-экономических изменений.

Следует, однако, особо отметить, что бывают такие исторические периоды, когда решающее большинство индивидов отказывается от традиционных нравственных идеалов и ценностей и принимает новые («революционные»). Данные субъекты решительнейшим образом меняют весь существующий уклад жизни, в том числе социально-экономический строй и социально-классовую структуру общества. Данные явления в современной литературе получили название социальных катастроф или революций⁴¹⁰, в зависимости от того, с позиций каких общественных субъектов это явление оценивается. И хотя наступление и протекание этих событий предопределяется (предшествуется) развитием социально-экономической, политической и других общественных систем, в этот момент решающее место играет именно резкая трансформация моральных отношений. Следует сразу же оговориться, что такого рода события случаются в обществе не часто - иначе оно просто не могло бы существовать. В подавляющем временном отрезке действие изменения моральных отношений в качестве фактора, обуславливающего эволюцию социально-классовой организации общества происходит намного менее интенсивно.

⁴¹⁰ Бабосов Е. М. Катастрофы: социологический анализ. - Мн.: Наука и техника, 1995. - С. 189.

Трансформация нравственных отношений (возникновение новых моральных ценностей, бездействие старых моральных санкций и диспозиций и т.д.) ведет к пересмотру социально-классовыми субъектами своего места в обществе, к поиску ими новых способов оптимизации своей жизненности. Может, например, происходить рост престижности одних профессий и падение других. Так в период с 1918 г. по 1921 г. в России в условиях диктатуры пролетариата резко возросла в общественном сознании значимость физического труда и престиж соответствующих профессий. С 1921 г. эта тенденция начала вытесняться противоположной. Затем в конце 20-х гг. в СССР произошел возврат к старой позиции. Такое положение способствовало (до конца 80-х гг.) повышенному пополнению рядов рабочего класса, в том числе и за счет лиц с высшим образованием. Господствующая коммуноцентрическая (уравнительная) мораль, ставя на первое место принципы доминанты физического труда и равенства в потреблении, способствовала закреплению за классом рабочих и классов колхозников определенных преимуществ в реализации своих уравнительных экономических интересов по сравнению с классом интеллектуалов. Отметим, что этому естественно так же способствовал тот путь экономического развития (индустриализация, коллективизация), который проводился в соответствии с существующей государственной нравственностью (государственной идеологией).

Действенность моральных (наряду с политическими) стимулов к труду в эпоху конца 20-х - начала 50-х гг. прошлого века и недейственность их в последующие периоды существования СССР во многом предопределили поиски новых «стимуляционных» методов привлечения к труду и способствовали изменению существующих трудовых отношений и отношений собственности, то есть вели к эволюции существующих профессиональных и имущественных социальных структур. Одновременно, в этот период также произошел существенный сдвиг в объемно-правовой структуре общества. Данные изменения, приобретя необратимый характер, привели к эволюции социально-классовой структуры общества.

В данном случае изменение моральных норм, выступая в качестве внешнего по отношению к экономической системе фактора, в то же время неотделимо от этой системы.

Все вышеизложенное позволяет охарактеризовать изменение моральных (нравственных) отношений общества как субъективный экзогенный социально-экономический фактор, обуславливающий существование и эволюцию социально-классовой структуры общества.

7.3. Социально-гносеологический фактор существования и эволюции социально-классовой структуры общества

Развитие знания и осмысления социальных реалий - это не только путь от выделения свойств социальных объектов и знаний к знанию социальных объектов, как комплекса этих свойств, и не только возможность принятия прагматических решений со стороны: органов государственного управления (в частности, с целью оптимизации социально-классовой структуры в интересах общества в целом и (или) группы управленцев, сознательного согласования социально-классовых интересов, как средства поддержания социальной стабильности и т.д.); политических партий, как выразителей воли социально-классовых групп, социальных классов и надклассов с целью оптимизации условий реализации социально-экономических интересов последних; иных социальных субъектов, но и степенью включения в обыденное сознание индивидов (из которых и складываются социальные группы и классы) адекватных научных представлений о природе и причинах тех или иных общественных явлений.

Таким образом, действие социально-гносеологического фактора, предопределяющего существование и эволюцию социально-классовой структуры общества, будет обусловлено тремя вещами: во-первых, достигнутым уровнем научного познания законов развития природы и общества, в том числе закономерностей функционирования социально-экономической системы и социально-классовой структуры общества; во-вторых, умением и готовностью органами государственного управления применять достижения обществоведения в своей деятельности; в-третьих, степенью включения элементов научного обществоведческого мышления в повседневное сознание людей.

В доиндустриальные эпохи регулирование социально-экономических отношений в основном осуществлялось на основе культурных традиций и обычаев без научного осмысления законов развития природы и общества. При этом длительное сохранение жизнеспособности социумов было возможно, поскольку, во-первых, социальное время в эти эпохи текло очень медленно и, во-вторых, антропогенная нагрузка на природные условия существования чело-

века в масштабах Земли была относительно невелика. Если то или иное человеческое сообщество уничтожало окружающие его природные ресурсы, то оно либо погибало (а оставшиеся индивиды впитывались близлежащими социумами), либо занимало соседние территории (что, как правило, сопровождалось кровопролитными войнами), после чего снова существовало при практически неизменных социально-экономических условиях. Исключение составляли лишь этносы, находящиеся в стадии гомеостаза, да и то лишь благодаря тому, что они располагались на краю ойкумены.

Попытки научного осмысления законов развития общества носили эпизодический (в историческом плане) характер и крайне редко применялись для прагматических целей, а в основном лишь создавали идеологическую базу для апологетики существующей социально-классовой организации общества.

С ростом населения Земли, усилением нагрузки на природу и заселением человеком всей территории планеты, то есть с невозможностью решать социумами проблемы получения материальных ресурсов, необходимых для их нормальной жизнедеятельности, путем занятия незаселенных территорий и трудностью (в связи с распространением ядерного оружия) ведения широкомасштабных войн как основного способа получения растроченных природных ресурсов, возрастает значение научного регулирования жизни социума, в том числе и с целью оптимизации (естественно в тех или иных интересах) социально-классовых отношений.

Во второй половине XX века начала формироваться парадигма экологизированного мышления (устойчивого развития) как социальная рефлексия на возникновение реальной угрозы гибели всего человечества вследствие глобальной экологической катастрофы. При этом если экологической стороне возможной планетарной катастрофы посвящено огромное количество работ, то ноосферный императив сегодня только начинает признаваться научным сообществом. Названный императив «рассматривает человека, природу, общество как единую целостную систему, акцентируя внимание на их общечеловеческом, глобально-планетарном субстрате (содержании), - пишет Г.С. Смирнов, - в первом приближении ноосферный императив можно было бы сформулировать следующим образом: благо ноосферы есть высшая цель, благо человека – цель конечная. Ноосферный императив является ценностным ядром ноосферного

сознания человечества»⁴¹¹. В свое время В.И. Вернадский ввел в научный оборот такую категориальную пару как «научная мысль – планета» и выделил из феномена культуры «научную мысль как планетарное явление». Именно такой взгляд на ноосферу, опирающийся на представление о сознании как «культурной биогеохимической энергии» (В.И. Вернадский), позволяет говорить об актуальности научной формы осмысления ноосферной реальности..

Не имея возможности в рамках настоящего исследования подробно рассмотреть ноосферную парадигму (с учетом, что это и не является целью нашей работы), отметим лишь, что ее признание подразумевает стремление к переходу от индустриальной экономики к экономике постиндустриальной, от частно-капиталистической и государственно-капиталистической экономике (где главным экономическим критерием выступает прибыль) к экономике социально-экологоориентированной, когда на первое место выступает человек в неразрывной связи с окружающей его природой. Естественно, что это неизбежно вызывает возрастание роли социально-гносеологического фактора в социально-экономической системе. Причем, действие названного фактора может реализовываться не только, когда социум, прежде всего, в лице государственных органов, стремится и может использовать достижения общественных наук, но и когда они игнорируют последние. В этом случае влияние названного фактора на развитие социально-экономической системы может быть очень явственно, так как оно с неизбежностью приведет (и сегодня в ряде стран приводит) к экономическим кризисам-катастрофам. Как отмечает И.М. Абрамов: «Кризисы-катастрофы – это явления как минимум национального уровня. В их основе лежат не мелкие противоречия, вызванные, к примеру, периодическими колебаниями в спросе-предложении производственных запасов, а гораздо более значительные диспропорции в общественном воспроизводстве и затруднения на пути создания более эффективной экономики»⁴¹². Если социально-экономические кризисы-катастрофы

⁴¹¹ Смирнов Г. С. «Сознание и ноосфера» как философская проблема современной эпохи // Актуальные проблемы исследования сознания: онтологическая и гносеологическая. - Иваново: Ивановский государственный университет, 1997. - С. 124.

⁴¹² Абрамов И. М. Экономические кризисы-катастрофы и пути их преодоления. - Мн.: БГЭУ, 2001. - С. 9.

охватят достаточно большое количество государств и при этом будут носить непреодолимый характер (что вполне возможно в ближайшие десятилетия), то в итоге неизбежно наступит общепланетарная гуманитарная катастрофа, что может поставить под вопрос само существование последнего биологического вида семейства Hominidae. Достаточно вспомнить, что в эпоху так называемой Неолитической революции, вызванной, как известно, антропогенной экологической катастрофой, погибло около 90% населения Земли. Впрочем, речь в этой работе идет не о судьбах человечества вообще, а, прежде всего, о механизмах и направлениях эволюции социально-классовой структуры общества.

В современных условиях действие социально-гносеологического фактора, предопределяющего существование и эволюцию социально-классовой организации общества, проявляется в одной из двух (а чаще их сочетании) тенденций.

Первая тенденция (позитивная) – это когда потребность в развитии знаний и научном осмыслении природных и социальных реалий востребуется обществом. При этом преобладает направленность экономической системы на воспроизводство общества в целом, на удовлетворение потребностей субъектов как членов единого социума путем создания инновационной экономики (названная тенденция частично соответствует социальной детерминации в современных исторических условиях). Она вызывается необходимостью максимально возможного устранения негативного антропогенного воздействия на природное окружение человека и переориентации экономики на инновационный, т.е. интеллектуальноемкий путь развития. Под интеллектом здесь понимается способность генерировать новую информацию, информацию никогда не существовавшую в системе, которой принадлежит данный интеллект⁴¹³.

Преобладание рассматриваемой тенденции будет показывать напряженность экономических отношений собственно на инновационный труд и на интересы субъектов как носителей интеллектуальных трудовых функций. Соответственно, в этом названная тенденция совпадает с трудовой детерминацией, если последняя ориентирует социально-экономические и политические отношений на наиболее

⁴¹³ Козырев А. Н. Оценка интеллектуальной собственности. - М.: ООО «Экспертное бюро - М», 1997. - С. 7.

эффективное производство материальных благ в рамках инновационной экономики и их непосредственное потребление, ориентированное на эффективное материалоемкое воспроизводство. В зависимости от интеллектуальных трудовых способностей индивида и результатов их инновационного труда будет распределяться основная масса жизненных блага, определяться социально-экономический статус и место в социальной структуре субъекта. При этом в качестве производительного труда будет выступать, прежде всего, труд ученого, учителя и инженера. Отношения собственности в таком обществе будут отличаться четкой персонификацией интеллектуальных объектов присвоения.

Социально-классовая структура при названной тенденции будет изменяться за счет увеличения доли, улучшения имущественного положения и возрастания прав носителей интеллектуального труда, сокращения доли носителей неквалифицированного и низкоквалифицированного умственного и физического труда, сокращение доли «непроизводительных классов» - военнослужащих, бюрократии и иных.

Вторая тенденция (негативная) – это когда потребность в развитии знаний и научном осмыслении природных и социальных реалий не востребуется обществом. Основой негативной тенденции выступает направленность социально-экономической системы на уравниательные или монопольные интересы. При этом во имя относительно непродолжительной (в современных исторических условиях не более 10-30 лет) максимизации частно-классового потребления может быть поставлено под угрозу существование как того или иного социума, так и всего человечества. Важными предпосылками названных тенденций выступают как непринятие ноосферного императива большинством населения, так и, в постсоветском пространстве, распространение среди значительной части населения (в том числе и среди управленцев) взглядов на физический труд как единственно производительный. Иначе говоря, сегодня важнейшие предпосылки для негативной тенденции – нравственные. Отметим, что в свое время именно отставание в нравственном отношении, как отмечает Н.Н. Моисеев, привело в свое время к вымиранию неандертальцев. «Неандертальцы были вполне реальными претендентами на роль основателей современного общества. И это утверждение доказывают та же мустьерская культура, которая была создана неандерталь-

цами, их наскальная живопись и т.д. Однако у них было одно «но»: неандертальцы, как показывает структура их черепов, были более агрессивными, чем победившие их кроманьонцы»⁴¹⁴. Первоначально эта агрессивность, судя по всему, помогала в борьбе с пещерными львами, медведями и саблезубыми тиграми. «Но, с другой стороны, они труднее усваивали табу, и их боевые дружины были менее дисциплинированными. В силу этого у людей из Неандертала медленнее развивались полезные навыки и знания, хуже было оружие. В результате еще до начала неолита единственным представителем вида *homo sapiens* остался человек из Кро-Маньона»⁴¹⁵. При названной тенденции в случае неизменного преобладания той или иной социально-экономической системной детерминации социально-классовая структура будет стремиться к застою.

В реальной жизни ни одна из названных тенденций не может быть единственной, то есть действие социально-гносеологического фактора на протекание и результаты эволюции социально-классовой структуры общества, будет являться результатом борьбы между названными тенденциями. В зависимости от преобладания той или иной тенденции будут трансформироваться профессиональная, имущественная и объемно-правовая структуры.

⁴¹⁴ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации: Путь Разума. - М.: Языки русской культуры, 2000. - С. 33.

⁴¹⁵ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации: Путь Разума. - М.: Языки русской культуры, 2000. - С. 33.

Глава 8. Генезис и направления развития социально-классовых структур индустриального общества (на примере белорусского и российского обществ)

8.1. Генезис социально-классовой структуры Российской империи и СССР в период до 1991 года

Под генезисом социально-классовой структуры общества понимается возникновение, происхождение данной структуры, иначе говоря, - момент возникновения и последующий процесс развития, приведший к данному состоянию. Зарождение новой социально-классовой структуры происходит в результате распада, ведущего к исчезновению отдельных элементов прошлых отношений и к перегруппировке оставшихся, в результате чего начинается новое развитие. Это происходит так, как будто указанные процессы (отделение, элиминация и сохранение) высвобождают новые социальные силы и дают толчок дальнейшим перегруппировкам. Прежде чем описывать данный процесс, необходимо ответить на два вопроса: во-первых, когда начался процесс, приведший к возникновению социально-классовой структуры общества переходного периода, и, во-вторых, когда (хронологически) произошло становление данной структуры?

На поверхности социальных явлений кажется достаточно очевидным вопрос о начале генезиса данной структуры. Известно, что социально-классовая структура современных белорусского и российского обществ возникла из социально-классовой структуры советского общества. Однако, также бесспорно, что последняя, в известной степени, обусловлена социально-экономической системой, существовавшей до 1917 г. Сама же октябрьская (как и две предыдущих) революция во многом проистекала из невозможности дворянства решить крестьянский и, соответственно, продовольственный вопрос (труженики деревни в то время составляли около 80% населения страны). Истоки же данного противоречия лежат в «Жалованной грамоте дворянству» (1785 г.) Екатерины II и «Соборном уложении» (1649 г.) Алексея Михайловича, а последнее непосред-

ственно проистекает из системы помещичьего и вотчинного землевладения Владимиро-Суздальской Руси конца XIII - начала XIV веков. Данную цепь рассуждений можно продолжить и дальше. Однако, изучать генезис социально-классовой структуры постсоветского общества не значит выводить генеалогию данного социума из всех эпох, где существовали их истоки. Это значит анализировать ее развитие в недрах эволюции непосредственно предшествующих исторических периодов, вызвавших их комбинацию. При рассмотрении данного вопроса, в виду его сложности, необходимо ограничиться принципом «разумной достаточности» и начать рассмотрение с социально-экономической ситуации (и, соответственно, с социально-классовой структуры) Российской империи с конца XIX - начала XX веков.

Становление (завершение генезиса) социально-классовой структуры общества переходного (от административно-командной к рыночной экономике) периода следует отнести ко второй половине 1991 г. и первой половине 1992 г. Этот вывод определен тем, что, во-первых, в это время уже (или еще) существовали все социально-классовые субъекты, обуславливающие социально-экономическую специфику общества переходного периода; во-вторых, в связи с потерей (после августа 1991 г.) КПСС лидирующего положения в обществе сформировалась политическая система, позволяющая создать реальные партии и другие общественные организации (профсоюзы, общества потребителей и т.д.), выражающие интересы всех социально-классовых общностей, к этому стремящихся (иначе говоря, были созданы социально-политические условия для превращения большинства социальных классов-слоев в собственно социальные классы); в-третьих, именно с конца 1991 - начала 1992 гг. переход от советского общества к «постсоветскому», то есть собственно переходный процесс, начал носить необратимый характер. В это время правильно говорить уже не о становлении (генезисе) социально-классовой структуры общества переходного периода, а о ее дальнейшей эволюции на своей собственной основе.

Исходя из нашего понимания социально-классовой структуры общества и факторов, обуславливающих ее генезис и дальнейшую эволюцию, изменение данной структуры будет находить свое выражение, как уже отмечалось ранее, прежде всего, в изменении положения субъектов в таких элементарных социальных структурах

как: 1) профессиональная; 2) имущественная; 3) объемно-правовая. Напомним, что когда происходит изменение в положении индивидов одного и того же социального класса (или нескольких классов) во всех трех указанных структурах, то можно констатировать, что происходит эволюция социально-классовой структуры общества; то есть говоря о процессе возникновения и последующего развития, приведшего к социально-классовой структуре современного белорусского общества, правомерно рассматривать изменения положения социальных субъектов во всех социальных структурах, образующих социально-классовую структуру.

Полный и детальный анализ изменений, происходящих в профессиональной структуре общества, очень труден и вряд ли необходим в рамках данного исследования. Поэтому ограничимся здесь лишь выяснением самых основных изменений данной элементарной структуры. Отметим также, что для нашего исследования важно не просто изменение в соотношении численности и удельного веса работников, занятых той или иной профессией, а динамика профессиональной структуры как совокупности групп работающего населения, более или менее существенно различающихся характером и содержанием труда, прежде всего, в зависимости от технологических способов производства.

Воздействие на социально-классовую структуру изменений профессиональной структуры, даже сопровождаемое сменой технологических укладов, по своим последствиям не сопоставимо с влиянием, которое оказывает на нее изменение отношений собственности и отношений социально-экономического определения поведения субъектов (то есть имущественной и объемно-правовой структур). Однако, социальный облик классов и элементарных общественных групп, в них входящих (а также их способность изменить существующие отношения собственности в свою пользу), существенно модифицируется в зависимости от технологического уклада, в рамках которого функционирует данная группа.

Как говорилось выше, события 1917 г. в России во многом были предопределены социальным и социально-экономическим кризисом в сельском хозяйстве, ускоренным индустриальным развитием страны (за период с 1861 г. до начала Первой мировой войны произ-

водство промышленной продукции увеличилось в 12,5 раза)⁴¹⁶, что вовлекло в капиталистический оборот сельское хозяйство (это вступало в противоречие с общинным и помещичьим землевладением), а также привело к резкому снижению количества социального капитала на уровне социума. Последнее было обусловлено политическим бесправием большинства населения империи, резким и значительным ростом имущественной дифференциации, когда рядом существовали крайние проявления нищеты и богатства. Усугубляемая вырождением правящей элиты (которая не могла править по новому) и формированием у большинства социальных классов представления о сложившейся социально-экономической системе, как крайне не справедливой (низы не могли жить по старому) обострилась классовая борьба в обществе, которая привела к преимущественному накоплению социального капитала на уровне социальных классов и социально-классовых групп.

В этой ситуации социальный капитал социально-классовыми субъектами использовался не на благо всего общества (или в продукционных целях), а с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизненности, в том числе и за счет насильственного свержения существующей политической системы, физического и экономического подавления социально-экономических субъектов. Это был исторический период, когда легко возникали социально-классовые группировки путем объединения социальных классов и социально-классовых групп с целью совместной борьбы за оптимизацию условий реализации своих социально-экономических интересов. Поскольку главным условием названной интеграции выступало временное совпадение интересов объединяющихся субъектов и явное противоречие их социально-экономическим интересам других социальных классов, такое объединение тех или иных социально-классовых субъектов происходило на достаточно короткий исторический промежуток, и, следовательно, накопления социального капитала на уровне данной надклассовой общности не происходило. По нашему мнению, это выступало важным фактором того, что в период гражданской войны бывшие клас-

⁴¹⁶ Очерки экономических реформ / Ю. Ф. Воробьев, Р. А. Белоусов, С. Н. Петликина и др.; отв. Ред. Воробьев Ю. Ф. // РАН, ин-т экономики, Акад. экон. наук и предпринимательской деятельности России. - М.: Наука. 1993. - С.38.

сы-союзники и политические партии, отстаивающие их интересы, так быстро переходили из разряда друзей в разряд непримиримых врагов (например, большевики и эсеры).

В эпоху гражданской войны, когда на первое место выступает эгональный классовый (групповой) интерес, когда усиливающееся доверие и взаимопомощь внутри класса используется, прежде всего, для социально-экономического (а часто и физического) подавления иных субъектов, когда место в системе трудовых отношений, отношений собственности и политической системе определяется не продукционными способностями индивидов, а их принадлежностью к тому или иному классу (с учетом исторически обусловленной степени социально-классовой мобильности) и социально-экономической силой этого класса, как правило, происходит деградация экономической системы общества. Это ведет к существенному снижению среднего уровня потребления в обществе, что в свою очередь также усиливает классовую борьбу, способствует разрушению остатков социального капитала на уровне социума и дальнейшему снижению продукционного эффекта от функционирования национальной экономической системы. Вырваться из этого «заколдованного круга» не возможно без ускоренного накопления социального капитала на уровне общества. А для того, чтобы это произошло, необходимо формирование национальной идеи, воспринимаемой как реальная цель значительной частью (большинством) населения.

Рассмотрим это несколько подробнее. В конце XIX - начале XX века в Российской империи происходила общественная дискуссия по поводу решения национального земельного вопроса. Так, например, Д.А. Столыпин указывал, что общинная собственность на землю - это последствия крепостного права. «При свободе труда в России были иные, более естественные земледельческие порядки»⁴¹⁷. А. Еропкин так же считал, что «община - это мрак, это застой, это темное царство, это гибель государства, гибель медленная, но неизбежная»⁴¹⁸. Д. А. Столыпин писал по этому же поводу, что еще Аристотель, изучая человеческое общество, считал семью и собствен-

⁴¹⁷ Столыпин Д. А. Учение О. Конта. Начало социологии. По вопросу организации земельной собственности и пользования землей. М., 1891. – С.37.

⁴¹⁸ Еропкин А. Столыпин и Указ 9 ноября. С.-Пб., 1912. - С.14.

ность его основой, и исторический опыт подтвердил верность такого постулата. «В общине, - подчеркивал Д. А. Столыпин, - отцы не имеют собственности и не имеют власти в семье, землю владеет мир. В литературе стараются убедить, что людское общество без семьи и собственности может процветать; опыт и факты доказывают, что эта иллюзия»⁴¹⁹.

Несмотря на возражения противников смены общинного землевладения (под воздействием аграрного кризиса и социально-классовой борьбы в деревне в 1902-1905 гг.) реформа была осуществлена, но она оказалась неполной. Вместе с тем, изменения, происходившие в годы столыпинской реформы, способствовали быстрому росту крестьянских хозяйств и уменьшению помещичьего землевладения. Так на одну дворянскую десятину приходилось крестьянских в 1894 г. - 2, а в 1918 г. - 5,5⁴²⁰. В результате этого «в 1914 г. более 80% всей пахотной земли в Европейской России оказались в руках крестьян»⁴²¹. У домохозяев средний размер отдельного «... участка увеличился с 10 дес. в 1907 г. до 18 дес. в 1915 г.»⁴²². Естественно, что такого рода изменения, охватившие около 80% населения страны, сопровождались существенными изменениями в социально-классовой структуре общества. Усиливалось социально-классовое расслоение крестьянства, наблюдался переход части крестьянства в другие социально-классовые общности. Естественно, что такого рода изменения повлекли за собой снижение социального капитала, накопленного классом крестьянством (в названный момент дистрахо-классом), как за счет формирования в нем различных социально-экономических групп с разнонаправленными интересами, так и за счет перехода некоторых его представителей в другие социально-классовые общности. Поскольку результатами аграрной

⁴¹⁹ Столыпин Д. А. Учение О. Конта и применение его к решению вопроса об организации земельной собственности и пользованию землей. М., 1891. - С.5.

⁴²⁰ Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II - 1894-1917 гг. в цифрах и фактах. - Мн.: Польша, 1991. - С.14.

⁴²¹ Очерки экономических реформ / Ю. Ф. Воробьев, Р. А. Белоусов, С. Н. Петликина и др.; отв. Ред. Воробьев Ю. Ф.// РАН, ин-т экономики, Акад. экон. наук и предпринимательской деятельности России. - М., Наука, 1993. - С.45.

⁴²² Очерки экономических реформ / Ю. Ф. Воробьев, Р. А. Белоусов, С. Н. Петликина и др.; отв. Ред. Воробьев Ю. Ф.// РАН, ин-т экономики, Акад. экон. наук и предпринимательской деятельности России. - М., Наука, 1993. - С.45.

реформы оказались недовольны почти все ее участники, что способствовало возрастанию социально-экономических противоречий в обществе и препятствовало развитию у крестьянства имперского самосознания, то в результате это не только не привело к ослаблению классовых противоречий, но и ускорило снижение уровня социального капитала в таких «над-домохозяйственных» субъектах как социум, социальный класс, губернии, уезды и даже деревни.

Наряду с крестьянством к 1917 г. в Российской империи существовали следующие социальные классы: 1) класс помещиков; 2) класс капиталистов (включающий в себя промышленников и оптовых торговцев); 3) класс государственных управленцев; 4) класс управляющих (включающий в себя управляющих негосударственными коммерческими предприятиями); 5) класс служащих силовых структур; 6) класс интеллигенции (достаточно малочисленный); 7) класс кустарей и ремесленников; 8) класс мелких торговцев; 9) класс государственных служащих - не управленцев; 10) класс наемных рабочих (рабочий класс). Исходя из целей нашего исследования следует также принимать во внимание тот факт, что в этот исторический период Российской империи существовал первый тип естественного движения населения (высокая рождаемость – высокая смертность), о чем свидетельствует тот факт, что в 1897 г. лица до 19 лет составляли 48,8%, лица от 50 до 59 лет – 6,6%, а лица в возрасте старше 60 лет – 6,9%⁴²³. Подавляющая часть пожилого населения империи существовала не за счет пенсионного обеспечения, а обеспечивалась детьми и внуками.

Представители 1-5 социальных классов являлись выразителями эгональных (монопольных) экономических интересов и между ними происходили постоянные взаимные межклассовые перемещения, чему во многом способствовала исторически сложившаяся совокупность межличностных отношений между представителями этих классов, снижающая транзакционные издержки с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена и позволяющая получить осязаемую социально-экономическую выгоду, которая в свою очередь способствовала

⁴²³ Население России в XX веке. В 3-х т. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. - Т.1. - С.14.

дальнейшему увеличению социального капитала внутри этой социально-классовой группировки.

Вместе с тем, поскольку в Российской империи все представители вышеназванных классов составляли менее 10% населения страны – это, в свою очередь, вело к снижению социального капитала на уровне общества. С учетом того, что переход в классы помещиков, капиталистов, государственных управленцев, управляющих и служащих силовых структур со стороны других социальных классов (за исключением класса интеллигенции) был достаточно затруднен, в том числе и по причине очень высокого уровня неграмотности среди крестьянства, рабочих, кустарей и ремесленников, а также в результате все возрастающего разрыва в доходах, сопровождаемого обнищанием «пролетаризацией» все большей части населения, то названный процесс снижения социального капитала на уровне общества также ускорялся нравственной деградацией правящей элиты. Кроме того, следует учитывать, что в рассматриваемый период в экономике страны были сильны позиции зарубежного капитала, чьи интересы были, прежде всего, ориентированы на монопольную прибыль. Наряду со значительным внешним государственным долгом это также выступало дестабилизирующим социально-экономическим фактором.

Следует подчеркнуть, что в России в это время продолжала функционировать местная централизованная разросшаяся административная система управления во главе с самодержавным императором. Эта система складывалась и функционировала на протяжении веков. Так, экономическими вопросами занимались: во-первых, Николай II, окруженный доверенными людьми; во-вторых, находящиеся в постоянной взаимной конфронтации, Государственная дума, Совет министров, Особое совещание по снабжению армии и флота, Государственный совет; в-третьих, «министерства: торговли и промышленности, финансов, земледелия (созданное в 1915 г.), путей сообщения, военное, морское, внутренних дел, а так же особые совещания (комиссии) по продовольствию, топливу, перевозкам, центральный военно-промышленный комитет и главные коми-

теты по снабжению армии, земские союзы и союзы городов»⁴²⁴. Все они имели многочисленную и разветвленную сеть представительств (органов) в губерниях, уездах и на некоторых крупных предприятиях. Эта громоздкая государственная машина функционировала довольно исправно до 1917 г. (во-первых, последовательно оказывая существенную финансовую и организационную помощь классу капиталистов как в период его возникновения и укрепления, так и во время усиления процесса концентрации и централизации капитала и, во-вторых, ввиду своей коррумпированности, создавая благоприятные условия для прямых зарубежных инвестиций в экономико-образующие предприятия), когда произошло падение монархии и начался нарастающий развал производства, государственной системы управления и рынка.

Представители части крестьянства (деревенская беднота), а также подавляющее большинство представителей рабочего класса, классов кустарей и ремесленников и мелких торговцев выражали уравнилельные (коммуноцентрические) экономические интересы. Поскольку, как уже отмечалось выше, в этот период в империи наблюдалось колоссальное имущественное расслоение, такая направленность интересов названных субъектов способствовала формированию на их базе социально-классовой группировки и быстрому, хотя и в очень неустойчивых (недолговечных) формах, накоплению в последней социального капитала.

Класс интеллигенции, зажиточные крестьяне (не относящиеся к сельской буржуазии), незначительная часть рабочего класса (наиболее квалифицированная и высокооплачиваемая социально-классовая группа) и часть государственных служащих-неуправленцев являлись выразителями трудовых экономических интересов. Названные социально-классовые субъекты по ряду причин не были способны не только оформиться в социально-классовую группировку, но и даже не были готовы к коллективным (классовым) действиям с целью отстаивания своих эгональных классовых социально-экономических интересов.

⁴²⁴ Очерки экономических реформ / Ю. Ф. Воробьев, Р. А. Белоусов, С. Н. Петликина и др.// РАН, Ин-т экономики, Акад. экон. наук и предпринимательской деятельности России. - М., Наука, 1993. - С.21.

Для класса интеллигенции основным препятствием для накопления социального капитала на классовом уровне выступало (да и продолжает выступать сегодня) то, что ввиду специфической нравственной оценки представителями данной социальной общности своего места и роли в обществе (прежде всего, - это претензия на роль нравственных и интеллектуальных лидеров если не у всего населения страны, то, по крайней мере, у значительной его части) затрудняется борьба за оптимизацию их собственных классовых интересов. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в условиях социальной стабильности именно благодаря этому свойству («переживать за весь народ») интеллигенция способствует быстрому и эффективному накоплению социального капитала на уровне всего общества.

Наиболее квалифицированная и высокооплачиваемая социально-классовая группа рабочего класса также оказалась в двойственном положении. С одной стороны, ее представители чувствовали единство исторической судьбы и социальных интересов с рабочим классом, а с другой, что до известной степени роднит их с интеллигенцией, стремились к созданию справедливого социально-экономического порядка (основанного на трудовой (продукционной) социально-экономической системной детерминации). Именно представление о несправедливости сформировавшегося общественно-экономического строя, а не тяготы войны, которых они практически не ощущали (в армию их с оборонных заводов не призывали, заработная плата была достаточно высокой, а, например, цены на хлеб в Петрограде за 3 года войны выросли всего в три раза) побудили рабочих столицы первыми выступить против самодержавия.

В октябре 1917 г. большевики устанавливают в России диктатуру пролетариата, то есть части рабочего класса, являющегося носителем уравнительных (коммуноцентрических) экономических интересов, что по существу являлось началом трансформации накопленного внутри этого сообщества социального капитала в материальные экономические блага. Организационное оформление названного процесса не могло быть осуществлено без создания новой «пролетарской» системы управления экономической системой общества. В сложной обстановке гражданской войны произошел процесс формирования советского правительства. «В структуре ВСНХ во многом воспроизводилась система централизованного управления про-

мышленностью России в годы Первой мировой войны»⁴²⁵. Это породило многочисленный социальный класс-слой управленцев со специфическими экономическими (и, соответственно, политическими) интересами.

В период «военного коммунизма» сложилась цельная система реализации экономических интересов победившего рабочего класса - «красногвардейская атака на капитал», продовольственная диктатура, трудовая повинность и т.д. Это неизбежно вступало в противоречие с экономическими и политическими интересами других социальных классов. Однако, реакция представителей данных классов на экономическую политику, производимую большевистским правительством, была различна.

Большинство представителей таких социальных классов как помещики, капиталисты, служащие силовых структур, государственные управленцы и управляющие в той или иной форме стремились к свержению советской власти и уничтожению самой «диктатуры пролетариата».

Основная масса представителей класса интеллигенции, по причинам, раскрытым нами выше, не оказывала сопротивления диктатуре пролетариата и либо иммигрировала за пределы страны, либо выполняла практически все требования советской власти. Именно эти люди в 20-30-е гг. во многом способствовали своим участием массовой подготовке новых советских специалистов и индустриализации страны.

Индивиды, входящие в класс служащих не специалистов, в основном также занимали в отношении советской власти лояльную позицию. Исключение составляли лишь бывшие работники «силовых» структур.

Представители социальных классов кустарей (и ремесленников), мелких торговцев в этот период вели себя крайне разноречиво и участвовали в политической и экономической борьбе на стороне практически всех участников конфликтов.

Стержень борьбы за создание наиболее благоприятных условий для реализации эгональных классовых экономических интересов в

⁴²⁵ Очерки экономических реформ / Ю. Ф. Воробьев, Р. А. Белоусов, С. Н. Петликина и др.; отв. Ред. Воробьев Ю. Ф.// РАН, ин-т экономики, Акад. экон. наук и предпринимательской деятельности России. - М.: Наука, 1993. - С.22.

этот период проходил через отношения победившего рабочего класса и крестьянства (составляющего в этот период большинство населения Советской России и обладающего наибольшим количеством социального капитала, накопленного на уровне класса) и выражался, прежде всего, в проведении политики хлебной монополии продразверстки⁴²⁶. В этот период именно хлебная монополия, соответствовавшая экономическим интересам рабочего класса, во многом предопределила отношения этого класса с имущими слоями населения, обусловив применение по отношению к последним революционного налога и трудовой повинности. Следует подчеркнуть, что возможность применения продразверстки в этот период свидетельствовала о силе рабочего класса, которая значительно превышала силу правящих классов Российской империи в 1914-1916 гг. Так, попытки введения царизмом продразверстки в ходе I Мировой войны потерпели неудачу.

Вместе с тем, подобного рода экономические действия со стороны победившего рабочего класса шли в разрез с интересами крестьянства, которое хотя и не сформировалось в социальный класс и само раздиралось внутриклассовыми противоречиями, но было сильно хоть и не организованностью (как рабочий класс и зарождающийся советский класс государственных управленцев), но своей численностью. Крестьянство решительно выступило в защиту своих экономических интересов. Так, только в июле-августе 1918 г. произошло более 200 антисоветских восстаний и выступлений, 154 вооруженных нападений на продотряды, погибло 20 000 членов продовольственных отрядов и комбедов⁴²⁷. При этом следует отметить, что успешность крестьянских выступлений на региональном уровне не привела и не могла привести к захвату этим классом политической власти в обществе, поскольку, как уже отмечалось выше, в этот момент крестьянство было дистрахо-классом с вытекающей из этого неспособностью к согласованным масштабным действиям.

В результате вооруженной борьбы на этом историческом этапе в деревне победили экономические интересы крестьянства, и совет-

⁴²⁶ Васючонок Л. П. Интересы рабочего класса: тупики и перспективы развития. - Мн.: Наука и техника, 1993. - С.59.

⁴²⁷ История советского рабочего класса / АН СССР, ин-т истории СССР; гл. ред. кол.: С. С. Хромов и др. - М.: Наука, 1984. - Т. 1. - С.446.

ское правительство было вынуждено осуществить радикальный переход от продразверстки к продналогу: теперь крестьянин мог самостоятельно распоряжаться продуктами, оставшимися после уплаты налога. А это постепенно вынудило перейти к товарно-денежным отношениям.

Следует подчеркнуть, что политическая дискриминация крестьянства продолжалась еще долгие годы и, в частности проявилась в реализации политики «ножниц цен» в условиях индустриализации, проведению коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания.

В Советской России в начале 20-х гг. произошло (в связи с НЭ-Пом) быстрое восстановление денег и рынка, которые, в сочетании с активной структурной политикой, опиравшейся на планово-балансовые расчеты, привели к быстрому, в течение 5-6 лет, достижению довоенного уровня по основным макроэкономическим показателям. Как отмечается в «Очерках экономических реформ»: «переход в начале двадцатых годов к широкому использованию товарно-денежных отношений, к рынку, был возможен из-за того, что накануне Октябрьской революции эти формы существовали в России»⁴²⁸. А точнее, остались представители тех социальных классов и социально-классовых групп, которые персонифицировали рыночные институты. В этот период в СССР начали возрождаться такие социальные классы как: капиталисты, управляющие (менеджеры), интеллигенция, кулаки и ремесленники, мелкие торговцы.

Крестьянство, являющееся дистрахо-классом, в этот исторический момент переживает сильное социально-классовое расслоение. Из него выделяются следующие социально-классовые общности: 1) колхозное крестьянство (синкретичный класс); 2) зажиточные крестьяне, использующие наемный труд («кулаки»); 3) средние крестьяне («середняки»); 4) деревенская беднота (в том числе батраки); 5) совхозные рабочие (маргинальная социально-классовая группа между советскими рабочим классом и крестьянством), которые позднее вошли в рабочий класс.

⁴²⁸ Очерки экономических реформ / Ю. Ф. Воробьев, Р. А. Белоусов, С. Н. Петликина и др.; отв. Ред. Воробьев Ю. Ф. // РАН, ин-т экономики, Акад. экон. наук и предпринимательской деятельности России. - М.: Наука, 1993. - С.15.

Рабочие на частных предприятиях в эти годы отличаются по своему месту (по сравнению со временем до Октябрьской революции) в политических отношениях (получают большие объемно-правовые прерогативы) и в отношениях собственности (получают возможность влиять через целую систему новых политических институтов на распоряжение и использование своей рабочей силы, а также средств производства на предприятиях, где они работают). Не менее важным, на наш взгляд, является осознание этими рабочими изменения своего места в обществе. Рабочий класс в этот период одержал очевидную для него победу в захвате политической и социально-экономической власти в обществе во многом благодаря чувству классовой сплоченности, как результата огромного социального капитала, накопленного им на классовом уровне, и умелому применению большевистской партией марксистского учения. Следует подчеркнуть, что зародившийся после октябрьской революции новый класс советских государственных управленцев, быстро набирающий силу и постепенно присваивающий все большие социально-значимые управленческие функции, начал процесс постепенного (очень медленного) фактического отстранения рабочего класса от политической и экономической власти.

В 20-е гг. происходит формирование советского рабочего класса (в него вошли рабочие государственных предприятий), который занимает доминирующее место в отношениях социально-экономического определения и собственности. Неэквивалентный обмен (монопольно низкие цены на сельскохозяйственную продукцию и монопольно высокие на промышленные товары) между крестьянством и рабочими, занятыми на крупных государственных предприятиях, создавал оптимальные условия для реализации уравнительных и монопольных экономических интересов последних. «После установления государственного контроля над ценами и компании по снижению себестоимости, - пишет Л. П. Васюченко, - когда искусственно поддерживались заниженные цены на ряд промышленных товаров, основная часть их централизованно направлялась, прежде всего, в крупные города и на крупные государственные предприятия»⁴²⁹. По отношению к мелким торговцам, ремесленни-

⁴²⁹ Васюченко Л. П. Интересы рабочего класса: тупики и перспективы развития. - Мн.: Наука и техника, 1993. - С.69.

кам и капиталистам, - указывает этот же автор, - «...пытавшихся торговать по равновесным ценам, оказывалось прямое административное и организованное общественное давление»⁴³⁰.

Государственная промышленность восстанавливалась в основном за счет ссуд Наркомфина из госбюджета и банковских кредитов, преимущественным источником которых была эмиссия, то есть имела льготные финансовые условия. Влитые в нее государством средства составили в 1923 г. 500,1 млн. червонных рублей, промышленность же вернула за счет уплаты налогов государству лишь 99,1 млн. рублей⁴³¹. Вся прибыль, остающаяся в промышленности, и все амортизационные фонды вкладывались в оборотные средства. В этот период размеры капитальных затрат не покрывали износа, что вело к превращению основных средств в оборотные, к проеданию капитала⁴³². Непрерывно росла зарплата рабочих, которая увеличилась с 1923 по 1925 гг. на 80% и в сентябре 1925 г. составила 95,5% от довоенной⁴³³. Жизненный уровень рабочего класса в 2,3 раза превышал жизненный уровень крестьянства⁴³⁴.

В этот же период происходит формирование новых советских классов: пенсионеров (в результате создания государственной пенсионной системы), государственных служащих неспециалистов, служащих силовых структур и государственных управленцев и происходит превращение последних из класса-слоя собственно в социальный класс.

На наш взгляд, понять феномен становления советского класса государственных управленцев («партийно-государственной бюрократии»), легкость и быстроту с которой он занял господствующее положение в обществе не возможно без учета: во-первых, феномена дифференциации социального капитала по определенным уровням

⁴³⁰ Васючонок Л. П. Интересы рабочего класса: тупики и перспективы развития. - Мн.: Наука и техника, 1993. - С.69.

⁴³¹ Матюгин А. А. Рабочий класс в СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921-1925). - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - С.69-70.

⁴³² Васючонок Л. П. Интересы рабочего класса: тупики и перспективы развития. - Мн.: Наука и техника, 1993. - С.70.

⁴³³ Васючонок Л. П. Интересы рабочего класса: тупики и перспективы развития. - Мн.: Наука и техника, 1993. - С.70.

⁴³⁴ Васючонок Л. П. Интересы рабочего класса: тупики и перспективы развития. - Мн.: Наука и техника, 1993. - С.70.

и между различными социальными группами; во-вторых, того, что практически на всей территории Российской империи (повидимому, за исключением Латвии, Литвы, Финляндии, Эстонии, западных регионов Беларуси и Украины), а затем СССР, существовала коммунальная материально-технологическая среда. Последняя, как известно, формирует соответствующие экономические институты и определяет не рыночный, а раздаточный характер; в-третьих, исторической специфики форм и методов классовой борьбы в период 1917-1941 гг.; в-четвертых, способности в этот период нового класса государственных управленцев не только эффективно формировать социальный класс на уровне общества, но и монопольно присваивать результаты от его использования.

Рассмотрим это подробнее.

С точки зрения возможности изменения (сохранения) существующих отношений собственности определяющее значение имеет степень обладания социально-экономическим субъектом (в частности, социальным классом) властью, прежде всего политической. Так, после захвата большевиками (выразителями коммуноцентрических интересов) в октябре-ноябре 1917 г. политической власти, они в то же время еще не обладали экономической властью, то есть не стали собственниками производительных сил общества. Хотя с изменением политической организации общества неизбежно произошла трансформация отношений социально-экономического управления, которые и явились основой для дальнейшего преобразования экономической системы. В это время в городе подавляющая часть объектов собственности (и, соответственно, экономическая власть) по-прежнему находилась в руках крупной и средней буржуазии, государственных банковских и других (связанных с обслуживанием и контролем за производством и распределением) служащих, то есть в руках выразителей монопольных интересов. Поэтому одной из первых акций советского правительства была национализация банков, железных дорог и т.д. Вместе с тем, осознавая, что класс капиталистов, оставаясь собственником средств производства, реально держал в своих руках экономическую власть, что позволяло ему по-прежнему претендовать на политическую власть, было осуществлено сначала ограничение его прав собственника на хозяйственные блага (введение рабочего контроля, государственное регулирование условий труда и т.д.), затем, начала активно осуществляться

политика национализации. Здесь следует подчеркнуть также, что попытки экономического сопротивления буржуазии активно подавлялись в то время политическими методами («красногвардейская атака на капитал»).

Данные преобразования в отношении собственности на хозяйственные блага позволили одновременно осуществить и преобразования в трудовых отношениях. Это директивное установление более короткого рабочего дня, введение льгот для работающих женщин и детей и т.д. Эти меры выражали не только уравнительные интересы мало- и среднеквалифицированной части рабочего класса, но и экономические интересы, обусловленные трудовой детерминацией высококвалифицированной части заводских и фабричных рабочих. Отметим, что через некоторое время большевистская партия пошла на ущемление интересов последних путем фактической нивелировки оплаты их труда и труда низко-квалифицированной части рабочих, затем, в условиях гражданской войны РКП(б) пошла на строгую регламентацию трудовых отношений (удлинение рабочего дня, трудовая повинность и т.д.). Являясь следствием преобразования отношений собственности, изменение трудовых отношений, в свою очередь, способствовало их закреплению.

Государство диктатуры пролетариата осуществило национализацию земли исходя из того, что основным средством производства является земля, а значит тот, кто ею владеет, наделен существенной экономической властью. Данная акция, ущемляя монопольные интересы крупных собственников земли, была поддержана в деревне как выразителями уравнительных, так и трудовых интересов. Затем РКП(б) была осуществлена политическая попытка отторжения бывшей помещичьей земли у крестьян и создания на ее базе совхозов, что должно было обеспечить дальнейшее усиление экономических позиций рабочего класса в деревне и явилось проявлением стремления к реализации уравнительных интересов, которые преобладали в то время среди индивидов, входящих в рабочий класс (и у беднейшего крестьянства). Однако, эта попытка встретила решительное сопротивление крестьянства. Лишь в 1928-1933 гг. ВКП(б), опираясь на носителей коммуноцентрических интересов в селе (в 1928-1929 гг. удельный вес «бедноты» в деревне составлял 35%), осуществила отторжение земли у крестьян и создала на ее базе совхозы и колхозы. Последнее обеспечило дальнейшее усиление эко-

номических позиций носителей уравнительных интересов в деревне.

Примерно в то же время была осуществлена централизация (с жестким государственным контролем) мелких производителей в городе. В результате была создана экономическая система, обусловленная коммуноцентрической детерминацией. В СССР она характеризовалась созданием двух социальных классов, являющихся (преимущественно) носителями уравнительных интересов: рабочего класса и класса колхозного крестьянства. Созданная система требовала сильного государственного аппарата, что привело к созданию класса государственных управленцев. Формируясь в самостоятельную силу, имея соответственно, специфические экономические интересы (тяготеющие к монопольным), государственные управленцы (бюрократия) начинают активно их отстаивать. Зачастую это шло в ущерб уравнительным интересам рабочего класса и крестьянства. Уже в 1920-1922 гг. лидер РКП(б) В.И. Ленин был вынужден это признать. Он, в частности, отмечал: «Самый худший у нас внутренний враг - бюрократ»⁴³⁵. «Государство у нас рабочее с бюрократическим извращением... Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства»⁴³⁶.

Возможность такого рода действий со стороны государственных управленцев было предопределено фактическим присвоением ими функций управления обществом. Иначе говоря, со временем произошло перераспределение прерогатив собственников между ними и рабочим классом в пользу первых. Сразу же отметим, что, на наш взгляд, присвоение советской бюрократией функций управления в таком объеме в котором это произошло в 20-30-е гг. прошлого столетия стало возможным, прежде всего, потому, что в российских условиях коммунальной материально-технологической среды, адек-

⁴³⁵ Ленин В. И. О международном и внутреннем положении Советской республики // Полн. собр. соч. - 5-е изд. - М.: Политиздат, 1982. - Т.45. - С.15.

⁴³⁶ Ленин В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого // Полн. собр. соч. - 5-е изд. - М.: Политиздат, 1981. - Т.42. - С.208.

ватные данной среде культура и институциональная среда не были уничтожены в годы 3 русских революций и гражданской войны, а продолжали существовать в различных, зачастую трансформированных формах.

Соответственно, как только большевики убедительно победили в гражданской войне (то есть сломали те социально-классовые группы, которые были способны к активным силовым действиям в защиту своих социально-экономических и политических интересов) и начали формировать коммунистическую идеологию, декларирующую приоритеты общего над частным и опирающуюся на лозунги построения справедливой социально-экономической системы, действующей в интересах большинства населения – «всего трудового народа», начала быстро разворачиваться в новых институциональных формах культура коммунально-технологической среды. Народ, уставший от тягот и невзгод гражданской войны, с легкостью усваивал основные идеи нового коммунистического мировоззрения и даже не полностью соглашаясь с ним по каким-то нравственным вопросам, быстро создавал социальный потенциал на уровне общества, который в процессе его формирования и капитализации присваивался классом государственных управленцев. На наш взгляд, именно то, что новый класс советских государственных управленцев сумел создать условия для быстрого накопления социального капитала на уровне общества и внутри своего социального класса, а также присвоить себе этот капитал, обусловило формирование в СССР экономической модели, которая наиболее четко может быть определена категорией – государственный капитализм.

Социальный капитал, накопленный на уровне общества, использовался в Советском Союзе не только в эгональных интересах партийно-бюрократической номенклатуры, но и в производственных интересах (индустриальные успехи первых пятилеток были очевидны), то есть такое положение вещей до определенного периода устраивало все остальные классы, которые так и не смогли организационно оформиться и стать классом «для себя». Напомним, что, как известно, важным источником уравнилельных структур являются соответствующие нравственные ценности человека. Уравнилельность, как способ борьбы за возвышение своего положения, переходная ступень к последующему возвышению подразумевает эксплуатацию меньшинства большинством. В Советском Союзе в

условиях разрухи в становлении уравнительных отношений было экономически заинтересовано большинство населения. Но, поскольку для поддержания уравнительных структур необходима концентрация прерогатив собственника на хозяйственные блага и функции на уровне социума в целом в руках государственного аппарата, то это предопределило трансформацию уравнительных структур в монопольные.

В период НЭПа социально-экономическая модель хозяйствования была построена исходя из экономических интересов рабочего класса, класса государственных управленцев, класса государственных служащих неспециалистов (несмотря на то, что отношения социально-экономического управления и собственности, существующие в этот период, предоставляли значительно больше, чем при «военном коммунизме», возможностей для реализации трудовых экономических интересов и через многоукладность экономики). Иначе говоря, данная модель основывалась, главным образом, на уравнительной и монопольной детерминации, то есть в основу ее были положены уравнительные и монопольные экономические интересы. Новая экономическая политика обеспечила быстрое развитие советской экономики и формирование социального капитала.

Основы профессиональной и социально-классовых структур советского общества были заложены в 20-30-е гг. в результате проведения в стране индустриализации и коллективизации. Индустриализация (начавшаяся в конце 20-х гг.) обеспечила создание и развитие машинного производства и, прежде всего, тяжелой индустрии, обуславливающей коренную реконструкцию экономики на основе современной (для того времени) техники. Подчеркнем, что одной из важных особенностей формирующейся социально-классовой структуры советского общества было то, что, во-первых, накопление социального капитала на уровне классов и социально-классовых групп происходило не равномерно. Наиболее быстро этот капитал формировался в такой общности как государственные управленцы (на втором месте по уровню накопления социального капитала шел рабочий класс). Во-вторых, социальный капитал, накопленный на уровне всего общества в СССР использовался как в продукционных целях, так и для преимущественной реализации эгональных социально-экономических интересов класса государственных управленцев, с учетом (во вторую очередь) эгональных экономических инте-

ресов рабочего класса. Экономические потребности других социально-классовых субъектов удовлетворялись в последнюю очередь. И, в-третьих, поскольку социальный капитал субъектов накапливался в незначительных количествах, они не могли организованно выступить с целью изменения сложившейся в обществе системы экономических интересов. Последнее во многом предопределило высокую степень диссипативности советской экономической системы, персонифицированной в социально-классовой структуре.

Следует отметить, что проведение индустриализации и создание качественно новой технологической базы производства обусловило и формирование адекватной ей профессиональной структуры. Этот процесс сопровождался значительными перемещениями населения и привлечением к индустриальному труду большого количества вчерашних крестьян.

Осуществление, начиная с 20-х гг., сплошной коллективизации сельского хозяйства (то есть преобразование мелких, единоличных крестьянских хозяйств в крупные государственные (совхозы) и коллективно-государственные (колхозы) хозяйства вызвало существенное изменение в характере профессиональных функций отдельных работников. Это, прежде всего, заключалось в замене крестьянина-единоличника, который выполнял все трудовые функции в своем хозяйстве один (или с привлечением членов своей семьи) на колхозного крестьянина, который был вовлечен в процесс внутриколхозного разделения труда. Иначе говоря, последний мог быть строителем, животноводом, полеводом, работать в конторе, а также быть бригадиром, председателем колхоза, звеньевым или же простым работником. С приходом в деревню техники, различные профессиональные группы внутри колхозов и совхозов стали различаться характером труда еще существенней. Кроме того, осуществление коллективизации означало значительное уменьшение хозяйственной самостоятельности (по сравнению с доколхозным периодом) работников сельского хозяйства.

Сложившаяся в конце 30-х гг. профессиональная структура советского общества, подвергаясь незначительным модификациям (в соответствии с происходящими структурными сдвигами в общественном производстве), просуществовала до недавнего времени. Генезис данной структуры по П. Н. Федосееву, может быть представлен в следующем виде: табл. 8.1 «Распределение занятого насе-

ления СССР по основным профессиональным группам (примерная оценка, % к итогу)».

Имущественная и объемно-правовая структуры советского общества также в основном сформировались в период индустриализации и коллективизации. Именно на протяжении конца 20-30-х гг. в СССР остались практически две формы собственности на хозяйственные блага: государственная и колхозно-кооперативная. Это сопровождалось присвоением государством все больших прерогатив собственников. Именно в 30-е гг., как отмечается в литературе, «...сложилась планово-директивная система хозяйствования и управления, просуществовавшая более полувека. Для нее характерны регулирующие функции плана во всем хозяйственном механизме»⁴³⁷.

Как результат данной эволюции отношений собственности и социально-экономического определения, в советском обществе государство стало верховным собственником подавляющей части хозяйственных благ. Остальные хозяйственные блага (официально не относимые к «общественной», то есть государственной собственности) также в немалой степени контролировались (то есть в отношениях их осуществлялась такая прерогатива собственника как распоряжение, а иногда и пользование теми или иными объектами собственности). Примером этому может служить колхозно-кооперативная собственность, собственность общественных организаций и т.д.

В этот же период «важным рычагом воздействия на хозяйствующих субъектов, централизации материальных и денежных ресурсов, - пишет В. В. Радаев, - становился ограниченный доступ к информации»⁴³⁸. Причем производители не только не имели возможность получать достоверные данные о потребительском спросе, но и полную информацию об уже принятых решениях административных органов.

⁴³⁷ Очерки экономических реформ / Ю. Ф. Воробьев, Р. А. Белоусов, С. Н. Петликина и др.; отв. Ред. Воробьев Ю. Ф. // РАН, ин-т экономики, Акад. экон. наук и предпринимательской деятельности России. - М., Наука, 1993. - С.23.

⁴³⁸ Радаев В. В. Хозяйственный мир России: советское общество // Российский экономический журнал. - 1996. - №4. - С.69.

Функции государства как собственника персонифицировались в классе государственных управленцев. Поддержка большинством населения в 30-е гг. XX века, как нами уже отмечалось, политики индустриализации благодаря верно выбранной коммунистической партией идеологической позиции обеспечили жизненность данной социально-экономической системы. Сложившаяся и принятая большинством населения система политических и идеологических отношений способствовала стабилизации советской экономической модели (государственного капитализма).

Уже с первой пятилетки коммунистическая партия играла в работе государственных органов активную роль, постепенно вытеснив эти органы с ключевых позиций. А после претворения в жизнь решений XVIII партконференции (1941 г.) руководящие партийные органы превратились в государственные структуры с идеологической окраской.

Именно в 30-е гг. управленцы из класса-слоя превратились в собственно социальный класс. Одновременно все остальные социально-классовые субъекты становятся классами-слоями или дистрахо-классами. Однако причина здесь не в том, что как отмечает, например, О. С. Осипова: «в советском обществе, для которого была характерна директивная модель, экономические классовообразующие механизмы заменялись внеэкономическими, административно-волевыми»⁴³⁹. Процесс образования социальных классов естественно-экономический процесс и зависит от административно-волевых решений очень опосредованно (выше раскрыт механизм этого влияния через развитие, присвоение и капитализацию социального потенциала общества и самого этого социального класса). Поэтому приведенная точка зрения данного автора хотя и является достаточно распространенной в настоящее время, но ввиду крайнего упрощения сущности социально-классовых явлений ведет к их примитивно механистическому рассмотрению. Естественно, что с таким подходом нельзя согласиться.

То, что практически все реально существующие социальные классы не смогли в этот исторический период оформиться в собственно социальные классы, а остались на уровне классов-слоев было

⁴³⁹ Осипова О. С. Социальная стратификация и политика. - Гомель: Белорус. ин-т инженеров ж.-д. Транспорта, 1993. - С.60.

обусловлено тем, что класс управленцев сумел навязать подавляющей части населения нужную ему идеологию, а так же создал такую политическую организацию общества, которая позволяла ему монополизировать право на заявление экономических и политических интересов всех социально-классовых общностей. Все это было воплощено в советской институциональной матрице, опирающейся на коммунальную материально-технологическую среду, которая могла эффективно функционировать только в условиях сохранения описанной выше системы воспроизводства и распределения в обществе социального капитала.

Сложившаяся в это время в СССР административно-командная система управления низводила людей до положения «винтиков» государственного механизма. Завершилась бюрократизация советского общества («...бюрократизация общества - это не что иное, как превращение высших его слоев в чиновников»⁴⁴⁰), что неминуемо ознаменовалось увеличением социального статуса высших слоев общества⁴⁴¹. Фактически, все общество, как уже отмечалось, по объемно-правовому критерию было реально разделено на две большие группы (причем это деление в почти неизменном виде сохранилось до конца 80-х гг.). Индивиды, входящие в первую группу, монополизировали все важнейшие управленческие функции в обществе, власть, информацию и т.д. Данный класс (класс государственных управленцев) обладал монопольной собственностью на ряд социально значимых профессий, на экономические условия производства и лучшие предметы потребления. Соответственно, произошла концентрация прав и власти в обществе у индивидов, входящих в данный класс. Индивиды, входящие во вторую группу (группу «обделенных»), не выполняли никаких управленческих функций, они были лишены собственности на экономические условия производства и лучшие предметы потребления. Люди, входящие в данную группу, были лишены власти и социально важной информации. Они так же были лишены средств и условий для заявления и отстаивания своих интересов, то есть в политических отношениях они абсолютно бесправны. Одновременно с названным процессом в обществе сформировалось мнение, что только физический труд яв-

⁴⁴⁰ Вебер А. Чиновник // Социологические исследования. - 1988. - №6. - С.121.

⁴⁴¹ Вебер А. Чиновник // Социологические исследования. - 1988. - №6. - С.122.

ляется производительным, что выступало ментальной основой господствующей в этот период марксистско-ленинской идеологии.

В 30-е гг. XX века в СССР существовали следующие социальные классы и классоподобные группы: государственные управленцы («номенклатура»), рабочий класс, служащие силовых структур, колхозное крестьянство, интеллигенция, кустари и ремесленники (исчезающий класс), служащие не специалисты, пенсионеры, криминалы (синкретичный класс), дети. Начало формирования криминалов в классоподобную группу, с накоплением в ней социального капитала, относится к периоду конца 10-30-х гг. Осознание этой группой своих интересов и институционализация ее внутренней структуры завершились в 40-50-е гг. одновременно со становлением института воров в законе.

В советском обществе к группе государственных управленцев могут быть отнесены: ответственные работники аппарата политического управления обществом, руководители предприятий и т.д. Так, численность работников аппарата управления в СССР в 1988 г. составила 14890 тысяч человек, что составляет 12,7% от общего количества занятых⁴⁴². Данная социальная группа уже к концу 20-х гг. (в связи с усилением тоталитаризма в обществе) превратилась из возможного класса (П. Бурдые) или класса-слоя в социальный класс. П. Бурдые писал по этому поводу, что «концентрация политического капитала нигде не бывает столь высокой..., как в партиях, которые ставят своей целью борьбу против концентрации экономического капитала»⁴⁴³. Доминирующее положение класса управленцев в советском обществе, как уже отмечалось выше, было обусловлено занятием ими господствующего положения в профессиональной, объемно-правовой и имущественной структурах (и, соответственно, в трудовых отношениях, в отношениях социально-экономического определения и собственности). М. Джилас и его последователь М. Восленский справедливо относили управленцев в советском обще-

⁴⁴² Народное хозяйство СССР в 1988 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. - М.: Финансы и статистика, 1989. - С.37.

⁴⁴³ Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. (Сост., общ., ред. и предисл. Н.А. Шматко.). - М.: Socio - Logos, 1993. - С.186.

стве к «новому классу», под которым понималась властная элита, организованная посредством номенклатурной системы⁴⁴⁴.

Класс управленцев по мере развития советского общества все больше приобретал черты класса-сословия, то есть становился социальной группой, «обладающей закрепленными в обычае и законе и передаваемыми по наследству правами и обязанностями»⁴⁴⁵. Практически сбылось предсказание Г. В. Плеханова, который предупредил, что если революционное правительство «...будет искать спасение в идеалах патриархального и авторитарного коммунизма, ...то национальным производством будет заведовать социалистическая каста»⁴⁴⁶.

Следует согласиться с мнением Б.Т. Лычко, что не рабочий класс, не партия в целом, как утверждали ранее советские ученые, а класс управленцев играл ведущую роль в обществе⁴⁴⁷. Фактически все остальные социально-классовые общности перестали играть роль субъектов в политике и были ущемлены в реализации прерогатив собственником. В данном контексте правомерно высказывание В.В. Радаева и О.И. Шкаратана, что в советском обществе можно говорить об элементах сословной стратификации, связанной с объемом прав и обязанностей перед партократическим государством.⁴⁴⁸ Таким образом, приведенный тезис также подтверждает наше утверждение, что класс государственных управленцев в советском обществе единственный сформировался в социальный класс, другие же социально-классовые субъекты не вышли в своем развитии за рамки класса-слоя или возможного класса. Однако такое монополично привилегированное социально-экономическое, политическое положение этого класса, доступ в который был существенно затруднен, создавало условия для его вырождения правящей элиты советского

⁴⁴⁴ Восленский М. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза - London: Overseas Publications. Interchange Ltd., 1985; Djilas M. The New Class: An Analysis of the Communist System. - London: Ithames and Hudson, 1957.

⁴⁴⁵ Осипова О. С. Социальная стратификация и политика /Белорус. ин-т инженеров ж.-д. транспорта, каф. философии, истории и политологии. - Гомель, 1993. - С.64.

⁴⁴⁶ Плеханов Г. В. Первые фазы учения о классовой борьбе // Избранные философские произведения. - М., 1956. - Т.2. - С.481.

⁴⁴⁷ Лычко Б. Т. Общественные группы как субъекты и объекты политики // Основы социологии: (Курс лекций). - Харьков: ХГУ, 1992. - С.107.

⁴⁴⁸ Радаев В. В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. Учеб. пособие для вузов. - М.: АспектПресс, 1996. - С.197-213.

общества. Когда к началу 80-х гг. XX века моральная и профессиональная деградация партийно-государственной бюрократии стала очевидна большинству населения страны, начался процесс резкого сокращения уровня социального капитала на уровне общества, приведшее в конце концов к крушению советской социально-экономической системы.

Следует также отметить, что в СССР существовала значительная внутриклассовая дифференциация интеллигенции. В данном социальном классе в зависимости от места в имущественной структуре (в отношении собственности) могут быть рассмотрены две социально-классовых группы. В первую, как отмечает известный американский социолог А. Инкельс, входит высший слой интеллектуалов, состоящий из выдающихся ученых, деятелей искусства и литературы⁴⁴⁹. По имущественному положению (с точки зрения пользования хозяйственными благами) они примыкали к классу государственных управленцев, хотя между ними существовала существенная дифференциация в объемно-правовой структуре. Ко второй социально-классовой группе следует относить всех интеллигентов, не вошедших в первую. Такое положение вещей было обусловлено тем, что в 30-50-е гг. прошлого века, когда советская экономика шла по инновационному пути развития, государственные управленцы, исходя из целей повышения эффективности народнохозяйственного комплекса и обороноспособности страны за счет широкого применения НТП, пошли по пути существенного материального и морального стимулирования труда ученых. С началом эпохи «застоя», с вырождением правящей государственной элиты, которая удовлетворяла свои сиюминутные эгональные частноклассовые экономические интересы за счет всех слоев общества, в том числе и за счет оплаты труда научных кадров, педагогов и т.д., развитие СССР перестает быть ориентированным на ускоренное применение достижений НТР, усиливается экологическая нагрузка, возрастает количество и масштабы техногенных катастроф.

В условиях сложившейся системы социально-экономической дискредитации и дискриминации науки (когда к ней относились не как к единственно возможному источнику роста, а как к нахлебни-

⁴⁴⁹ Inkels A. A social structure and mobility in the Soviet Union, 1940-1950 // Social Stratification / Ed. by New York, 1974. -P. 509-510.

ку), в эпоху горбачевской перестройки, в период 1985 - 1991 гг., выдвинутый тогдашним руководством СССР курс на ускорение экономического развития страны, которое должно было сопровождаться существенными структурными сдвигами в общественном производстве, был невыполним. Более того, полностью отсутствовало финансирование научного сопровождения мероприятий по проведению «перестройки».

Естественно, что в конце 80-х гг. проявилась тенденция к ухудшению основных экономических показателей. В 1989 г. в целом промышленное производство по стране возросло лишь на 1,7% против 2,5% по плану⁴⁵⁰. Недоиспользование производственного потенциала в промышленности в этот период нанесло ущерб государству в размере около 19 млрд. рублей, а темп прироста производства составил только 1,3%⁴⁵¹. В 1990 - 1991 гг. экономическая ситуация в СССР отличалась абсолютным спадом масштабов производства и снижением уровня жизни. Валовой национальный продукт снизился за три квартала 1991 г. на 12% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года; произведенный национальный доход за этот период - на 13% по сравнению с соответствующим периодом 1990 г. (в 1990 г. по сравнению с 1989 г., снижение было на 4%); производительность общественного труда уменьшилась на 12% по сравнению с тремя кварталами 1990 г. (в 1990 г. снижение за год по сравнению с 1989 г. было 3%)⁴⁵². Негативность экономической ситуации дополнялась ростом потребностных ожиданий населения, снижением уровня социального капитала на уровне общества и распадом СССР, активным ростом классового самосознания и накоплением социального капитала на уровне социально-классовых групп, классов и классоподобных групп, усилением классовой борьбы в

⁴⁵⁰ Реформирование России: мифы и реальность (1989-1994). Авторы-составители: Г. В. Осипов, В. Н. Иванов, В. В. Локосов и др. / Ин-т социал.-полит. исслед. РАН. - М.: Ред.-изд. фирма Academia, 1994. - С.21.

⁴⁵¹ Реформирование России: мифы и реальность (1989-1994). Авторы-составители: Г. В. Осипов, В. Н. Иванов, В. В. Локосов и др. / Ин-т социал.-полит. исслед. РАН. - М.: Ред.-изд. фирма Academia, 1994. - С.21.

⁴⁵² Реформирование России: мифы и реальность (1989-1994). Авторы-составители: Г. В. Осипов, В. Н. Иванов, В. В. Локосов и др. / Ин-т социал.-полит. исслед. РАН. - М.: Ред.-изд. фирма Academia, 1994. - С.44.

обществе. Этот процесс сопровождался небывалым ростом криминализации общества.

На последнем остановимся несколько подробнее. Дело в том, что как в конце 80-х гг. прошлого века, так и поныне, экономическая теория по целому комплексу причин не рассматривает группу криминалов как специфического социально-экономического субъекта, способного успешно отстаивать свои социально-экономические интересы. Поэтому, прежде чем перейти к дальнейшему описанию процесса эволюции социально-классовой структуры, следует сделать ряд методологических уточнений.

К классоподобной группе криминалов относятся индивиды, основным источником дохода которых является преступная деятельность (то есть наиболее существенное нарушение законности и правопорядка, влекущее за собой уголовное наказание) или же лица, отбывающие наказание в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях. Отличительной особенностью криминалов, как социально-классового субъекта, является откровенное и всячески подчеркиваемое неприятие всей (или практически всей) существующей системы государственно-санкционированных правовых норм. Таким образом, по объемно-правовому признаку криминалы занимают уникальное место в социально-классовой структуре общества.

Следует не согласиться с А. Инкельсом, который выделял в отдельную социальную общность только тех криминалов, которые находились в «трудовых лагерях» на том основании, что они были вынуждены «работать бесплатно»⁴⁵³. Появившаяся в последние 20 лет литература, посвященная данной проблеме⁴⁵⁴, свидетельствует:

⁴⁵³ Inkels A. A social structure and mobility in the Soviet Union. 1940-1950 // Social Stratification / Ed. by New York, 1974. -P.512.

⁴⁵⁴ Антонян Ю. М., Пахомов В. Д. Организованная преступность и борьба с ней // Советское государство и право. - 1989. - №7. - С.65-73; Белокуров О. В. Организованная преступность: история развития и формы проявления // Вестник Московского университета. Сер.11, Право, 1992. - №4. - С. 52-58; Гуров А. И. Воры в законе на воле и в «зоне» // На боевом посту. -1989. - №10. - С. 46-50; Гуров А.И. Организованная преступность и методы борьбы с ней. - М.: Правление всесоюзного общества «Знание», Консультационный центр, 1989; Забрянский Г. И. Преступность, как отражение социальной действительности // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право, 1990. - №3. - С.45-53; Подлесских Г. Ю., Терешонок А. Я. Воры в законе: бросок к власти. - М.: Худож. лит., 1994; Хомяков Г. Ф. Наказа-

во-первых, о неразрывной связи криминалов «на воле» и «в зоне»; во-вторых, о существовании жестких норм, предписывающих одинаковые стереотипы поведения для представителей преступного мира не зависимо от места их нахождения; в-третьих, что главная отличительная особенность криминалов - насильственное (или обманное) государственно не санкционированное присвоение потребляемой криминалами части совокупного общественного продукта происходит главным образом не в местах лишения свободы. Именно данное присвоение является отличительной особенностью криминалов как социально-классовой общности.

Поскольку в обществе существуют индивиды, обладающие комплексом навыков и средств, необходимых для преступной деятельности, а так же получающие от этой деятельности основные средства к существованию, правомерно говорить о профессиональной преступности. В зависимости от того, занимается ли индивид преступной деятельностью персонально или в группе, через определенный промежуток времени у него сформируется общекриминальный профессионализм, то есть «... совокупность личных знаний, физических и интеллектуальных умений или доведенных до автоматизма навыков, сформировавшихся в основном в ходе или в связи с криминальной деятельностью субъекта и используемых для совершения преступлений»⁴⁵⁵. Ярким примером этому служат преступления многих воров – «карманников», различные виды мошенничества и прочее.

Наряду с общекриминальным профессионализмом относительно широкое распространение получил специализированный преступный профессионализм. Последний лежит в основе организованной преступной деятельности, базовым элементом которой служат хищения должностных лиц, контрабанда и прочее. «Процесс формирования специализированного криминального профессионализма проходит параллельно с позитивной деятельностью человека и на ее основе, - отмечает В.И. Куликов, - внутреннюю сущность этого

ние лишением свободы // Социологические исследования, 1989 - №2. - С.75-83 и др.

⁴⁵⁵ Куликов В. И. / Криминальный профессионализм как элемент организованной преступной деятельности / Вестник Московского Университета. Сер. 11. Право, 1992. - №5. - С.26.

криминального явления представляет совокупность: опыта, полученного в процессе позитивной деятельности; образования и обширных специальных знаний; приобретенного в связи с этим определенным должностным положением в сфере производства или управления; личных, полученных за плату, в обмен на покровительство общекриминальных знаний и связей, нацеленных субъектом на непрерывное обогащение и приобретения власти над людьми»⁴⁵⁶. Это свидетельствует о возникновении на рубеже 80-90-х гг. прошлого века в классе государственных управленцев маргинальной группы, тяготеющей к группе криминалов.

В обществе переходного периода группа криминалов стремится упрочить свои позиции в социально-экономической жизни общества и если это ей удастся, то экономическая система общества начинает принимать явно выраженные криминальные черты (например, такая ситуация сегодня наблюдается в Украине и России).

⁴⁵⁶ Куликов В. И. / Криминальный профессионализм как элемент организованной преступной деятельности / Вестник Московского Университета. Сер. 11. Право, 1992. - №5. - С.26.

8.2. Эволюция социально-классовой структуры Беларуси и России в 1991-2012 годах

Распад СССР, не соответствовавший экономическим интересам большинства населения Советского Союза (поскольку это неизбежно вызывало разрушение устоявшейся системы внутрисоюзного разделения и кооперации), тем не менее, был воспринят достаточно большим количеством советских граждан как позитивное событие. Главная субъектная причина этого - резкое снижение социального капитала на уровне общества. Во многом повторилась ситуация 1917-1922 гг., конечно же, не в столь кровавых формах как после октябрьской революции, но сопровождаемая все тем же накоплением социального капитала на региональном и частно-групповом уровнях. Усиление классовой, национальной борьбы и быстрый (часто криминальный) передел собственности, когда эгональное стремление увеличить свое, частное материальное богатство со стороны правящей элиты значительно снизило продукционную отдачу экономической системы общества. В Беларуси и других постсоветских странах начинается экономический кризис, который сопровождается значительным абсолютным снижением ВВП на душу населения, отставанием по этому показателю даже от таких стран третьего мира как Венесуэла, Аргентина и т.д., а также увеличением технологического разрыва с индустриально развитыми государствами

Усиливающаяся в Беларуси классовая борьба, сопровождаемая массовыми выступлениями рабочего класса, на фоне перманентной деградации экономической системы и «грубыми» (неумелыми) попытками привнесения в страну рыночных институтов в формах, не соответствующих основным направлениям развития современной цивилизации, коммунальной материально-технологической среде, белорусской культуре и базовым институтам, привела к разочарованию в рыночных реформах большинства населения. В начале 90-х гг. сложившаяся социально-экономическая ситуация соответствовала интересам таких общностей как государственные управленцы (в это время произошло становление национальной бюрократии как социального класса), криминалы (достигшие своей максимальной социально-экономической силы, достаточной для криминализации

значительной части экономики), предприниматели и зарождающиеся частные собственники (многие из которых были «теневиками» и/или относились к компрадорской буржуазии).

В этот период в России на фоне тех же социально-экономических и институциональных проблем (усиление классовой борьбы, деградации экономической системы, безграмотная и безответственная политика «шоковой терапии» и т.д.) начинает формироваться олигархическая республика, то есть эволюция экономической системы и социально-классовой структуры общества происходит в направлении преимущественной реализации монопольных интересов. Социально-классовая структура Российской Федерации, так же как и в Республике Беларусь, характеризовалась усилением влияния таких агрегированных социально-экономических субъектов как государственные управленцы, криминалы, предприниматели и частные собственники.

По нашему мнению 1995 г. стал годом, когда направления эволюции белорусских и российских национальных институциональных моделей пошли в разных направлениях. Республика Беларусь пошла по пути построения социально-ориентированной рыночной экономики (на первом этапе которого стояла задача стабилизации экономики и обеспечения условий для физического и социального выживания населения, что естественно сопровождалось усилением уравнилельной социально-экономической системной детерминацией). Российское руководство в этот период выбирает иной, либерально-рыночный путь развития, характеризующийся усилением монопольной социально-экономической системной детерминации, перманентным (самовоспроизводящимся) обнищанием большинства населения и постоянным увеличением разрыва в доходах децельных групп.

Возможность такого широкого выбора пути развития была предопределена спецификой того, что в этот период наши страны относились к типу социальных систем, определяемых категорией «общество переходного периода», которое отличается повышенным динамизмом социальных и экономических процессов. Представляется правомерным понимание постсоветской реальности (общества переходного периода) «как времени и пространства качественных,

революционных трансформаций»⁴⁵⁷, что позволяет сделать ряд существенных выводов, в частности, «зафиксировать, что содержанием переходной экономики является не столько реформирование экономической политики и методов хозяйствования, сколько преобразование системы социально-экономических отношений. Меняются практически все слагаемые экономики: способ аллокации ресурсов и отношения собственности, тип воспроизводства и модели мотивации, цели и средства экономического развития, институты и право»⁴⁵⁸. Профессор А. Бузгалин отмечает по этому поводу: «основной детерминантой социально-экономических процессов в переходном обществе служат неэкономические факторы развития; экономические факторы создают лишь «область допустимых значений» трансформации. Обоснование достаточно просто: качественные изменения в экономике осуществляются на объективной основе, но субъективными методами»⁴⁵⁹. Таким образом, «складывающаяся как продукт противоречия инерционности и качественных изменений и под определяющим воздействием неэкономических факторов переходная экономика не может не быть неустойчивой, нестабильной»⁴⁶⁰.

Для переходной экономики в целом характерна, как справедливо отмечал В. В. Радаев: «неустойчивость, альтернативный характер развития, резко возрастающая роль субъективного фактора»⁴⁶¹. Соответственно возрастает, по сравнению с непереходными системами, вероятная погрешность при выборе оптимального пути социально-экономического развития. Форма государственного управления, наличие (или отсутствие) национального лидера, его личность, цели, которые он ставит перед собой и страной, способность управлять национальной бюрократией и т.д. – вот то, что предопределяет

⁴⁵⁷ Бузгалин А. Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. – 1995. - №2. - С.40.

⁴⁵⁸ Бузгалин А. Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. – 1995. - №2. - С.40.

⁴⁵⁹ Бузгалин А. Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. – 1995. - №2. - С.40.

⁴⁶⁰ Бузгалин А. Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. – 1995. - №2. - С.41.

⁴⁶¹ Радаев В. В. Закономерности и альтернативы переходной экономики // Российский экономический журнал. - 1995. - №9. - С.64-65.

в переходных системах существенные характеристики институциональных матриц и, соответственно, направления и темпы проводимых реформ.

В 1995 г. в Республике Беларусь достигается макроэкономическая стабилизация и создаются определенные предпосылки для экономического роста (в Российской Федерации такая стабилизация была достигнута в 1999 г.) Это было обусловлено, прежде всего, тем, что сформировавшаяся на почве неприятия прежнего пути социально-экономического и политического развития, по которому пошла Беларусь в начале 90-х гг., социально-классовая группировка обеспечила приход к власти Президента А.Г. Лукашенко, что обеспечило изменения социального и экономического курса развития страны. Эта группировка, легко возникшая путем объединения таких социальных классов и социально-классовых групп как рабочий класс, крестьянство, интеллигенция и пенсионеры с целью совместной борьбы против доминирования экономических государственных управленцев, предпринимателей, частных собственников и криминалов, не могла быть долговечной. Естественным образом, после выполнения своей функциональной задачи она распалась, поскольку субъекты в нее входящие обладали различными социально-экономическими интересами.

Экономика в Беларуси становится смешанной экономикой с большим разнообразием поведения, что достигается аккумуляцией и сохранением наиболее ценного из существующих социальных форм деятельности, к какому бы социальному укладу они не относились. При этом смешанной экономикой называется экономика, главными целями которой является достижение определенного уровня развития индивида и общества в области науки, культуры и нравственности, качества жизни и устойчивого развития. Воспроизводство человека как личности, способного к эффективному труду и рациональному материальному потреблению, укрепление семьи как базового социального института, оптимизация социальной структуры, решение демографических проблем, повышение жизнеспособности социума в целом составляют важнейшие ценностные ориентиры функционирования смешанной экономики. Сказанное реализуемо, только если постоянно применяются социальные приемы межгруппового и внутригруппового компромисса, способствующие постоянному наращиванию социального капитала на уровне обще-

ства в целом, - система культурных ценностей, мораль, право, методы социальной эксплуатации, цели и формы классовых конфликтов; в итоге хозяйственные и политические задачи могут решаться ценой относительно меньших социальных потрясений⁴⁶². При таком подходе достижение заявленных целей смешанной экономики невозможно без целенаправленного и последовательного регулирования социально-классовых отношений и наращивания социального капитала как на уровне всего общества, так и в тех экономических субъектах, которые используют данную форму капитала преимущественно в продукционных целях.

Новый экономический курс в Республике Беларусь, начатый с приходом к власти А.Г. Лукашенко, заключался в развитии социально-ориентированной модели рыночной экономики, когда государство стремится обеспечить всем своим гражданам определенные базовые социальные и экономические гарантии. В этот период белорусский социум по-прежнему остается переходной социальной системой, отличающейся динамизмом социальных и экономических процессов. Естественно, что это вело к дополнительным сложностям (наряду с собственно гносеологическими) при построении сценариев социально-экономического развития страны. Любой научный прогноз относительно перспектив развития данной модели будет неизбежно носить вероятностный характер, что предопределяется, во-первых, полифакторностью данного процесса, во-вторых, неудовлетворительным состоянием отечественной социально-экономической статистики и, в-третьих, неразвитостью самого сценарного подхода.

Как справедливо отмечается в литературе «сценарный подход как направление исследования социально-экономических систем находится сейчас... в фазе своего становления»⁴⁶³. Об этом свидетельствует как признание многими исследователями необходимости ис-

⁴⁶² Васюченко Л. П., Гаврилюк В. В., Забелова И. В. и др. Характер, структура и факторы формирования экономических отношений. - Мн.: Наука и техника, 1992. - С.71-74; Медведев Е. К. Категории теории собственности (очерки методологии). - Мн.: Право и экономика, 2000. - С.54-59, 86-88.

⁴⁶³ Шибалкин О. Ю. Проблемы и методы построения сценариев социально-экономического развития. / РАН, ин-т народнохозяйственного прогнозирования. - М.: Наука, - 1992. - С.9.

пользования данного метода, так и существование разночтения при его реальном применении⁴⁶⁴.

Экономическая система общества переходного периода носит «внесистемный» характер, то есть в ней не действуют в полной мере экономические связи ни прошлой, ни будущей ступени. Социально-экономические институты этого периода представлены остатками старых форм, элементами новой фазы, а также переходными (смешанными) формами и отношениями. В результате этого направление эволюции социально-экономических отношений формируется под воздействием двух тенденций: с одной стороны - преемственностью с прежней структурой (инертностью), с другой - необходимости преимущественного развития новых субъектов и отношений. Для переходной экономики в целом характерна, как справедливо отмечает В. В. Радаев: «...неустойчивость, альтернативный характер развития, резко возрастающая роль субъективного фактора»⁴⁶⁵.

В результате этого и ряда других причин, первоначально белорусская экономическая модель создавалась методом проб и ошибок, что несколько повышало транзакционные издержки. Тем не менее, этот путь развития, адекватный сложившейся социально-экономической ситуации, коммунальной материально-технологической среде, белорусской культуре и базовым институтам, привел к росту социального капитала на уровне общества в ряде социальных классов (которые начинают осознавать свои реаль-

⁴⁶⁴ Майминас Е. З., Тамбовцев В. Л., Фонов А. Г. К методологии обоснования долгосрочных перспектив экономического и социального развития СССР // Экономика и математические методы. - 1986. - Т. XXII. Вып. 2. - С. 207-219; Фелингер А. Ф. Статистические алгоритмы в социологических исследованиях. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 152; Фонов А. Г. Ресурсный потенциал: планирование, управление. - М.: Экономика, 1985; Ясин Е. Г. О проблемах согласования компонентов хозяйственного механизма // Экономика и мат. методы. - 1982. - Т. XVIII, Вып. 3. - С. 389-400; Amara R., Lipinski A. Business planning for an uncertain; Contemporary social problems. New York: Columbia univ. press, 1976. - P. 54-66; Handbook of futures research / Ed. by J. Fowles. - New York: Plenum press, 1978; Kahn H. World economic development: 1979 and beyond. - New York: Acad. Press, 1979; Kahn H. Wiener A. The year 2000: A framework for speculations on the next 33 years. - New York: Morrow & Co, Inc., 1967; Mesarovic M., Pestel E. Mankind at the turning point: The second report to the Club of Rome. - New York: Acad / Press, 1974; The Delphi method: Techniques and applications / Ed. by H. Linstone. - L., 1975.

⁴⁶⁵ Радаев В. В. Закономерности и альтернативы переходной экономики // Российский экономический журнал. - 1995. - № 9. - С. 64-65.

ные экономические интересы и оформляются в собственно социальные классы, как, например, рабочий класс) и хозяйственных субъектов, обеспечил устойчивый рост белорусской экономики, улучшение ее структуры, повышение доходов большинства населения и т.д. Вместе с тем, названные позитивные процессы в Республике Беларусь сопровождались усилением уравнительных интересов, которые постепенно начинают детерминировать белорусскую социально-экономическую систему в коммуноцентрическом направлении. Объективной предпосылкой для этого выступила коммунальная материально-технологическая среда и адекватные ей базовые институты.

По нашему мнению, для ослабления уравнительных тенденций в подобных системах и экономически оптимальному развитию рыночных отношений в отличие от систем, базирующихся на некоммунальной материально-технологической среде, необходимо не только создавать институциональные условия для функционирования мелких и средних предпринимателей, но и разрабатывать специальные государственные программы по убеждению населения (особенно в сельской местности, малых городах и экономически депрессивных регионах) заниматься коммерческой деятельностью. Так, например, было бы целесообразно разработать концепцию развития предпринимательства в сельской местности, включающую в себя: проведение системных мероприятий по убеждению временно (и/или постоянно) неработающего населения заняться индивидуальным предпринимательством; проведение за счет бюджета обучения на добровольной основе индивидуальных предпринимателей (или желающих ими стать) основам юридической и экономической грамотности; создание на районном уровне системы обязательного информирования лиц, желающих заниматься индивидуальной предпринимательской деятельностью, о ситуации на местном рынке тех услуг, которые они собираются оказывать, или тех товаров, которые они хотят производить с тем, чтобы снизить предпринимательские риски; разработки системы льготного кредитования для малого бизнеса на селе на основе экспертной оценки финансовой состоятельности кредитуемых проектов и т.д.

В Российской Федерации, как нами уже отмечалось, в постсоветский период началось формирование либерально-рыночной экономической системы общества. Результатом этого явилось обнищание

населения и опережающий рост доходов олигархов и коррумпированной части государственных управленцев, сопровождаемое перманентным переделом собственности между олигархическими группировками и усилением криминализации общества на фоне военных поражений российской армии в региональных конфликтах. Такая ситуация привела к снижению социального капитала на уровне общества, который в этот период был присвоен российской государственной и корпоративной бюрократией и использовался преимущественно не в продукционных общественных целях, а для оптимизации частно-классового и частно-группового монопольного присвоения национального богатства. В этот же период государственные управленцы накапливают значительный социальный капитал на классовом уровне. Естественно, что это не устраивало значительную часть российского общества (в частности рабочий класс, крестьянство, мелких и средних предпринимателей и менеджеров, значительную часть интеллигенции, часть государственных управленцев). В этих социально-экономических и институциональных условиях возникает социально-классовая группировка, которая избирает в 2000 г. президентом Российской Федерации В.В. Путина.

Новому российскому президенту пришлось не только бороться с самоуправством федеральной и местной государственной бюрократии, которая, используя накопленный ими социальный и экономический потенциал, долгое время успешно противостояла всем попыткам В.В. Путина ограничить их личное и классовое обогащение, а также уменьшить социально-экономическую власть олигархического капитала. Не смотря на то, что эти попытки увенчались лишь частичным успехом, на президентских выборах в 2004 г. за В.В. Путина по данным Центральной избирательной комиссии РФ проголосовали 71,31% участвовавших в голосовании. После этих выборов в Российской Федерации началось ускоренное формирование новой национальной экономической модели, которая в большей степени, чем предыдущая, соответствовала коммунальной материально-технологической среде. Вместе с тем, несмотря на явные успехи (особенно в последние два года) в усилении социальной направленности российской экономики, государственной поддержки сельского хозяйства, отечественной промышленности и науки, что сопровождается опережающим ростом социального капитала на уровне общества, в стране продолжают действовать тенденции по присвое-

нию социального капитала, накопленного на уровне общества классом государственных управленцев. При этом следует подчеркнуть, что и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь слишком медленно происходит структурная и институциональная перестройка экономики, без которой невозможен переход к новому качеству экономического роста наших стран и построение нового социально-научного сообщества (формирования инновационной социально-классовой структуры), персонифицирующего постиндустриальный технологический уклад и устойчивое развитие.

Сегодня в Республике Беларусь завершается первый этап развития социально-ориентированной рыночной экономики, на котором государство сумело обеспечить всем своим гражданам определенные базовые социальные и экономические гарантии, что, естественно, способствовало реализации уравнительных интересов и, соответственно, породило у части населения иждивенческие настроения, и продолжается переход ко второму этапу, на котором планируется настроить экономические отношения собственно на труд и на интересы индивидов как носителей трудовых функций, ориентировать социально-экономические и политические отношения на наиболее эффективное производство материальных благ и их непосредственное потребление «по труду», и за счет этого перейти к инновационному пути развития, основанному на широком использовании последних достижений научно-технического прогресса. Наша республика снова оказывается в переходном периоде, для которого характерно резкое возрастание субъективного фактора. При этом возникает необходимость государственного и общественного нивелирования отрицательного воздействия со стороны социальных субъектов, чьи экономические интересы не совпадают, либо совпадают не полностью с созданием в Беларуси социально-научного сообщества и постиндустриальной экономики. При этом следует особо отметить, что как для белорусской, так и для российской (после 2004 г.) институциональных моделей характерно усиление влияния социально-гносеологического фактора на эволюцию социально-классовой структуры общества. При этом возрастают не только положительные эффекты, но и отрицательные последствия от не проработанных до конца реформ (в том числе и с точки зрения комплексной научной оценки последствий от тех или иных решений). Негативным примером такого рода государственных меро-

приятий и для Беларуси и для России сегодня являются реформы системы социальных льгот. Очевидно, что изменение форм и методов социальной помощи населению в наших странах было необходимо, но то, как они начали проводиться, те негативные последствия, которые они оказали на общество (в результате недостаточной проработки организационно-правовых и социально-экономических механизмов их проведения, не понимания рядом чиновников колоссальных общественных последствий от любых ошибок в этой сфере и от бюрократического рвения скорее отчитаться о проделанной работе, забывая о реальных людях), способствовали снижению социального капитала на уровне общества и сокращению социально-классовых группировок, поддерживающих государственную политику. По-видимому, фактическим признанием того, что названные реформы были не до конца проработаны и/или проводятся не лучшим образом со стороны национальных лидеров является то, что и А.Г. Лукашенко и В.В. Путин вынуждены непосредственно вмешиваться в сложившуюся ситуацию, стремясь исправить некоторые очевидные «бюрократические перегибы».

При этом следует учесть замечание И.Е. Дискаина, которое он отнес к России, но которое имеет прямое отношение и к Беларуси. Названный автор отметил, что прежде чем говорить о создании современной рыночной экономики «следует обратить внимание на перспективы становления институциональной среды как необходимого условия для функционирования политической демократии и рыночной экономики... в России в ходе трансформационного процесса сложилось глубокое макросоциальное противоречие. С одной стороны, функционирование экономических и политических институтов с необходимостью требует становления адекватной институциональной среды, с другой – данный процесс не может опираться на прочную общезначимую хозяйственную и политическую этику, задающую соответствующие нормы поведения и являющуюся моральной опорой для применения санкций за их нарушение. В стране (в Российской Федерации – С.С.) нет ни одного из условий для того, чтобы подобная этика могла выполнять свою макросоциальную функцию. В число таких условий, необходимых для актуализации у большинства населения значимых соответствующих социальных ценностей, входят: прочная историческая традиция приверженности к легальным институтам, прежде всего к соблюдению законов; ис-

искренняя религиозность, обеспечивающая связь этических и религиозных норм; идеологическая мобилизация, увязывающая этические нормы с приверженностью к доминирующей, разделяемой большинством населения идеологической доктрине; доверие к харизматическому лидеру, выступающему в качестве инстанции, устанавливающей и поддерживающей статус этических норм»⁴⁶⁶.

Из вышеназванных условий, а в данном случае И.Е. Дискин по существу ведет речь о главных факторах успешного формирования социального капитала на уровне общества, в Республике Беларусь имеется ряд преимуществ по сравнению практически со всеми постсоветскими странами. Сегодня по уровню коррупции в органах государственного управления, по признанию значительной частью населения, необходимости и полезности соблюдения законов наша страна лидирует в странах СНГ. В Беларуси растет искренняя религиозность населения, строятся новые храмы и туда приходит молодежь. У нас есть харизматический лидер, успешно выступающий в качестве инстанции, устанавливающей и поддерживающей статус этических норм.

Вместе с тем, в республике по-прежнему не создана доминирующая, разделяемая большинством населения, идеологическая доктрина, которая могла бы способствовать идеологической мобилизации общества, обеспечивающей дополнительный устойчивый прирост ВВП. Причин этому несколько: во-первых, по-прежнему наблюдается перераспределение финансовых потоков в пользу традиционных (аграрного, индустриального) технико-технологического укладов, а сферы экономики, формирующие постиндустриальный уклад и непосредственно определяющие уровень развития человеческого капитала и значительно влияющие на социальный капитал (наука, высшие и средние специальные заведения) финансируются по остаточному признаку; во-вторых, по-прежнему продолжается экономическая дискредитация гуманитарных наук, в частности существует устойчивая тенденция преимущественного государственного финансирования прежде всего естественных наук, отдача от которых в приросте ВВП незначительна, т.к. основной прирост ВВП в республике достигается сегодня за счет административного, чело-

⁴⁶⁶ Дискин И. Е. *Хозяйственная система России: проблемы институционального генезиса* // *Общественные науки и современность*. - 1998. - №4. - С.8.

веческого и социального капиталов; в-третьих, недостаточный профессиональный уровень (и/или нежелание продуктивно работать) части государственных управленцев, которые подменяют идеологическую работу формальными отчетами, что приводит к существенному понижению идеологического эффекта, которому способствует деятельность А.Г. Лукашенко; в-четвертых, в стране отсутствует постоянное финансирование работ (и сами они носят спорадический характер) по созданию и постоянному совершенствованию национальной идеологической парадигмы и экономической идеологии. Следует помнить, к чему привело СССР то обстоятельство (наряду, конечно же, с некоторыми другими), что по инициативе Политбюро ЦК КПСС полностью отсутствовало финансирование работ по выработке научного обоснования проводимой перестройки.

Вместе с тем, для повышения экономического, социального и экологического эффекта от социального капитала необходимо, чтобы его накопление на различных иерархических уровнях и группах происходило равномерно, поскольку чрезмерное накопление данной формы капитала субъектами ведет к монополизации экономики и усилению классовых антагонизмов, а на уровне общества способствует формированию уравнилельных структур, повышению роли государственной бюрократии и как результат приводит к государственному капитализму. Без такого оптимального накопления социального капитала ни Беларусь, ни Россия не смогут сформировать инновационные социально-классовые структуры, персонифицирующие переход к социально-научному сообществу, обеспечивающие устойчивое развитие наших социумов и значительное повышение уровня жизни большинства населения.

ЧАСТЬ 3

СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК, ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ И НЕЛЕТАЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ СУБЪЕКТОВ КАК АТТРИБУТЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Глава 9. Рынок как социально-экономический инструмент

В конце прошлого века в отечественной науке значительно снизился интерес к исследованию фундаментальных, основополагающих категорий. Снижение интереса к фундаментальным проблемам породило в белорусской экономической теории засилье «мелкотемья», стремления у многих, даже, безусловно, талантливых и грамотных ученых, тщательно исследовать очень мелкие детали огромного здания, именуемого «экономической системой общества», даже не задавая себе вопросы: «А как устроено здание в целом? Каковы принципы его работы? Что надо сделать, чтобы планируемые преобразования усиливали жизненность нашего социума?» Некоторые ученые-экономисты, а вслед за ними представители СМИ и некоторые политики, предлагали на веру принимать утверждения о необходимости автоматически принимать постулаты западных «экономиксов» и надеяться, что свободная конкуренция (этот экономический флогистон начала девяностых годов прошлого века) автоматически решит наши сегодняшние непростые проблемы. Как результат, в экономической теории, начали возникать работы, исследующие не реальные, а виртуальные социально-экономические отношения. Становятся популярными модели экономического роста ориентированы на рост потребления и вещного накопления без учета необходимости поддержания экологического равновесия, социальной справедливости и устойчивости инновационного развития в целом.

Глобальный институциональный кризис капиталистической экономики, проявившийся через финансовый, экономический, сырьевой и прочие кризисы отрезвил многих ученых и политиков. В мировом сообществе силится понимание необходимости провести ревизию принципов функционирования современных экономических

систем, в том числе и по новому взглянуть на роль социальных факторов в экономике. Было бы не правильно говорить о том, что ранее такие попытки не предпринимались отечественными и зарубежными обществоведами. Естественно они были. Причем достаточно удачные, но зачастую они или игнорировались научным сообществом, или заглушались громким хором либералов-рыночников. В связи с этим, по нашему мнению, существует гносеологическая необходимость в рамках этого исследования сделать ряд замечаний, поясняющий наши взгляды на рынок как на один из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей - снижать транзакционные издержки. Такой подход должен позволить объективно (без вне исторической морализации) рассмотреть границы целесообразного применения рыночного инструментария в экономической системе общества во взаимосвязке с глобальными и национальными цивилизационными тенденциями, институциональной матрицей, материально-технологической средой, экологическим императивом, балансом социально-классовых интересов, социальным капиталом и формами его капитализации в контексте экономической безопасности Республик Беларусь. Следует согласиться с мнением А.Л. Подгайского, яркого представителя цивилизационного подхода в белорусской политической экономии, который, придерживаясь научной традиции «Данилевского-Леви-Строса», трактующей социальное развитие как нелинейный и поливариативный процесс, отметил, что «смысл прогресса в рамках этой традиции (традиции «Данилевского-Леви-Строса» - С.С.) заключается не в нарастающем универсализме исторического процесса, а в умножении разнообразия социальных форм бытия, в позитивных результатах взаимодействия»⁴⁶⁷. При этом необходимо учитывать, что «...ни синергетика, ни цивилизационный подход не отрицают эвристического потенциала исследования общих тенденций, определяющих «лицо» человечества в целом. Но оба направления далеки от того, чтобы признавать за выводами таких исследований абсолютно значимый характер. Они настаивают лишь на универсальности общих принципов самоорганизации социальных систем.

⁴⁶⁷ Подгайский А. Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики// Гуманітарна-економічні науки. - 2008. - № 3 (42). – С. 8

Отвергая представления об обществе как некотором однородном континууме, эти направления рассматривают в качестве истинных субъектов истории все многообразие социальных формирований между обществом и индивидом. Речь идет о том, что универсальные закономерности и черты социально-экономического прогресса в целом находят различное преломление в непреходящем разнообразии социально-экономической действительности»⁴⁶⁸.

На сегодняшний день, несмотря на многовековую историю исследования рыночных отношений общественные науки в целом и экономическая теория в частности так и не смогли выработать единого понимания рынка. «Подходы к его определению сильно различаются, - отмечает В.В. Радаев, - и в результате практически каждому из нас в зависимости от контекста случается называть «рынком» принципиально разные явления»⁴⁶⁹. Вслед за названным автором, попробуем разобраться в используемых сегодня определениях, взяв за основу классификацию представителя французской регуляционистской школы Р. Бойе, который выделяет пять основных концепций рынка⁴⁷⁰.

1. Рынок - это место, где регулярно встречаются продавцы и покупатели и организуется процесс торговли. Таково наиболее старое, пространственно детерминированное понятие рынка. Оно сформировалось еще в XII в., но живо и сегодня. Например, в обыденной речи мы по-прежнему называем так «открытые рынки», подразумеваемая места организации так называемой «внемагазинной торговли». Добавим, что такие места могут быть постоянными и временными, регулируемые и стихийно организованными - сути определения это не меняет.

2. Рынок есть определенная территория, на которой происходят акты купли-продажи. Это более широкое, «географическое» определение, которое привязывает понятие рынка к определенным горо-

⁴⁶⁸ Подгайский А. Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики // Гуманітарна-економічні вісник. - 2008. - № 3 (42). - С. 8-9.

⁴⁶⁹ Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. - М.: ГУ ВШЭ, 2003. - С.19.

⁴⁷⁰ Boyer R. The Variety and Unequal Performance of Really Existing Markets: Farewell to Doctor Pangloss // Contemporary Capitalism: The Embeddedness of Institutions / J.R. Hollingsworth, R. Boyer (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 62-65.

дам, странам, территориям, континентам. Например, мы говорим: «российский рынок», «европейский рынок».

3. Рынок - это суммарный платежеспособный спрос, предъявляемый на определенный вид продуктов и услуг. Данное понимание рынка обозначает уже не территорию, а совокупность потребителей того или иного товара⁴⁷¹. В этом случае, говоря о тех или иных рынках, мы имеем в виду спрос - на труд, на акции, на потребительские товары и т.п.

4. Рынок представляет собой саморегулирующийся механизм спроса и предложения. Здесь хозяйственные агенты сами решают, что производить и по какой цене продавать. Иными словами, рынок характеризуется как сфера, где доминируют конкуренция между независимыми агентами и свободное ценообразование⁴⁷². В этом определении исчезает всякая пространственная, временная или предметная локализация, их место занимает модель, фиксирующая условия, при которых достигается рыночное равновесие.

5. Рынок - это экономическая система, в которой саморегулирующийся рыночный механизм является господствующей формой хозяйства. В данном случае рыночные принципы хозяйственной организации вменяются целым сообществам, именуемым «рыночными обществами»⁴⁷³.

Сегодня «наряду с трактовкой рынка как «территории обмена», - поясняет В.В. Радаев, - используется его понятие как формы хозяйства, уже не столь привязанное к определенному месту. А рядом с ними располагается неоклассическая экономическая концепция «идеального рынка», в которой обмен осуществляется автоматически, без каких-либо сил трения. В последнем случае рынок предстает как механизм спроса и предложения, который действует в любых территориальных или отраслевых контурах. Причем речь идет не просто об агрегированной совокупности индивидуальных актов обмена, но об относительно автономной от остальной части общества и самодостаточной системе со встроенным механизмом саморегу-

⁴⁷¹ Котлер Ф., Армстронг Г., Сондерс Дж., Вонг В. Основы маркетинга. М.: Вильямс, 1998. - С. 28.

⁴⁷² Swedberg R. Markets as Structures // The Handbook of Economic Sociology / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). Princeton: Princeton University Press. 1994. P. 257-260.

⁴⁷³ Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. - М.: ГУ ВШЭ, 2003. - С.19-20.

ляции»⁴⁷⁴. За счет такого методологического приема происходит превращение рынка «...из эмпирического объекта в аналитическую модель с достаточно абстрактными основаниями»⁴⁷⁵. Причем в этой модели «...социальным условиям отводится незавидная роль внешних факторов или, того хуже, тех самых сил трения, которые снижают эффективность саморегулирования»⁴⁷⁶. Таким образом, живые люди, индивиды были выброшены из предмета экономической теории. Им на смену приходит некий абстрактный «экономический человек», с достаточно примитивными потребностями и мотивами, которые легко могут быть переложены на математический язык.

Было бы несправедливо утверждать, что ученым экономистам удалось рассмотреть методологическую ограниченность парадигмы «саморегулирующегося рынка», а значит и ее теоретическую, историческую (достаточно вспомнить хотя бы то как в эпоху колониальных империй экономические проблемы метрополий решались за счет колоний, когда «невидимая рука рынка» приобретала форму дредноутов и кавалеристских полков) и практическую несостоятельность лишь в конце XX века. Уже в начале прошлого века, набирающее силу институциональное направление (тогда еще достаточно синкретичное в своих теоретико-методологических подходах), по существу явилось гносеологической рефлексией на господствовавшее тогда на Западе направление «чистой экономики» в форме маржинализма. Оппозицию маржинализму, с его чрезмерно абстрактным, рационалистским, количественным подходом к анализу экономических систем, на Западе в это время составили так называемые «периферийные» школы в экономической науке – германские новейшая («юная») историческая и социальная школы и ранний институционализм (заметим, не только американский, ибо сюда также можно отнести и англичанина Дж. Гобсона, и француза

⁴⁷⁴ Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. - М.: ГУ ВШЭ, 2003. - С. 20-21.

⁴⁷⁵ Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. - М.: ГУ ВШЭ, 2003. - С. 21.

⁴⁷⁶ Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. - М.: ГУ ВШЭ, 2003. - С. 21.

Ф. Симианда с его учениками Г. Пиру и Б. Ногаро)⁴⁷⁷. Данные направления экономической мысли объединяются сегодня «...понятием «институциональное направление в экономической науке» (или институционализм в широком смысле, дабы не путать его с собственно институционализмом, или институционализмом в узком смысле, родоначальником которого был Т. Веблен)»⁴⁷⁸.

В России идеи и принципы институционального направления были представлены в трудах бывших «критических марксистов» С.Н. Булгакова («Философия хозяйства», 1912), М.И. Туган-Барановского («Социальная теория распределения», 1913) и П.Б. Струве («Хозяйство и цена», 1913-1916). Развитие в России параллельно с институционализмом маржиналистского направления «...сдерживалось,- как подмечает Л. Ипполитов,- как в силу объективных причин (недостаточная степень развития товарного хозяйства и капитализма, засилье феодальных пережитков, обострение комплекса социально-экономических, политических и культурных противоречий накануне революции), так и особенностями психологии русского образованного общества, большей части которого были чужды принципы индивидуализма, эгоизма, тедонизма и т.д.»⁴⁷⁹. А.Г. Худоркомов прямо заявляет по этому поводу, что «...в сложившейся ситуации удивительно не то, что маржинализм в России не превратился в доминирующее направление, а то, что он вообще сформировался как отдельное течение, сопряженное с самого начала с передовыми экономико-математическими исследованиями»⁴⁸⁰.

Для исследователя начала ХХ| века, по нашему мнению, по прежнему остается гносеологически актуальным соотношение методологических принципов маржиналистской теории и концепции

⁴⁷⁷ Ипполитов Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов// Вестник Института экономики Российской академии наук.- 2008.- № 4. - С. 44.

⁴⁷⁸ Ипполитов Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов// Вестник Института экономики Российской академии наук.- 2008.- № 4. - С. 44.

⁴⁷⁹ Ипполитов Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов// Вестник Института экономики Российской академии наук.- 2008.- № 4. - С. 45.

⁴⁸⁰ Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т. III. Эпоха социальных переломов / Отв. ред. А. Г. Худоркомов. – М., 2005. – С. 840.

П.Б. Струве, изложенной в статье А.Д. Белибовича⁴⁸¹ (киевская маржиналистская школа), приведенная ниже в форме таблицы опубликованной в статье Л. Ипполитова⁴⁸².

Таблица 1. - Сравнительная характеристика методологических принципов маржиналистской теории и концепции Струве

<p>Применение количественных рассуждений к психическим явлениям.</p> <p>Понятие экономического равновесия, играющее важную роль в построениях теоретиков австрийской и математической школ</p> <p>Предпосылка единства издержек производства</p> <p>Исключение из схем равновесия предпринимательской прибыли</p> <p>Статистическая концепция хозяйства</p> <p>Предпосылка однозначной детерминированности поведения хозяйствующих индивидов</p>	<p>Психические переживания не суть величины</p> <p>Обычно применяемое экономистами понятие равновесия не отвечает действительности</p> <p>Издержки производства не одинаковы</p> <p>Предпринимательская прибыль, не укладываемая в статическую схему равновесия, не должна быть устраняема</p> <p>Хозяйственный процесс не статичен, а подвержен постоянным изменениям</p> <p>Поведение индивидов не детерминировано однозначно, а «самочинно»</p>
--	--

На основании проведенного анализа П.Б. Струве сумел показать, что концепция равновесия и анализ равновесных состояний в экономике (один из главных принципов маржиналистской теории) была порождена философией XVII-XVIII вв. (Бэкон, Декарт, Гоббс, Ньютон) и утвердившимся в экономической науке механистиче-

⁴⁸¹ Белибович А. Д. Два подхода к научной картине экономического мира// Экономический Вестник. - 1924. - Кн. 3 (1). - С.4-5.

⁴⁸² Ипполитов Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов// Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2008. - № 4. - С. 46-47.

ским мышлением и учением о «естественном законе»⁴⁸³. По П.Б. Струве, идея равновесия может быть представлена в экономическом мышлении двояким образом: «Во-первых, как идея онтологическая, идея о присущем с необходимостью экономическому процессу свойстве, которое господствует над его феноменами и ими управляет. И, во-вторых, как идея чисто феноменологическая, как идея особого явления, равноправного со всеми другими экономическими феноменами, явления, представляющего не общий закон экономической жизни, а некое возможное и вероятное ее «состояние»⁴⁸⁴. Таким образом, маржинализм и классическая политическая экономия приписывают равновесию значение некой сущности стоящей над экономическими явлениями и управляющими ими. Отрицая механистический подход к анализу экономических феноменов П.Б. Струве подчеркивал, что «Хозяйственная жизнь складывается из множества отдельных действий хозяйствующих субъектов, которые, будучи в общем и формально мотивами так называемого хозяйственного расчета, в своей индивидуальности, «микроскопической» конкретности случайны в точном смысле этого слова. «Микроскопически» действия продавцов и покупателей определяются расчетом, ориентированным с разной, бесконечно дифференцированной, осведомленностью о положении рынка, столь же дифференцированной разумностью; и с неопределенной подвижностью во времени субъективных оценок (проектов, или заявок цен) и их окончательных денежных выражений, или значений, каковыми являются реализованные, «сделанные» цены. Эти неопределенно многообразные цены имеют тенденцию к единству, или «равновесию», это единство и эти состояния «равновесия» неустойчивы, подвержены постоянным и непрерывным колебаниям»⁴⁸⁵. П.Б. Струве выделил те черты, которые игнорировались маржиналистской теорией экономического равновесия – «...неполная рациональность экономического поведения, асимметричное распределение информации среди

⁴⁸³ Ипполитов Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов// Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2008. - № 4. - С. 47-55.

⁴⁸⁴ Струве П. Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» // Экономический Вестник. - 1923. - Кн. 1. - С. 6.

⁴⁸⁵ Струве П. Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» // Экономический Вестник. - 1923. - Кн. 1. - С. 12-13.

участников рынка, изменчивость их субъективных оценок и, как следствие, рыночных цен»⁴⁸⁶. В результате проведенного анализа П.Б. Струве сумел доказать теоретико-методологическую несостоятельность маржинализма, как механистической и статической концепции, устраняющей факторы времени и изменения из экономического анализа⁴⁸⁷.

П.Б. Струве также сумел убедительно показать ограниченность экономико-математических методов. «Поскольку математическое направление политической экономии, - указывает этот автор, - ударилось в математическую обработку психологических основ экономических явлений, оно применило к многообразному и разнородному миру душевных переживаний совершенно противоречащий его природе прием обезличения»⁴⁸⁸. Высказываясь по данному вопросу Л. Ипполитов в частности подчеркивает, что «...вопрос заключается не в том, является ли «механический» (включая сюда и «математическое рассуждение») подход к экономическим процессам логически возможным, а в том, соответствует ли он существу экономических явлений, текучей и прерывистой природе «экономической материи»? На этот вопрос Струве отвечает решительно отрицательно»⁴⁸⁹.

П.Б. Струве пишет: «В экономике какие-то подлежащие определению в каждом отдельном случае «индивиды» должны быть соотнесены, сведены в разряды и категории, т.е. именно трактуемы как индивидуально весьма различные единицы, объединяемые лишь по «признакам» в некие статистически обозримые совокупности»⁴⁹⁰. Это может быть осуществлено только с помощью статистических

⁴⁸⁶ Ипполитов Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов// Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2008. - № 4. - С. 49.

⁴⁸⁷ Подробнее смотри: Ипполитов Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов// Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2008. - № 4/ - С. 49-50.

⁴⁸⁸ Струве П. Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А.Д. Билимовичу // Экономический Вестник. - 1924. - Кн. 3(1). - С. 45.

⁴⁸⁹ Ипполитов Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов// Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2008. - № 4. - С. 50.

⁴⁹⁰ Струве П. Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» // Экономический Вестник. - 1923. - Кн. - С. 16.

методов. «Эта всесторонняя взаимозависимость непреодолима для «механического или «динамического», в противоположность статистическому рассмотрению. Если мы к этому прибавим, что экономические «индивиды», с точки зрения экономического познания, не являются абсолютно детерминированными какими-нибудь известными нам силами, а «контингенты»..., «самочинны» или «бесчинны», то эти два условия необходимы и достаточны для выставления методического постулата о том, что точное познание в экономике возможно только либо в форме статистической разработки, либо в форме фактического описания неисчислимых статистически феноменов и сторон»⁴⁹¹. Порок маржиналистской теории, по справедливому замечанию П.Г. Струве, коренится в том, что в ней, как и во всех концепциях механически-математической политической экономии не усматривается логическая природа эмпирического знания, к области которого относится и политэкономия. Они рассуждают *more geometrico* в области, где плодотворна либо чистая индукция, либо статистический подход⁴⁹².

Далее названный автор поясняет, что несоответствие метода исследования у маржиналистов (добавим, как сегодня у неолибералов и прочих «чистых экономистов, связано «... со смешением наук о реальном бытии во времени, или знания апостериорного, к которому относится и политическая экономия, с науками об идеальном и безвременном бытии, каковыми являются математика и логика, представляющие знание априорное»⁴⁹³. П.Г. Струве также подчеркивает: «Эмпирическая наука может строить общие понятия, но она не может вовсе отвлекаться от «действительности», в отличие от математики. Самая природа предмета ставит поэтому и «абстракции», и «дедукции» во всякой эмпирической науке... совершенно другие границы, чем в математике»⁴⁹⁴.

⁴⁹¹ Струве П. Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» // Экономический Вестник. - 1923. - Кн. - С. 16.

⁴⁹² Струве П. Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А.Д. Билимовичу // Экономический Вестник. - 1924. - Кн. 3(1). - С. 49.

⁴⁹³ Ипполитов Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов // Вестник Института экономики Российской академии наук. - 2008. - № 4. - С. 56.

⁴⁹⁴ Струве П. Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А. Д. Билимовичу // Экономический Вестник. - 1924. - Кн. 3(1). - С. 36.

Если исходить из критериев логичности и аргументированности участников дискуссии о коренных методологических пороках маржинализма, неоклассики и т.д., то доказательств этому предостаточно. Вместе с тем, неправомерно сводить все дискуссии о природе рыночных отношений лишь к поиску научной истины. Ученые – экономисты – тоже люди. Они родились и воспитывались в определенной социально-культурной среде, обладают мотивацией, различными потребностями и интересами, наконец, их исследования финансируются из различных источников (а у субъектов, которые их контролируют есть вполне реальные экономические потребности и интересы) и т.д. Таким образом, по нашему мнению, научное сообщество фаталистически обречено не только на постоянный поиск объективных закономерностей развития общества и его экономической системы, но и на выделение «ложных» концепций и преднамеренных концептуальных упрощений, обслуживающих глобальные экономические интересы вполне конкретных государств, классов, социально-экономических групп и индивидов. В рамках заявленной темы исследования нам не важно случайно или целенаправленно возникли и развиваются социальные парадигмы, относимые сегодня к «экономическому империализму»⁴⁹⁵. Для нас важнее то, что эти теоретико-методологические подходы, например, сводящие экономические функции государства к роли «ночного сторожа», деформируют сознание части научного и научно-педагогического сообщества, понижают доверие к белорусской модели развития, снижают социальный потенциал белорусского общества, т.е. понижают продукционный эффект от социального капитала, накопленного на уровне социума, а значит угрожают экономической безопасности страны.

Чтобы разобраться в этом, необходимо, прежде всего, понять: как же возник в обществоведении «экономический империализм»?

В 1960 - 1970-е гг. идеальной рыночной модели, очищенной от каких либо социальных факторов был придан фактически универсальный характер. «С ее помощью,- отмечает В.В. Радаев,- стали объяснять самые разные типы существующих рынков вне зависи-

⁴⁹⁵ Радаев В. В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») / Социологические чтения. Вып. 2. М.: Институт «Открытое общество»: Институт социологии РАН, 1997.

мости от исторической и культурной специфики хозяйства и общества»⁴⁹⁶. Г. Беккер и его последователи в рамках «экономического империализма» начинают активно использовать данную модель за пределами анализа собственно экономических отношений в их былом понимании⁴⁹⁷. Так, например, Г. Беккер, заявляет: «Когда мужчины и женщины решают вступить в брак, завести детей или развестись, они пытаются повысить свое благосостояние путем взвешивания сравнительных выгод и издержек. Таким образом, они заключают брачный союз, если ожидают, что это повысит степень их благополучия по сравнению с тем, если бы они оставались в одиночестве, и разводятся, если это должно привести к росту их благосостояния»⁴⁹⁸. Теоретиками общественного выбора начинает трактоваться политика как рыночный обмен⁴⁹⁹. Принципы, используемые при анализе рыночного обмена распространяются на все сферы общественной жизни. Это формированию своего рода рыночной идеологии, справедливо замечает В.В. Радаев: «...подпитываемой духом экономического либерализма. Жизнь начала уподобляться рынку, представленному в виде достаточно абстрактной конструкции»⁵⁰⁰. Как результат - возникновение серьезной методологической альтернативы, разделившей по существу всех современных обществоведов на два типа. Суть данного разграничения заключается в следующем: «...рассматриваем ли мы рынок, прежде всего, как универсальную аналитическую модель с весьма ограниченным числом переменных, предназначенную для объяснения неких существенных экономических связей, или нашим

⁴⁹⁶ Радаев В. В. Рынок как объект социологического исследования // Социологические исследования. - 1999. - № 3. - С. 28-37.

⁴⁹⁷ См.: Радаев В. В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») / Социологические чтения. Вып. 2. М.: Институт «Открытое общество»: Институт социологии РАН, 1997. С. 177—189; Becker G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // Journal of Political Economy. 1993. Vol. 101. P. 395—396). См. также: Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 12—36; Шульц Т. Ценность детей // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 37—49.

⁴⁹⁸ Becker G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // Journal of Political Economy. 1993. Vol. 101. P. 395—396.

⁴⁹⁹ Бьюкенен Дж. М. Сочинения. - Т.1. - М.: Таурис-Альфа, 1997. - С.22-23.

⁵⁰⁰ Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. - М.: ГУ ВШЭ, 2003. - С.22.

объектом выступают «реальные» рынки... для описания которых мы используем разные аналитические модели с большим общим числом переменных»⁵⁰¹.

Поскольку принцип универсализма не отвечает ни принципам современных системных исследований социальных объектов, ни историческим реалиям, то мы в своих дальнейших исследованиях будем исходить из взгляда на современные системы хозяйствования как на многоукладные, сочетающие в себе универсальные и национальные особенности. «История свидетельствует,- отмечает А.Л. Подгайский, - что ни одна хозяйственная система, в том числе, и всемирное индустриально-капиталистическое хозяйство, никогда не охватывала не только все страны, но и отрасли экономики отдельной страны. Любое доминирование той или иной хозяйственной системы воплощается в действительности в ассиметричном образовании «центр-периферия» с наличием множества метапозиций между крайними точками»⁵⁰².

Современное рыночное хозяйство характеризуется индустриальным или постиндустриальным технологическим укладом, множественностью (в том числе и смешанной) форм собственности, экономической обоснованностью, декларируемой свободой предпринимательства и обязательным вмешательством государства в экономику. Названная форма хозяйствования выступает как результат государственного и социального регулирования, порождающее огромное разнообразие исторически форм рыночных институтов. Современный рыночный механизм функционирует в условиях установления относительных равновесия и стабильности посредством экономических средств государственного регулирования, связанных как с особенностями функционирования экономики на макроуровне (циклические колебания, экономический рост и др.), так и несовершенством рыночного механизма.

Рынок представляет собой специфический уклад хозяйствования, существующий наряду с другими его формами. Государство высту-

⁵⁰¹ Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. - М.: ГУ ВШЭ, 2003. - С.22.

⁵⁰² Подгайский А. Л. Взаимодействие доминирующих и периферийных укладов как составляющая социально-экономической динамики// Гуманітарна-економічні веснік, 2008. - № 3 (42). – С. 9.

пает как конфигуратор рынка. Степень его воздействия вариативна, но в любом случае речь идет не просто о весомом, но о конституирующем влиянии государства на совокупность рынков - посредством установления формальных правил и способов их поддержания, осуществления перераспределительных функций и прямого участия в хозяйственных процессах⁵⁰³. Государство не просто вмешивается в рыночные отношения. Оно создает условия для возникновения и развития рынков, являясь во многом внутренним элементом процесса их формирования и трансформации, действуя на началах встраиваемой автономии (*embedded autonomy*)⁵⁰⁴. Современное рыночное хозяйство, а точнее современное преимущественно рыночное многоукладное хозяйство представляет собой сложную систему социально-экономических, политических и иных институтов, персонафицированных в социально-экономических субъектах (индивидах, группах, классах). Хозяйственная эффективность взаимодействия названных субъектов во многом предопределяется накопленным в обществе социальном потенциале и институциональными формами его капитализации. Социальный капитал, способы и формы его присвоения, оптимальность распределения и прочее выступают основой для сокращения (или увеличения) транзакционных издержек в народном хозяйстве.

⁵⁰³ Block F. The Role of the State in the Economy // *The Handbook of Economic Sociology* / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). P. 696.

⁵⁰⁴ Evans P.B. *Embedded Autonomy*. Berkeley: University of California Press, 1995; Frye T., Shleifer A. The Invisible Hand and the Grabbing Hand // *American Economic Review. Papers and Proceedings*. 1997. Vol. 87. № 2. P. 354-358; Shleifer A., Vishny R. *The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures*. Cambridge: Harvard University Press, 1998); Радаев В.В. Рынок как объект социологического исследования // *Социологические исследования*. 1999. № 3. С. 39.

Глава 10. Перспективы развития занятости в Республике Беларусь в условиях модернизации экономики.

Инновационное развитие белорусской экономики сегодня возможно лишь на основе более рационального использования трудовых ресурсов. Причиной этого является невозможность значительно увеличить трудовые ресурсы в Беларуси за счет привлечения зарубежной рабочей силы. Республики Беларусь могла бы, а по нашему мнению и должна была бы привлечь до двух миллионов внешних мигрантов (естественно, из культурно близких регионов, на постоянной основе, заранее определив механизмы по привлечению выходцев из различных этнических и региональных групп и т.д.) не только без угрозы для национальной безопасности, но и с большой социально-экономической пользой. Но по целому ряду причин это не сделано. Поэтому на сегодняшний момент необходимо главным образом ориентироваться на свои внутренние человеческие резервы.

По нашему мнению, белорусское общество в ближайшее время должно перейти на постиндустриальную стадию своего развития, а это потребует создания в стране современных (постиндустриальных) трудовых отношений. При этом необходимо принимать во внимание, что согласно взглядам родоначальника постиндустриального подхода Д. Белла,⁵⁰⁵ переход к постиндустриальной экономике не означает исчезновения аграрного и индустриального укладов, а сохранение последних, но уже не как доминирующих, а как периферийных. При этом постиндустриальный уклад становится доминирующим. В итоге усиливается сложность социально-экономических процессов.

В научной литературе отмечается, что методологические принципы концепции постиндустриализма были заложены К. Кларком и Ж. Фурастье в конце 1930-х – середине 1940-х годов. Согласно их взглядов, «... в общественном производстве выделяется триада секторов (первичный – сельское хозяйство; вторичный – промышленность и третичный – сфера услуг). Переход от одного сектора к дру-

⁵⁰⁵ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York: Basic Books, 1973.

гому, по их мнению, осуществим благодаря, во-первых, экономическому развитию, приводящему к относительным изменениям в спросе на продукцию секторов, во-вторых, росту производительности, отражающемуся на относительном изменении спроса на трудовой ресурс в разных секторах. Со временем доминантным становится третичный сектор – как с точки зрения доли занятых в совокупной занятости, так и с позиции удельного веса продукции данного сектора в ВВП.»⁵⁰⁶

В работах более поздних авторов акцент делается на качественной характеристике постиндустриального общества, что привело к возникновению таких понятий, как «информационное общество» (Ф. Махлуп)⁵⁰⁷; «общество знаний» (Н. Штер)⁵⁰⁸; «технотронное общество» (З. Бжезинский)⁵⁰⁹; «сетевое общество» (М. Кастелльс)⁵¹⁰; «экологический постиндустриализм» (Т. Росзак)⁵¹¹. Поскольку концепция постиндустриального общества отличается глобальностью методологических принципов и масштабом охватываемых проблем, то она не может быть однозначно отнесена ни к экономической, ни к социологической, ни к политической науке⁵¹².

Возникновение и развитие постиндустриального общества сопровождается, во-первых, изменением характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации, во-вторых, переходом роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг и, в-третьих, в значительном увеличении значения знаний для развития экономики.

⁵⁰⁶ Вередюк О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества // Вестник СПбГУ. Сер 5. 2010. Вып. 4- С.36.

⁵⁰⁷ Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton University Press, 1962.

⁵⁰⁸ The Knowledge Society / Ed. by G. Bohme & N. Stehr. D. Reidel Publishing Company, Holland, 1984

⁵⁰⁹ Brzezinski Z. Between Two Ages. New York, 1970.

⁵¹⁰ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. London and Oxford: Blackwell Publisher, 1996

⁵¹¹ Roszak T. Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society, 1972.

⁵¹² Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М.: Academia — Наука, 1998. Вередюк О.В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества // Вестник СПбГУ. Сер 5. 2010. Вып. 4.

Большое внимание современными учеными, сторонниками постиндустриального направления, начинает уделяться механизмам достижения постиндустриального общества. Как отмечает по этому поводу О.В. Вередюк: «В исследованиях постиндустриальных тенденций в целом можно обнаружить вектор на дробление и детализацию постиндустриальной проблематики. К ведущим отечественным (российским – С.С.) научным экспертам постиндустриализма можно отнести В.Л. Иноземцева, А.В. Бузгалина, А.И. Колганова, В.А. Медведева, Р.М. Нуреева. В их работах не только рассматриваются методология исследования постиндустриального общества, проблемы адаптации экономики России к новым условиям в целом, но и уделяется внимание проблематике отношений занятости. Среди отечественных (российских – С.С.) ученых, чьи исследования непосредственно касаются вопросов занятости и рынка труда, - Р.Л. Агабекян, В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников.»⁵¹³

Поскольку только переход Республики Беларусь к постиндустриальному обществу позволит обеспечить уровень жизни населения страны, соответствующий стандартам принятым сегодня в Старой Европе, то необходимо предложить белорусским органам государственного управления не просто рекомендации по оптимизации процессов в сфере занятости исходя из существующей структуры национальной экономики (иначе страна никогда не сможет вырваться из тупика «догоняющего» развития), а необходимо разработать рекомендации по регулированию трудовых отношений, которые способствовали бы скорейшей постиндустриальной модернизации страны. При выработке этих рекомендаций следует учитывать, что нельзя сначала создать постиндустриальную экономику, а затем сформировать адекватную ей структуру занятости. Нельзя также сначала получить постиндустриальную профессионально-квалификационную структуру, а затем с этим человеческим потенциалом быстро перейти к постиндустриальной стадии развития. Проводить технико-технологическую модернизацию, создавать конкурентоспособную (постиндустриальную) структуру экономики и формировать современные (постиндустриальные) трудовые отношения надо одновременно.

⁵¹³ Вередюк О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества //Вестник СПбГУ. Сер 5. 2010. Вып. 4- С.37.

Здесь возникает временное несоответствие, или темпоральный парадокс, который сводится к тому, что технико-технологическое перевооружение, возможно провести за три года, а подготовка людей, обладающих надлежащими (постиндустриальными) навыками, может занять от 3 до 15 лет (в зависимости от конкретных квалификационно-профессиональных требований, предъявляемых для выполнения тех или иных профессиональных обязанностей). Ниже мы попытаемся дать свое видение возможного разрешения этого противоречия.

Теоретическое осмысление оптимизации процессов в сфере занятости в условиях перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу заставляет по-новому (системно) посмотреть как на саму категорию занятости, так и на тенденции эволюции трудовых отношений в условиях: радикального изменения характера промышленного производства (от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации), значительного возрастания доли сектора услуг в экономическом росте, повышения роли науки в обеспечении конкурентоспособности национальных экономик. Наиболее подходящей дефиницией занятости, исходя из целей нашего исследования, нам представляется определение, предложенное О.В. Вередюк, когда «Под занятостью понимают не только состояние, при котором индивид имеет рабочее место, приносящее доход, но и сложную систему социально-трудовых отношений, возникающих по поводу трудового ресурса между индивидом и обществом и опосредованных работодателем. Занятость как система отношений затрагивает широкий спектр вопросов, среди которых вопросы качества рабочей силы и инвестиций в человеческий капитал, создания рабочих мест, условий найма и труда, дискриминации на рынке труда, государственного регулирования данных отношений и проч.»⁵¹⁴.

Прежде всего, необходимо различать механизмы регулирования процессов занятости в целях обеспечения постиндустриальной модернизации белорусской экономики во всех трех основных экономических подсистемах: промышленном производстве, секторе услуг и науке. Как отмечается в литературе, «...именно занятость (е

⁵¹⁴ Вередюк О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2010. Вып. 4- С.37.

количественные и качественные характеристики) является одним из ключевых индикаторов состояния экономического развития (в том числе перехода к постиндустриальной стадии)»⁵¹⁵.

Для Республики Беларусь переход к постиндустриальной экономике непосредственно связан с проблемой модернизации промышленности. Именно на крупных промышленных предприятиях сегодня сохраняется избыточная занятость (скрытая безработица), в то время как в целом по стране имеет место трудодифицитность экономики. По точному выражению М.В. Мясниковича: «Высокоразвитая индустриальная страна Беларусь с полной занятостью может обеспечить такие темпы прироста ВВП только за счет повышения производительности всех факторов производства (труда, капитала, земли и предпринимательства). Причем известных механизмов - новых высокопроизводительных рабочих мест, снижения материало- и энергоемкости - недостаточно. Поэтому в числе важнейших приоритетов - не только раскрепощение инициативы на всех уровнях управления, а создание реальных условий для развития производственно-инновационной сферы, чего, по нашему мнению, было недостаточно в завершаемом пятилетии»⁵¹⁶.

Следует особо подчеркнуть, что целью модернизации белорусской экономики должно стать трудосбережение. Именно экономия общественного труда всегда выступала и будет выступать главным мерилом эффективности экономического развития. Для Республики Беларусь наиболее дефицитным ресурсом является сегодня квалифицированный труд. Это не всегда очевидно, поскольку на ряде предприятий и в некоторых регионах существует избыточная занятость, которая также как и в России⁵¹⁷, преимущественно структурная: по квалификации и специальностям, по регионам, по отраслевым и половозрастным группам. Можно объяснить трудонедоста-

⁵¹⁵ Вередюк О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2010. Вып. 4 - С.37.

⁵¹⁶ Мясникович М. В. О концептуальных направлениях обеспечения инновационного экономического роста Республики Беларусь в среднесрочной перспективе // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, 2010. - №12. - С.43.

⁵¹⁷ Ивантер В. В. Трудосбережение как приоритет // Экономист, 2011. - №1. - С.3 - 10.

точность Республики Беларусь, в том числе и исходя из демографического провала 1990-х годов.

Российская Федерация, также как и Республика Беларусь, получила в наследие от СССР ряд проблем, снижающих эффективность национальной экономики. Так, например, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН В.В. Ивантер отмечает по этому поводу: «... нехватка трудовых ресурсов в действительности на порядок серьезнее, если принимать во внимание не просто количественное, а еще качественное и структурное измерение. Чтобы представить проблему с точки зрения качественного подхода, достаточно заметить, что страна (Российская Федерация – С.С.) уже теперь испытывает явный дефицит специалистов в области высоких технологий производства, т. е. дефицит специалистов, способных работать в реальном секторе экономики, в обрабатывающей индустрии, от которой зависит глубина переработки добываемых природных ресурсов. С другой стороны, негативным фактором служит высокая трудоемкость многих базовых производственных процессов, включая машиностроение, топливно-энергетический комплекс, электроэнергетику, сельское хозяйство, транспорт и связь. Таким образом, нехватка качественных специалистов и квалифицированных работников усугубляется перерасходом трудовых ресурсов из-за технологического устаревания большинства секторов и отраслей нашего народного хозяйства»⁵¹⁸.

Причем дело не в ошибках нынешнего правительства, а в наследии СССР, когда экономика была большой и неэффективной. Как отмечают многие ведущие экономисты, экономический рост в России и Беларуси будет ростом в первую очередь реального сектора экономики. В.В. Ивантер подчеркивает: «Предположение, будто можно стать как США и жить за счет обслуживания колоссальных финансовых потоков, нереалистично. Следует исходить из реалий и прагматичных возможностей... Поэтому без трудосбережения, и масштабного, России не обойтись. Сейчас нужно сделать все, чтобы организовать процесс широкой экономии труда и трудовых ресурсов, причем на основе главным образом новой, высокотехнологичной индустрии.»⁵¹⁹ Соответственно, в Республике Беларусь успеш-

⁵¹⁸ Ивантер В. В. Трудосбережение как приоритет// Экономист, 2011.- №1.- С.4.

⁵¹⁹ Ивантер В. В. Трудосбережение как приоритет// Экономист, 2011.- №1.- С.5.

ность модернизации экономики прежде всего зависит от того, удастся ли создать в стране современный индустриальный сектор, т.е. перейти от массового производства до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации.

Для Республики Беларусь сегодня стоит задача создать социально-экономические механизмы экономии труда и трудовых ресурсов на основе высокотехнологической модернизации промышленности. Высококвалифицированный и высокопроизводительный труд – вот главный ресурс обеспечения стабильно высоких темпов экономического роста страны и достижения среднего уровня реальных доходов белорусов на уровне экономически развитых стран ЕС.

Принятие трудосбережения главным приоритетом развития белорусской экономики позволяет по новому взглянуть на проблему кадрового обеспечения начавшейся модернизации. Формирование новейших технологических укладов, основанных на преобладании наукоемких технологий над трудоемкими и капиталоемкими, сопровождается бурным развитием информационной экономики. Внедрение трудосберегающих (наукоемких) технологий приведет к росту потребностей в высококвалифицированных работниках. Становится очевидной неизбежность этого явления, а также то, что без необходимого количества высококвалифицированных работников невозможно массовое внедрение наукоемких технологий в производство. Иначе говоря, развитие нового постиндустриального работника и внедрение новейших технологий – это две стороны одной медали. Понимая это, а также то, что для того, чтобы внедрить новую технологию (после того, как она разработана) иногда достаточно года, а для подготовки высококвалифицированных работников, которые могут эффективно ее использовать необходимо от 5 до 10 лет, следует пересмотреть некоторые подходы к системе высшего и среднего образования. Сегодня вузы и средние специальные учреждения должны готовить кадры не только (а может, и не столько) по заявкам предприятий, которые основываются на уже существующих технологиях, а исходя из перспективных планов технологической модернизации страны. Соответственно, и требования к прогнозам развития НТП должны быть кардинально изменены и опираться не на принцип «от достигнутого», а на реальную стратегию технологической модернизации экономики в контексте глобальных технологических тенденций.

Как известно, причиной постиндустриальных изменений в производстве являются изменения в технологиях: преобладание наукоемких технологий над трудоемкими и капиталоемкими. Активное развитие наукоемких технологий в Республике Беларусь будет вести к росту спроса на высококвалифицированных работников и снижению - на низкоквалифицированных работников. Вместе с тем, при оценке перспектив развития занятости у нас в стране, необходимо учитывать, как справедливо отметил М. Кастельс, что распространение информационных технологий не снижает общий уровень занятости⁵²⁰, хотя и значительно изменяет структуру занятости (рабочая сила все активнее перемещается в сферу услуг).

Быстрое развитие технологий требует соответствующих изменений специализации профессиональных навыков, т. е. возникает проблема подготовки и переподготовки кадров. Рост уровня специализации навыков в условиях быстрых изменений квалификационных требований приводит к снижению взаимозаменяемости труда. Соответственно возрастают издержки замены интеллектуального труда, которые более высоки по сравнению с издержками замены физического труда. Изменения в производстве, вызванные технологическими новациями, оказывают множественное и не всегда однозначное влияние на занятость, которое проявляется, прежде всего, в изменении структуры спроса на труд, а также в характере производственных отношений⁵²¹.

В постсоветский период в Беларуси изменилась система подготовки кадров и их структура. Если в СССР вузы выпускали избыточное количество инженеров, то в постсоветский период доминирующей стала противоположная тенденция – стали производить избыточное количество юристов и экономистов, что привело к переизбытку специалистов с дипломами о высшем образовании. Сложилась ситуация, когда в финансовом секторе многие функции, которые могут выполнять специалисты, имеющие среднее специальное образование, выполняют выпускники вузов. В результате

⁵²⁰ Castells M. The Rise of the Network Society: 2nd ed. Wiley-Blackwell, 2010.

⁵²¹ Toffler A., Toffler H. Creating a New Civilization. The Politics of the Third Wave. Turner Publishing, Atlanta, 1993. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.archipelag.ru/authors/toffler>. – Date of access : 17.10.2010.; Вередюк О.В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества //Вестник СПбГУ. Сер 5. 2010. Вып. 4 - С.39.

обесценивается диплом о высшем образовании, не эффективно используются кадры высокой квалификации, т.е. попусту тратится общественный труд.

Сегодня в Республике Беларусь стоит задача сформировать современную (постиндустриальную) промышленную политику, ориентированную на ускоренное накопление человеческого и социального потенциалов, как важнейших компонентов повышения экономической эффективности индустриального технологического уклада, включающую в себя механизмы перераспределения бюджетных ресурсов для быстрых структурных трансформаций отечественной индустрии. Кроме того, важно усилить при подготовке специалистов с высшим и средним специальным образованием значение перспективного технологического планирования с целью своевременного реагирования отечественных вузов на новые потребности индустриального сектора. При этом необходимо сделать более гибкой, а в ряде случаев и более специализированной, систему непрерывного обучения для всех специалистов.

При переходе к постиндустриальному обществу повышается роль знаний, что выражается в изменении соотношения факторов производства (ведущее место занимают знания и информация) и имеет место трансформация структуры добавленной стоимости (в ней возрастает доля стоимости, созданная интеллектом).

Поскольку в постиндустриальном обществе знания становятся предметом и продуктом труда, то происходят существенные трансформации в институциональной структуре экономики. Ведущими становятся институты, продуцирующие нематериальные блага (знания), учебные и научно-исследовательские центры, которые приходят на смену промышленным корпорациям — институтам массового производства материальных благ. Усиление роли знания сопровождается изменениями в характере труда, где наблюдается рост творческой составляющей. Очевидно, что это влечет необходимость повышения индивидуализации трудового контракта с учетом смещения потребностей и ценностей индивида от материальных в сторону нематериальных, адаптации системы мотивации труда в связи с усилением неэкономических стимулов к деятельности, дальнейшего совершенствования критериев оценки участия трудового ре-

сурса в создании добавленной стоимости ввиду роста творческой составляющей труда.⁵²²

Сегодня важно, чтобы в центре внимания всей прикладной белорусской науки находились нужды реального сектора экономики - ядра экономической системы общества, — что требует разработки системы критериев для выяснения социально-экономической эффективности импорта той или иной технологической инновации или же разработки ее отечественными специалистами. Исходя из постсоветских белорусских реалий, в настоящее время невозможно прекратить государственное финансирование прикладных исследований, поскольку Национальная академия наук должна взять на себя часть прикладных исследований, которыми раньше занимались отраслевые институты, рухнувшие за годы перестройки. Такой точки зрения начинают придерживаться не только наши ближайшие соседи⁵²³, но и многие белорусские ученые. Председатель Президиума Национальной академии наук Беларуси М.В. Мясникович отмечал: «Проведенная организационно-экономическая реорганизация способствует преобразованию Академии наук в мощный научно-производственный комплекс, где рождаются научные идеи мирового уровня, создаются и отрабатываются самые современные технологии. Мы осознанно выбрали такую стратегию развития: сами будем разрабатывать, осваивать и коммерциализировать наши разработки, большинство из них под ключ продавать на внутреннем и внешнем рынках»⁵²⁴.

Задачи современной (постиндустриальной) модернизации требуют принципиально иной в сравнении с имеющейся правовой базы, обеспечивающей продвижение достижений науки в производство. М.В. Мясникович по этому поводу отмечает, что «необходимы законодательно закреплённые права на создание венчурных, инновационных предприятий на принципах СП, ООО, ОАО с максимально простым бухгалтерским учетом и минимальными ставками налого-

⁵²² Вередюк О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2010. Вып. 4 - С.40.

⁵²³ Асеев А. Л. Без науки у России нет будущего// ЭКО.- 2010.- №1.- С.18.

⁵²⁴ Мясникович М. В. Сайт: Совместный проект БЕЛТА и газеты "Веды" – Национальной Академии Наук Беларуси – 80 лет Конкурентоспособность Беларуси зависит от качества генерирования новых знаний/ (<http://nanb80.belta.by/ru/opinion?id=272156>)

обложения, внесение изменений в трудовое законодательство, оплату труда, законодательное закрепление прав на результаты НИОКР.»⁵²⁵ Далее названный автор указывает, что «права собственности на результаты НИОКР, созданные с участием бюджетных средств, сегодня принадлежат только госзаказчику, а такие же права, мы полагаем, должны иметь и организации-исполнители. Авторы инновационных проектов следует законодательно наделить правом на вознаграждение - в процентах от экономического эффекта, объема выпуска инновационной продукции либо прибыли предприятия - на выбор»⁵²⁶.

Говоря о новой роли сектора услуг в постиндустриальном обществе, в том числе и о росте создаваемого в этом секторе ВВП, увеличения количества занятых и т.д., необходимо принимать во внимание то, что более половины позиций, связанных с услугами (это инженеры, техники, программисты и прочие, работающие в промышленности), по сути, относятся к вторичному сектору экономики⁵²⁷. Следует также учитывать, что «...тенденция к развитию экономики самообслуживания («self-service economy»), - отмечает О.В. Вередюк, - предполагающая использование домохозяйствами технических товаров (автомобилей, стиральных машин, домашних кинотеатров и проч.) взамен приобретению соответствующих услуг на рынке приводит к сокращению рабочих мест в секторе услуг.»⁵²⁸ Г. Эспин-Андерсен отмечал, что в условиях постиндустриальной экономики отмечаются снижение стандартных и рост гибких форм за-

⁵²⁵ Мясникович М. В. О концептуальных направлениях обеспечения инновационного экономического роста Республики Беларусь в среднесрочном периоде // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, 2010, № 12 - С. 34.

⁵²⁶ Мясникович М. В. О концептуальных направлениях обеспечения инновационного экономического роста Республики Беларусь в среднесрочном периоде // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, 2010, № 12 - С. 43.

⁵²⁷ Gershuny J. After industrial society? The emerging self-service economy. Macmillan, 1978.

⁵²⁸ Вередюк О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2010. Вып. 4 - С.38.

нятости (частичной, временной и проч.), а также феминизация мужского труда)⁵²⁹.

Таким образом, следует признать, что точная количественная оценка изменения занятости в секторе услуг на сегодняшний день затруднительна. Вместе с тем относительный рост занятости в секторе услуг является важным атрибутом перехода к постиндустриальному обществу. Такое изменение в структуре занятости обозначает для Республики Беларусь обострение ряда практических проблем, связанных со сложностью адаптации высвобождающихся работников материального производства к требованиям сферы нематериального производства.

⁵²⁹ Changing Classes: Stratification and Mobility in Post-Industrial Societies / Ed. by Esping-Andersen G. SAGE Publications, 1993.

Глава 11. Нелетального разрушения субъектов в ризоморфных социальных средах

Сегодня, когда интерпретационный потенциал бессубъектных моделей оказался практически исчерпан не только в обществоведении и философии, но и в естественных науках, возникает гносеологическая необходимость субъективизации экономической теории, как ответа на теоретические и практические вызовы нового столетия. В последние годы механизмы нелетального разрушения социальных субъектов стали широко использоваться не только в целях ослабления политических систем в странах-конкурентах, но и в рыночной практике.

В настоящее время общественно-функциональные технологии, направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов, из сферы военно-политического противостояния естественным образом пришли в сферу политико-экономической конкуренции. В литературе все чаще и чаще стали встречаться новые понятия «информационное оружие» и «информационная война», которые, в сущности, означают революцию не только в военном искусстве, но и в сфере компьютерно - информационных технологий.

Часто за этим скрываются принципиально новые формы противоборства, в которых победа, «подавление противника» будет достигаться не с помощью классического (даже ядерного) оружия и традиционных способов ведения войны, а путем массированного использования информационного оружия. Многие аналитики технологических развитых стран считают этот вид оружия «решающим фактором владения современным миром». Национальные информационные ресурсы сегодня составляют все большую долю национального богатства в развитых странах. «Информационное оружие», сейчас называют «Троянским конем XXI века»⁵³⁰.

Появление информационного пространства привело к появлению желающих не только поделить это пространство, но и контролировать и управлять процессами в нем происходящими. Для этого используется так называемое технико-

⁵³⁰ Обозреватель 15.05.1998 /Информационная война - основная форма борьбы ближайшего будущего? Б.Онорский. [Электронный ресурс].-Режим доступа: <<http://www.agentura.ru/text/press/opponent/info1.txt>>.-Дата доступа: 11.09.2012

ориентированное информационное оружие, которое подразделяется на то, которое направлено против компьютерных систем и способствует всяческой трансформации информации в пользу информационного агрессора. Оно выступает в таком случае в качестве средства уничтожения, искажения или хищения информации; средства преодоления систем защиты; средства ограничения допуска законных пользователей; средства дезорганизации работы технических средств, компьютерных систем⁵³¹.

В отличие от технико-ориентированного информационного оружия, информационное оружие как общественно-функциональная инновация представляет собой такой вид информационного оружия, который подвергает воздействию определенные группы социальных субъектов с целью навязывания им нужного манипулятора социально-экономического поведения.

В 1996 году при поддержке американского правительства прошла 5-я Международная конференция по информационной войне. Сделанные выводы по материалам конференции, можно прочитать в работе Г. Смоляна, В. Цыгичко, Д. Черешкина. «Новости информационной войны»⁵³². Но что заслуживает особого внимания, то это вывод, что «стратегия применения информационного оружия носит исключительно наступательный характер». Этот вывод является крайне важным и позволяет выйти на следующее утверждение.

Наступательный характер информационного оружия во многом определяет лицо и характер информационной войны и позволяет вычислить потенциального информационного агрессора. В таком случае по объему информации, целенаправленно передаваемой от одного противника к другому, можно определить меру и количество информационной агрессивности. При этом неважно, какой характер имеет передаваемая информация.

Возникновение кибернетического пространства ознаменовало собой начало эпохи информационных войн. Это можно объяснить тем, что с появлением все более и более усовершенствованных

⁵³¹ Расторгуев С. П. Часть вторая. Информационное оружие и проблема алгоритмической неразрешимости перспективности для информационных самообучающихся систем. [Электронный ресурс].-Режим доступа: <<http://evartist.narod.ru/text4/58.htm>>.- Дата доступа: 11.09.2012

⁵³² Г. Смолян, В. Цыгичко, Д. Черешкин. Новости информационной войны //Защита информации. "Конфидент". № 6, 1996 г.

компьютерно –информационных технологий, ведение информационной войны становится в разы быстрее и является более эффективным воздействием на социум. Так как хозяйствующий субъект уничтожается нелетально, а значит победа в информационной войне является «алгоритмически неразрешимой проблемой»⁵³³.

Самая главная задача применения информационного оружия состоит в том, чтобы заставить противника направить имеющиеся у него средства, в том числе технические, против самого себя. Информационное оружие второго типа направлено против социальных субъектов и включает в себя «не силовые» методы борьбы такие, например, как сборку, так и разборку социального субъекта. Для сборки и разборки социального (квази-социального) субъекта сегодня используется информационное оружие, под которым понимается средство ведения современной нелетальной войны. Оно обеспечивает идентификацию и поражение противника с помощью информационных концентраторов различных конструкций (традиционное СМИ, сетевые гипертекстовые концентраторы и т.п.). Позволяет оказать влияние на социальный субъект, приводящее к блокированию его социальных действий (социальной активности). Позволяет эффективно перераспределять (переделить) материальные ресурсы (изменить отношения собственности) без нанесения повреждений самой собственности.

Важнейшим компонентом современного информационного оружия выступает направленный (сетевой) дискурс – специальная процедура детального анализа и оценки социальных действий социального или квази-социального субъекта, осуществляемая с помощью информационных концентраторов. Является самой серьезной угрозой для социально-паразитических структур. Особенно эффективна при комбинированном применении средств пятого и шестого технологических укладов. Например, традиционных СМИ и гипертекстовых сетевых информационных концентраторов. Кроме того, процедура направленного дискурса обладает креативными возмож-

⁵³³ Расторгуев С. П. Часть вторая. Информационное оружие и проблема алгоритмической неразрешимости перспективности для информационных самообучающихся систем. [Электронный ресурс].-Режим доступа: <<http://evartist.narod.ru/text4/58.htm>>. - Дата доступа: 11.09.2012

ностями по созданию как гиперманипуляторов (генераторы слухов, легенд и тому подобное), так и антиманипуляторов.

Разборка социального (квази-социального) субъекта – информационное воздействие, приводящее к разрушению имиджа (социальная смерть, реорганизация, расформирование и т.п.). В свою очередь Сборка социального (квази-социального) субъекта – это информационное воздействие, обеспечивающее защиту имиджа (социальный «бронежилет»), восстановление имиджа, формирование нового имиджа (доверия, влияния).

В данном контексте под влиянием понимается способность социального субъекта создавать и предотвращать угрозы (управление угрозами и с помощью угроз). Обеспечивает различные виды доминирования, определяет достоинство, самооценку, самоуважение и т.д. В свою очередь информационный концентратор – это специальная сетевая конструкция, позволяющая осуществлять направленный сетевой курс, оперативно визуализировать вред (угрозу), исходящую от социального субъекта. Такая «подсветка» позволяет мобильной толпе сетевых активистов (когнитивных крыс, солдатам сетевой информационной войны) точно нанести информационный удар и нелетально для социального субъекта предотвратить наносимый им вред (разрушить представляемую им угрозу). Информационный концентратор способен разрушать и восстанавливать доверие к социальному субъекту, технологически обеспечивать солидарное поведение мобильных толп.

В данном контексте под квази-социальным субъектом понимаются организационные структуры, создаваемые человеком в процессе жизнедеятельности (оформляются различными способами в зависимости от различных юрисдикций). Выделение квази-социальных субъектов в отдельную категорию необходимо, например, при пояснении особенностей применения по ним информационного оружия (за квази-субъектом чаще всего «прячутся», «маскируются» конкретные люди).

Результатом разборки субъекта является его социальная смерть – тотальное негативное гражданское согласие в отношении социального субъекта; разрушение доверия к социальному субъекту, в следствие чего он лишается влияния даже на процессы собственной жизнедеятельности, утрачивает позиции доминирования.

Важным компонентом выстраивания названных технологических (общественно-функциональных) процессов является адекватная оценка вреда (угроз).

Используемая сегодня рядом российских социальных технологов и маркетологов шкала оценки вреда (угроз) В.А. Чигирева – П.А. Юнацкевича⁵³⁴ (бинарная, десятибалльная и т.п.), как способ оцифровки и визуализации вреда и угроз от социальных действий социальных и квази-социальных субъектов являясь по сути квазиметрической шкалой, позволяет получить «гладкие» оценочные функции и, соответственно, применять в социальных измерениях весь арсенал хорошо разработанных методов оптимального управления теории игр и т.п. Применение названной шкалы оценки вреда и угроз в гипертекстовых информационных концентраторах позволяет эффективно влиять (управлять) социальными (ризоморфными) процессами. Для разработки способа измерения индивидуального уровня нравственности социального субъекта В.А. Чигиревым В.А. и П.И. Юнацкевичем понятию «Нравственность» дано социально-технологическое определение, позволяющее использовать его для профилактики социального паразитизма. Связь понятий «нравственность» и «ущерб» позволяет создать практический критерий этической (нравственной) оценки любого социального действия в виде бинарной (или любой другой) шкалы.

⁵³⁴ Агафонов С. Ю., Горюнков С. В., Матвейчук Е. Ф., Чигирев В. А., Юнацкевич П.И. Глобальное управление и нравственный принцип / Юнацкевич П.И. Серия книг: Теория и методика профессионального обучения и воспитания взрослых / Под редакцией В. А. Чигирева. – СПб.: Институт нравственности, 2006; Чигирев В. А. Нравственный путь безнравственной цивилизации / Серия книг: Теория и методика профессионального образования и воспитания взрослых / Под ред. П.И. Юнацкевича. - СПб.: ОСБ ПАНИ, 2006; Юнацкевич П. И., Чигирев В. А. Методические рекомендации по противодействию коррупции в государствах-участниках Содружества Независимых Государств. – СПб.: Отделение социальных технологий и общественной безопасности Петровской академии наук и искусств, 2007; Юнацкевич П. И., Чигирев В. А., Матвейчук Е. Ф., Горюнков С. В. Социальные технологии и общественная безопасность: доклад о результатах и внедрении научных исследований Отделения социальных технологий и общественной безопасности Петровской академии наук и искусств. / Серия книг: теория и методика управления – СПб.: ОСБ ПАНИ, 2008; Котов В. В. Проблемы построения информационных систем шестого технологического уклада. – в сб. «Наука и образование в условиях социально – экономической трансформации общества». Материалы XIV Международной научно – практической конференции. Минск, 2011г

Начало информационной войны определить трудно, и это дает определенные преимущества агрессору. Но превосходство, полученное агрессором на начальном этапе, может и не привести к окончательной победе. Это происходит в случае, если жертва нападения успеет осознать, что против нее ведется информационная война. В случае быстрого и массового перепрограммирования хозяйствующего субъекта наиболее результативными являются приемы, имеющие эмоциональную окраску. То есть для более эффективного достижения результата, упор в первую очередь должен делаться на деятелей искусства, культуры, религиозных служителей.

Сегодня СМИ являются классическим информационного оружия: финансируется правящей верхушкой, применяется для управления хозяйствующими субъектами в собственных интересах и навязывание им своего мнения. Теперь время, необходимое для победы в информационной войне, ранее измеряемое веками и десятилетиями, уже можно сократить до вполне приемлемых сроков. Мир снова поворачивается к высоко заряженному полю битвы идей; это уже не только мир, в котором материальная база является предметами ожесточенного соперничества. В этом формирующемся мире ключ к успеху будет лежать в умелом управлении информационными возможностями и ресурсами — то есть, стратегическом планировании и управлении⁵³⁵. [4]

В случае успешного противодействия агрессивным действиям с целью разборки социального субъекта происходит субъект-объектный переход (превращение) – ситуация, в которой заказчик или организатор (агрессор), применяющий информационное оружие, сам подвергается его ответному воздействию со стороны своей жертвы. Жертва, используя свое превосходство в оперативном искусстве применения информационного оружия, часто получает серьезное преимущество, вплоть до быстрой социальной смерти нападавшего.

Применение информационного оружия для решения не только военных и внешнеполитических, но и в случае возникновения соперничества между различными социальными группами и фирмами

⁵³⁵ Ноополитика - шаг на пути к созданию американской информационной стратегии. Гриняев С.Н.[Электронный ресурс].-Режим доступа: <<http://www.agentura.ru/equipment/psih/info/noo/>>.- Дата доступа: 11.09.2012

является важным отличие протекания и разрешения социально-экономических конфликтов в постиндустриальном обществе.

ЧАСТЬ 4

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

По мере снижения роли в экономической жизни общества индустриального уклада и перехода к постиндустриальной стадии развития происходит размывание границ классов, интенсифицируются процессы перемены труда, что, с одной стороны нарушает классическую картину классового образования, а значит объективно затрудняет осознание индивидами своих групповых интересов, а с другой стороны, на фоне возрастания политэкономического значения социального капитала и развития общественно-функциональных технологий, возникает реальная возможность «программирования» поведения людей в интересах третьих лиц. Если в эпоху классического капиталистического общества, экономическим базисом которого являлось индустриальное производство, можно было выделить (на основании классовых признаков П.А. Сорокина) около десяти классов, то в постиндустриальном обществе количество классов начинает измеряться десятками. В свое время К.Маркс, а за ним и многие марксисты, допускали существенный методологический просчет, механически распространяя концепцию классовой дифференциации общества на доиндустриальные социумы. Дабы не повторять этот недочет, по нашему мнению, следует по новому взглянуть на сам феномен социального класса в постиндустриальном обществе на основе признания того факта, что классы становятся меньше, количество их возрастает, но они не исчезают, а просто становятся иными. Вслед за технологической, культурной, экономической динамикой происходит изменение форм и методов классовой борьбы, которая не исчезает, но трансформируется становясь более латентной и сложной. Иначе и быть не может, ведь изменилось не только количество классов (что само по себе усложняет процессы познания практик согласования их социально-экономических интересов), но и появились принципиально новые общественно-функциональные технологии, которые произвели настоящую революцию в сфере классовой борьбы. Революцию, сопоставимую с изменениями, ко-

торые произвела в искусстве войны замена кавалерии на танки в XX веке.

В результате на смену классическому объяснению причин и механизмов социально-экономических конфликтов в индустриальном обществе через классовую борьбу и кооперацию, в постиндустриальном обществе неизбежно приходят новые парадигмальные принципы объяснения причин и механизмов возникновения и протекания социально-экономических конфликтов. Основой для новой парадигмы, по нашему мнению, может стать теория накопления и капитализации социального потенциала. Это становится возможным, во-первых, поскольку именно уровень накопления и использования социального капитала в современных экономически и технологически высокоразвитых социумах предопределяет общественную силу индивидов и групп, во-вторых, новейшие технологические приемы быстрого накопления или разрушения социального капитала (сборка-разборка социальных субъектов) является важнейшим инструментом в межстрановой, межгрупповой, межфирменной и (в отдельных случаях) даже межперсональной конкуренции, в-третьих, социальный и человеческий капиталы становятся теми экономическими ресурсами, которые предопределяют темпы и качество экономического роста. Таким образом, неравномерность накопления социального капитала различными социально-экономическими субъектами, позволяющая эффективно использовать эту форму капитала в своих эгональных групповых и индивидуальных интересах, выступает в современных условиях важным фактором, обуславливающим существование и эволюцию социальной структуры общества, форм и методов возникновения и протекания социально-экономических конфликтов. Следует оговориться, что при переходе к постиндустриальному обществу постепенно искажаются принципы и формы социальной динамики и в индустриальном общественно-экономическом укладе, поскольку социум в целом переходит в качественно иное институциональное состояние.

Глава 12. Теретико-методологические основы исследования социального капитала.

12.1. Общее представление о теории социального капитала.

В настоящее время в обществоведении появилось большое количество новых понятий, при формулировании которых используется такая экономическая категория как капитал. Этот гносеологически позитивный процесс, свидетельствующий, помимо прочего, о продолжающейся конвергенции социальных наук, заставляет ученых экономистов не только попытаться еще раз уточнить категорию «капитал», но и включить в предметную область экономической теории исследование таких «пограничных» общественных феноменов как социальный, административный, политический, культурный и символический капитал. Вместе с тем, автор солидарен с исследователями, которые в своих исследованиях исходят (или исходили) из признания определяющей роли в экономической системе общества экономического капитала по сравнению с другими капиталами или, в терминологии П. Бурдьё, полями. В частности, названный автор отмечал, что хозяйственная жизнь является той областью, в которой «экономическое поле стремится навязать свою структуру другим полям»⁵³⁶ и что «...экономический капитал образует основу всех других форм капитала. И хотя последние полностью к нему не сводятся, они оказывают свое воздействие лишь в той мере, в какой скрывают наличие в своей основе экономического капитала, которые желает оставаться неузнанным»⁵³⁷. Аналогичной точки зрения придерживается и В.В. Радаев, который указывает: «Каждый капитал стремится к доминированию, однако среди всех перечисленных форм экономической капитал по праву занимает центральное место»⁵³⁸, поскольку «во-первых, логически он наиболее близок сво-

⁵³⁶ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» / Бурдьё П. Социология политики. - М.: Socio-Logos, 1993. С. 57.

⁵³⁷ Bourdieu P. Forms of Capital. - P. 106..

⁵³⁸ Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. - №2. - С.29.

ему изначальному политико-экономическому понятию»⁵³⁹. Вторых, хозяйственная жизнь является той областью, в которой экономический капитал (включающий в своем объективированном состоянии денежный капитал или финансовые средства, производственный капитал или средства производства, товарный капитал или готовые продукты) стремится навязать свою форму другим социальным отношениям. «И, в-третьих, на эмпирическом уровне параметры экономического капитала, как правило, коррелируют со многими параметрами, обозначающими количество и качество прочих ресурсов»⁵⁴⁰. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что автор полностью согласен с исследователями, считающими, что «при сведении всей совокупности ресурсов к экономическому капиталу понимание хозяйственного процесса становится невозможным»⁵⁴¹.

Необходимо учитывать, что все существующие формы капитала «могут (выделено мной – С.С.) в той или иной мере конвертироваться в экономический капитал, в том числе в его денежную форму. Социальный капитал приносит информацию об экономических ресурсах. Административный капитал открывает наиболее краткий путь к их источникам. А политический капитал дает возможность побороться за эти источники. Культурный капитал облегчает способы мобилизации экономического капитала. А символический капитал позволяет представить его более значительным в глазах других агентов. Наконец, человеческий и физический капиталы помогают извлекать из использования экономических ресурсов наибольшие доходы»⁵⁴². Экономический капитал, а точнее, обладание им в его объективированных формах, способствует установлению нужных связей, позволяет «...покупать должностных лиц и сами должности; экономический капитал делает своего обладателя более весомым в глазах окружающих, открывает доступ к образованию и позволяет поддерживать хорошее физическое состояние. Экономический ка-

⁵³⁹ Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. - №2. - С.29.

⁵⁴⁰ Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. - №2. - С.29.

⁵⁴¹ Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. - №2. - С.29.

⁵⁴² Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. - №2. - С.29.

питал, обладающий наибольшей ликвидностью, способен к эффективному перетеканию в другие формы»⁵⁴³.

В классическом политико-экономическом понимании капитал обладает пятью конституирующими свойствами: ограниченный хозяйственный ресурс, накапливаемый хозяйственный ресурс, ликвидный ресурс, воспроизводящаяся стоимость и стоимость, создающая добавочную стоимость⁵⁴⁴. При этом подходе представляется научно-корректным определение капитала, данное В. В. Радаевым, как накапливаемого хозяйственного ресурса, «который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм»⁵⁴⁵.

Оставляя в стороне существующее разнообразие форм капитала, исходя из заявленной цели нашего исследования, остановимся, прежде чем перейти непосредственно к социальному капиталу, лишь на одной из них, а именно на человеческом капитале. Эта категория была введена в научный оборот неоклассической экономической теорией⁵⁴⁶. Под этой формой капитала, как правило, понимается совокупность накопленных профессиональных знаний, умений и навыков, получаемых в процессе образования и повышения квалификации, которые впоследствии могут принести доход – в виде заработной платы, процента или прибыли⁵⁴⁷. Человеческий капитал непосредственно связан с социально-профессиональной структурой, фиксирующей дифференциацию субъектов по профессиональ-

⁵⁴³ Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. - №2. - С.29-30.

⁵⁴⁴ Маркс К. Капитал. Том 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23 ; Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. - №2. - С.21

⁵⁴⁵ Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. - №2. - С.21.

⁵⁴⁶ Беккер Г. Человеческий капитал (главы из книги) // США: экономика, политика, идеология. - 1993. - № 11. - С. 107-119; № 12. - С. 86-104; Becker, G. The Human Capital. Chicago: University of Chicago Press, 1964; Schultz, T.W. Capital Formation by Education, Journal of Political Economy (December 1960). Vol. 68. - P. 571-583.

⁵⁴⁷ Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. - №2. - С.25.

ным и квалификационным признакам⁵⁴⁸. Человеческий капитал является атрибутом отдельного индивида и не может быть быстро передан от одного субъекта другому.

Начиная с 90-х годов прошлого века в обществоведении активно обсуждается такая форма капитала как социальный капитал⁵⁴⁹. Р. Патнем - один из авторов, определивший направление дискуссии о социальном капитале, определил социальный капитал как: «характеристики социальной жизни – сети, нормы и доверие, – которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей»⁵⁵⁰. Дж. Коулман отмечает, что эта форма капитала связана с установлением и поддержанием связей с другими хозяйственными агентами. Социальный капитал, по его мнению, – это совокупность отношений, порождающих действия. Эти отношения связаны с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций⁵⁵¹. Эта одновременная концентрация ожиданий и обязательств выражается обобщающим понятием доверия [trust]. Чем больше обязательств накоплено в данном сообществе, тем выше «вера в реципрокность», или взаимность [reciprocity] и, следовательно, выше уровень социального капитала⁵⁵².

Объективированную структурную основу социального капитала, как справедливо отмечает В.В. Радаев, «формируют сети социальных связей, которые используются для транслирования информации, экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения, формирования репутаций. На основе социальных сетей, которые часто имеют тенденцию к относительной замкнутости, складывается институциональная основа социального капитала – принадлежность к определенному социальному кругу, или членство в груп-

⁵⁴⁸ Солодовников С. Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика. - Мн.: ИООО «Право и экономика», 2003. - С.65 - 78.

⁵⁴⁹ Baron, S., J. Field, and T. Schuller (eds.). Social Capital: Critical Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2000; Lin, N. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

⁵⁵⁰ Putnam, R. Who Killed Civic America? Prospect, March 1996. - P. 66.

⁵⁵¹ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. – 2001. - № 3. - С. 122-139; Coleman, J. Social Capital in the Creation of Human Capital, *American Journal of Sociology*. Vol. 94. Supplement. - P. 95-120.

⁵⁵² Putnam, R. Who Killed Civic America? Prospect, March 1996. - P. 66.

пе»⁵⁵³. Иными словами, «социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, – иными словами, членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала [collectively-owned capital]»⁵⁵⁴.

Вместе с тем, П. Бурдьё подчеркивает, что социальный капитал – это нечто больше, нежели просто сеть групповых связей. Его природа предполагает трансформацию устойчивых отношений, таких как соседство, отношения в коллективе коллег и даже родственные связи, в отношения, являющиеся «необходимыми и выбранными, которые предполагают длительные субъективно-эмоциональные обязательства (чувства благодарности, уважения, дружбы и т.д.)»⁵⁵⁵. Поскольку социальный капитал распределяется между элементарными социальными группами и классами неравномерно то он выступает в качестве важного фактора воспроизводства социально-классовой (профессионально-квалификационной, имущественной, объемно-правовой) структуры общества.

Измерение социального капитала, как справедливо отмечают социологи, возможно только через степень включенности в те или иные сети, а также через институциональные характеристики самих этих сетей⁵⁵⁶. Признание тесной связи между институциональной средой общества и уровнем развития в нем социального капитала, во-первых, делает возможным корректное теоретико-методологическое осмысление такого общественного феномена как «социальный капитал» и, во-вторых, требует в рамках заявленного нами предмета исследования, предварительного определения того, что же следует понимать под категориями социальные институты и институциональные матрицы.

⁵⁵³ Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. – №2. – С.27.

⁵⁵⁴ (Bourdieu, P. Forms of Capital. - P. 102-103.

⁵⁵⁵ Bourdieu P. Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G.Richardson. – N. Y. - 1983. – P.249-250.

⁵⁵⁶ Радаев В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике / Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. Сост. и научн. ред. В. В. Радаев. - М.: РОССПЭН, 2002. - С. 169-172.

Как нами уже отмечалось выше для создания целостной социальной парадигмы, описывающей закономерности развития экономической системы общества с учетом возрастающей роли социального капитала (исходя из методологических требований, предъявляемых современной политической экономией) необходимо по-новому сформулировать гипотезу об институциональных матрицах. Во-первых, эта гипотеза разрабатывается в рамках объективистской парадигмы, рассматривающей общество как объективную реальность, существующую вне и независимо от воли и желания конкретных субъектов и развивающуюся по собственным законам. Во-вторых, при этом используется субъектный (но не субъективный) подход, рассматривающий все социально-экономические отношения в обществе через их персонификацию, т.е. в неразрывной связи с социально-экономическими субъектами разной степени интегрированности. В-третьих, используется понятие базового института, представляющего собой глубинные, исторически устойчивые формы социальных и социально-экономических связей, обеспечивающих интегрированность общества как единого целого. В-четвертых, признается тезис триединства общества, при котором оно является одновременно и целостным, содержащим в себе основные подсистемы – экономику, политику, идеологию. В-пятых, признается тезис единства общественно-экономической формации, которая «представляет собой пространственно и социально отграниченную целостную материально-общественную систему, функциональное назначение которой состоит в обеспечении совместной жизни людей в единстве всех ее сторон»⁵⁵⁷ и включает в себя сферы: материальное производство, производство человека, социальное производство и духовное производство.

⁵⁵⁷ Герасимов Н. В. Экономическая система общества: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991. - С.6.

12.2. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала в условиях глобализации.

Поскольку в экономической теории длительное время человек, главный элемент экономических отношений, практически не изучался, либо сводился лишь к экономическому индивиду с рациональным экономическим поведением, то проблемам социального потенциала и формам его капитализации внимания практически не уделялось.

В настоящее время в качестве первой концептуальной проработки категории социальный капитал, хотя само это понятие и ранее встречалось в научной литературе, справедливо признается публикация статьи Д. Коулмана «Капитал социальный и человеческий». Следует согласиться с российским экономистом И. Е. Дискиным, что «без ознакомления с ней... довольно затруднительно прояснить, ответом на какие проблемы и вызовы экономической теории стала разработка концепции «социального капитала». В свою очередь проникновение в «теоретическую кухню» формирования концепции позволяет глубже понять не только теоретические, но и методологические посылки, без которых участие российских исследований в развитии соответствующей теории будет существенно менее плодотворно»⁵⁵⁸. При этом, исходя из требований, предъявляемых к современной социально-экономической гносеологии, на наш взгляд, следует попытаться дать внутренне не противоречивые определения понятий, использованных Дж. Коулманом при выработке парадигмы социального капитала как продуктивной интеграции традиционных экономических концепций с социологическими и политологическими построениями. «Такая интеграция, - подчеркивает И. Е. Дискин, - оказалась одним из приоритетных направлений развития экономической теории. Достаточно указать, что в последние годы Нобелевские премии по экономике присуждаются ученым, работающим на стыке экономики и социологии (рациональный выбор и этические элементы, микроэкономика). Вполне отчетливо прослеживаются взаимосвязи «социального капитала», с одной стороны, и институ-

⁵⁵⁸ Дискин И. Е. Предисловие к статье Дж.Коулмана «Капитал социальный и человеческий»// *Общественные науки и современность*. - 2001 - №3. - С.121.

циональной и эволюционной экономиками – с другой. В многочисленных последующих работах, посвященных развитию концепции «социального капитала», эти взаимосвязи получили свое развитие. По существу, «социальный капитал» сегодня прочно встроен в структуру институционального подхода»⁵⁵⁹.

Перед тем как приступить к раскрытию понятия социального капитала в статье «Капитал социальный и человеческий» Дж. Коулман отмечает, что «существуют два научных направления, описывающих и объясняющих социальное поведение. Первое, характерное для большинства социологов, рассматривает актора (в данном контексте это синоним понятия субъекты – С.С.) как социализированный элемент, а его поведение – управляемое социальными нормами, правилами и обязательствами... Для представителей другого направления, включающих большинство экономистов, характерен подход к акторам как к лицам, принимающим самостоятельные решения и действующим независимо, руководствуясь собственными интересами»⁵⁶⁰.

В связи с тем, что оба выделяемых Дж. Коулманом научных направления, описывающих и объясняющих социальное поведение «имеют серьезные недостатки»⁵⁶¹, то, по его мнению, необходимо «взять концептуальную основу одного направления и инкорпорировать в нее элементы другого, не нарушая общей структуры»⁵⁶². При этом названный автор преследовал гносеологическую цель, которая заключалась «в использовании экономических принципов рационального поведения в анализе социальных систем, при этом не ограничиваясь рассмотрением экономических систем и выполняя анализ таким образом, чтобы не выпадала социальная организация»⁵⁶³.

⁵⁵⁹ Дискин И. Е. Предисловие к статье Дж. Коулмана «Капитал социальный и человеческий» // *Общественные науки и современность*. - 2001 - №3. - С.121.

⁵⁶⁰ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. - 2001 - №3. - С.122.

⁵⁶¹ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. - 2001 - №3. - С.122.

⁵⁶² Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. - 2001 - №3. - С.123.

⁵⁶³ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. - 2001 - №3. - С.123.

«Концепция социального капитала, - отмечает далее Дж. Коулман, - инструмент, который помогает выполнить подобный анализ»⁵⁶⁴. Далее он указывает, что «социальный капитал определяется своими функциями. Он включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур, и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов (субъектов – С.С.) внутри структуры, будь то индивид или корпорация. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно. Подобно физическому и человеческому капиталу, социальный капитал не подпадает под строгую дефиницию, но он может обладать специфическими особенностями в определенных сферах. Данная форма социального капитала имеет свою ценность в упрощении определенных действий, которая может оказаться бесполезной или даже вредной для других»⁵⁶⁵. В отличие от других форм капитала, социальный капитал, пишет Дж. Коулман, «...свойственен структуре связей между акторами (субъектами – С.С.) и среди них. Это не зависит ни от самих акторов (субъектов – С.С.), ни от средств производства. Более того, организации, преследующие определенные цели, могут быть акторами (так называемый корпоративный актор), так же как и индивид. Связи внутри корпоративных акторов (субъектов – С.С.) также могут создавать для них социальный капитал (при этом наиболее известным примером является обмен информацией, которая позволяет устанавливать фиксированные цены в пределах одной отрасли)»⁵⁶⁶.

Функциональное назначение социального капитала в экономической системе общества, в макро- и микро-экономических системах заключается в оптимизации (снижении транзакционных издержек) взаимодействия субъектов в процессе их хозяйственной деятельности. Социальный капитал еще менее осязаем, чем человеческий капитал, «поскольку он существует только во взаимоотношениях ин-

⁵⁶⁴ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. - 2001 - №3. - С.123.

⁵⁶⁵ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. - 2001 - №3. - С.124.

⁵⁶⁶ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001 - №3. - С.124.

дивидов. Так же, как физический и человеческий капиталы, - подчеркивает Дж. Коулман, - социальный капитал облегчает производственную деятельность»⁵⁶⁷. Как известно, всякое общество является сложным социальным агрегатом, состоящим из совокупности взаимодействующих субъектов, распадающихся не прямо на индивидов, а на два или большее число социальных общностей, которые уже, в свою очередь, разлагаются на индивидов. В основе выделения той или иной социальной структуры лежит функциональная или причинная связь взаимодействующих индивидов. В зависимости от степени интенсивности этой связи возникает возможность существования ряда структур в одной и той же совокупности людей. Характер такой связи будет показывать рядоположность и пересекающееся сосуществование социальных групп. «Степень интенсивности функциональной связи и ее характер, - пишет П. А. Сорокин, - такова основа возможности сосуществования ряда коллективных единств в одном и том же населении»⁵⁶⁸. Далее он указывает, что социальная разновидность процессов взаимодействия или характер связей «влечет за собой многообразие коллективных единств, образуемых различно комбинирующимися индивидами – с одной стороны, с другой – принадлежность каждого индивида не к одному, а к ряду реальных совокупностей»⁵⁶⁹. Именно это многообразие социально-экономических субъектов, порождаемое и воспроизводимое существующими формами разделения труда, предопределяет: во-первых, невозможность экономического (оптимального) согласования интересов разнообразных субъектов схожей и различной степени интегрированности без использования социального капитала, во-вторых, возможность негативного воздействия на эффективность функционирования экономической системы общества некоторых развитых форм социального капитала в ряде локальных экономических систем и субъектов (например, высокая степень доверия и взаимопонимания между руководством предприятий, совместно обеспечивающих основную долю производства продукции в той или иной отрасли делает возможным монопольное повышение ими

⁵⁶⁷ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. - 2001 - №3. - С.126.

⁵⁶⁸ Сорокин П. А. Система социологии. - Пб., 1920. - Т. 2. - С.18.

⁵⁶⁹ Сорокин П. А. Система социологии. - Пб., 1920. - Т. 2. - С.18.

цен на свою продукцию без юридического или иного формализованного оформления ими «картельных» соглашений) и, в-третьих, существование в современной социально-ориентированной рыночной экономике механизмов согласования результатов функционирования различных форм социального капитала с целью создания наиболее благоприятных условий для усиления экономической жизнеспособности социума и для обеспечения максимально возможного для данного уровня общественного развития социального равенства.

Социальный ресурс (или потенциал), оформляющийся при определенных условиях в социальный капитал, возник на заре человеческой истории вместе с развитием трудовых отношений, возникновением и углублением разделения труда и порождаемой этим социально-классовой дифференциацией индивидов. Поскольку существование и развитие человеческого общества, обеспечение его материальной базы возможно лишь на основе труда, постольку и значительное увеличение численности населения планеты и отдельных регионов за последние десять тысяч лет стало возможным за счет существенного повышения производительности общественно-го труда, что было обусловлено как инновационными способностями людей и углублением разделения труда, так и совершенствованием различных общественных механизмов согласования интересов все более разнообразных социальных и социально-классовых субъектов, в том числе и за счет развития человеческого капитала. Ослабление или усиление социальной мобильности в обществе, которую помимо всего прочего можно рассматривать как фактор, способствующий росту социального капитала на уровне общества в целом, зависит от результата взаимодействия социальных сил в обществе, одни из которых заинтересованы в данном закреплении исходя из частно-групповых экономических интересов, а другие – не заинтересованы.

В свое время под влиянием положения К. Маркса о «классе для себя» М. Вебер предлагал разграничивать в социально-классовой структуре «класс» и «социальный класс». Под классом данный автор понимал социальную общность, связанную лишь сходством экономических интересов, «экономического положения» данной категории субъектов. Категорией «социальный класс» М. Вебер показывал, что высшим проявлением классовой общности служит мобилизующая и побуждающая к коллективным действиям осознан-

ность своих классовых экономических и политических интересов, целей⁵⁷⁰. В современной научной лексике это назвали бы возрастанием социального капитала социальной группы.

Классик французской социологии П. Бурдьё (один из признанных специалистов в области изучения социального капитала) также предлагает разграничивать возможные (логические) и реальные социальные классы. Данный автор пишет, что на основании знания экономических и других отношений можно «вычленить классы в логическом смысле этого слова, т.е. класса как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обусловленностям, имеют все шансы для обладания сходными диспозициями и интересами, и, следовательно, для выработки сходной практики и занятия сходных позиций»⁵⁷¹. П. Бурдьё справедливо считает, что данный класс «на бумаге» имеет теоретическое существование, «он позволяет объяснить и предвидеть практики и свойства классифицируемых и, ...поведение ведущее к объединению их в группу (в реальный социальный класс – С.С.)»⁵⁷². «Это лишь возможный класс, поскольку он есть совокупность агентов, которые объективно будут оказывать меньше сопротивления в случае необходимости их «мобилизации», чем какая-либо другая совокупность агентов»⁵⁷³. Превращение логического класса в реальный социальный класс, пишет он далее, возможно лишь через выработку у его членов чувства позиции, «занимаемой в социальном пространстве»⁵⁷⁴. Думается, именно необходимость выработки методологической четкости в понимании процессов социального генезиса заставили П. Бурдьё в дальнейшем принять участие в выработке парадигмы социального капитала, позволяющей уточнить описанный выше процесс классовых метаморфоз.

И. Краус так же пишет: «Классы... являются конфликтными группами, тот или другой, объединяясь, оспаривают существующее распределение власти, преимуществ и других возможностей...

⁵⁷⁰ Weber M. The theory of social and economic organisation. New York: Academic press, 1947. - P. 424-499.

⁵⁷¹ Бурдьё П. Социология политики. -М.: Socio - Logos, 1993. - С.59.

⁵⁷² Бурдьё П. Социология политики. -М.: Socio - Logos, 1993. - С.59.

⁵⁷³ Бурдьё П. Социология политики. -М.: Socio - Logos, 1993. - С.59.

⁵⁷⁴ Бурдьё П. Социология политики. -М.: Socio - Logos, 1993. - С.65.

классы формируются, когда совокупность индивидов определяет свои интересы как сходные с интересами других из той же совокупности и как отличающиеся и противостоящие интересам другой совокупности лиц»⁵⁷⁵. Данный исследователь так же подчеркивает важную роль в процессе формирования социального класса наличие у последнего собственной идеологии⁵⁷⁶, иначе говоря, развитого социального капитала.

Правомерен вывод, что в политической экономии попытки исследования такого общественного явления, обозначаемого в современной науке понятием социальный капитал, под которым понимается суммы выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих трансакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена, и позволяющих получить осязаемую социально-экономическую выгоду, предпринимались уже в середине XIX века. Вместе с тем по ряду причин гносеологического и исторического характера до конца прошлого века ученым не удалось вплотную подойти к формулированию парадигмы социального капитала. В настоящее время активизация исследований в этом направлении во многом предопределена необходимостью выработки теоретических и практических рекомендаций по изменению государственной социально-экономической политики и усилий общественности в условиях необходимости перехода к постиндустриальному технико-технологическому укладу и создания нового социально-научного сообщества, персонифицирующего этот переход.

В условиях продолжающегося процесса глобализации, усиления взаимозависимости, в том числе и экономической, стран и регионов, правильная оценка национальным правительством своего социально-экономического потенциала (в том числе и социального капитала) будет способствовать получению максимальных выгод социумом от участия в международных экономических отношениях. Отметим, что в самом общем виде последствия от включения в международные социально-экономические отношения для того или иного социума (государства, этноса, суперэтноса) могут заключать-

⁵⁷⁵ Kraus I. Stratification, Class, and Conflict. N. Y. - P.12.

⁵⁷⁶ Kraus I. Stratification, Class, and Conflict. N. Y. - P.15-16.

ся в: 1) упрочении жизненности социума: поступательный экономический рост; ослабление социально-классовых антагонизмов; успешная социально-экономическая, политическая, военная, духовная или иная экспансия; 2) отсутствию каких либо последствий для социума; 3) снижении жизненности социума: экономическая деградация или же однобокий экономический рост каких-либо хозяйственных отраслей, ведущий не к долгосрочному и поступательному развитию экономической системы, а к ее перспективной деградации; усиление социально-классовых и иных антагонизмов; анигиляция национального государства; подверженность внешней экспансии, ведущей в конечном счете к гибели социума.

Зависимость экономических или, точнее, социально-экономических интересов страны (как субъекта экономических отношений) от реалий международных экономических отношений проявляется двояко. Во-первых, уровнем развития материальных условий мировой экономической системы и данного региона определяется объективная основа (содержание) интересов, т.е. сфера возможностей, сформировавшихся на основе данного уровня развития общественного бытия. И, во-вторых, положением социально-экономического субъекта в системе данных международных экономических отношений, обуславливающих его положительное отношение к одним объективным возможностям и отрицательное – к другим, его заинтересованность в реализации одних возможностей и предотвращении других.

При изучении направленности интересов того или иного государства следует принимать во внимание, что волю последнего, как субъекта тех или иных социальных и экономических отношений, выражают органы его политического управления. Причем интересы последних не могут полностью совпадать с интересами социума в целом. Данное отклонение обуславливается следующими моментами: экономические интересы каких социальных групп и классов (в том числе национальных или иностранных) выражает данное государство; степень политической независимости данной страны; состоянием его экономики и т.д. Причем в ряде случаев компрадорские правительства (и не только они) могут проводить внешнеэкономическую политику, ущемляющую экономические интересы своей страны. Справедливости ради отметим, что в свое время международная торговля шелком, осуществляемая отнюдь не

компрадорским, а национальным китайским государством, погубила не только его, но и Римскую империю.

Участие страны в международном разделении труда, как целостный, социально-экономический процесс, оказывающий влияние на жизненность социума, представляет собой взаимодействие разнообразных и противоположных тенденций, одна из которых, как правило, преобладает (в целом же направленность этого процесса необходимо рассматривать, как суммарный вектор взаимодействующих тенденций). Известно, что целью любой социальной системы является упрочнение ее жизненности. Вместе с тем, социум не является чем-то монолитным и далее не дифференцируемым, а напротив распадается на огромное количество социальных субъектов, различающихся различной степенью агрегированности. Все эти социальные группы и индивиды стремятся к реализации своих социально-экономических интересов, посредством оптимизации которых они могут упрочить свою жизненность. Таким образом, при определении конкретных форм и объемов внешней торговли будет происходить наложение (по вертикали) следующих типов интересов: общественных (интересов социума в целом); социально-классовых (интересов наиболее агрегированных и сформированных социально-экономических групп); частно-групповых; индивидуальных. В то же время на данный процесс будет оказывать влияние детерминирование в социально-экономической системе трудовых (продукционных), собственно социальных (системных), монопольных (эгоцентрических) или уравнивательных (коммуноцентрических) интересов. Кроме этого на конкретные формы участие в международных социально-экономических отношениях любого государства, поскольку последние являются незакрытыми системами, будут оказывать влияние (в зависимости от исторических условий большие или меньшие) интересы других стран и (или) определенных международных (финансовых, торговых, промышленных и т.д.) групп.

Для современных международных экономических отношений характерны следующие атрибутивные признаки: поляризация (как между странами так и внутри стран) и двойственность стандартов (стремление и возможность привилегированных стран диктовать свои условия всем остальным странам); растущая глобализация; возрастание активности и силы ТНК и невозможность самоизоляции государств в современном мире; долоризация; демографиче-

ский взрыв и ограниченность материальных ресурсов; китаезация; индустриализация развивающихся стран и наступление нового этапа НТР.

Растущая экономическая глобализация в современном мире сопровождается усилением ее идеологической поддержки, когда научный анализ данного (уникального) явления подменяется постулированием очевидных, но в реальности не выполняемых, нравственных положений. В этом контексте достаточно типичным представляется выражение Ф. Хайека, согласно которому мировое хозяйство «представляет расширенный порядок человеческого сотрудничества, базирующийся: 1) на свободе как отсутствии принуждения вообще, и в экономике особенно; 2) на мире как отсутствии войны; 3) на справедливости как отсутствии дискриминации и привилегий. Скрепляющая основа вышеназванных элементов порядка – частная собственность»⁵⁷⁷. Очевидное несоответствие данного высказывания реалиям современных международных экономических (политических и иных) отношений, по причине излишней морализации, очевидна.

Реальностью современного мирового экономического порядка стала глобализация производства, сопровождаемая становлением и бурным развитием транснациональных корпораций. Последние выходят из под контроля национальных государств. Одновременно с развитием ТНК возрастает борьба между последними как за передел уже существующих рынков, так и за захват новых (причем количество последних сегодня пространственно ограничено).

Создание надгосударственных экономических образований, стремящихся к переделу существующих и захвату новых рынков, не является изобретением нашего времени. Как показывает история, данный процесс всегда сопровождался усилением межгосударственных и иных антагонизмов, а также отсутствием ограничений в средствах и формах борьбы за экономическую (а, соответственно, политическую, духовную, военную и т.д.) гегемонию. Например: борьба греческих (византийских), армянских, мусульманских (арабских и иранских) и еврейских купцов за господство в международной торговле в VIII – X веках вылилось не только в попытки на-

⁵⁷⁷ The Essence of Hayek. Stanford, 1984.-цитируется по: Новикова И. В. Глобализация как императив экономических реформ// Белорусский экономический журнал. - №3. – 1999 - С.6.

званных финансовых группировок устанавливать выгодные (прежде всего экономически) режимы в тех или иных странах и в усилении кровопролитных межгосударственных войн, не отвечающих интересам ни одной из воюющих стран (войны киевских князей с половцами в X – XI веках), но и в усилении идеологического противостояния как между этносами и государствами, так и внутри их (естественно, что в то время это принимало религиозную форму). В XIII веке купцы-рахдониты для установления своего господства над Великим шелковым путем, а также для того, чтобы пресечь локальные войны в зоне их торговых интересов и установить там режим «мира, как отсутствия войны» финансируют оснащение монгольской армии и делают материально возможным победоносный поход орд Тэмуджина.

Однако современная эпоха добавила много нового в этот процесс. Прежде всего это то, что социально-экономические субъекты, стремящиеся к господству в планетарном масштабе или к доминированию в крупных регионах, для оптимизации условий своей экспансии предпринимают значительные (в том числе и финансовые) усилия для уничтожения культурного, человеческого, административного и социального капитала в социально-экономических системах – объектах проникновения. При этом на государственном уровне могут использоваться следующие средства: экономические («свободная рыночная конкуренция» и т.д.); социально-этические; политические; военные и некоторые другие. Крупные иностранные предприятия, головные офисы которых находятся в регионах с некоммунальной материально-технологической средой и соответствующей ей культуре, открывая свои представительства в странах с коммунальной материально-технологической средой, стремятся к навязыванию своих корпоративных «этических» норм, которые позволяют не только сформировать у части своих сотрудников стиль поведения чуждый местным традициям, но и накопить определенный «корпоративный» социальный капитал, который будет выступать как элемент дестабилизации национальной социально-экономической системы. Оговоримся, что хотя в условиях социально-экономической глобализации и возрастает возможность, а также вероятность влияния на национальную социально-экономическую систему и на экономическую эффективность социального капитала в обществе зарубежных социально-экономических субъектов, но

главным в любом социуме по-прежнему остается сформировавшийся баланс интересов. Последние, как известно, могут носить трудовой, монопольный, уравнительный и собственно-социальный (системный) характер. Все эти интересы присущи любому обществу, вопрос заключается в преобладании одних над другими и, соответственно, в трансформации в зависимости от того, какие из них в данный момент доминируют во всей системе политических и экономических отношений.

В случае преобладания в обществе монопольных интересов, что предопределяет направленность экономической системы на реализацию частного индивидуального или группового интереса, этот интерес заключается в подчинении себе остальных интересов посредством концентрации собственности на хозяйственные блага, важнейших управленческих функций, власти, информации, наиболее важных видов труда и т.п. В этих условиях господствующие социально-экономические субъекты, используя накопленный ими социальный капитал, будут подавлять других субъектов, уменьшая их социальный капитал, функционирующий на уровне всего социума «Исторический генезис эгоцентричных (монопольных – С.С.) социальных структур... приводит к классовой поляризации общества, усилению неравенства и узких частных аспектов собственности, эксплуатации большинства меньшинством, усилению борьбы всех против всех, распаду системы»⁵⁷⁸. Для того, чтобы до известной степени нивелировать негативные последствия господства в обществе монопольных социально-экономических интересов независимые индустриально развитые государства, в том числе и существующие в некоммунальной материально-технологической среде, предпринимают значительные усилия по социализации сложившихся рыночных отношений, т.е. по оптимизации системных интересов и по наращиванию совокупного социального капитала. При этом экономически естественно стремление этих стран переложить часть своих расходов на другие государства.

В случае господства в обществе уравнительных интересов, преимущественная реализация которых основывается на принудитель-

⁵⁷⁸ Герасимов Н. В. Отчет отдела закономерностей развития производственных отношений социализма Института экономики АН БССР за 1988 год (рукопись). - Мн., 1988. - С.32.

ной коллективности, приоритете общественных начал собственности, относительное равенство в потреблении и неравенство в труде, эксплуатации меньшинства большинством и т.д., происходит концентрация прерогатив собственника на хозяйственные блага и функции на уровне социума в целом в руках государственного аппарата. При этом, ввиду слабовыраженной (латентной) социально-классовой дифференциации, что делает возможным формирование в обществе только одного социального класса, осознающего свои социально-классовые интересы, это ведет к тому, что названный класс обладает и наибольшим социальным капиталом и, соответственно, имеются предпосылки для трансформации уравнивательных структур в монопольные посредством группового присвоения рычагов регламентации общественной жизни.

При преобладании в социуме трудовых (продукционных) интересов (т.е. настроенности социально-экономических отношений собственно на труд, на интересы субъектов, как носителей трудовых функций и на наиболее эффективное производство материальных благ и их непосредственное потребление, ориентированное на эффективное воспроизводство) и собственно-социальных (системных) интересов (позволяющих частично устранить объективную несправедливость любой системы, состоящей в социально-классовой дифференциации и ограничений возможностей ее членов) социальный капитал, накапливаемый большинством социально-экономических субъектов будет позитивно сказываться на накоплении социального капитала на уровне всего общества.

Глава 13. Генезис, формирование и развитие социального капитала в Республике Беларусь

13.1. Генезис социального капитала белорусского общества.

Процесс формирования (или иначе генезиса) социального капитала неразрывно связан с возникновением и развитием социально-экономических субъектов, его персонифицирующих. Под генезисом социального капитала современного белорусского общества понимается возникновение, происхождение данного феномена и субъектов, его персонифицирующих, иначе говоря, - момент зарождения и последующий процесс развития, приведший к данному состоянию. Зарождение нового социального потенциала с последующей его капитализацией происходит в результате распада, ведущего к исчезновению отдельных элементов прошлых отношений и к перегруппировке оставшихся, в результате чего начинается новое развитие. Это происходит так, как будто указанные три процесса (отделение, элиминация и сохранение) высвобождают новые социальные силы и дают толчок дальнейшим перегруппировкам. Прежде чем описывать данный процесс, необходимо ответить на два вопроса: во-первых, когда начался процесс, приведший к накоплению ныне существующими экономическими (социально-экономическими и хозяйственными) субъектами различной степени агрегированности социального потенциала, непрерывно трансформирующегося в социальный капитал, направленный на оптимизацию частно-групповых (иногда государственных) интересов и, во-вторых, когда (хронологически) произошло становление данных структур?

События 1917 года в России во многом были предопределены социальным и социально-экономическим кризисом в сельском хозяйстве, ускоренным индустриальным развитием страны (за период с 1861 года до начала Первой мировой войны производство промышленной продукции увеличилось в 12,5 раза⁵⁷⁹, что вовлекло в

⁵⁷⁹ Очерки экономических реформ / Ю. Ф. Воробьев, Р. А. Белоусов, С. Н. Петликина и др.; отв. Ред. Воробьев Ю. Ф. // РАН, ин-т экономики, Акад. экон. наук и предпринимательской деятельности России. - М., Наука. 1993. - С.38.

капиталистический оборот сельское хозяйство (это вступало в противоречие с общинным и помещичьим землевладением), а также привело к резкому снижению количества социального капитала на уровне социума. Последнее было обусловлено политическим бесправием большинства населения империи, резким и значительным ростом имущественной дифференциации, когда рядом сосуществовали крайние проявления нищеты и богатства. Усугубляемая вырождением правящей элиты (которая не могла править по новому) и формированием у большинства социальных классов представления о сложившейся социально-экономической системе, как крайне несправедливой (низы не могли жить по старому) – обострилась классовая борьба в обществе, которая привела к преимущественному накоплению социального капитала на уровне социальных классов и социально-классовых групп.

В этой ситуации социальный капитал социально-классовыми субъектами использовался не на благо всего общества (или в производственных целях), а с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизнестойкости, в том числе и за счет насильственного свержения существующей политической системы, физического и экономического подавления социально-экономических субъектов. Это был исторический период, когда легко возникали социально-классовые группировки путем объединения социальных классов и социально-классовых групп с целью совместной борьбы за оптимизацию условий реализации своих социально-экономических интересов. Поскольку главным условием названной интеграции выступало временное совпадение интересов объединяющихся субъектов и явное противоречие их социально-экономическим интересам других социальных классов, такое объединение тех или иных социально-классовых субъектов происходило на достаточно короткий исторический промежуток, и, следовательно, накопления социального капитала на уровне данной надклассовой общности не происходило. По нашему мнению, это выступало важным фактором того, что в период гражданской войны бывшие классы-союзники и политические партии, отстаивающие их интересы, так быстро переходили из разряда друзей в разряд непримиримых врагов (например большевики и эсеры).

В эпоху гражданской войны, когда на первое место выступает эгональный классовый (групповой) интерес, когда усиливающееся

доверие и взаимопомощь внутри класса используется, прежде всего, для социально-экономического (а часто и физического) подавления иных субъектов, когда место в системе трудовых отношений, отношений собственности и политической системе определяется прежде всего не производственными способностями индивидов, а их принадлежностью к тому или иному классу (с учетом исторически обусловленной степени социально-классовой мобильности) и социально-экономической силой этого класса, как правило, происходит деградация экономической системы общества. Эта деградация, в свою очередь, ведет к существенному снижению среднего уровня потребления в обществе, что усиливает классовую борьбу, способствует разрушению остатков социального капитала на уровне социума и дальнейшему снижению производственного эффекта от функционирования национальной экономической системы. Вырваться из этого «заколдованного круга» не возможно без ускоренного накопления социального капитала на уровне общества. А для того, чтобы это произошло, необходимо формирование национальной идеи, воспринимаемой как реальная цель значительной частью (большинством) населения.

Рассмотрим это несколько подробнее. В конце XIX - начале XX века в Российской империи происходила общественная дискуссия по поводу решения национального земельного вопроса. Несмотря на возражения противников смены общинного землевладения (под воздействием аграрного кризиса и социально-классовой борьбы в деревне в 1902-1905 годах) реформа была осуществлена, но она оказалась неполной. Вместе с тем, изменения, происходившие в годы столыпинской реформы, способствовали быстрому росту крестьянских хозяйств и уменьшению помещичьего землевладения, так на одну дворянскую десятину приходилось крестьянских в 1894 году - 2, а в 1918 году - 5,5⁵⁸⁰. В результате чего «в 1914 г. более 80% всей пахотной земли в Европейской России оказались в руках крестьян»⁵⁸¹. У домохозяев средний размер отдельного «участка увеличил-

⁵⁸⁰ Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II - 1894-1917гг. в цифрах и фактах. - Мн.: Польша, 1991. - С.14.

⁵⁸¹ Очерки экономических реформ / Ю. Ф. Воробьев, Р. А. Белоусов, С. Н. Петликина и др.; отв. Ред. Воробьев Ю. Ф. // РАН, ин-т экономики, Акад. экон. наук и предпринимательской деятельности России. - М., Наука. 1993. - С.45.

ся с 10 дес. в 1907 г. до 18 дес. в 1915 г.»⁵⁸². Естественно, что такого рода изменения, охватившие около 80% населения страны, сопровождались существенными изменениями в социально-классовой структуре общества. Усиливалось социально-классовое расслоение крестьянства, наблюдался переход части крестьянства в другие социально-классовые общности. Естественно, что такого рода изменения повлекли за собой снижение социального капитала, накопленного классом крестьянством (в названный момент дистрахо-классом), как за счет формирования в нем различных социально-экономических групп с разнонаправленными интересами, так и за счет перехода некоторых его представителей в другие социально-классовые общности. Поскольку результатами аграрной реформы оказались недовольны почти все ее участники, что способствовало возрастанию социально-экономических противоречий в обществе и препятствовало развитию у крестьянства имперского самосознания, то в результате это не только не привело к ослаблению классовых противоречий, но и ускорило снижение урона социального капитала в таких «над-домохозяйственных» субъектах как социум, социальный класс, губернии, уезды и даже деревни.

Наряду с крестьянством к 1917 году в Российской империи существовали, как нами уже отмечалось ранее, следующие социальные классы: 1) класс помещиков; 2) класс капиталистов (включающий в себя промышленников и оптовых торговцев); 3) класс государственных управленцев; 4) класс управляющих (включающий в себя управляющих негосударственными коммерческими предприятиями); 5) класс служащих силовых структур; 6) класс интеллигенции (достаточно малочисленный); 7) класс кустарей и ремесленников; 8) класс мелких торговцев; 9) класс государственных служащих - не управленцев; 10) класс наемных рабочих (рабочий класс). Подавляющая часть пожилого населения империи существовала не за счет пенсионного обеспечения, а обеспечивалась детьми и внуками.

После 1917 г. происходит формирование новых советских классов: пенсионеров (в результате создания государственной пенсион-

⁵⁸² Очерки экономических реформ / Ю. Ф. Воробьев, Р. А. Белоусов, С. Н. Петликина и др.; отв. Ред. Воробьев Ю. Ф. // РАН, ин-т экономики, Акад. экон. наук и предпринимательской деятельности России. - М., Наука. 1993. - С.45.

ной системы), государственных служащих-неспециалистов, служащих силовых структур и государственных управленцев и происходит превращение последних из класса-слоя собственно в социальный класс.

На наш взгляд, понять феномен становления советского класса государственных управленцев («партийно-государственной бюрократии»), легкость и быстроту с которой он занял господствующее положение в обществе, не возможно без учета:

во-первых, феномена дифференциации социального капитала по определенным уровням и между различными социальными группами;

во-вторых, того, что практически на всей территории Российской империи (по-видимому, за исключением Латвии, Литвы, Финляндии, Эстонии, западных регионов Беларуси и Украины), а затем СССР, существовала коммунальная материально-технологическая среда. Последняя, как известно, формирует соответствующие экономические институты и определяет не рыночный, а раздаточный характер хозяйственной системы. Коммунальность материально-технологической среды, подразумевающая ее целостность, неразрывность связей между элементами, ее представление как единого комплекса, состоящего под общим управлением, предопределяет скорейшее накопление социального капитала на уровне общества;

в-третьих, закономерностей взаимозависимости динамики и высокой степени диссипативности таких социальных явлений как культура, институциональная и материально-технологическая среды. Названный тезис обозначает, что устойчивые, существующие как рамки для социально-экономического поведения, глубинные институциональные структуры, становление которых обусловлено материально-технологическими условиями возникновения и развития общества, неразрывно связаны (взаимообусловлены) не только с субъектными структурами их персонифицирующими⁵⁸³, но и с культурой, под которой, вслед за В. С. Степиным, нами будет в дальнейшем пониматься «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения

⁵⁸³ Солодовников С. Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки). -Мн.: Право и экономика.

социальной жизни во всех ее основных проявлениях. Программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус культуры, представлены разнообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т.д. В своей совокупности и динамики они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Культура хранит, транслирует (передает от поколения к поколению) и генерирует программы деятельности, поведения и общения людей. В жизни общества они играют примерно ту же роль, что и наследственная информация (ДНК, РНК) в клетке или сложном организме; они обеспечивают воспроизводство многообразия форм социальной жизни, видов деятельности, характерных для определенного типа общества, присущей ему природной среды..., его социальных связей и типов личности- всего, что составляет реальную ткань социальной жизни на определенном этапе ее исторического развития»⁵⁸⁴. Таким образом, культура представляет собой общественный способ удовлетворения потребностей. Такое понимание культуры позволяет связать ее напрямую с экономической системой. Исходя из задач нашего исследования, правомерно рассматривать цивилизацию как предметную форму структуры общества разделенного труда, материализованную в форме города, как очередного этапа социальной интеграции, возникновение которой коррелируется с началом урбанистической культуры и с неолитической технологической революцией, поэтому история развития технологии и разделения труда приобретает первостепенное значение для понимания происхождения цивилизации. Культура представляет собой систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни во всех ее основных проявлениях и представляющих собой общественный способ удовлетворения естественных потребностей, обычно многократно опосредованных. Экономическая система – это культурный феномен, представляющий из себя единый, устойчивый, организационно оформленный, относительно самостоятельный, ма-

⁵⁸⁴ Степин В. С. Культура // Всемирная энциклопедия: философия / Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С.524.

териально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни. Одновременного с возникновением цивилизации, культуры, экономической системы общества и политики возникают и развиваются в тесной взаимосвязи с ними и институциональные матрицы. Последние, в свою очередь формируются на основе базовых институтов, представляющих собой глубинные, исторически устойчивые формы социальных и социально-экономических связей, обеспечивающих интегрированность общества, содержащего в себе основные подсистемы – экономику, политику, идеологию, как единого целого;

в-четвертых, исторической специфики форм и методов классовой борьбы в период 1917-1941 годов;

в-пятых, способности в этот период нового класса государственных управленцев не только эффективно формировать социальный класс на уровне общества, но и монопольно присваивать результаты от его использования.

Рассмотрим это подробнее.

С точки зрения возможности изменения (сохранения) существующих отношений собственности определяющее значение имеет степень обладания социально-экономическим субъектом (в частности, социальным классом) властью, прежде всего политической. Так, после захвата большевиками (выразителями коммуноцентрических интересов) в октябре-ноябре 1917 года политической власти, они в то же время еще не обладали экономической властью, т.е. не стали собственниками производительных сил общества. Хотя с изменением политической организации общества неизбежно произошла трансформация отношений социально-экономического управления, которые и явились основой для дальнейшего преобразования экономической системы. В то время в городе подавляющая часть объектов собственности (и, соответственно, экономическая власть) по-прежнему находилась в руках крупной и средней буржуазии, государственных банковских и других (связанных с обслуживанием и контролем за производством и распределением) служащих, т.е. в руках выразителей монопольных интересов. Поэтому од-

ной из первых акций советского правительства была национализация банков, железных дорог и т.д. Вместе с тем, осознавая, что класс капиталистов, оставаясь собственником средств производства, реально держал в своих руках экономическую власть, что позволяло ему, как и прежде, претендовать на политическую власть, было осуществлено сначала ограничение его прав собственника на хозяйственные блага (введение рабочего контроля, государственное регулирование условий труда и т.д.), а затем, начала активно осуществляться политика национализации. Здесь следует подчеркнуть также, что попытки экономического сопротивления буржуазии активно подавлялись в то время политическими методами («красногвардейская атака на капитал»).

Данные преобразования в отношении собственности на хозяйственные блага позволили одновременно осуществить и преобразования в трудовых отношениях. Это директивное установление более короткого рабочего дня, введение льгот для работающих женщин и детей и т.д. Эти меры выражали не только уравнивательные интересы мало и средне квалифицированной части рабочего класса, но и экономические интересы, обусловленные трудовой детерминацией, высококвалифицированной части заводских и фабричных рабочих. Отметим, что через некоторое время, большевистская партия пошла на ущемление интересов последних путем фактической нивелировки оплаты их труда и труда низко-квалифицированной части рабочих, затем, в условиях гражданской войны РКП(б) пошла на строгую регламентацию трудовых отношений (удлинение рабочего дня, трудовая повинность и т.д.). Являясь следствием преобразования отношений собственности, изменение трудовых отношений в свою очередь способствовало их закреплению.

Государство диктатуры пролетариата осуществило национализацию земли исходя из того, что основным средством производства является земля, а значит тот, кто ею владеет, наделен существенной экономической властью. Данная акция, ущемляя монопольные интересы крупных собственников земли, была поддержана в деревне как выразителями уравнивательных, так и трудовых интересов. Затем РКП(б) была осуществлена политическая попытка отторжения бывшей помещичьей земли у крестьян и создания на ее базе совхозов, что должно было обеспечить дальнейшее усиление экономических позиций рабочего класса в деревне и явилось проявлением

стремления к реализации уравнительных интересов, которые преобладали в то время среди индивидов, входящих в рабочий класс (и у беднейшего крестьянства). Однако эта попытка встретила решительное сопротивление крестьянства. Лишь в 1928-1933 годы ВКП(б), опираясь на носителей коммуноцентрических интересов в селе (в 1928-1929 годах удельный вес «бедноты» в деревне составлял 35%) осуществила отторжение земли у крестьян и создала на ее базе совхозы и колхозы. Последнее обеспечило дальнейшее усиление экономических позиций носителей уравнительных интересов в деревне.

Примерно в то же время была осуществлена централизация (с жестким государственным контролем) мелких производителей в городе. В результате была создана экономическая система, обусловленная коммуноцентрической детерминацией. В СССР она характеризовалась созданием двух социальных классов, являющихся (преимущественно) носителями уравнительных интересов: рабочего класса и класса колхозного крестьянства. Созданная система требовала сильного государственного аппарата, что привело к созданию класса государственных управленцев. Формируясь в самостоятельную силу, имея, соответственно, специфические экономические интересы (тяготеющие к монопольным), государственные управленцы (бюрократия) начинают активно их отстаивать. Зачастую это шло в ущерб уравнительным интересам рабочего класса и крестьянства. Уже в 1920-1922 годах лидер РКП(б) В. И. Ленин был вынужден это признать. Он в частности отмечал: «Самый худший у нас внутренний враг - бюрократ...»⁵⁸⁵. «Государство у нас рабочее с бюрократическим извращением... Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства»⁵⁸⁶.

⁵⁸⁵ Ленин В. И. О международном и внутреннем положении Советской республики. // Полн. собр. соч.-5-е изд.-М.: Политиздат, -1982. - Т.45. - С.15.

⁵⁸⁶ Ленин В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого. // Полн. собр. соч.-5-е изд. -М.: Политиздат, -1981. - Т.42. - С.208.

Возможность такого рода действий со стороны государственных управленцев было предопределено фактическим присвоением ими функций управления обществом. Иначе говоря, со временем произошло перераспределение прерогатив собственников между ними и рабочим классом в пользу первых. Сразу же отметим, что на наш взгляд, присвоение советской бюрократией функций управления в таком объеме в котором это произошло в 20-30-е годы прошлого столетия стало возможным, прежде всего, потому, что в российских условиях коммунально-материально-технологической среды адекватные данной среде культура и институциональная среда не были уничтожены в годы трех русских революций и гражданской войны, а продолжали существовать в различных, зачастую трансформированных формах.

Соответственно, как только большевики убедительно победили в гражданской войне (т.е. сломали те социально-классовые группы, которые были способны к активным силовым действиям в защиту своих социально-экономических и политических интересов) и начали формировать коммунистическую идеологию, декларирующую приоритеты общего над частным и опирающуюся на лозунги построения справедливой социально-экономической системы, действующей в интересах большинства населения – «всего трудового народа», начала быстро разворачиваться в новых институциональных формах культура коммунально-технологической среды. Народ, уставший от тягот и невзгод гражданской войны, с легкостью усваивал основные идеи нового коммунистического мировоззрения и даже не полностью соглашаясь с ним по каким то нравственным вопросам, быстро создавал социальный потенциал на уровне общества, который в процессе его формирования и капитализации присваивался классом государственных управленцев. На наш взгляд, именно то, что новый класс советских государственных управленцев сумел создать условия для быстрого накопления социального капитала на уровне общества и внутри своего социального класса, а также присвоить себе этот капитал, обусловило формирование в СССР экономической модели, которая наиболее четко может быть определена категорией – государственный капитализм.

Социальный капитал, накопленный на уровне общества, использовался в Советском Союзе не только в эгональных интересах партийно-бюрократической номенклатуры, но и в продукционных ин-

тересах (а индустриальные успехи первых пятилеток были очевидны), т.е. такое положение вещей до определенного периода устраивало все остальные классы, которые так и не смогли организационно оформиться и стать классом «для себя». Напомним, что, как известно, важным источником уравнительных структур являются соответствующие нравственные ценности человека. Уравнительность, как способ борьбы за возвышение своего положения, переходная ступень к последующему возвышению подразумевает эксплуатацию меньшинства большинством. В Советском Союзе в условиях разрухи в становлении уравнительных отношений было экономически заинтересовано большинство населения. Но, поскольку для поддержания уравнительных структур необходима концентрация прерогатив собственника на хозяйственные блага и функции на уровне социума в целом в руках государственного аппарата, то это предопределило трансформацию уравнительных структур в монопольные.

В период НЭПа социально-экономическая модель хозяйствования была построена исходя из экономических интересов рабочего класса, класса государственных управленцев, класса государственных служащих-неспциалистов (не смотря на то, что отношения социально-экономического управления и собственности, существующие в этот период, предоставляли значительно больше, чем при «военном коммунизме» возможностей для реализации трудовых экономических интересов, - через многоукладность экономики). Иначе говоря, данная модель основывалась, главным образом, на уравнительной и монопольной детерминации, т.е. в основу ее были положены уравнительные и монопольные экономические интересы. Новая экономическая политика обеспечила быстрое развитие советской экономики и формирование социального капитала.

Основы профессиональной и социально-классовых структур советского общества были заложены в 20-30-е годы в результате проведения в стране индустриализации и коллективизации. Индустриализация (начавшаяся в конце 20-х годов) обеспечила создание и развитие машинного производства и, прежде всего, тяжелой индустрии, обуславливающей коренную реконструкцию экономики на основе современной (для того времени) техники. Подчеркнем, что одной из важных особенностей формирующейся социально-классовой структуры советского общества было то, что, во-первых,

накопление социального капитала на уровне классов и социально-классовых групп происходило не равномерно. Наиболее быстро этот капитал формировался в такой общности как государственные управленцы, на втором месте по уровню накопления социального капитала шел рабочий класс; во-вторых, социальный капитал, накопленный на уровне всего общества в СССР использовался как в производственных целях, так и для преимущественной реализации эгональных социально-экономических интересов класса государственных управленцев, с учетом (во вторую очередь) эгональных экономических интересов рабочего класса. Экономические потребности других социально-классовых субъектов удовлетворялись в последнюю очередь и, в-третьих, поскольку социальный капитал последних субъектов накапливался в незначительных количествах, они не могли организованно выступить с целью изменения сложившейся в обществе системы экономических интересов. Последнее во многом предопределило высокую степень диссипативности советской экономической системы, персонифицированной в социально-классовой структуре.

Следует отметить, что проведение индустриализации и создание качественно новой технологической базы производства обусловило и формирование адекватной ей профессиональной структуры. Последнее сопровождалось значительными перемещениями населения и привлечением к индустриальному труду большого количества вчерашних крестьян.

Осуществление, начиная с 20-х годов XX века, сплошной коллективизации сельского хозяйства (т.е. преобразование мелких, единоличных крестьянских хозяйств в крупные государственные (совхозы) и коллективно-государственные (колхозы) хозяйства) вызвало существенное изменение в характере профессиональных функций отдельных работников. Это, прежде всего, заключалось в замене крестьянина-единоличника, который выполнял все трудовые функции в своем хозяйстве один (или с привлечением членов своей семьи) на колхозного крестьянина, который был вовлечен в процесс внутриколхозного разделения труда. Иначе говоря, последний мог быть строителем, животноводом, полеводом, работать в конторе, а также быть бригадиром, председателем колхоза, звеньевым или же простым работником. С приходом в деревню техники, различные профессиональные группы внутри колхозов и совхозов стали разли-

чаться характером труда еще существенней. Кроме того, осуществление коллективизации означало значительное уменьшение хозяйственной самостоятельности (по сравнению с доколхозным периодом) работников сельского хозяйства.

Сложившаяся в конце 30-х годов профессиональная структура советского общества, подвергаясь незначительным модификациям (в соответствии с происходящими структурными сдвигами в общественном производстве), просуществовала до недавнего времени. Имущественная и объемно-правовая структуры советского общества также в основном сформировались в период индустриализации и коллективизации. Именно на протяжении 20-30-х годов в СССР остались практически две формы собственности на хозяйственные блага: государственная и колхозно-кооперативная. Это сопровождалось присвоением государством все больших прерогатив собственников.

Как результат данной эволюции отношений собственности и социально-экономического определения в советском обществе, государство стало верховным собственником подавляющей части хозяйственных благ. Остальные хозяйственные блага (официально не относимые к «общественной», т.е. государственной собственности) также в немалой степени контролировались (т.е. в отношении их осуществлялась такая прерогатива собственника как распоряжение, а иногда и пользование теми или иными объектами собственности). Примером этому может служить колхозно-кооперативная собственность, собственность общественных организаций и т.д.

Функции государства как собственника персонифицировались в классе государственных управленцев. Поддержка большинством населения в 30-е годы XX века, как нами уже отмечалось, политики индустриализации, благодаря верно выбранной коммунистической партией идеологической позиции, обеспечили жизненность данной социально-экономической системы. Сложившаяся и принятая большинством населения система политических и идеологических отношений способствовала стабилизации советской экономической модели (государственного капитализма).

Уже с первой пятилетки коммунистическая партия играла в работе государственных органов активную роль, постепенно вытеснив эти органы с ключевых позиций. А после претворения в жизнь решений XVIII партконференции (1941 год) руководящие партийные

органы превратились в государственные структуры с идеологической окраской.

Именно в 30-е годы управленцы из класса-слоя превратились в собственно социальный класс. Одновременно все остальные социально-классовые субъекты становятся классами-слоями или дистрахо-классами. Однако причина здесь не в том, что как отмечает, например, О.С. Осипова: «в советском обществе, для которого была характерна директивная модель, экономические классовообразующие механизмы заменялись внеэкономическими, административно-волевыми»⁵⁸⁷. Процесс образования социальных классов - естественно-экономический процесс и зависит от административно-волевых решений очень опосредованно (выше раскрыт механизм этого влияния через развитие, присвоение и капитализацию социального потенциала общества и самого этого социального класса). Поэтому приведенная точка зрения данного автора хотя и является достаточно распространенной в настоящее время, но ввиду крайнего упрощения сущности социально-классовых явлений ведет к их примитивно механистическому рассмотрению. Естественно, что с таким подходом нельзя согласиться.

То, что практически все реально существующие социальные классы не смогли в этот исторический период оформиться в собственно социальные классы, а остались на уровне классов-слоев было обусловлено тем, что класс управленцев сумел навязать подавляющей части населения нужную ему идеологию, а так же создал такую политическую организацию общества, которая позволяла ему монополизировать право на заявление экономических и политических интересов всех социально-классовых общностей. Все это было воплощено в советской институциональной матрице, опирающейся на коммунальную материально-технологическую среду, которая могла эффективно функционировать только в условиях сохранения описанной выше системы воспроизводства и распределения в обществе социального капитала.

Сложившаяся в это время в СССР административно-командная система управления низводила людей до положения «винтиков» государственного механизма. Завершилась бюрократизация советско-

⁵⁸⁷ Осипова О. С. Социальная стратификация и политика.- Гомель: Белорус. ин-т инженеров ж.-д. Транспорта, 1993. - С.60.

го общества («бюрократизация общества - это не что иное, как превращение высших его слоев в чиновников»)⁵⁸⁸, что неминуемо ознаменовалось увеличением социального статуса высших слоев общества⁵⁸⁹. Фактически все общество, как уже отмечалось, по объемно-правовому критерию было реально разделено на две большие группы (причем это деление в почти неизменном виде сохранилось до конца 80-х годов). Индивиды, входящие в первую группу, монополизировали все важнейшие управленческие функции в обществе, власть, информацию и т.д. Данный класс (класс государственных управленцев) обладал монопольной собственностью на ряд социально значимых профессий, на экономические условия производства и лучшие предметы потребления. Соответственно произошла концентрация прав и власти в обществе у индивидов, составляющих данный класс. Индивиды, входящие во вторую группу (группу «обделенных»), не выполняли никаких управленческих функций, они были лишены собственности на экономические условия производства и лучшие предметы потребления. Люди, состоящие в данной группе, были лишены власти и социально важной информации. Они так же были лишены средств и условий для заявления и отстаивания своих интересов, т.е. в политических отношениях они абсолютно бесправны. Одновременно с названным процессом в обществе сформировалось мнение, что только физический труд является производительным, что выступало ментальной основой господствующей в этот период марксистско-ленинской идеологии.

Напомним, что в 30-е годы XX века в СССР существовали следующие социальные классы и классоподобные группы: государственные управленцы («номенклатура»), рабочий класс, служащие силовых структур, колхозное крестьянство, интеллигенция, кустари и ремесленники (исчезающий класс), служащие-неспециалисты, пенсионеры, криминалы (синкретичный класс), дети. Начало формирования криминалов в классоподобную группу, с накоплением в ней социального капитала, относится к периоду конца 10-30-х годов. Осознание этой группой своих интересов и институционализация ее внутренней структуры завершилось в 40-50-е годы, одновременно со становлением института воров в законе.

⁵⁸⁸ Вебер А. Чиновник // Социологические исследования. - 1988. - №6. - С.121.

⁵⁸⁹ Вебер А. Чиновник // Социологические исследования. - 1988. - №6. - С.122.

Класс управленцев по мере развития советского общества все больше приобретал черты класса-сословия, играющего ведущую роль в управлении обществом. Однако такое монопольно привилегированное социально-экономическое, политическое положение этого класса, доступ в который был существенно затруднен, создавало условия для вырождения правящей элиты советского общества. Когда к началу 80-х годов XX века моральная и профессиональная деградация партийно-государственной бюрократии стала очевидна большинству населения страны, начался процесс резкого сокращения уровня социального капитала на уровне общества, приведшей, в конце концов, к крушению советской социально-экономической системы.

13.2. Формирование и функционирование социального капитала в Республике Беларусь.

В 1995 году в Республике Беларусь достигается макроэкономическая стабилизация и создаются определенные предпосылки для экономического роста. Это было обусловлено, прежде всего, тем, что сформировавшаяся на почве неприятия прежнего пути социально-экономического и политического развития по которому пошла страна в начале 90-х годов социально-классовая группировка обеспечила приход к власти Президента А. Г. Лукашенко, что обеспечило изменения социального и экономического курса развития страны. Эта группировка, легко возникшая путем объединения таких социальных классов и социально-классовых групп как рабочий класс, крестьянство, интеллигенция и пенсионеры с целью совместной борьбы против доминирования экономических государственных управленцев, предпринимателей, частных собственников и криминалов, не могла быть долговечной. Естественным образом, после выполнения своей функциональной задачи она распалась, поскольку субъекты, в нее входящие, обладали различными социально-экономическими интересами.

В этот период наша страна относится к типу социальных систем, определяемых категорией «общество переходного периода». Исходя из целей и задач данного исследования, представляется правомерным понимание постсоветской белорусской реальности (общества переходного периода) «... как времени и пространства качественных, революционных трансформаций...»⁵⁹⁰, что позволяет сделать ряд существенных выводов, в частности, «... зафиксировать, что содержанием переходной экономики является не столько реформирование экономической политики и методов хозяйствования, сколько преобразование системы социально-экономических отношений. Меняются практически все слагаемые экономики: способ аллокации ресурсов и отношения собственности, тип воспроизводства и модели мотивации, цели и средства экономического развития, институты

⁵⁹⁰ Бузгалин А. Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. - 1995. - №2. - С.40.

и право»⁵⁹¹. Профессор А. Бузгалин отмечает по этому поводу: «основной детерминантой социально-экономических процессов в переходном обществе служат неэкономические факторы развития; экономические факторы создают лишь «область допустимых значений» трансформации. Обоснование достаточно просто: качественные изменения в экономике осуществляются на объективной основе, но субъективными методами»⁵⁹². Таким образом, «складывающаяся как продукт противоречия инерционности и качественных изменений и под определяющим воздействием неэкономических факторов переходная экономика не может не быть неустойчивой, нестабильной»⁵⁹³.

Экономика в Беларуси становится смешанной экономикой с большим разнообразием поведения, что достигается аккумуляцией и сохранением наиболее ценного из существующих социальных форм деятельности, к какому бы социальному укладу они не относились. При этом смешанной экономикой называется экономика, главными целями которой является достижение определенного уровня развития индивида и общества в области науки, культуры и нравственности, качества жизни и устойчивого развития. Воспроизводство человека как личности, способной к эффективному труду и рациональному материальному потреблению, укрепление семьи как базового социального института, оптимизация социальной структуры, решение демографических проблем, повышение жизнеспособности социума в целом составляют важнейшие ценностные ориентиры функционирования смешанной экономики. Сказанное реализуемо, только если постоянно применяются социальные приемы межгруппового и внутригруппового компромисса, способствующие постоянному наращиванию социального капитала на уровне общества в целом, - система культурных ценностей, мораль, право, методы социальной эксплуатации, цели и формы классовых конфликтов; в итоге хозяйственные и политические задачи могут решаться ценой

⁵⁹¹ Бузгалин А. Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. - 1995. - №2. - С.40.

⁵⁹² Бузгалин А. Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. - 1995. - №2. - С.40.

⁵⁹³ Бузгалин А. Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. - 1995. - №2. - С.41.

относительно меньших социальных потрясений⁵⁹⁴. При таком подходе достижение заявленных целей смешанной экономики невозможно без целенаправленного и последовательного регулирования социально-классовых отношений и наращивание социального капитала как на уровне всего общества, так и в тех экономических субъектах, которые используют данную форму капитала преимущественно в продукционных целях.

Новый экономический курс в Республике Беларусь, начатый с приходом к власти А. Г. Лукашенко, заключался в развитии социально-ориентированной модели рыночной экономики, когда государство стремится обеспечить всем своим гражданам определенные базовые социальные и экономические гарантии. В этот период белорусский социум по прежнему остается переходной социальной системой, отличающейся динамизмом социальных и экономических процессов. Естественно, что это вело к дополнительным сложностям (наряду с собственно гносеологическими) при построении сценариев социально-экономического развития страны. Любой научный прогноз относительно перспектив развития будет неизбежно носить вероятностный характер, что предопределяется, во-первых, полифакторностью данного процесса, во-вторых, неудовлетворительным состоянием отечественной социально-экономической статистики и, в-третьих, неразвитостью самого сценарного подхода.

Как справедливо отмечается в литературе «сценарный подход как направление исследования социально-экономических систем находится сейчас... в фазе своего становления»⁵⁹⁵. Об этом свидетельствует как признание многими исследователями необходимости использования данного метода, так и существование разночтения при его реальном применении⁵⁹⁶.

⁵⁹⁴ Васюченко Л. П., Гаврилюк В. В., Забелова И. В. и др. Характер, структура и факторы формирования экономических отношений. - Мн.: Наука и техника, 1992. - С.71-74; Медведев Е. К. Категории теории собственности (очерки методологии). - Мн.: Право и экономика, 2000. - С.54-59, 86-88.

⁵⁹⁵ Шибалкин О. Ю. Проблемы и методы построения сценариев социально-экономического развития./ РАН, ин-т народнохозяйственного прогнозирования. - М.: Наука, - 1992. - С.9.

⁵⁹⁶ Майминас Е. З., Тамбовцев В. Л., Фонотов А. Г. К методологии обоснования долгосрочных перспектив экономического и социального развития СССР // Экономика и математические методы. -1986.-Т.XXII. Вып.2. -С.207-219; Фелингер А. Ф. Статистические алгоритмы в социологических исследованиях. - Новосибирск:

Экономическая система общества переходного периода носит «внесистемный» характер, т.е. в ней не действуют в полной мере экономические связи ни прошлой, ни будущей ступени. Социально-экономические институты этого периода представлены остатками старых форм, элементами новой фазы, а также переходными (смешанными) формами и отношениями. В результате этого направления эволюция социально-экономических отношений формируются под воздействием двух тенденций: с одной стороны - преемственностью с прежней структурой (инертностью), с другой - необходимости преимущественного развития новых субъектов и отношений. Для переходной экономики в целом характерна, как справедливо отмечает В. В. Радаев: «...неустойчивость, альтернативный характер развития, резко возрастающая роль субъективного фактора»⁵⁹⁷.

В результате этого и ряда других причин первоначально белорусская экономическая модель создавалась методом проб и ошибок, что несколько повышало транзакционные издержки. Тем не менее, этот путь развития, адекватный сложившейся социально-экономической ситуации, коммунальной материально-технологической среде, белорусской культуре и базовым институтам, привел к росту социального капитала на уровне общества, в ряде социальных классов (которые начинают осознавать свои реальные экономические интересы и оформляются в собственно социальные классы, как, например, рабочий класс) и хозяйственных субъектов, обеспечил устойчивый рост белорусской экономики, улучшение ее структуры, повышение доходов большинства населения и т.д. Вместе с тем, названные позитивные процессы сопровождалось усилением уравнивающих ин-

Наука, 1985. - С.152; Фонов А. Г. Ресурсный потенциал: планирование, управление. - М.: Экономика, 1985; Ясин Е. Г. О проблемах согласования компонентов хозяйственного механизма // Экономика и мат. методы.1982.Т.XVIII, Вып.3. - С. 389-400; Amara R.,Lipinski A. Business planning for an uncertain; Contemporary social problems. New York: Columbia univ. press. 1976.- P.54-66; Handbook of futures research/ Ed. by J. Fowles.- New York: Plenum press,1978; Kahn H. World economic development: 1979 and beyond.- New York: Acad. Press, 1979; Kahn H. Wiener A. The year 2000: A framework for speculations on the next 33 years.- New York: Morrow & Co, Inc.,1967; Mesarovic M.,Pestel E. Mankind at the turning point: The second report to the Club of Rome.- New York: Acad/ Press, 1974; The Delphi method: Techniques and applications / Ed. by H. Linstone.-L.,1975.

⁵⁹⁷ Радаев В. В. Закономерности и альтернативы переходной экономики // Российский экономический журнал. - 1995. - №9. - С.64-65.

тересов, которые постепенно начинают детерминировать белорусскую социально-экономическую систему в коммуноцентрическом направлении. Объективной предпосылкой для этого выступила коммунальная материально-технологическая среда и адекватные ей базовые институты.

По нашему мнению, для ослабления уравнилельных тенденций в подобных системах и экономически оптимальному развитию рыночных отношений, в отличие от систем, базирующихся на коммунальной материально-технологической среде, необходимо не только создавать институциональные условия для функционирования мелких и средних предпринимателей, но и разрабатывать специальные государственные программы по убеждению населения (особенно в сельской местности, малых городах и экономически депрессивных регионах) заниматься коммерческой деятельностью. Так, например, было бы целесообразно разработать концепцию развития предпринимательства в сельской местности, включающую в себя: проведение системных мероприятий по убеждению временно (и/или постоянно) не работающего населения заняться индивидуальным предпринимательством; проведения за счет бюджета обучения на добровольной основе индивидуальных предпринимателей (или желающих ими стать) основам юридической и экономической грамотности; создания на районном уровне системы обязательного информирования лиц, желающих заниматься индивидуальной предпринимательской деятельностью о ситуации на местном рынке тех услуг, которые они собираются оказывать, или тех товаров, которые они хотят производить, с тем, чтобы снизить предпринимательские риски; разработки системы льготного кредитования для малого бизнеса на селе на основе экспертной оценки финансовой состоятельности кредитуемых проектов и т.д.

Сегодня в Республике Беларусь завершается первый этап развития социально-ориентированной рыночной экономики, на котором государство сумело обеспечить всем своим гражданам определенные базовые социальные и экономические гарантии, что естественно способствовало реализации уравнилельных интересов и, соответственно, породило у части населения иждивенческие настроения, и начинается переход ко второму этапу, на котором планируется настроить экономические отношений собственно на труд и на интересы индивидов как носителей трудовых функций,

ориентировать социально-экономические и политические отношения на наиболее эффективное производство материальных благ и их непосредственное потребление «по труду», и за счет этого перейти к инновационному пути развития, основанному на широком использовании последних достижений НТП. Наша республика снова оказывается в переходном периоде, для которого характерно резкое возрастание субъективного фактора. При этом возникает необходимость государственного и общественного нивелирования отрицательного воздействия со стороны социальных субъектов, чьи экономические интересы не совпадают, либо совпадают не полностью с созданием в Беларуси социально-научного сообщества и постиндустриальной экономики. При этом следует учесть замечание И.Е. Дискаина, которое он отнес к России, но которое имеет прямое отношение и к нашей республике. Названный автор отметил, что прежде чем говорить о создании современной рыночной экономики «...следует обратить внимание на перспективы становления институциональной среды как необходимого условия для функционирования политической демократии и рыночной экономики... в России в ходе трансформационного процесса сложилось глубокое макросоциальное противоречие. С одной стороны, функционирование экономических и политических институтов с необходимостью требует становления адекватной институциональной среды, с другой – данный процесс не может опираться на прочную общезначимую хозяйственную и политическую этику, задающую соответствующие нормы поведения и являющуюся моральной опорой для применения санкций за их нарушение. В стране (в Российской Федерации – С.С.) нет ни одного из условий для того, чтобы подобная этика могла выполнять свою макросоциальную функцию. В число таких условий, необходимых для актуализации у большинства населения значимых соответствующих социальных ценностей, входят: прочная историческая традиция приверженности к легальным институтам, прежде всего к соблюдению законов; искренняя религиозность, обеспечивающая связь этических и религиозных норм; идеологическая мобилизация, увязывающая этические нормы с приверженностью к доминирующей, разделяемой большинством населения идеологической доктрине; доверие к харизматическому лидеру, вы-

ступающему в качестве инстанции, устанавливающей и поддерживающей статус этических норм»⁵⁹⁸.

Из вышеназванных условий, а в данном случае И.Е. Дискин по существу ведет речь о главных факторах успешного формирования социального капитала на уровне общества, в Республике Беларусь имеется ряд преимуществ по сравнению практически со всеми постсоветскими странами. Сегодня по низкому уровню коррупции в органах государственного управления, по признанию значительной частью населения необходимости и полезности соблюдения законов наша страна лидирует в странах СНГ. В Беларуси растет искренняя религиозность населения, строятся новые храмы и туда приходит молодежь. У нас есть харизматический лидер, успешно выступающий в качестве инстанции, устанавливающей и поддерживающей статус этических норм.

Вместе с тем, в республике по прежнему не создана доминирующая, разделяемая большинством населения идеологическая доктрина, которая могла бы способствовать идеологической мобилизации общества, обеспечивающей дополнительный устойчивый прирост ВВП. Причин этому несколько: во-первых, по-прежнему наблюдается перераспределение финансовых потоков в пользу традиционных (аграрного, индустриального) технико-технологического укладов, а сферы экономики, формирующие постиндустриальный уклад и непосредственно определяющие уровень развития человеческого капитала и значительно влияющие на социальный капитал (наука, высшие и средние специальные заведения), финансируются по остаточному признаку; во-вторых, по-прежнему продолжается экономическая дискредитация гуманитарных наук, в частности, существует устойчивая тенденция преимущественного государственного финансирования прежде всего естественных наук, отдача от которых в приросте ВВП незначительна, т.к. основной прирост ВВП в республике достигается сегодня за счет административного, человеческого и социального капиталов; в-третьих, недостаточный профессиональный уровень (и/или нежелание продуктивно работать) части государственных управленцев, которые подменяют идеологическую работу формальными отчетами, приводит к тому, что они

⁵⁹⁸ Дискин И. Е. Хозяйственная система России: проблемы институционального генезиса // Общественные науки и современность. - 1998. - №4. - С.8.

существенно понижают тот идеологический эффект, которому способствует деятельность А. Г. Лукашенко; в-четвертых, в стране отсутствует постоянное финансирование работ (и сами они носят спорадический характер) по созданию и постоянному совершенствованию национальной идеологической парадигмы и экономической идеологии. Следует помнить к чему привело СССР то обстоятельство (наряду, конечно же с некоторыми другими), что по инициативе Политбюро ЦК КПСС полностью отсутствовало финансирование работ по выработке научного обоснования проводимой перестройки.

Сегодня для формирования в республике социального капитала и возрастания его участия в приросте ВВП необходимо пройти несколько взаимосвязанных (и зачастую параллельно протекающих) этапов:

во-первых, необходимо законодательно закрепить за экономическими субъектами такие функции в обществе, которые соответствуют движению к социально-ориентированной экономической системе. При этом изменение законодательства должно происходить в направлении усиления целенаправленного регулирования государством (институциональными методами и созданием соответствующей этому правовой базы) социальной структуры общества на основе создания приоритетно стимулирующих условий для развития групп и классов, являющихся выразителями трудовых и системных интересов и определяющих успешность накопления социального капитала на уровне общества и перехода к постиндустриальному пути технологического развития, прежде всего таких как: интеллигенции, менеджеров, государственных управленцев, а также целенаправленное качественное изменение классов: рабочих и крестьянства (в направлении роста их профессионализма и адаптации к новым постиндустриальным технологиям), класса служащих силовых структур (в направлении сокращения их численности и роста профессионализма). Также необходимо обеспечить защиту социально-экономических интересов детей и учащейся молодежи, сокращение деклассированных групп;

во-вторых, для ослабления уравнительных тенденций, которые неизбежно возникают в социально-ориентированной модели, базирующейся на некоммунальной материально-технологической среде, необходимо институционально содействовать формированию на

уровне хозяйственных субъектов социального капитала («корпоративной культуры») в тех формах и объемах, пока он (социальный капитал) используется главным образом в производственных целях, а не становится выразителем монопольных экономических интересов и не препятствует накоплению социального капитала на уровне общества;

в-третьих, в трансформационных экономических системах необходимо, чтобы государство играло ведущую роль в согласовании социально-экономических интересов социальных субъектов (для снижения социальной напряженности в обществе, роста социального капитала на общественном уровне, увеличения социального капитала в социальных группах, в том числе в классах, и хозяйственных субъектах в формах и пропорциях, не искажающих сущность белорусской социально-экономической модели – социально-ориентированная, устойчивая, рыночная). При этом необходимо учитывать, что специфика функционирования социального капитала в Республике Беларусь позволяет говорить о потенциальных возможностях понижения производственного эффекта от социального капитала в масштабах национальной экономики за счет чрезмерного развития социального капитала как на уровне общества (ведущего к усилению уравнивательных тенденций в экономической жизни – раздаточный характер распределения, свертывание товарно-денежных отношений и т.д.), так и на уровне частных социально-экономических субъектов (приводящего к усилению монопольных тенденций);

в-четвертых, необходимо проводить целенаправленную политику, делающую невозможным присвоение социального капитала, накопленного на уровне общества, частными экономическими субъектами – социальными классами, группами, крупными хозяйственными субъектами и т.д.;

в-пятых, необходимо в ближайшие годы преодолеть ряд негативных факторов, отрицательно влияющих на накопление человеческого и социального капиталов: распределение средств государственного бюджета не в пользу науки; недостаточное число работников науки и научного обслуживания, что явилось следствием длительного сокращения их численности (за последние пятнадцать лет в республике численность работников, выполняющих научные исследования и разработки сократилась в 3,7 раза, в том числе исследователей – в

3,5 раза)⁵⁹⁹; снижение среднего квалификационного уровня преподавателей высшей школы, что не может негативно не сказаться на качестве подготавливаемых студентов; дискредитация фундаментальной науки, что отрицательно сказывается на уровне подготовки научных кадров; нехватка промышленных рабочих высшей квалификации (в Германии их 52% от общего числа индустриальных рабочих, в США – около 40%, в Беларуси – 7-8%);

в-шестых, необходимо формирование новой экономической идеологии путем:

- осознания социальными группами и классами своих социально-экономических интересов и на этой основе самоидентификация общественных групп в новом социально-экономическом пространстве (именно в регулярно повторяющихся актах борьбы за совместную реализацию своих экономических интересов происходит объединение индивидов в элементарные социальные группы и классы), что помимо прочего будет способствовать построению гражданского общества;

- осознания большей частью людей зависимости своего социального и экономического положения от успешности социально-экономического развития социума в целом (адаптация к новому статусу и роли);

- формирования у субъектов хозяйствования экономического поведения, адекватного социально-ориентированной экономике;

- формирования у большинства работников новой трудовой постиндустриальной культуры и адекватных ей социальных качеств;

- прекращения экономической дискредитации науки, системы высшего образования и возрастания роли науки о человеке, обществе, природе в процессе сознательного регулирования социальных и социально-экономических процессов;

- государственного финансирования системных мероприятий по научной разработке государственной идеологии.

⁵⁹⁹ Рассчитано по: Коршунов А. Н., Артюхин М. И. и др. О состоянии и перспективах развития науки в республике Беларусь (по итогам 2003 года). - Мн.: ГУ «БелИСА», 2004; Темашевич В. Н. и др. Наука и новации в Республике Беларусь. 2003: Статистический сборник. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2004; Артюхин М. И., Иванов В. Ф. и др. Развитие науки в Беларуси: Статистический сборник. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2003.

Глава 14. Оценка социального капитала современной Беларуси

Весь опыт исследования позволяет автору сделать вывод, что оценить социальный капитал в современной Беларуси можно только через систему качественных показателей, учитывающих, прежде всего, политико-экономическую и институциональную природу социального капитала. При этом, учитывая теоретико-гносеологические и стратегические ошибки экономической политики, проводимой в странах СНГ и Восточной Европы в 90-х годах прошлого века, необходимо установить критерии выбора теоретической базы государственной социально-экономической политики (соответствующие движению к социально-ориентированной преимущественно-рыночной институциональной модели устойчивого развития). По нашему мнению, к таким критериям следует отнести: соответствие теории практике общественного развития, обобщение мирового опыта развития социумов; отражение эволюционного, исторически преходящего характера общественно-экономических систем; приоритетная нацеленность теории на решение стратегических, перспективных социально-экономических задач; обязательный учет объективно имманентной апологетики в любой гносеологической конструкции; социально-политическая направленность экономической теории; критичность и прагматизм. Именно поэтому при измерении и оценке социального капитала в Республике Беларусь были использованы такие политэкономические подходы как цивилизационный, институционализм и неомарксизм. Автором также использовался эмпирический материал, накопленный неоклассической экономической теорией в части опыта функционирования эффективной рыночной экономики. При этом не следует забывать, что, как справедливо отметили А. Бузгалин и А. Колганов, главной причиной востребованности неоклассической экономической теории в качестве фундамента постсоциалистической трансформации в начале 90-х годов было то, что «на economics есть социальный заказ ... Для господствующей практики (точнее - практики хозяйев экономики) стабильного рыночного хозяйства, не ждущего сколько-нибудь значительных качественных перемен ...

economics есть наиболее адекватная парадигма научных исследований»⁶⁰⁰.

По нашему мнению, достаточно полно оценить социальный капитал на уровне общества и частных субъектов в Беларуси можно через, во-первых, рассмотрение децильного коэффициента и кривой Лоренца, во-вторых, через степень государственного (прежде всего, налогового) регулирования хозяйственной деятельности и, в третьих, через продукционный эффект от данной формы капитала.

В настоящее время децильный коэффициент в Республике Беларусь находится в оптимальных (с точки зрения продукционной капитализации социального капитала) пределах от 5 до 6.

Напомним, что кривая Лоренца, отражающая состояние и динамику неравенства в распределении совокупного денежного дохода по семьям (см. рис. 14.1), состоит из кривой фактического распределения совокупного дохода населения, которая занимает промежуточное положение между гипотетическими кривыми абсолютного равенства и абсолютного неравенства (весь доход находится в распоряжении одного человека).

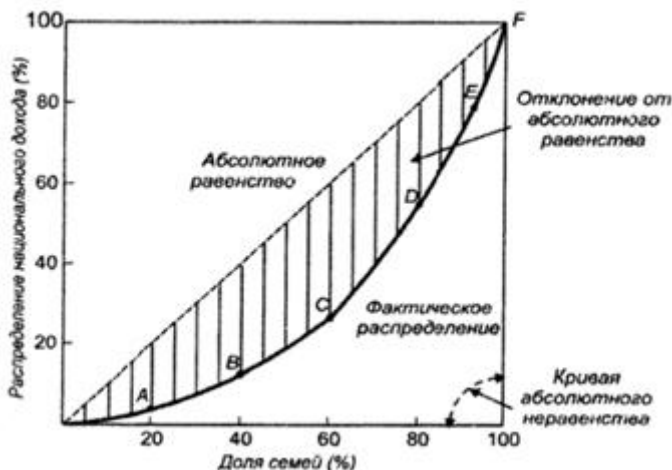

Рисунок 14.1 – Кривая Лоренца для США, 1990-е гг.

Источник: 148, с.401-402; 179, с.363-364.

⁶⁰⁰ Бузалгин А., Колганов А. К критике economics // Вопросы экономики. – 1998. - № 6. – С. 90.

Сама кривая Лоренца построена на основе диверсификации населения США на пять групп получателей доходов, каждая из которых включает 20% населения (квнтилей), выделенных статистикой США в 1992/93 годах: от менее чем 12664 долл/год (1-й квинтиль) до 52800 долл/год (5-й квинтиль)⁶⁰¹. Построение этой кривой служит основой для исчисления важнейшего современного показателя оценки степени социальной напряженности в данном государстве - коэффициента Джини: закрашенная область на рис. 1.1 отображает отклонение от состояния абсолютного равенства. Коэффициент Джини в два раза превосходит закрашенную область на графике. При полном равенстве в обществе он равен нулю, при абсолютном неравенстве - единице. По международной статистике считается, что социальная стабильность в обществе подвергается угрозе, когда коэффициент Джини превышает 0,4⁶⁰². По данным Госкомстата минимальное значение коэффициента Джини в СССР было достигнуто в 1990 году - 0,22⁶⁰³. В Украине, по подсчетам Института экономического прогнозирования, в конце 90-х годов (1998 год) коэффициент Джини достиг угрожающей отметки 0,74⁶⁰⁴, а в России, по расчетам А. Чеботарева, превысил запредельную величину 0,80 (2001 год)⁶⁰⁵. Для сравнения: в конце 90-х годов коэффициент Джини в странах Западной Европы составлял приблизительно 0,30, в США - 0,478, в Мексике - 0,503⁶⁰⁶. Сегодня в Республике Беларусь названный коэффициент существенно ниже 0,40. Таким образом, по критерию децильного коэффициента и коэффициента Джини Республика Беларусь обладает благоприятными условиями для накопления социального капитала на уровне общества.

⁶⁰¹ Самуэльсон П. А., Нордхаус В. Д. Экономика. - М.: БИНОМ, Лаборатория базовых знаний, 1997. - С. 400.

⁶⁰² Соболевская А. Роль заработной платы в рыночной экономике // Мировая экономика и международные отношения. - 2002. - № 12. - С. 52.

⁶⁰³ Ордин О. Неравенство и экономический рост. Подходит ли кривая Кузнеця для российской экономики // www.finansy.ru/publ/pmacro003.htm

⁶⁰⁴ Трансформація моделі економіки України (ідеологія, протиріччя, перспективи). Інститут економічного прогнозування: за ред. Академіка НАН України В.М. Гейця. - К.: Логос, 1999. - С. 448.

⁶⁰⁵ Чеботарев А. Распределение Парето как результат компьютерной реконструкции статистики авторынка России // Экономист. - 2003. - № 7. - С. 9.

⁶⁰⁶ Соболевская А. Роль заработной платы в рыночной экономике // Мировая экономика и международные отношения. - 2002. - № 12. - С. 51-52.

Как результат последовательного накопления социального капитала на уровне общества продукционный эффект от него в стране достаточно велик. В научной литературе высказывается аргументированное мнение, что «в последние годы весь прирост ВВП в Республике Беларусь происходит за счет интенсивных факторов (50% прироста ВВП было достигнуто за счет деятельности государственных органов социально-экономического управления, 30% - за счет вклада гуманитарных наук, а 20% - за счет вклада естественных и технических наук)⁶⁰⁷».

Вместе с тем, в Республике Беларусь, по мнению автора, сегодня наблюдается тенденция к присвоению социального капитала на уровне общества классом государственных управленцев, которые в своих эгональных социально-групповых интересах, во-первых, снижают возможную продукционную отдачу от накопленного социального потенциала на уровне общества (напомним, что, как нами уже отмечалось ранее, по условиям, необходимым для успешного формирования социального капитала на уровне общества в Республике Беларусь, имеется ряд преимуществ по сравнению практически со всеми постсоветскими странами) и существенно понижают тот продукционный и идеологический эффект, которому способствует деятельность Президента А. Г. Лукашенко. Это, в частности, воплощается в крайне высокой налоговой нагрузке в Республике Беларусь. Такая ситуация способствует формированию экономических институтов, определяющих не рыночный, а раздаточный характер хозяйственной системы. Последнее, в свою очередь, приводит к неоптимальному снижению социального капитала, накапливаемого всеми агрегированными социально-экономическими субъектами, за исключением государственных управленцев.

⁶⁰⁷ Никитенко П. Г., Солодовников С. Ю. Инновационное социально-экономическое развитие Республики Беларусь и перспективы белорусско-молдавского сотрудничества // Беларусь – Молдова: 15 лет дипломатических отношений. Международная научно-практическая конференция (Кишинев, 16 ноября, 2007г.). Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы, Посольство Республики Беларусь в Молдове. - Кишинев: Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы, 2007. – С. 123.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня от того будет ли быстро и последовательно проведена политика модернизации отечественной экономики во многом зависит не только дальнейший устойчивый экономический рост, но и само существование независимой, процветающей Беларуси. Вместе с тем без учета нарастания новых глобальных социально-экономических, экологических и геополитических противоречий выработать верную внешнеэкономическую стратегию развития нашей страны невозможно. В свою очередь названные противоречия, во многом обуславливаются принципиально новыми формами и средствами классовой борьбы в постиндустриальных обществах. Усиление социально-классовой дифференциации в экономических развитых государствах, стремление смягчить вызываемые этим противоречия за счет стран с транзитивной экономикой – вот та реальность, которую нельзя не учитывать.

Эта книга, посвященная классовой борьбе в постиндустриальном обществе, не дает ответы на все вопросы, которые могут возникнуть у просвещенного читателя о формах, направлениях и движущих силах социально-классовой эволюции в странах золотого миллиарда. Проблема изучения классовых конфликтов в пострыночных экономиках совсем недавно попала в поле зрения ученых-гуманитариев и поэтому представляет сегодня «белое пятно» в науке об обществе. Прочитанная книга, по моему замыслу, будет способствовать развитию гносеологических основ изучения постиндустриального общества за счет разработки методологии и теории эволюции его социально-классовой структуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

50 лет ленинского плана ГОЭЛРО: Сборник материалов. - М.: Энергия, 1970.

Amara R., Lipinski A. Business planning for an uncertain; Contemporary social problems. New York: Columbia univ. press. 1976.

Baron, S., J. Field, and T. Schuller (eds.). Social Capital: Critical Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Becker, G. The Human Capital. Chicago: University of Chicago Press, 1964; *Schultz, T.W. Capital Formation by Education, Journal of Political Economy (December 1960).* Vol. 68.

Blau P. M. Parameters of Social Structure // American Sociological Review. Vol. 39. 1974. - №5.

Bourdieu P. Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J.G. Richardson. – N. Y. - 1983.

Bourdieu P. Forms of Capital.

Bourdieu P. Le Sens pratique. - Paris: Ed de Minut, 1980. - P. 88-89.

Coleman, J. Social Capital in the Creation of Human Capital, American Journal of Sociology. Vol. 94. Supplement.

Dahrendorf R. Class and class conflict in industrial society. - N.Y., 1959.

Djilas M. The New Class: An Analysis of the Communist System. - London: Ithames and Hudson. – 1957.

Handbook of futures research/ Ed. by J. Fowles.- New York: Plenum press, 1978.

Inkels A. A social structure and mobility in the Soviet Union. 1940-1950 // Social Stratification / Ed. by New York, 1974.

Kahn H. Wiener A. The year 2000: A framework for speculations on the next 33 years.- New York: Morrow & Co, Inc., 1967.

Kahn H. World economic development: 1979 and beyond.- New York: Acad. Press, 1979;

Kraus I. Stratification, Class, and Conflict. N. Y.

Lin, N. Social Capital: A Theory of Social Structure an Action. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

Mesarovic M., Pestel E. Mankind at the turning point: The second report to the Club of Rome.- New York: Acad/ Press, 1974.

- Putnam, R. *Who Killed Civic America?* Prospect, March 1996.
- Scriptores Historiae Augustae. - *Вестник древней истории*, 1958, №4.
- The Delphi method: Techniques and applications* / Ed. by H. Linstone.-L., 1975.
- The Essence of Hayek*. Stanford, 1984. - цитируется по: Новикова И. В. *Глобализация как императив экономических реформ*// *Белорусский экономический журнал*. - №3. – 1999.
- Veblen T. *Theory of the Leisure class*. N.-Y. 1899.
- Weber M. *The theory of social and economic organization*. New York: Academic press, 1947.
- Алехин А. Б. *Экономическая теория жизнедеятельности человека: основные понятия и гипотезы*. - Одесса: ИПРЭЭИ АН Украины, 1993.
- Аникевич А. Г. *Политическая власть: вопросы методологии исследования*. - Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986.
- Ансар П. *Современная социология* // *Социологические исследования*. - 1996. - №1.
- Антонян Ю. М., Пахомов В. Д. *Организованная преступность и борьба с ней*. // *Советское государство и право*. - 1989. - №7.
- Аристотель. *Политика* // *Антология мировой философии*. В 4-х томах. - М.: Мысль, 1969. - Т.1. - Ч.1.
- Артюхин М. И., Иванов В. Ф. и др. *Развитие науки в Беларуси: Статистический сборник*. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2003.
- Афанасьев В. Н. *Диалектика собственности: логика экономической формы*. - Л.: ЛГУ, 1991. – 226 с.
- Барулин В. С. *Социальная жизнь общества*. - М.: Изд-во МГУ, 1987.
- Беккер Г. *Человеческий капитал (главы из книги)* // *США: экономика, политика, идеология*. – 1993. - № 11. - С. 107-119; № 12.
- Бектурганов К. *Социальные аспекты управления агропромышленным комплексом в свете решений XXVI съезда партии и майского Пленума ЦК КПСС* // *Научный коммунизм*. - 1982. - №6.
- Белокуров О. В. *Организованная преступность: история развития и формы проявления*. // *Вестник Московского университета*. Сер.11, Право. - 1992. - №4.

Белых А. К. Социальная организация социалистического общества как объект управления // Вестник ЛГУ. Серия Экономика. Философия. Право. - 1967. - №11. - Вып.2.

Белых А. К., Алексеев В. М. Социальная система социализма как объект политики.// Пути формирования бесклассовой структуры социалистического общества. - Л., 1987.

Бессонова О. Э., Кирдина С. Г., О'Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996.

Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. - Мн.: МФЦП, 2002.

Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II - 1894-1917гг. в цифрах и фактах. - Мн.: Польшмя, 1991.

Бузалин А., Колганов А. К критике *econometrics* // Вопросы экономики. - 1998. - № 6.

Бузгалин А. Закономерности переходной экономики: теория и методология // Вопросы экономики. - 1995. - №2. - С.40.

Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. - М.: Издательство иностранная литература, 1962.

Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» / Бурдые П. Социология политики. - М.: Socio-Logos, 1993.

Бурдые П. Социология политики. -М.: Socio - Logos, 1993.

Васюченко Л. П., Гаврилюк В. В., Забелова И. В. и др. Характер, структура и факторы формирования экономических отношений. - Мн.: Наука и техника, 1992.

Васюченко Л. П. Интересы рабочего класса: тупики и перспективы развития. -Мн.: Наука и техника, 1993.

Вебер А. Чиновник // Социологические исследования. - 1988. - №6.

Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. - 1994. - №5.

Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. - М. Прогресс, 1990.

Веблен Т. Теория праздного класса. - М.: Прогресс, 1984.

Верховий В. И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа // Социс. - 1994. - № 10.

Верхотуров Д. Н. Сталин. Экономическая революция. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.

Визер Ф. Теория общественного хозяйства // Австрийская школа в политэкономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. - М.: Экономика, 1992.

Волков Ю. Е. Методологическое значение материалов XXVI съезда КПСС для понимания природы социальных процессов. // Научный коммунизм. - 1981. - №4.

Восленский М. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза - London: Overseas Publications. Interchange Ltd. – 1985.

Вятр Е. Социология политических отношений. - М.: Прогресс, 1979.

Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет. В 2-х томах. - М.: Мысль, 1971. - Т. 2.

Герасимов Н. В. Общественные фонды потребления: необходимость, сущность, направления развития. - Мн.: Наука и техника, 1978.

Герасимов Н. В. Отчет отдела закономерностей развития производственных отношений социализма Института экономики АН БССР за 1988 год (рукопись). - Мн., 1988.

Герасимов Н. В. Экономическая система общества: генезис, структура, развитие. - Мн.: Наука и техника, 1991.

Геродиан. История императорской власти после Марка, кн.7. // Вестник древней истории, 1973, №1, VIII.

Гобс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного или гражданского. // Антология мировой философии. В 4-х томах. - М.: Мысль, 1969. - Т.2.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. - М. Танаис ДИ-ДИК, 1994.

Гуров А. И. Воры в законе на воле и в “зоне”. // На боевом посту. - 1989. - №10.

Гуров А. И. Организованная преступность и методы борьбы с ней. - М.: Правление всесоюзного общества “Знание”, Консультационный центр, 1989.

Джавадов Г. А. Структура социалистических производственных отношений. - М.: Изд-во МГУ, 1969.

Дискин И. Е. Предисловие к статье Дж.Коумана «Капитал социальный и человеческий» // Общественные науки и современность. - 2001 - №3.

Дискин И. Е. Хозяйственная система России: проблемы институционального генезиса // *Общественные науки и современность*. - 1998. - №4.

Доватур А. И. Историк Геродиан. - *Вестник древней истории*, 1972, №1.

Доватур А. И. История изучения «*Scriptores Historiae Augustae*». - *Вестник древней истории*, 1957, №1.

Доватур А. И. Обзор новейших работ по «Истории Геродиана». - *Вестник древней истории*, 1975, №1.

Дубанов А. П. Собственность и экономические цели. - *Новосибирск: Наука*, 1990. - 339 с.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. - М.: Канон, 1995.

Забрянский Г. И. Преступность, как отражение социальной действительности. // *Вестник Московского университета. Сер. II. Право*. 1990. - №3.

Заславская Т. Н., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни. Очерки теории. - *Новосибирск: Наука*, 1991.

Здравомыслов А. Г. Категория интересов в работах Маркса 1842-1846 годов. - М.: Политиздат, 1979. – 220 с.

Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. - Л.: ЛГУ, 1964. – 74 с.

Зеркин Д. П. Объективные законы общественного развития и политика. - М.: Заочная высшая партийная школа при ЦК КПСС, 1982. – 68 с.

Ильин В. В. Социология как фундаментальная наука // *Социологические исследования*. - 1994. - №3.

История советского рабочего класса. / АН СССР, ин-т истории СССР; гл. ред. кол.: С. С. Хромов и др. - М.: Наука, -1984. - Т. 1.

История Франции. - М.: Наука, 1973. - Т.2.

Калугина З. И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. 2-е издание. – *Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН*, 2001.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. - М.: Прогресс, 1987.

Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история: проблемы исторического процесса. - М.: Политиздат, 1981. – 288 с.

Кирдина С. Г. *Институциональные матрицы и развитие России*. - Новосибирск: ИЭи ОПП СО РАН, 2001.

Ковалев С. И. *История Рима*. -Л., 1948.

Коваленко Д. А. *Оборонная промышленность Советской России в 1918 – 1920 годах*. -М.: Наука, 1970.

Козлова Н. Н., Смирнова Н.М. *Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация// Социс. – 1995. - № 11.*

Колганов М. В. *Собственность. Докапиталистические формации*. - М.: Соцэкгиз, 1962.

Коршунов А. Н., Артюхин М. И. и др. *О состоянии и перспективах развития науки в республике Беларусь (по итогам 2003 года)*. - Мн.: ГУ «БелИСА», 2004.

Косолапов Р. И. *Проблемы анализа социальной структуры советского общества // Проблемы мира и социализма. - 1973. - №5.*

Коулман Дж. *Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. - № 3.*

Кравцевич А. И. *Отделяя зерна от плевел. //Япония: мифы и реальность*. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

Кронрод Я. *Социально-экономическая структура социалистического общества и экономические интересы // Экономические науки. -1971. - №11.*

Куликов В. И. / *Криминальный профессионализм как элемент организованной преступной деятельности./ Вестник Московского Университета. Сер. 11. Право. - 1992. - №5.*

Ленин В. И. *О международном и внутреннем положении Советской республики. // Полн. собр. соч. -5-е изд. -М.: Политиздат, -1982. - Т.45.*

Ленин В. И. *О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого. // Полн. собр. соч. -5-е изд. -М.: Политиздат. -1981. - Т.42.*

Леонтьев А. Н. *Потребности, мотивы и эмоции*. - М.: МГУ, 1971.

Лопата П. П. *Сущность и основные особенности социальной политики КПСС в условиях социализма //Проблемы научного коммунизма. - М., 1979. - Вып. 13.*

Лубнев Ю. П., Кравцова Н. И., Лозовой А. М. *Краткий энциклопедический словарь по экономической теории и практике*. - Ростов н/Д.: РГЭА, 1997.

Лычко Б. Т. *Общественные группы как субъекты и объекты политики // Основы социологии: (Курс лекций)*. - Харьков: ХГУ, 1992.

Майминас Е. З., Тамбовцев В. Л., Фонов А. Г. *К методологии обоснования долгосрочных перспектив экономического и социального развития СССР // Экономика и математические методы*. - 1986. - Т. XXII. Вып. 2.

Маркс К. *Капитал*. Том 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.

Маркс К. *Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* - 2-е изд. - М.: Политиздат, 1968. - Т. 46. - Ч. 1.

Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* - 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. - Т. 3.

Маркс К., Энгельс Ф. *Ницета философии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* - 2-е изд. - М.: Политиздат, 1955. - Т. 4.

Маслоу А. *Новые рубежи человеческой природы*. - М.: Смысл, 1999.

Матюгин А. А. *Рабочий класс в СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921-1925)*. - М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Мегрелидзе К. В. *Основные проблемы социологии мышления*. - Тбилиси: Мецниереба, 1973.

Медведев Е. К. *Факторы и механизмы изменения отношений собственности на средства производства // Гаврилюк В. В., Медведев Е. К., Миронова Т. Н. и др. Трансформация отношений собственности: проблемы и перспективы*. - Мн.: ИЭ НАН Беларуси, 2000.

Медведев Е. К. *Категории теории собственности (очерки методологии)*. - Мн.: Право и экономика, 2000.

Михайлов Н. Н. *Социализм и разумные потребности личности*. - М.: Политиздат, 1982.

Мокичев С. В. *Общественная собственность на средства производства: преимущества и закономерности развития*. - Казань: Изд-во КГУ, 1988.

Мокронос Г. В. *Общественное разделение труда и структура общества // Изменение социальной структуры социалистического общества*. - Свердловск, 1965. .

Мокроносов Г. В., Москаленко А. Т. *Методологические проблемы исследования общественных отношений и личности.* - Новосибирск: Наука. 1981. – 295 с.;

Морова А. П. *Социальная политика в сфере трудовых отношений.* - Мн.: ИСПИ, 2000. - 174 с.

Мостовая Е. Б. *Экономическое поведение: анализ и прогноз.* - Новосибирск, 1994.

Народное хозяйство СССР в 1988 г.: Статистический ежегодник / Госкомстат СССР. - М.: Финансы и статистика, 1989.

Население России в XX веке. В 3-х т./ Т.1. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

Никитенко П. Г. *Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П. Г. Никитенко.* – Мн.: Белорус. наука, 2006 г. - 479 с.

Никитенко П. Г., Солодовников С. Ю. *Инновационное социально-экономическое развитие Республики Беларусь и перспективы белорусско-молдавского сотрудничества // Беларусь – Молдова: 15 лет дипломатических отношений. Международная научно-практическая конференция (Кишинев, 16 ноября, 2007г.). Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы, Посольство Республики Беларусь в Молдове.* - Кишинев: Институт истории, государства и права Академии наук Молдовы, 2007.

Николов Л. *Структуры человеческой деятельности.* - М.: Прогресс, 1984.

Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики.* – М.: Фонд экономической книги «Начала» 1997.

Ордин О. *Неравенство и экономический рост. Подходит ли кривая Кузнецца для российской экономики // www.finansy.ru/publ/pmacro003.htm*

Осипов Г. В. *Ведение. Развитие социологической науки в СССР. // Советская социология: в 2-х т. Отв. ред. Т. В. Рябушкин, Г. В. Осипов.* - М., - 1982. - Т.1.

Осипов Ю. М. *Опыт философии хозяйства.* - М.: Изд-во МГУ, 1990.

Осипова О. С. *Социальная стратификация и политика./ Белорус. ин-т инженеров ж.д. транспорта, каф. философии, истории и политологии.* - Гомель, 1993.

Очерки экономических реформ / Ю. Ф. Воробьев, Р. А. Белоусов, С. Н. Петликина и др.; отв. Ред. Воробьев Ю. Ф. // РАН, ин-т экономики, Акад. экон. наук и предпринимательской деятельности России. - М., Наука. 1993.

Плеханов Г. В. Первые фазы учения о классовой борьбе. // Избранные философские произведения. - М., 1956. - Т.2.

Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба // Избранные философские произведения. - М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. - Т.1.

Плеханов Г. В. Первые фазы учения о классовой борьбе // Избранные философские произведения. - М.: Госиздат, 1956. - Т.2.

Подгайский А. Л. Взаимодействие политической организации обществ и экономической системы: Дис. канд. экон. наук: 08.00.01. - Мн., 1993. - 152 с.

Подлеских Г. Ю., Терешонок А. Я. Воры в законе: бросок к власти. - М.: Худож. лит., 1994.

Политическая система современности / Отв. ред. Ф. М. Бурлацкий, Г. Н. Манов. - М.: Наука. 1978.

Поманский А. Б., Трофимов Г. Ю., Сүй Чженцин. Структурное разнообразие моделей и проблем управления. - М.: ЦЭМИ АН СССР, 1990.

Прудон П. Ж. Что такое собственность? Или исследование о принципе права и власти. - М.: Республика, 1996.

Радаев В. В. Закономерности и альтернативы переходной экономики // Российский экономический журнал. - 1995. - №9.

Радаев В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике / Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. Сост. и научн. ред. В. В. Радаев. - М.: РОССПЭН, 2002.

Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. - 2002. - №2.

Радаев В. В. Хозяйственный мир России: советское общество // Российский экономический журнал. - 1996. - №4.

Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. Учеб. пособие для вузов. - М.: АспектПресс, 1996.

Реформирование России: мифы и реальность (1989-1994). Авторы-составители: Г. В. Осипов, В. Н. Иванов, В. В. Локосов и др./

Ин-т социал.-полит. исслед. РАН. - М.: Ред.-изд. фирма Academia, 1994.

Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики. В 2-х томах. - М.: МП «ЭКОНОВ», 1993. - Т.1.

Руткевич М. Н. Становление социальной однородности. - М.: Политиздат, 1982.

Самуэльсон П. А., Нордхаус В. Д. Экономика. - М.: БИНОМ, Лаборатория базовых знаний, 1997. - С. 400.

Седов Е. А. Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем. // Общественные науки и современность. - 1993.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. - М.: Прогресс, 1968.

Селунская В. М. Социальная структура советского общества: История и современность. - М.: Политиздат, 1987.

Симонов П. В., Еришов П. М. Темперамент. Характер. Личность. - М.: Наука, 1984.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики. В 2-х томах. - М.: МП «ЭКОНОВ», 1993. - Т.1.

Соболевская А. Роль заработной платы в рыночной экономике // Мировая экономика и международные отношения. - 2002. - № 12.

Современная западная социология. - 1990.

Солодкова С. В. Система производственных отношений социализма (Вопросы теории). - М.: Мысль, 1977. - 295 с.

Солодовников С. Ю. Влияние экономических интересов социально-классовых субъектов на динамику развития предпринимательства в постсоветском обществе // Предпринимательство: проблемы и перспективы: Тезисы докл. науч.-практ. конф. Минск, 16 апр. 1999 г. - Минск: БГЭУ, 1999.

Солодовников С. Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки). - Мн.: Право и экономика.

Солодовников С. Ю. Социальный капитал Республики Беларусь // Демографическая ситуация, человеческий и социальный капитал Республики Беларусь: системный анализ и оценка / С. Ю. Солодовников и др. - Минск: Белорус. наука, 2008.

Солодовников С. Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика. - Мн.: ИООО «Право и экономика», 2003. – 274 с.

Солодовников С. Ю. Экономическая обусловленность эволюции социально-классовой структуры общества переходного периода. - Мн.: БГЭУ, 1999.

Солодовников С. Ю., Кузьмицкая Т. В., Раков А. А. и др. Демографический потенциал, человеческий и социальный капитал в условиях глобализации. – Минск: Право и экономика, 2006.

Сорокин П. А. Система социологии. - Пб., 1920. - Т. 2.

Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке // Антология мировой философии. В 4-х томах. - М.: Мысль, 1970. - Т.2.

Старк Д. Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма // Вопросы экономики. - 1996. - №6.

Степин В. С. Культура // Всемирная энциклопедия: философия / Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001.

Суханов И. В. Обычаи, традиции и приемственность поколений. - М., 1976.

Тамбовцев В. Л. Институциональные изменения в российской экономике // Общественные науки и современность. - 1999. - № 4.

Тамбовцев В. Л. Экономическая политика для российской экономики // Общество и экономика. - 1996. - № 5.

Тарасенко А. А. Общественные интересы и личность. - Мн.: Наука и техника, 1980. – 151 с.

Тараткевич М. В. Человек. Среда. Потребности: диалектика формирования разумных потребностей. - Мн.: Беларусь, 1980. – 271 с.

Темашевич В. Н. и др. Наука и новации в Республике Беларусь. 2003: Статистический сборник. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2004.

Трансформація моделі економіки України (ідеологія, протиріччя, перспективи). Інститут економічного прогнозування: за ред. Академіка НАН України В.М. Гейця. – К.: Логос, 1999.

Тугаринов Л. П. Соотношение категорий исторического материализма. - Л., 1958.

Тумасов А. К., Щербина В. Д. О характере противоречий общенародных и коллективных экономических интересов при социализме

// *Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права.* - 1974. - Вып. 4. - №23.

Фейербах Л. *Этика // Антология мировой философии. В 4-х томах.* М.: Мысль, 1971. - Т.3.

Фелингер А. Ф. *Статистические алгоритмы в социологических исследованиях.* - Новосибирск: Наука, 1985. - С.152; Фототов А. Г. *Ресурсный потенциал: планирование, управление.* - М.: Экономика, 1985.

Фофанов В. П. *Социальная деятельность как система.* - Новосибирск: Наука, 1981. - 304 с.; Бернацкий В. О. *Интерес: познавательная и практическая функции.* - Томск: Издательство Томского университета, 1984. - 168 с.

Хайек Ф. *Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма.* - М.: Новости, 1992.

Ханипов А. Т. *Интересы как форма общественных отношений.* - Новосибирск: Наука, 1987. - 183 с.

Хохряков Г. Ф. *Наказание лишением свободы. // Социологические исследования,* 1989, №2.

Чеботарев А. *Распределение Парето как результат компьютерной реконструкции статистики авторынга России // Экономист.* - 2003. - № 7.

Черняк В. К. *Структура экономического развития.* - Киев: Наука, 1981.

Чичинскас Й. Й. *Собственность в системе экономических отношений социализма.* - М.: Экономика, 1986.

Шибалкин О. Ю. *Проблемы и методы построения сценариев социально-экономического развития./ РАН, ин-т народнохозяйственного прогнозирования.* -М.: Наука, - 1992.

Штаерман Е. М. *«Scriptores Historiae Augustae» как исторический источник.* - *Вестник древней истории,* 1957, №1.

Шумпетер Й. *Теории экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры.* - М.: Прогресс, 1982. - 455 с.

Шупыро В. М. *Преобразование государственной собственности в период экономических реформ.* - М.: Изд. Дом «Инфрo-М», 1997.

Щербак Ф. Н. *Стимулы трудовой деятельности: методологические аспекты.* - Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.

Экономическая теория. Учебник. /Под ред. А.Г.Грязновой, Т.В. Чечелевой. - М.: Экзамен, 2004.

Эрхард Л. Благосостояние для всех. - М.: Начала-Пресс, 1991.

Ядов В. А. Настоящее и будущее теоретической социологии в России // Социс. - 1995. - №11.

Яacobсон Л. И. Экономика общественного сектора. - М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 31-32.

Ясин Е. Г. О проблемах согласования компонентов хозяйственного механизма // Экономика и мат. методы. 1982. Т. XVIII, Вып. 3.

Ясин Е. Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа. - М.: Экономика, 1989.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

<u>Социальный класс</u>	- кумулятивная, нормальная, полузакрытая, но с приближением к открытой, связанная положительной социально-классовой комплиментарностью группа, составленная из кумуляции трех основных группировок: 1) профессиональной; 2) имущественной; 3) правовой.*
<u>Класс-слой</u>	- общность, отличающаяся от социального класса отсутствием положительной комплиментарности. Степень общности индивидов, составляющих класс-слой, уровень осознания ими своих общих потребностей и интересов (прежде всего экономических), степень их сплоченности и организованности ниже, чем у представителей социального класса.
<u>Дистрахо-класс</u>	- класс в процессе усиления автономизации его внутриклассовых групп ведущих в перспективе к его распаду на несколько новых социальных классов. Вышеупомянутая общность характеризуется еще меньшей возможностью для совместных действий, чем класс-слой; единая идеологическая позиция у составляющих его субъектов отсутствует.
<u>Эмбриональный (синкретичный) социальный класс</u>	- социально-классовая группа, входящая в дистрахо-класс, в процессе ее превращения в собственно социальный класс. Синкретичный класс отличается слитностью, нерасчлененностью в связи с первоначальной неразвитостью состояния.
<u>Социальный класс-сословие</u>	- полузакрытая группа, с приближением к закрытой; доступ в которую ограничен, в том числе обычаями и традициями, и представители которой обладают передаваемыми по наследству правами и обязанностями.

Рисунок 4.1 – Стадии развития социальных классов

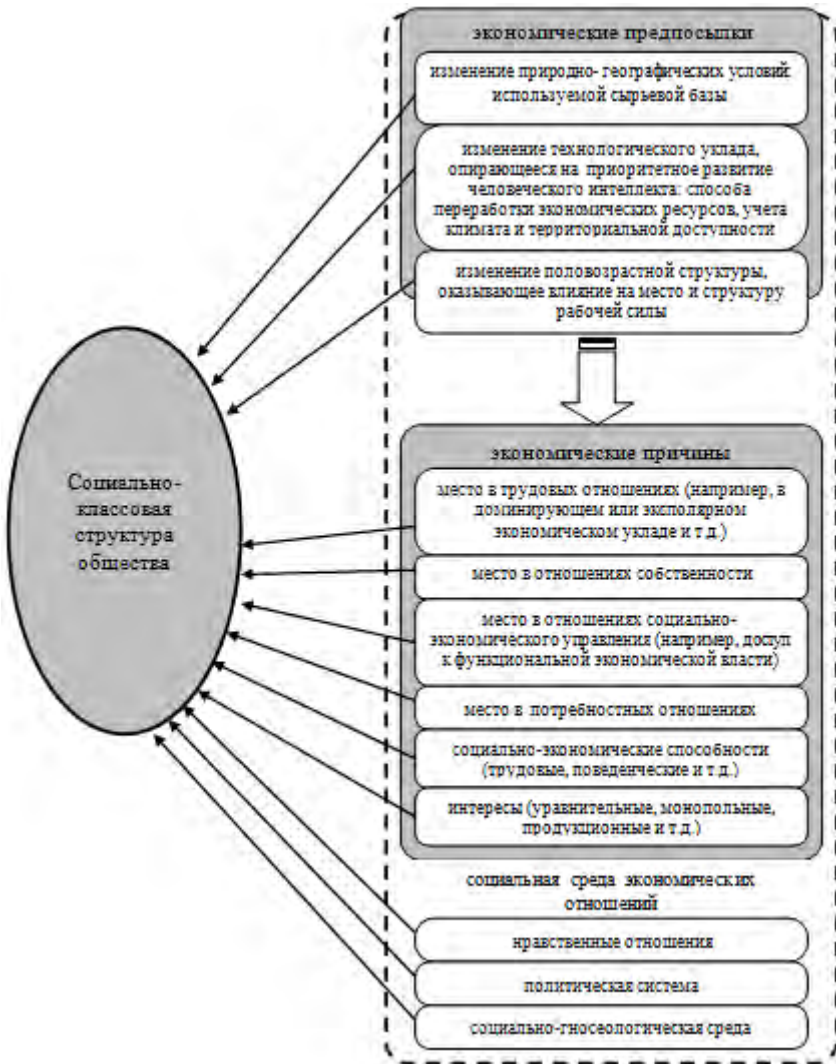

Рисунок 5.1 - Принципы действия социально-экономических факторов, обуславливающих существование и эволюцию социально-классовой структуры

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА	СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА	
Изменения в трудовых отношениях	<p>субъектный статус в профессиональной структуре, способе и методах привлечения к труду и т.п.</p>	<p>-изменения в соотношении социально-классовых сил -изменения в характере зависимости</p>
Изменения в отношениях собственности	<p>субъектный статус в имущественной структуре</p>	<p>-изменения экономических интересов -изменения в доходах -изменения в количестве находящихся в распоряжении экономических ресурсов -изменение в удовлетворении материальных потребностей</p>
Изменение в отношениях социально-экономического определения	<p>субъектный статус во властной структуре: формирования разной взаимозависимости, односторонней зависимости и независимости; социально-экономической субординации и экономической власти; господства и подчинения эксплуатации; сотрудничества, взаимодействия и т.д.</p>	<p>-изменение социальных ролей групповых идентификаций -изменения социальной мобильности</p>
Изменение в потребностных отношениях	<p>субъектный уровень потребления</p>	<p>-изменения в способах и методах разрешения социальных классовых противоречий и т.д.</p>

Рисунок 5.2 - Механизм экономической обусловленности трансформации социально-классовой структуры общества

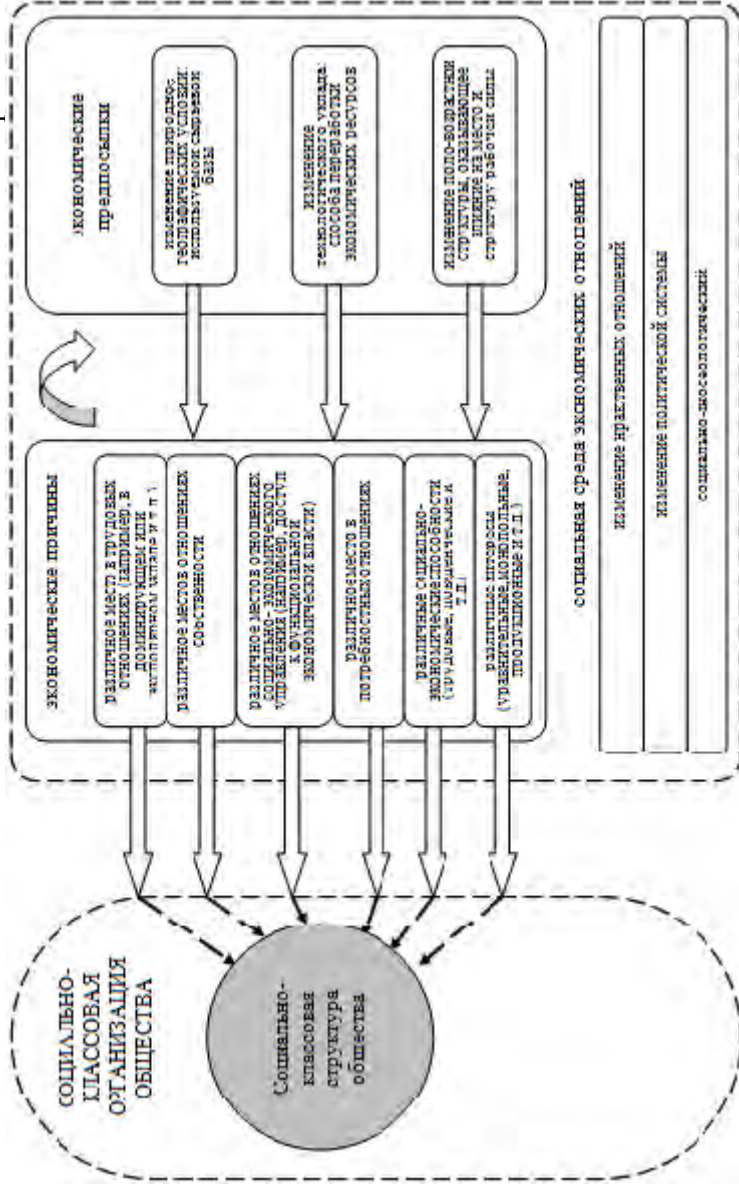

Рисунок 5.3 - Механизм действия социально-экономических факторов, обуславливающих существование и эволюцию социально-классовой структуры

Научное издание

СОЛОДОВНИКОВ Сергей Юрьевич

**КЛАССЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА
В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Подписано в печать 11.12.2014. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 21,97. Уч.-изд. л. 17,18. Тираж 100. Заказ 964.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/173 от 12.02.2014. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.